Вопросы момента.

БИБЛІОТЕК
ХУДОЖЕСТВЕННАГО

Сборникъ статей:

Маслова, Громана, Череванина, Гейликмана, Гилина, Боголѣпова, Ленскаго, Валентинова, Л—га, Звѣздича, Лагарделля.

Москва.—1906.

ВОПРОСЫ МОМЕНТА.

Партія конституціонныхъ демократовъ и ихъ аграрная программа.—О пониманіи современнаго момента.—Объединительный Съѣздъ Россійской Соціалъ-Демократической Рабочей Партіи.—1-ое мая въ Россіи и заграницей.—Народъ и Дума.—На границѣ краха.—Наша аграрная программа и ея критики.—Нѣкоторые итоги избирательной кампаніи.—Безработные.—Реформа избирательнаго права въ Австріи.—Революціонный синдикализмъ во Франціи.

Типографія торговаго дома А. Печковскій, П. Буланже и К°.
Москва, Пантелеевскій пер., собствен. домъ, № 53.
1906.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
*П. Маслов*ъ. Партія конституціонныхъ демократовъ и ихъ аграрная программа	1
*Вл. Громан*ъ. О пониманіи современнаго момента . .	14
*Череванин*ъ. Объединительный Съѣздъ Россійской Соц.-Демокр. Рабоч. Партіи	40
*Гейликман*ъ. 1-е мая въ Россіи и заграницей	61
*Н. Гилин*ъ. Народъ и Дума	77
*М. Богослов*ъ. На границѣ краха	92
*Н. Валентинов*ъ. Аграрная программа и ея критики .	109
Ленскій. Нѣкоторые итоги избирательной кампаніи .	129
*** Безработные	162
*П. Звѣздич*ъ. Реформа избирательнаго права въ Австріи	173
Лагарделль. Революціонный синдикализмъ во Франціи.	206

Партія конституціонныхъ демократовъ и ихъ аграрная программа.

Наканунѣ созыва государственной думы, предвидя свое численное преобладаніе въ думѣ надъ другими партіями, на порогѣ у власти или, во всякомъ случаѣ, съ надеждою быть въ ближайшемъ будущемъ у власти, конституціонные демократы собрались на съѣздъ. Здѣсь они рѣшали коренные вопросы русской жизни и, въ томъ числѣ, аграрный вопросъ.

Сами кадеты, повидимому, очень довольны результатами своего съѣзда. По крайней мѣрѣ такъ они пишутъ. Хотя партія еще не столкнулась съ жизнью, хотя ей еще не попала въ руки власть, на которую разсчитываютъ ея вожди и которая покажетъ истинную природу партіи, хотя ея положеніе, какъ партіи оппозиціонной, пока сплачиваетъ разношерстный составъ ея членовъ, тѣмъ не менѣе съѣздъ далъ возможность нѣкоторымъ пылкимъ кадетамъ уже говорить объ отсутствіи классовыхъ интересовъ гг. землевладѣльцевъ—кадетовъ.

Широта того базиса, который,—вопреки укоренившимся привычкамъ и воззрѣніямъ нашихъ активныхъ интеллигентныхъ круговъ,—организаторы к.-д. партіи приняли за основу для будущаго зданія первой открытой русской политической партіи, уже сама по себѣ породила къ нѣй весьма скептическое отношеніе: въ ней склонны были видѣть временный союзъ, „блокъ“ довольно разнородныхъ элементовъ, которые неизбѣжно разойдутся въ разныя стороны, какъ только передъ партіей встанутъ уже не политическіе только, а и соціальные вопросы и, прежде всего, вопросъ земельный, или аграрный. Вѣдь, въ партіи,—казалось многимъ,—такъ

сильно представлены землевладѣльческіе элементы, которые никакъ не смогутъ отрѣшиться отъ своихъ классовыхъ интересовъ и пойти на радикальное рѣшеніе земельнаго вопроса! Къ тому же и на партійныхъ съѣздахъ, и въ партійной печати обнаруживались, повидимому, рѣзко различные взгляды и теченія въ данной сферѣ...

Однако, дѣйствительность совершенно не оправдала того скептицизма, который,—нужно сознаться,—былъ иногда не чуждъ и членамъ самой к.-д. партіи. Вмѣсто раскола и расхожденія, каждый новый съѣздъ представлялъ картину все большаго единства, большей цѣльности и большей опредѣленности того политическаго тѣла, въ которое быстро развилась недавно еще малочисленная и малосплоченная группа „конституціоналистовъ-демократовъ“.

Аграрный вопросъ, по мнѣнію кадетовъ, партія разрѣшила великолѣпно. Проэктъ аграрной программы, по словамъ юношески восторженнаго Н. Черненкова, „во всякомъ случаѣ, представляетъ такого рода „декларацію“ партіи по аграрному вопросу, которая не оставляетъ больше мѣста сомнѣніямъ относительно позиціи, занимаемой партіей въ этомъ важнѣйшемъ съ „народной“ точки зрѣнія вопросѣ; она дѣлаетъ окончательно „партію народной свободы“ не только, народной партіей свободы, какой ее сдѣлали выборы, но и „народной партіей“ въ болѣе глубокомъ смыслѣ,—въ смыслѣ соотвѣтствія ея требованій требованіямъ народныхъ „крестьянскихъ“ массъ по наиболѣе насущному для нихъ вопросу—вопросу о землѣ“.

Странно только одно, что представители „народа“ въ думѣ, крестьяне и рабочіе, очевидно, по невѣжеству и неразумію не очень довѣряютъ „народной декларації“ и никакъ не хотятъ вступать въ партію кадетовъ и подумываютъ о своей „декларації“.

Повѣримъ пока на слово почтеннымъ землевладѣльцамъ и ихъ вѣрнымъ союзникамъ, что у нихъ отсутствуютъ классовые интересы и объективно разсмотримъ „внѣ классовую“ аграрную программу.

Несомнѣнно, центральнымъ пунктомъ программы является требованіе принудительнаго отчужденія земель удѣльныхъ, кабинетскихъ, церковныхъ, монастырскихъ и части земель крупныхъ частныхъ землевладѣльцевъ—(за выкупъ по спра-

ведливой оцѣнкѣ, соотвѣтствующей доходности земли при собственной обработкѣ) и образованіе изъ этихъ земель государственнаго земельнаго фонда для дополнительнаго надѣленія крестьянъ. Мы впослѣдствіи откроемъ приведенныя выше скобки, въ которыхъ содержится весьма цѣнное для гг. землевладѣльцевъ содержаніе, полностью окупающее ихъ аффишируемый альтруизмъ, а теперь посмотримъ, что заключается внѣ скобокъ.

„Для каждой мѣстности (губерніи, района, уѣзда или части его) долженъ быть установленъ нормальный размѣръ земельнаго обезпеченія, до котораго въ предѣлахъ имѣющагося земельнаго фонда и возможныхъ добровольныхъ выселеній должно быть доводимо землепользованіе сельскаго населенія. Принципіально является желательнымъ доведеніе размѣровъ обезпеченія до потребительной нормы, т. е. до такого количества земли, которое,—по мѣстнымъ условіямъ и принимая въ разсчетъ прочные промысловые доходы, гдѣ таковые существуютъ,—было бы достаточно для покрытія среднихъ потребностей въ продовольствіи, одеждѣ и для несенія повинностей“.

Когда идетъ вопросъ объ расширеніи землепользованія крестьянъ и когда рѣшенъ вопросъ о принудительномъ отчужденіи крупнаго землевладѣнія, тогда, казалось бы, странно говорить о „потребительныхъ нормахъ“, если не смотрѣть на крестьянство, какъ сельскіе хозяева смотрятъ на скотъ, для котораго можно выработать „потребительную норму“. Въ самомъ дѣлѣ, пусть господа кадеты изъ землевладѣльцевъ или гг. статистики, которые по плану кадетовъ будутъ вырабатывать потребительныя нормы, попытаются *для себя* выработать такую норму. Окажется, что эта „норма“ въ значительной степени зависитъ отъ потребительной „нормы“ крестьянъ: чѣмъ ниже потребительная „норма“ крестьянъ, тѣмъ выше (при данныхъ экономическихъ и техническихъ условіяхъ) норма гг. землевладѣльцевъ. Всякій понимаетъ, что крестьянство стремится улучшить свое положеніе, повысить свою „потребительную норму“ и сократить потребительную норму землевладѣльцевъ. Понятно также, что предѣлъ этому стремленію ставится прежде всего размѣрами земельнаго фонда, доступнаго для отчужденія.

Допустимъ, что произошла конфискація всего крупнаго

землевладѣнія и пониженіе „потребительной нормы“ гг. землевладѣльцевъ дошло до уровня потребительной нормы середняковъ крестьянъ, а у послѣднихъ поднялось до того, что каждый изъ нихъ сталъ выписывать газеты. Должны ли входить эти газеты въ „потребительную норму“ крестьянъ? Вѣдь чѣмъ выше эта „норма“, тѣмъ это желательнѣе, „нормальнѣе“. Очевидно, что если исходить изъ человѣческой, а не скотской нормы, то ею нельзя ограничить расширеніе крестьянскаго землепользованія, а слѣдовательно, и размѣры подлежащихъ отчужденію земель. Очевидно также, что кадеты, говоря о потребительной нормѣ, надѣются ею ограничить размѣры отчуждаемыхъ земель, такъ какъ въ противномъ случаѣ не имѣли бы смысла и эти нормы, а просто говорилось бы о конфискаціи всего крупнаго землевладѣнія...

Впрочемъ въ цитированномъ выше пунктѣ проекта аграрной реформы ясно сказано, какого рода потребительныя нормы имѣютъ въ виду гг. кадеты, „представители истинно народной партіи“: „среднія потребности въ продовольствіи, одеждѣ и для несенія повинностей“. Особенно цѣнна и дорога для крестьянъ послѣдняя потребность „несеніе повинностей“. „Народная партія“ этой „потребностью“ поставила рѣзкую границу между продовольственной нормой для скота въ своихъ имѣніяхъ и продовольственной нормой крестьянъ: первыя двѣ потребности (продовольствіе, а одежда имѣется въ „натурѣ“) существуютъ у всякой твари, а повинности составляютъ необходимую часть нормы только у „человѣковъ“...

Итакъ, нужно надѣяться, что найдутся статистики, которые разыщутъ норму и не все крупное землевладѣніе пострадаетъ. Питать эту надежду есть тѣмъ болѣе основаній, что по проекту кадетовъ распоряженіе землей будетъ находиться въ рукахъ государства.

Съ перваго взгляда покажется, что передача въ распоряженіе государства огромнаго земельнаго фонда, отчужденнаго отъ крупныхъ землевладѣльцевъ,—мѣра очень радикальная. Вѣдь и с-ры, выдвигая націонализацію съ соціализаціей всѣхъ земель, тоже усиливаютъ государство. А вѣдь извѣстно, что с-ры изыскиваютъ мѣры, которыя имъ кажутся самыми радикальными. Въ распоряженіе какого же государства передается огромный земельный фондъ, въ зависимости

отъ котораго будетъ находиться экономическое положеніе сотни милліоновъ душъ населенія?

Кадеты, конечно, надѣются, что въ распоряженіи конституціоннаго государства, въ которомъ будутъ хозяйничать кадеты, будетъ находиться цѣлая армія честныхъ, народолюбивыхъ, за умѣренное жалованье работающихъ чиновниковъ кадетовъ, находящихся не только подъ контролемъ думы, но и кадетскаго центральнаго комитета. Когда с-ры проектируютъ ввести націонализацію всѣхъ земель вмѣстѣ съ соціализаціей, то они надѣются, что во главѣ государства будетъ стоять ни больше ни меньше, какъ „трудовое крестьянство“, а жалкая буржуазія будетъ только на побѣгушкахъ.

Естественно, что с-ры не боятся буржуазнаго государства, не боятся націонализаціи. Столь же естественно, что кадеты, надѣясь на честность и исполнительность своей, а не современной бюрократіи, с в о и х ъ, „народныхъ“, а не современныхъ чиновниковъ—статистиковъ и т. п., ничуть не боятся передать имъ распоряженіе землей.

Если еще принять во вниманіе, что старые хапуги-чиновники добровольно безъ всякихъ насилій „уступятъ“ это распоряженіе добровольнымъ чиновникамъ, которые конечно не используютъ во зло свою огромную власть, какой не знавало ни одно конституціонное правительство, то будетъ вполнѣ понятной радикальность проектируемой кадетами мѣры. Правда, точно такая же мѣра была предпринята въ Россіи во время крестьянской реформы, правда она укрѣпила тогда бюрократію такъ, что послѣдняя держалась почти пятьдесятъ лѣтъ, но тогда не было кадетовъ, которые великолѣпно говорятъ и которые надѣются, что народъ не допуститъ реставраціи старыхъ порядковъ, а допуститъ только „честныхъ“ чиновниковъ. Только узкіе матеріалисты соціалдемократы думаютъ, что создавая матеріальныя условія для процвѣтанія бюрократіи, н е с м о т р я н а б л а г і я п о ж е л а н і я, конст.-демократическая партія будетъ содѣйствовать и усиленію бюрократіи и реставраціи значительной части старыхъ порядковъ. Для „идеалистовъ“ кадетовъ важно то, что эта бюрократія будетъ называться конституціонной. Какъ бы далеко реставрація ни зашла, слово „конституціонной“, вѣроятно, останется на долго. Чего же бояться, къ чему сомнѣнья?!

Добродѣтельные чиновники, какъ „выразители интересовъ

народныхъ массъ“ будутъ рѣшать и вопросъ о томъ, подлежатъ ли отчужденію тѣ или другія имѣнія. „Не подлежатъ отчужденію имѣнія или части имѣній, сохраненіе которыхъ будетъ признано необходимымъ съ точки зрѣнія ихъ общественнаго значенія, какъ исключительно-интенсивныхъ образцово—показательныхъ и т. п., центральнымъ учрежденіемъ, завѣдующимъ поземельнымъ устройствомъ“. Ужъ въ Петербургѣ „въ центральномъ учрежденіи“ будутъ такъ великолѣпно знать всѣ хозяйства по всей Россіи, что съумѣютъ рѣшить, что подлежитъ отчужденію, а что не подлежитъ. Точно также „при отчужденіи земельныхъ угодій, обслуживающихъ хозяйственныя потребности с.-хоз. промышленныхъ предпріятій устанавливается особый (?) порядокъ и послѣдовательность (!), причемъ крайній срокъ для перехода такихъ земель въ государственный земельный фондъ устанавливается центральнымъ землеустроительнымъ органомъ“.

Хорошее учрежденіе этотъ „землеустроительный органъ“, гораздо лучше любого современнаго русскаго министерства, такъ какъ будетъ рѣшать судьбу всего деревенскаго населенія всей Россіи!

Конституціонные бюрократы..., то, бишь, демократы, конечно, не довѣряютъ демократическому мѣстному самоуправленію, не довѣряютъ совершенно основательно, такъ какъ оно не оставило бы въ рукахъ „центральнаго землеустроительнаго учрежденія“ распоряженія отчужденіемъ земли...

„Земли изъ государственнаго земельнаго фонда сдаются въ долгосрочное пользованіе на срокъ, установленный подлежащими органами“. Если принять во вниманіе, что кадетамъ хочется не только поддерживать и содержать весь государственный механизмъ, по скольку онъ необходимъ при господствѣ буржуазіи, но и уплатить какъ старые долги, такъ и новые, которыми они намѣрены надѣлить страну при выкупѣ помѣщичьихъ земель, если все это принять во вниманіе, то нельзя не признать чрезвычайно полезной аграрную реформу, проектируемую кадетами. Государство явится небывалымъ въ мірѣ сдатчикомъ земли въ долгосрочную аренду и этимъ всегда можетъ поддерживать упомянутую выше „платежную потребность“ крестьянъ. Эта потребность очень пригодится, такъ какъ для выкупа „по справедливой оцѣнкѣ потребныхъ

для крестьянъ земель“ придется ихъ (крестьянъ) „стричь яко овцу до гола“; страна будетъ „по уши“ въ долгу, а въ рукахъ будетъ огромный земельный фондъ, безъ котораго мужику нельзя существовать.

При „хорошемъ“ управленіи можно не только удобно выплачивать выкупные платежи помѣщикамъ, но и устроить голосованіе „всеобщее и равное“ такимъ образомъ, что голосующій мужикъ взвоетъ...

Не только кадеты, но и другіе прожектеры, предлагающіе націонализацію земель, необходимыхъ для мѣстнаго населенія, а не служащихъ переселенческимъ фондомъ, забываютъ, что странѣ предстоитъ дальнѣйшее капиталистическое развитіе, что государственная власть даже въ наиболѣе демократическихъ странахъ (во Франціи, Соедин. Штатахъ и друг.) стремится использовать свою силу въ интересахъ господствующихъ классовъ. Чрезвычайно вредно питать себя и другихъ иллюзіями, что въ Россіи, не въ примѣръ „всѣмъ Европамъ“ будетъ лучшая бюрократія, лучшая буржуазія, лучшее центральное правительство.

Даже демократическіе Соединенные Штаты увеличиваютъ армію, потому что крупная буржуазія находитъ это выгоднымъ. А тамъ, казалось бы, нѣтъ мѣста реставраціи, „пережиткамъ феодализма“, военщинѣ и т. п. Если въ демократическихъ странахъ государственная власть является орудіемъ противъ угнетаемыхъ классовъ, то можно представить себѣ какимъ страшнымъ орудіемъ она явится, если въ ея рукахъ будетъ весь земельный фондъ. Демократія упрочивается не бумажными конституціями, хотя бы въ конституціи была написана демократическая республика, а проведеніемъ демократическаго строя въ жизнь, организаціей демократіи на мѣстахъ, а не только въ центрѣ.

Поэтому реставрація стараго порядка съ успѣхомъ можетъ обратить централизованный государственный механизмъ противъ демократіи, если вся организованная сила и особенно распоряженіе землей будетъ сосредоточено въ рукахъ государства, а не мѣстнаго демократическаго самоуправленія.

Въ странѣ, гдѣ каждая область по своимъ размѣрамъ равняется европейскому государству, возможна или такая бюрократическая централизація, которая создастъ при націонализаціи земли болѣе страшный бюрократическій механизмъ,

чѣмъ тотъ, который существуетъ теперь, или фактически распоряженіе землей перейдетъ въ руки крупныхъ органовъ мѣстнаго самоуправленія и останутся только постоянныя притязанія центральной бюрократіи на распоряженія земельнымъ фондомъ, притязанія, опасныя и для демократіи и для органовъ самоуправленія.

Кажется, будто кадеты, дѣйствительно, готовы много сдѣлать для крестьянства. Если принять во вниманіе, что по слагающимся отношеніямъ въ деревнѣ для землевладѣльцевъ земля дѣлается источникомъ убытковъ, а не дохода (проценты плати, а доходовъ—не жди), то можно было бы ожидать, что землевладѣльцы предложатъ безвозмездно уступить часть своихъ земель, чтобы сохранить доходность другой части. Это подсказывалъ бы простой разсчетъ торгашей. Но... конституціоналисты демократы не торгаши и не руководятся торгашескими разсчетами: они хотятъ получить „по справедливой оцѣнкѣ“ выкупъ съ крестьянъ и за свои отчужденныя земли.

Комментируя проектъ аграрной реформы Н. Черненковъ поясняетъ, что земли будутъ отчуждаться „за выкупъ по справедливой оцѣнкѣ, соотвѣтствующей доходности земли при собственной (?!) обработкѣ“, т.-е. при обработкѣ батрацкимъ трудомъ, такъ какъ собственными руками гг. землевладѣльцы, какъ извѣстно, свои земли не обрабатываютъ. Итакъ кадеты „справедливой“ оцѣнкой считаютъ капитализацію ренты плюсъ предпринимательской прибыли. И то и другое землевладѣльцы должны получить отъ государства. Если принять во вниманіе приведенныя выше обстоятельства, которыя теперь не даютъ возможности землевладѣльцамъ получить не только прибыль, но и ренту, то выкупная операція явилась бы, дѣйствительно, очень удачной.

Нужно замѣтить, что по недостатку капитала (при „широкой“ натурѣ либеральныхъ и нелиберальныхъ землевладѣльцевъ капиталы плохо держатся въ ихъ карманахъ) землевладѣльцы часто обрабатываютъ землю крестьянскимъ инвентаремъ, а мѣстами (правда не вездѣ) поэтому же сдаютъ ее и въ аренду. При современныхъ „невозможныхъ“ отношеніяхъ съ крестьянами единственнымъ выходомъ, который не только не уменьшилъ бы, а даже **увеличилъ** бы доходы землевладѣльцевъ явился бы такой выходъ, который проек-

тируется кадетами, потому что не вездѣ получается кромѣ ренты еще и прибыль. Землевладѣлецъ, избавившись отъ возни съ безпокойными мужиками, могъ бы преспокойно получать даже больше того, что получалъ раньше. Государство, по проекту должно взять и всѣ долговыя обязательства кредитнымъ учрежденіямъ, лежащія на отчуждаемыхъ земляхъ.

Планъ хорошъ, но, кадеты слишкомъ много запрашиваютъ (во имя „справедливости“) въ пользу крупнаго землевладѣнія.

Напоръ крестьянскаго движенія вызванъ вовсе не тѣмъ, что крестьянамъ не хочется платить дикія арендныя цѣны за аренду помѣщичьихъ земель непосредственно землевладѣльцамъ, а хочется платить тѣ же цѣны черезъ государство. Можно смѣло утверждать, что крестьянамъ все равно, платить ли помѣщикамъ черезъ государство или непосредственно землевладѣльцу. Поэтому, хотя кадеты, будучи во главѣ министерства, могутъ надавать землевладѣльцамъ выкупныхъ обязательствъ въ видѣ процентныхъ бумагъ, но можно быть увѣреннымъ, что по этимъ бумажкамъ гг. землевладѣльцы ничего не получатъ, а если и получатъ, то только (черезъ нѣсколько лѣтъ), тѣ спекулянты, которые скупятъ за безцѣнокъ эти бумаги *).

Въ другихъ статьяхъ мнѣ приходилось уже указывать, что странѣ предстоитъ пережить финансовый и экономическій кризисъ. Этого не слѣдуетъ упускать изъ виду многимъ нашимъ политическимъ дѣятелямъ слишкомъ щедрымъ на выдачу всякихъ обязательствъ отъ имени народа. Кадеты, называя себя уполномоченными „всѣмъ народомъ“ на финансовыя операціи готовы по справедливой оцѣнкѣ закабалить страну на многіе годы землевладѣльцамъ, готовы обязаться уплачивать ежегодно сотни милліоновъ рублей процентовъ за отчуждаемыя земли. Между тѣмъ и по старымъ обязательствамъ государство не въ состояніи будетъ платить въ ближайшіе годы: приближается финансовый и экономическій

*) Въ другомъ мѣстѣ я уже указывалъ на то, что огромныя суммы долговыхъ обязательствъ достались бы спекулянтамъ, если бы осуществилась программа кадетовъ. Ипотечныя бумаги такъ будутъ падать въ цѣнѣ, что двухмилліардная сумма достанется скупившимъ бумаги биржевымъ дѣльцамъ.

кризисъ, отодвинутый на время огромными внѣшними займами.

Кадеты, считающіе въ своихъ рядахъ патентованныхъ ученыхъ, не знаютъ того, что даже самые либеральные изъ кадетовъ, занявшіе министерскіе посты, не будутъ въ состояніи устранить кризиса: они не будутъ въ состояніи собирать огромныхъ налоговъ; они могутъ, разумѣется, устроить еще заемъ, надѣлить землевладѣльцевъ и этимъ еще дальше толкнуть страну въ яму, вырытую самодержавной бюрократіей, но устранить кризисъ никто не въ силахъ. Экономическая жизнь капиталистическаго государства слишкомъ сложна, чтобы та или другая партія могла устранить происходящія въ хозяйственной жизни пертурбаціи: странѣ предстоитъ поддерживать существованіе массы населенія, которое будетъ выброшено на улицу экономическимъ кризисомъ и въ деревняхъ *) и въ городѣ. Что же упоминаетъ ли хотя бы вскользъ объ этихъ задачахъ партія, претендующая на названіе „народной партіи“, претендующая на власть и уже обѣщающая выкупныя свидѣтельства землевладѣльцамъ? Ничуть! Для к.-д. партіи не существуетъ тѣхъ осложненій хозяйственной жизни, на которыя мы указывали.

Но, можетъ быть, это предсказанія пессимиста, ни на чемъ не основанныя, съ которыми „реалистамъ“—политикамъ кадетамъ считаться не придется. Посмотримъ на тѣ матеріальныя условія, которыя лежатъ въ основѣ современнаго наиболѣе остраго конфликта двухъ общественныхъ силъ, крупнаго землевладѣнія и крестьянства. Изъ общей суммы производимыхъ земледѣльческимъ населеніемъ продуктовъ огромную часть получало крупное землевладѣніе и государство. Это „отчужденіе“ продуктовъ земледѣлія не только разорило земледѣльческое населеніе и ослабило его платежныя силы, но и создало такую атмосферу въ деревнѣ, при которой существованіе крупнаго землевладѣнія стало невозможнымъ. Крестьянство хочетъ повысить свое экономическое положеніе пониженіемъ своихъ платежей, кто бы эти платежи ни получалъ, государство или помѣщики. Поэтому, если платежи помѣщикамъ будутъ превра-

*) Неизбѣжные конфликты въ деревнѣ, конечно, не будутъ благопріятствовать сельско-хозяйственному производству.

щены въ налоги государству, то отъ этого положеніе дѣла не измѣнится: крестьяне не будутъ платить тѣхъ суммъ, которыя они платили раньше. Только при этомъ условіи ихъ экономическій и жизненный уровень повысится, только при этомъ условіи впослѣдствіи деревня разовьетъ свои производительныя силы. Но въ ближайшіе годы кадеты не могутъ разсчитывать на полученіе съ деревни тѣхъ огромныхъ средствъ, которыя получались раньше.

Такое перераспредѣленіе доходовъ отразится и на обрабатывающей промышленности. Многіе изъ тѣхъ продуктовъ, которые производились раньше, окажутся ненужными, а производство тѣхъ продуктовъ, на которые явится спросъ, разовьется не сразу. Такъ, если государство будетъ большую, чѣмъ раньше, часть доходовъ затрачивать на культурныя и другія потребности населенія и сократитъ затраты на вооруженіе, то тѣмъ самымъ оно повліяетъ уже и на обрабатывающую промышленность: произойдетъ кризисъ въ промышленности, связанной съ военнымъ дѣломъ. Но, независимо отъ этого перераспредѣленія производительныхъ силъ, конфликты общественныхъ силъ въ странѣ вліяютъ и на кредитъ и на торговлю такимъ образомъ, что затрудняютъ правильную циркуляцію капиталовъ, которая необходима для постояннаго производства. Кризисъ одной отрасли производства немедленно отражается на другихъ и крупное производство попадаетъ въ положеніе поѣзда, сошедшаго на полномъ ходу съ рельсовъ. При такомъ состояніи народнаго хозяйства будетъ невозможно переложить на индустрію всѣ сокращенія поступленій налоговъ отъ крестьянъ. Подоходный налогъ лишь съ устраненіемъ промышленнаго и земледѣльческаго кризиса можетъ покрыть тѣ дефициты, которые неизбѣжно будутъ во время кризиса. Конечно, можно предположить, что выкупныя свидѣтельства гг. землевладѣльцевъ будутъ обложены налогомъ такъ, что казна будетъ отбирать обратно въ видѣ налога то, что даетъ въ видѣ процентовъ на эти свидѣтельства. Но тогда все равно, пока процентныя бумаги не даютъ дохода, ихъ цѣнность приближается къ нулю и операція выкупа будетъ выгодна только спекулянтамъ.

Обѣщать удовлетворить всѣхъ при сокраще-

нiи финансовыхъ средствъ значитъ или поступить необдуманно или всѣхъ обмануть.

Между тѣмъ к.-д. партiя обѣщаетъ много: „за отчужденныя въ государственный земельный фондъ земли бывшимъ владѣльцамъ выдается изъ казны вознагражденiе выпускаемыми для этой цѣли процентными бумагами по нарицательной стоимости. Лежащiе на имѣнiяхъ, поступающихъ въ государственный земельный фондъ, долги кредитнымъ установленiямъ переводятся на отчуждаемыя имѣнiя или части имѣнiй, съ возложенiемъ на казну обязательства уплаты причитающихся кредитнымъ установленiямъ срочныхъ платежей". Недурно, передъ началомъ кризиса!

Многiе видятъ въ заявленiяхъ партiи называющей себя „народной" и проектирующей распродажу странѣ оптомъ и въ розницу сознательный обманъ. Рзсумѣется такой взглядъ совершенно неоснователенъ. Партiя „народной свободы" имѣетъ въ себѣ огромное количество идеалистическихъ элементовъ, она руководствуется исключительно благомъ народа, понимая это благо по своему. Подъ давленiемъ крестьянскаго движенiя партiя стремится примирить создающiяся экономическiя противорѣчiя, устранить конфликты, но стоя ближе къ землевладѣльцамъ, и уступая крестьянамъ невольно дѣлаетъ шаги опасные для всего народа. „Пусть будутъ расширены рамки реформы, говоритъ одинъ ораторъ на съѣздѣ, лишь бы не разразился конфликтъ, лишь бы избѣгнуть необходимости обратиться къ физической силѣ для удержанiя массъ отъ рѣшенiя вопроса въ тѣхъ формахъ, какiя могутъ подняться вмѣстѣ съ народными волненiями". Вотъ тѣ реальные мотивы, которые заставляютъ партiю к.-д. заниматься аграрнымъ вопросомъ и вырабатывать проекты реформы. Чтобы успокоить крестьянъ, не поступаясь интересами землевладѣльцевъ, приходится искать „третье лицо" и таковымъ является вся страна, которую кадеты и предполагаютъ связать долговыми обязательствами землевладѣльцамъ и отдать въ распоряженiе конституцiонной бюрократiи. И, конечно, не ихъ вина если страна передъ такими обязательствами окажется банкротомъ: они искренно хотятъ примирить непримиримые интересы, устранить неустранимые конфликты и уплатить по обязательствамъ,

которые невозможно исполнить. Этими стремленіями объясняется та убогость пониманія современнаго момента, которая проявилась въ проектѣ аграрной реформы к.-демократовъ. Партія, богатая интеллигентными и научными силами, безсильно мечется между землевладѣльцами и крестьянами и могла додуматься только до тѣхъ формъ (не говоря о содержаніи) рѣшенія аграрнаго вопроса, которыя употребляются современными бюрократами при рѣшеніи всѣхъ вопросовъ русской жизни. Чего стоитъ только одно „центральное землеустроительное учрежденіе“, которое рѣшаетъ всѣ коренные вопросы аграрной реформы! Молодая партія, со свѣжими „лучшими“ силами, въ моментъ общественнаго подъема стремясь сѣсть между двухъ стульевъ, придумала реформу, при воспоминаніи о которой будутъ краснѣть не только „красные“, попавшіе въ эту партію, но и самые безцвѣтные ея сторонники.

П. Масловъ.

О пониманіи современнаго момента.

«Противорѣчіе между реакціонной политикой по прежнему держащаго всю власть въ своихъ рукахъ самодержавія и «народнымъ представительствомъ»—въ лицѣ «кадетской Думы», создастъ новый революціонный кризисъ, неизмѣримо болѣе широкій и глубокій, болѣе сознательный и острый, чѣмъ всѣ предыдущія». Ленинъ, «Побѣда кадетовъ», 76.

Всѣ органы соціалъ-демократической печати признаютъ совершенныя партіей ошибки въ моментъ высшаго революціоннаго подъема—октябрѣ-декабрѣ мѣсяцахъ перваго года великой русской революціи.

Т. Ленинъ въ „Волнѣ“ пишетъ: „мы не должны форсировать событій. Этотъ урокъ мы должны извлечь изъ опыта конца 1905 года“ (№ 10). Т. Базаровъ въ слѣдующемъ номерѣ той же газеты и о томъ же времени говоритъ, что „если были ошибки, то онѣ обусловливались неправильной оцѣнкой момента“. Т. Ларинъ въ № 1 „Откликовъ современности“ костатируетъ политическую ошибку партіи и совѣта рабочихъ депутатовъ, призвавшихъ къ декабрьскому „рѣшительному выступленію“. Наконецъ въ настоящую минуту врядъ ли найдется хоть одинъ соціалъ-демократъ, который бы не призналъ въ корнѣ ошибочной точку зрѣнія т—щей Парвуса, Троцкаго и другихъ, которые доказывали, что задачи момента заключались въ непосредственномъ захватѣ правительственной власти соціаль-демократіей, для превращенія демократической революціи въ соціалистическую, причемъ Парвусъ считалъ возможнымъ уже заранѣе предвидѣть конфликтъ соціалъ-демократической власти съ Учредительнымъ собраніемъ, конфликтъ, разрѣшаемый не въ пользу послѣдняго („Русская газета“).

Въ этомъ направленіи соціалъ-демократической мысли цѣликомъ были нарушены самыя основы научнаго соціализма, обусловливающаго соціалистическій переворотъ опредѣленной стадіей развитія хозяйственнаго строя, численностью и уровнемъ развитія пролетаріата, и пр. Причинами ошибокъ другого характера являлись съ одной стороны — неправильное пониманіе общаго соотношенія силъ и переоцѣнка своихъ, а съ другой—увлеченіе методами, „дѣланія революціи", не имѣющими ничего общаго съ принципами массовой организованной борьбы, принципами опредѣляющими тактику всемірной соціалъ-демократіи.

Фактъ рѣшающей роли рабочаго движенія въ ходѣ революціи далъ поводъ къ идеѣ не только гегемоніи, но даже всесилія пролетаріата, что нашло свое выраженіе въ популярной тогда метафорѣ: его величество, пролетаріатъ всероссійскій. Не только либеральная буржуазія разсматривалась, какъ quantité negligeable, но и интеллигенціи едва отводилась роль довольно безполезнаго спутника революціи. За силу, достойную учета признавалось лишь слишкомъ сильно заволновавшееся крестьянство. Данная государственная власть объявлялась настолько ослабѣвшей, что предполагалось „послѣднимъ пинкомъ окончательно раздавить эту гадину („Начало"), и на очередь дня ставился вопросъ о захватѣ власти революціоннымъ пролетаріатомъ, или революціоннымъ пролетаріатомъ и крестьянствомъ.

Въ результатѣ получилось то, что правительству удалось провоцировать изолированное пролетарское выступленіе, которое, благодаря увлеченію антимассовыми методами, въ центрахъ и нѣкоторыхъ немногихъ провинціальныхъ городахъ, сопровождалось стремленіемъ революціонныхъ организацій перевести его въ вооруженное возстаніе*); стремленіемъ, которое или ни къ чему не приводило (Петербургъ), или же привело къ схваткамъ кучекъ дружинниковъ съ отрядами войскъ и полиціи (Москва). „Гадина" не только не погибла отъ пинка, но пять мѣсяцевъ заливала кровью страну.

---

*) Формула принятая Московскимъ Исполнительнымъ Комитетомъ Совѣта рабочихъ депутатовъ по иниціативѣ соц.-демократической организаціи (обѣихъ фракцій) гласила: объявить всеобщую забастовку и стремиться перевести ее въ вооруженное возстаніе.

Но... великая октябрьская стачка, въ которой приняли дѣятельное участіе не только пролетаріатъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, но вся масса интеллигенціи, всѣ служащіе, не исключая и чиновниковъ, забастовка, которой сочувствовала и даже помогала часть крупной буржуазіи, а затѣмъ ноябрьское грозное движеніе крестьянства,—эти грандіозныя массовыя выступленія уже пробили незадѣлываемую брешь въ самодержавномъ режимѣ: Предстояли выборы въ народное представительство.

Правительство понимало, что если не назначить выборовъ, если не дать народу надежды на возможность добиться реформъ черезъ народное представительство, то революціонное возбужденіе охватитъ такія массы населенія и затронетъ почти всѣ его классы, что никакимъ Дурново, Дубасовымъ и Минамъ съ нимъ не справиться. Поэтому-то уже послѣ законовъ конца ноября о созданіи столькихъ самодержцевъ, сколько есть въ странѣ бригадныхъ генераловъ, а ихъ, какъ извѣстно тьма—темъ, былъ опубликованъ законъ о расширеніи избирательнаго права, который всѣмъ слоямъ, кромѣ промышленнаго пролетаріата, давалъ надежду на проведеніе своихъ представителей въ то учрежденіе, безъ согласія котораго на основаніи торжественнаго обѣщанія манифеста 17 октября не могъ воспріять силы ни одинъ законъ.

Все что было живого и дѣятельнаго въ странѣ ринулось на избирательныя собранія, къ избирательнымъ урнамъ какъ единственнымъ формамъ проявленія своей политической воли. Въ самомъ дѣлѣ, страна была отдана на растерзаніе Алихановыхъ и Ренненкампфовъ, Карангозовыхъ и Римановъ, установившихъ сверхъ-военное положеніе, сверхъ-чрезвычайныя и сверхъ-усиленныя охраны и предававшихъ огню и мечу все, что не покорилось и не спряталось. И при такихъ-то условіяхъ были разрѣшаемы избирательныя собранія, происходили выборы. Понятно, что несмотря на всѣ усилія полиціи и администраціи, несмотря на всяческаго рода воздѣйствія вплоть до арестовъ вліятельныхъ кандидатовъ въ выборщики и члены думы,—избиратель не могъ не пытаться использовать выборовъ въ своихъ цѣляхъ, а ими прежде всего была борьба съ правительствомъ пулемета и шрапнели.

Въ особомъ положеніи былъ пролетаріатъ. Избиратель-

ная система была нарочито приспособлена къ тому, чтобы лишить представительства этотъ классъ, не только какъ наиболѣе революціонный въ данную эпоху, но и вообще, не мирящійся съ священными основами современнаго общества.

Понятно, что это явное намѣреніе не скрылось отъ пролетаріата, и въ послѣднемъ должна была создаться извѣстная стихійная почва для бойкота. Но всеобщее увлеченіе выборами не могло бы не заразить и рабочій классъ, если бы его вожди помогли ему правильно оцѣнить моментъ.

Но этого условія не было на лицо. Опять, какъ въ ноябрѣ—декабрѣ, была эпоха „ошибокъ“. Широкой волной разлилась пропаганда бойкота, предсказывалось, что дума будетъ черносотенная, или въ лучшемъ случаѣ измѣнническая, которая пойдетъ на сдѣлку съ бюрократіей, сдѣлку направленную противъ народа, причемъ глубокомысленно пояснялось, что для пролетаріата и крестьянства будетъ тѣмъ выгоднѣе, чѣмъ дума будетъ „черносотеннѣе“. Были изобрѣтены „конституціонныя иллюзіи“, объявленныя величайшей опасностью для народа, для развитія революціи. Подъ этимъ отнынѣ знаменитымъ терминомъ разумѣлась надежда населенія, что оно сумѣетъ какъ-либо использовать *и* думу въ своей борьбѣ съ ненавистнымъ господствомъ насильниковъ и воровъ. Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы свѣтомъ сознанія бороться противъ стихійнаго предрасположенія пролетаріата къ бойкоту, послѣдній былъ возведенъ въ революціонную догму. Вліяніе послѣдней было такъ велико, что и та часть соціалъ-демократіи, которая понимала цѣнность выборовъ, остановилась на межумочной позиціи, объявила бойкотъ думѣ, но не выборамъ, стремясь послѣдніе использовать, какъ средство революціонной самоорганизаціи массъ. Но эта позиція, не могла не остаться на бумагѣ, какъ не отвѣчающая реальнымъ условіямъ.—Въ какой Москвѣ, то бишь—Дубасовкѣ, и Карангозіи пулемет-и шрапнельмейстеры потерпѣли бы органы революціоннаго самоуправленія!

Такимъ образомъ вліяніе крайнихъ партій на ходъ событій было сведено почти къ нулю: бойкотъ имѣлъ лишь демонстративное значеніе, показывая наличность непримиримо-революціонныхъ силъ. Но развѣ была надобность въ этой демонстраціи послѣ великаго, изумившаго міръ 1905 года?

Итакъ, опять „моментъ“ не былъ понятъ.

Прежде всего бойкотисты, эти борцы противъ конституціонныхъ иллюзій раздѣляли иллюзіи политиковъ самодержавія, что дума будетъ „черносотенной“, или въ лучшемъ случаѣ „угодливо-соглашательной“.

Крайности сошлись... въ абсолютномъ непониманіи смысла происходящаго на ихъ глазахъ и при ихъ участіи историческаго процесса. Контръ-революція, производимая режимомъ, ненавистнымъ всѣмъ жизнеспособнымъ классамъ, не можетъ не вызывать роста революціоннаго сознанія и революціонной воли во всѣхъ же, кромѣ непосредственно заинтересованныхъ въ прежнемъ строѣ, т.-е. обреченныхъ на одновременную съ нимъ историческую гибель,—классовъ. Тѣ же самые „октябристы“, которые привѣтствовали Дубасова, какъ покорителя мнимаго возстанія пролетаріата противъ основъ современнаго общества, назвали дальнѣйшее поведеніе правительства „безпримѣрной наглостью“. Избиратель—крупный, средній и мелкій буржуа, крестьянинъ и служащій, интеллигентъ и рабочій—выбиралъ того, кто, по его мнѣнію, рѣшительнѣе и умнѣе будетъ бороться противъ правительства,—того правительства, которое готово уничтожить бо́льшую половину и населенія страны и народнаго достоянія, лишь бы удержать власть и сохранить порядокъ, ставшій въ вопіющее противорѣчіе съ интересами всего общества.

Одинъ изъ публицистовъ, „черной сотни“, Сергѣй Шараповъ въ открытомъ письмѣ новому премьеру такъ характеризуетъ этотъ строй и отношеніе къ нему страны: „Россія задыхалась, Россія была переполнена обидою и негодованіемъ за то, что ее обиралъ, унижалъ и считалъ за свою крѣпостную вотчину чиновникъ. За то, что ея правительство попало въ руки червонныхъ валетовъ, которые хозяйничали въ странѣ, какъ хотѣли, и именемъ самодержавнаго царя дѣлали самые гнусные и безстыдные эксперименты, не зная никакого удержа, ни съ чѣмъ не справляясь и ни съ чѣмъ не считаясь“. Понятно почему, заявляя о томъ, что „спокойная и благоразумная часть общества держала нейтралитетъ въ борьбѣ правительства съ революціей“, Сергѣй Шараповъ констатируетъ,—что для общества „скорѣе возможенъ выборъ въ сторону соціальной революціи и кадетской республики, чѣмъ въ сторону той зловонной помойной ямы, которую представляетъ наше правительство“.

Первые же выборы въ думу показали, что она будетъ чуть не сплошь состоять изъ противниковъ „существующаго порядка“ и дѣйствительно, окончательный результатъ выборовъ, проявившійся при преніяхъ и голосованіи отвѣтнаго адреса на тронную рѣчь, выяснилъ, что въ думѣ нѣтъ ни одного человѣка, который бы рѣшился публично защищать правительство: всѣ считали долгомъ и говорить и голосовать противъ него.

Что это значитъ? Неужели правы сторонники внѣклассовой теоріи, теоріи гармоніи классовъ и т. п.? Ничуть не бывало! „Въ современномъ общественномъ строѣ существуютъ классы, но нѣтъ (по смыслу надо читать не должно быть— В. Г.) сословій. Его развитіе выражается въ борьбѣ этихъ классовъ, но общій интересъ спаиваетъ вмѣстѣ эти враждебныя силы и дѣлаетъ ихъ противникомъ сословнаго строя и королевской власти „Божьею милостію“—говоритъ родоначальникъ „теоріи классовой борьбы“ въ своей рѣчи присяжнымъ г. Кельна.

Ходъ русской революціи позволяетъ сказать больше, а именно, что условіемъ спаиванія классовъ противъ общаго врага является развитіе классовой борьбы между ними. Крупная буржуазія лишь тогда мирится съ демократическими преобразованіями, когда убѣждается, что старый режимъ уже не въ силахъ регулировать, „вводить въ рамки“ направленную противъ нея самой борьбу антагонистическаго ей класса—класса наемныхъ рабочихъ.*)

Избирательная компанія въ Думу осуществила эту спайку враждебныхъ силъ противъ ненавистнаго политическаго строя, Выборы дали болѣе $^{9}/_{10}$ оппозиціонныхъ депутатовъ, среди которыхъ не меньше трети—принадлежитъ къ революціонной демократіи.

Нечего, конечно, пояснять, что эта спайка—на моментъ, что она совершена при помощи компромисса, какъ программнаго, такъ и тактическаго характера.

---

*) Этотъ фактъ нисколько не мѣшаетъ буржуазіи, какъ то было въ ноябрѣ и декабрѣ 1905 года, броситься въ объятія общаго врага, если онъ въ данный моментъ еще оказывается въ силахъ усмирить ея союзника по борьбѣ съ остатками феодальнаго политическаго строя. Но немедленно послѣ такой диверсіи буржуазія вновь становится въ оппозицію старому режиму, достаточно ненавистному и ей.

Выразителями этого компромисса*) и стали кадеты: и соціальная ихъ программа, крестьянская и рабочая,—и политическая, имѣютъ несомнѣнно компромиссный характеръ, выражающій равнодѣйствующую стремленій всѣхъ противниковъ прежняго строя.

Тактика кадетовъ опять таки состоитъ въ отысканіи той линіи поведенія, которая отвѣчаетъ общей равнодѣйствующей.

Поэтому и программныя требованія и тактическіе шаги этой партіи—по составу своему представляющей изъ себя конгломератъ среднихъ соціальныхъ группъ**),—постольку прогрессивны, постольку выражаютъ движеніе впередъ, поскольку status quo опирается на реакціонныя силы, и слѣдовательно до тѣхъ поръ, пока „существующій порядокъ“ не будетъ соотвѣтствовать равнодѣйствующей общественныхъ силъ, до тѣхъ поръ кадеты будутъ одной изъ силъ, двигающихъ жизнь впередъ.

Съ момента установленія указаннаго соотвѣтствія они станутъ консерваторами, а поскольку „низы“ не успокоятся и будутъ стремиться двинуть жизнь дальше, двинуть путемъ революціи, постольку они... обратятся противъ нихъ, вступивъ въ союзъ со всѣми реакціонными силами, еще оставшимися къ тому времени.

Но до этого момента еще далеко. Сейчасъ кадеты—сила положительная.

Поняли ли это крайнія партія? Брошюра общепризнан-

---

*) Подъ компримиссомъ мы разумѣемъ субъективную сторону того, что съ объективной стороны будетъ носить названіе равнодѣйствующей общественныхъ силъ. Это послѣднее понятіе можетъ быть соединено знакомъ равенства съ понятіемъ „соотношеніе общественныхъ силъ“ такъ какъ означаетъ не что иное, какъ результатъ этого соотношенія. При этомъ не слѣдуетъ забывать, что общественныя силы не исчерпываются стремленіями, сознательностью и активностью классовъ, но обнимаютъ собой законы и условія объективнаго характера, напр. строй производственныхъ отношеній.

**) Партія к.-д. состоитъ изъ слѣдующихъ различныхъ частей: 1) изъ тѣхъ представителей либеральной крупной владѣльческой земельной и иной буржуазіи, которые сознали необходимость пойти на широкія уступки политическимъ и экономическимъ требованіямъ массъ, 2) изъ представителей широкой массы мелкой буржуазіи и 3) изъ представителей интеллигентнаго труда, непосредственно заинтересованныхъ въ политической демократіи и серьезныхъ соціальныхъ реформахъ.

наго вождя съ недавняго времени именующихъ себя „лѣвыми соціаль-демократами“ даетъ заразъ два діаметрально противоположныхъ отвѣта: кадеты болѣе опасный врагъ, чѣмъ Треповы и Дурново, чѣмъ рыцари правового порядка и черной сотни, и кадеты же—единственные спасители страны и революціи.

Вотъ сущность его воззрѣній на переживаемый тогда моментъ (періодъ выборовъ, когда уже опредѣлилась „побѣда кадетовъ“, которой и посвящена брошюра).

Онъ полагаетъ, что контръ-революція оказалась побѣдоносной: „революціонная демократія притаилась *исключительно* (курсивъ автора) благодаря работѣ Римановъ и Луженовскихъ“ (66).

На что же товарищъ возлагаетъ свои надежды, что поможетъ демократіи выйти изъ паралличнаго состоянія, что позволитъ ей освободиться отъ Римановъ и Луженовскихъ? Казалось бы, для марксиста, оперирующаго понятіемъ массъ, отвѣтъ одинъ—онѣ сами и *только* онѣ сами, активнымъ сопротивленіемъ этимъ героямъ контръ-революціи! Увы, тов. Ленинъ мыслитъ „совсѣмъ наоборотъ“. Отвѣтъ его слѣдующій. Необходимымъ и даже *единственнымъ* условіемъ пробужденія дѣятельности массъ является.... „кадетская дума“, дума составленная изъ болѣе опасныхъ, чѣмъ открытые реакціонеры — чѣмъ Дубасовы, Мины и Луженовскіе, сторонниковъ „конституціонныхъ иллюзій“, дума, которая сама по себѣ ни что иное, какъ бутафорія, комедія или, впрочемъ, вѣдь она то и есть самая важная „иллюзія“. Вы не вѣрите, читатель, чтобы нашелся человѣкъ, который „мнимый“ фактъ, „мнимое“ учрежденіе считалъ единственнымъ факторомъ возможности *реальнаго* движенія,—такъ прочтите слѣдующее.

Непосредственно послѣ процитированной фразы о томъ, что Риманы заставили демократію притаиться, тов. Ленинъ пишетъ: „И завтрашній день неминуемо разоблачитъ кадетскія иллюзіи. Либо режимъ репрессій останется по старому, Риманы и Луженовскіе будутъ „дѣло дѣлать“, кадетская дума будетъ болтать, тогда мизерность этой думы и мизерность господствующей въ ней партіи станутъ ясны сразу громаднымъ массамъ населенія. Настанетъ острый взрывъ, въ которомъ будутъ участвовать, конечно, не кадеты, какъ партія, а именно такіе элементы населенія, ко-

торые составляютъ революціонную демократію. *Либо режимъ репрессіи ослабнетъ*, правительство сдѣлаетъ нѣкоторыя *уступки*, кадетская дума начнетъ таять и примиряться... но *первое* же дуновеніе свободнаго вѣтерка, первое ослабленіе репрессій начнетъ снова неминуемо вызывать къ жизни сотни и тысячи организацій, союзовъ, группъ, кружковъ, предпріятій революціонно-демократическаго характера. А это явленіе столь же неминуемо поведетъ опять къ „вихрю“, къ повторенію октябрьско-декабрьской борьбы, только въ неизмѣримо болѣе широкомъ масштабѣ....“.

Я сдѣлалъ эту длинную выписку, чтобы во всей полнотѣ ознакомить съ методомъ мышленія и взглядами на реальный ходъ процесса общепризнаннаго наиболѣе „лѣваго“ вождя „лѣвыхъ изъ лѣвыхъ“. Къ чему сводится весь этотъ проспектъ русской революціи? Я думаю, что никто не упрекнетъ меня въ извращеніи мысли автора, если я выражу ее въ такой формулѣ.

Изъ тупика, въ который загнала русскій народъ контръреволюція, его выведутъ... конституціонныя иллюзіи—этотъ опаснѣйшій врагъ свободы и движенія. Въ самомъ дѣлѣ, „если режимъ репрессій не ослабнетъ“, то народъ поднимется и только потому, что обладалъ иллюзіями,—вѣрилъ въ думу. Бѣдный русскій народъ, не будь онъ подверженъ иллюзіямъ, такъ и остался бы покореннымъ подъ нози Дубасова и Мина! Но позвольте, есть и другой исходъ, а именно: иллюзорная дума принесетъ иллюзорныя уступки, а народъ реально используетъ эти мнимыя величины и разовьетъ могучее движеніе, котораго еще не видѣлъ міръ.

Счастливый русскій народъ! Его опаснѣйшіе враги, кадеты, вмѣстѣ съ правительствомъ подарятъ ему его побѣду такъ какъ они откуда то добудутъ то дуновеніе свободнаго вѣтерка, который необходимъ для движенія *).

*) Что цитата, нами выбранная, не случайна, показываетъ и слѣдующее замѣчательное мѣсто той же знаменитой брошюры. Доказывая, что крестьянскій союзъ въ дни свободы былъ одной изъ самыхъ могучихъ реальностей,—тов. Ленинъ увѣренно предсказываетъ: „что если Луженовскіе и Риманы не перебьютъ еще десятковъ тысячъ передовой крестьянской молодежи, если повѣетъ еще сколько-нибудь свободнымъ вѣтеркомъ, *этотъ* союзъ будетъ расти не по днямъ, а по часамъ“!.. Ну а если перебьютъ, спрошу я товарища? Тогда конецъ революціи? На вопросъ же

А мы, грѣшные, до сихъ поръ думали и учили тому же массы, что исторія, дѣлается ими самими, что онѣ сами, и только онѣ могутъ заставить бога вѣтровъ выпустить изъ клѣтки вѣтеръ свободы!

Борьба массъ вызвала къ жизни кадетскую думу и самихъ кадетовъ, *она* продиктовала думѣ ея поведеніе, *она* заставитъ реакцію пойти на уступки, *она* используетъ послѣднія, какъ и думу, въ цѣляхъ развитія революціи.

Тов. же Ленинъ и его послѣдователи, введя въ обиходъ формулу „или дума или революція", вмѣстѣ съ тѣмъ фактически всѣ надежды на революцію связываютъ съ думой, которая де должна вывести массы изъ пассивности. Но какія же задачи ставилъ партіи т. Ленинъ при такомъ удивительномъ пониманіи хода революціи?

Пусть отвѣтитъ онъ самъ: „Наша задача—использовать нъ интересахъ организаціи рабочихъ въ интересахъ разоблаченія конституціонныхъ иллюзій, въ интересахъ подготовки военнаго наступленія всю ту отсрочку, которая даетъ намъ оппозиціонная дума. Отсрочка намъ очень выгодна,— спѣшитъ пояснить политическій публицистъ, въ виду того, что пролетаріатъ долженъ хорошенько собраться съ силами.—Наша задача—быть на своемъ посту въ тотъ моментъ, когда думская комедія разразится въ новый великій историческій кризисъ" (Побѣда кадетовъ, 40). По-истинѣ, не знаешь, чему больше дивиться въ этомъ шедеврѣ политической „діалектической" мысли. Кто это „мы", что то подготовляющіе, пока пролетаріатъ собирается съ силами. Какую богиню или какого бога благодарить, за ниспосланную „отсрочку", такъ „намъ" выгодную. Наконецъ, какимъ это образомъ, „комедія" можетъ разразиться „въ великій кризисъ", причемъ „наша" задача—не содѣйствовать этому невѣроятному salte-mortale, а не упустить моментъ и занять заготовленный „намъ" постъ.

Какія же задачи этихъ „насъ", какова тактика ихъ? Краткая формула, ихъ profession do foi какъ извѣстно, гласитъ: подготовка тайной партіей вооруженнаго возстанія въ цѣляхъ захвата власти сознательными представителями пролетаріата

кто вызоветъ дуновеніе свободнаго вѣтерка, вся книжка даетъ одинъ отвѣтъ: „кадеты". Вотъ образецъ „лѣвизны".

и крестьянства для установленія „диктатуры пролетаріата и крестьянства“.

За полнымъ отсутствіемъ во всей міровой соціалъ-демократической литературѣ какихъ либо аргументовъ въ пользу такой „единственно истинной и единственно революціонной“ тактики соціалъ-демократической партіи, сторонникамъ ея пришлось прибѣгнуть къ несовсѣмъ общепринятымъ пріемамъ цитированія историческихъ документовъ. Послѣдователь этой же исторіософіи, подписавшійся „большевикомъ“ въ передовой статьѣ № 2 „Партійныхъ Извѣстій“, такъ сказать ex cathedra, поучаетъ партію пролетаріата, что самъ Марксъ, въ моментъ торжества контр-революціи, признаваемаго имъ временнымъ, когда онъ считалъ вѣроятнымъ подъемъ революціи, но не находилъ возможной открытую организацію, т. е. какъ разъ въ моментъ аналогичный нашему, понималъ потребность въ сильной т а й н о й организаціи революціонной партіи по всей Германіи. Далѣе сообщается, что Марксъ совѣтуетъ рабочимъ самостоятельно организоваться, настаиваетъ въ особенности на необходимости вооруженія всего пролетаріата, на образованіи пролетарской гвардіи, на необходимости разстраивать силою оружія всякую попытку разоруженія“, Марксъ требуетъ образованія «революціонныхъ рабочихъ правительствъ» и обсуждаетъ „поведеніе пролетаріата и во время и послѣ предстоящаго возстанія“.

Я долженъ заявить, что эта цитата, завѣдомо для сдѣлавшаго ее, не можетъ служить тѣмъ цѣлямъ, для которыхъ она предназначена, т. е. для обосновки тезиса, о необходимости „тайной соціалъ-демократической партіей подготовить вооруженное возстаніе для захвата власти пролетаріатомъ и крестьянствомъ въ моментъ буржуазной революціи. Марксъ единственной задачей тайнаго общества считалъ пропаганду коммунистическихъ идей, а вопросы о вооруженіи, о рабочихъ правительствахъ и о прочемъ относилъ на время п о с лѣ п о б ѣ д ы демократической революціи, когда пролетаріатъ долженъ былъ, по тогдашнему мнѣнію Маркса, немедленно поднимать борьбу зе низверженіе демократическаго правительства для созданія пролетарскаго правительства въ цѣляхъ соціалистической революціи. Марксъ говорилъ поэтому объ *открытомъ* вооруженіи, даже о требованіи вооруженія, предъявляемомъ къ будущему демократическому правитель-

ству (не обратится ли у насъ, т. Ленинъ, съ этимъ требованіемъ къ Трепову?) о выборныхъ гвардейскихъ рабочихъ полкахъ и т. д.

Та брошюра, на которую имѣлъ... смѣлость сослаться „Большевикъ“ (Кельнскій процессъ коммунистовъ“, изд. Молота) не даетъ и сама по себѣ ни повода, ни возможности понять Маркса такъ, какъ его толкуетъ „Большевикъ“, но кромѣ того извѣстно, что Марксъ въ своей сттьѣ о Кельнскомъ процессѣ коммунистовъ прямо говоритъ, что задачей союза коммунистовъ не могла быть подготовка революціоннаго движенія противъ существовавшихъ еще коронныхъ правительствъ инымъ способомъ, кромѣ тайнаго распространенія коммунистическихъ идей въ массахъ, и что большинство членовъ союза настолько хорошо понимало эти основныя положенія, что когда честолюбивый карьеризмъ нѣсколькихъ членовъ привелъ къ попыткамъ превратить союзъ въ заговоръ для произвольнаго дѣланія революціи, то эти члены были устранены изъ союза (см.: Собраніе историческихъ работъ Маркса изд. Скирмунта, 399).

Нельзя допустить чтобы такъ... безцеремонно, для защиты своей атиморжистской *антимассовой* позиціи, обращались съ именемъ и словами того, кто положилъ начало современному соціалистическому движенію, чьи идеи освѣщаютъ путь всемірному пролетаріату въ его безмѣрно трудной борьбѣ за освобожденіе всего человѣчества. Приведенная выше импровизированная цитата заканчивается такимъ..... но пусть читатель самъ найдетъ названіе... Сообщается, что Марксъ „ставитъ въ образецъ германской демократіи якобинскую Францію 1793“, и дѣлается ссылка на стр. 115 русскаго перевода кельнскаго процесса. Раскрываемъ страницу и находимъ, что Марксъ даетъ совѣтъ не демократіи, а пролетаріату и притомъ въ противовѣсъ демократіи, и относитъ совѣтъ къ моменту послѣ побѣды демократіи, тогда какъ „Большевикъ“ трактуетъ о переживаемомъ нами моментѣ.

Такъ, съ позволенія сказать, „аргументировалась“ позиція „лѣвыхъ“ соціалъ-демократовъ. Тѣ же, кто считалъ себя просто соціалъ-демократами, полагали, что постоянная задача партіи заключается въ развитіи соціалистическаго сознанія пролетаріата, въ пробужденіи его активности въ политической и экономической борьбѣ, въ помощи созданію массо-

выхъ организацій. Въ моментъ переживаемой нами буржуазно-демократической революціи эта задача выражается въ томъ, чтобы пролетаріатъ принялъ участіе въ общей борьбѣ съ подлежащимъ упраздненію строемъ, не служа слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ другихъ классовъ, ни на минуту не забывая своихъ конечныхъ цѣляй и своего особаго положенія въ современномъ обществѣ. Поэтому соціалъ-демократы, не завидующіе лаврамъ „лѣвыхъ", въ періодъ избирательной кампаніи защищали мысль объ активномъ въ ней участіи массы пролетаріата, объ установленіи связи между массой пролетаріата и массой же революціонной демократіи для совмѣстной борьбы съ контръ-революціей. Но подъ вліяніемъ „лѣвыхъ", выдвинувшихъ лозунгъ „бойкота" остановились на полдорогѣ, замѣнивъ формулу безусловнаго бойкота формулой; бойкотъ Думы, но не выборовъ. Эта половинчатость была впослѣдствіи сознана, но... уже очень поздно. Лишь объединительный съѣздъ рѣшительно отвергъ всякіе бойкоты, но практическое значеніе для выборной кампаніи это рѣшеніе можетъ имѣть лишь для Кавказа и Сибири. Кромѣ того если не практически, то принципіально рѣшеніе съѣзда было въ значительной степени обезцѣнено запрещеніемъ избирательныхъ соглашеній со всѣми другими партіями, не исключая даже и революціонной демократіи: чистотѣ пролетарской тактики отнюдь не противорѣчатъ открытыя опредѣленныя соглашенія на почвѣ частныхъ конкретныхъ задачъ.

Подводя итоги четырехъмѣсячному предвыборному и выборному періоду (январь — апрѣль) приходится констатировать, что соціалъ-демократія оказалась внѣ общаго русла политической жизни, въ ея рядахъ преобладали теченія или въ корнѣ противорѣчащія общему смыслу даннаго историческаго періода или же половинчатыя и потому также безжизненныя.

Насталъ третій періодъ: собралась „Дума". Помимо кадетовъ въ ней оказались очень значительная числомъ группа крестьянская и небольшая рабочая группа. Правые и безпартійные или „ерогинцы" оказались въ ничтожномъ меньшинствѣ.

Какую позицію могла занять Дума?

Логически мыслимы были три возможности: 1) попытаться

стать палатой соглашенія съ самодержавной бюрократіей на почвѣ торговли народными правами и интересами; 2) попытаться найти компромиссъ, называемый „общенародными требованіями“ и предъявить его коронѣ *); или наконецъ 3) признать себя не только органомъ народнаго гнѣва и выразителемъ народныхъ требованій, но и единою властью **).

Изъ того, что мною сказано выше, ясно, что первая логическая возможность не имѣла реальной почвы. Третья также, и это не только потому, что въ умахъ подавляющаго большинства населенія, даже активнаго, корона отдѣлена отъ бюрократіи, но и потому, что ходъ революціи не создалъ еще силъ, способныхъ поддержать думу въ этой ея роли съ самаго начала ея дѣятельности. Оставалась вторая возможсамый ность, которая и осуществилась.

Пренія по поводу отвѣтнаго адреса на тронную рѣчь и адресъ носятъ именно этотъ характеръ.

Принятый Думою кадетскій адресъ, несмотря на византійскую фразеологію, представляетъ собою революціонный, или выражаясь языкомъ „звѣздной палаты“ — „дерзновенный“ актъ противъ еще господствующаго, de jure и de facto, строя.

Въ самомъ дѣлѣ, заявленій о томъ, что дума выработаетъ законопроектъ о всеобщемъ избирательномъ правѣ, требованіе упраздненія государственнаго совѣта, предвареніе что дума

---

*) Въ 1848 году въ Германіи—въ адресахъ и петиціяхъ перечислялись слѣдующія „народныя требованія“:—свобода печати, гласность и устность судопроизводства, религіозная свобода, право собраній и ассоціаціи, общее народное представительство на основѣ всеобщей подачи голосовъ, и вооруженіе народа. Иногда добавлялись и требованія соціальнаго характера: уничтоженіе привиллегій, введеніе прогрессивнаго налога, покровительство труду противъ капитала. (Карѣевъ, Исторія Западной Европы, т. V, стр, 439 и 511).

**) „Лѣвые“ видѣли еще одну возможность, осуществленія которой и требовали отъ Думы. Послѣдняя, собравшись признаетъ себя не настоящимъ народнымъ представительствомъ, и декретировавъ амнистію, свободы и созывъ учредительнаго собранія, расходится, обратившись съ торжественнымъ манифестомъ къ народу призывая его осуществить эти декреты.

О такой возможности слѣдуетъ сказать, что она предполагаетъ уже имѣющимися въ наличности такія силы, которые еще предстоитъ создать, между прочимъ, при посредствѣ дѣятельности Думы. Къ изданію такихъ декретовъ Дума можетъ быть и придетъ, но... въ тотъ моментъ, когда народъ готовъ будетъ активно поддеержать эти декреты—призывы.

озаботится укрѣпленіемъ началу права справедливости въ арміи и флотѣ, суть не что иное, какъ явное нарушеніе „конституціи“ 20 февраля и „основныхъ законовъ“ 23 апрѣля, предоставившихъ инціативу въ измѣненіи положенія о думѣ и совѣтѣ и военное дѣло исключительно монарху. Требованія отвѣтственности министровъ передъ думой, обновленія администраціи на всѣхъ ступеняхъ государственной службы въ связи съ демократизаціей органовъ самоуправленія, означаютъ не больше, не меньше какъ требованіе полной ликвидаціи того строя, при которомъ государственная власть изъ слуги общества превратилась въ его повелителя. Не забудемъ, что изъ великихъ европейскихъ державъ только Англія и Франція имѣютъ такой строй: Италія, Австрія и Германія еще далеко отстоятъ отъ него. Наконецъ, декларація принципа принудительнаго отчужденія земель грозитъ гибелью классу феодальныхъ землевладѣльцевъ, этому базису всяческой реакціи, а признаніе свободы коалиціи—должно положить конецъ соціальному самодержавію капиталистовъ.

Итакъ, адресъ несомнѣнно коситъ революціонный характеръ. Мало этого, онъ представляетъ собою — ультиматумъ.

Формально послѣдній пріуроченъ къ требованію амнистіи, но объективная логика вещей, если не субъективная логика авторовъ адреса, придаетъ тотъ же ультимативный характеръ и всѣмъ остальнымъ требованіямъ адреса. Предъявленіе ихъ и отвѣтъ на нихъ являются наглядной демонстраціей возможности „довѣрія между народомъ и царемъ“.

Разсматривая адресъ, какъ совершившійся историческій фактъ, нельзя дать ему иного объясненія, какъ то, что всѣ, представленные въ думѣ, общественныя группы, за ничтожными исключеніями, сошлись въ отрицаніи существующаго строя, въ требованіи его юридической и фактической ликвидаціи, а также въ признаніи необходимости идти на встрѣчу соціальнымъ требованіямъ массъ, причемъ расплывчатость, и неопредѣленность касающихся этой области пунктовъ адреса вполнѣ объясняется фактомъ компромисса между различными партіями компромиса, въ основѣ котораго лежитъ стремленіе объединить усилія въ борьбѣ противъ общаго политическаго врага: самодержавія и бюрократіи.

Обращаясь къ оцѣнкѣ этого историческаго акта, къ опредѣленію тѣхъ силъ, которыя его создали, приходится сказать,

что гегемонія принадлежала той партіи, которая сама по себѣ представляетъ компромиссное теченіе. Трудовая группа, еще не достаточно опредѣлившаяся, еще не чувствующая рядомъ съ собой волнующіяся массы, на которыя она могла бы опереться, уступила первое мѣсто кадетамъ.

Трудовики не поставили имъ ультиматума даже относительно раскрытія формулы всеобщаго избирательнаго права, а устами одного изъ своихъ вождей Аладьина санкціонировали это умолчаніе. Кадеты же не могли устоять передъ искушеніемъ, въ цѣляхъ „изоляціи реакціи“ привлечь на свою сторону правыхъ и безпартійныхъ. Но говорить объ измѣнѣ кадетовъ—безсмысленно, такъ какъ они при внесеніи адресса оффиціально заявили, что внесутъ законопроектъ съ раскрытій формулой, и, несомнѣнно, исполнятъ это. Нельзя кромѣ того не принимать въ расчетъ и тотъ мотивъ, о которомъ говорилъ Набоковъ, а именно, что адрессъ долженъ содержать требованія общенародныя, а мы де не знаемъ, что всѣ члены формулы одинаково общепризнаны.

Повидимому имѣлось въ виду требованіе предоставленія политическихъ правъ женщинамъ, а не равенство и прямота выборовъ. Если бы раскрыть формулу, то пришлось включить и пунктъ „безъ различія пола“.

Важно указать также, что сами авторы адресса нисколько не скрываютъ отъ себя, что „единодушіе“ думы не будетъ сохранено при обсужденіи и рѣшеніи положительныхъ вопросовъ, т. е. при выработкѣ законопроѣктовъ. (См. ст. А. Кизеветтера въ Рус. Вѣд.) Дума должна быть едина въ ея противопоставленіи господствующей самодержавной бюрократіи,—таковъ лейтъ—мотивъ политики кадетовъ въ думѣ, и роль не—кадетовъ, роль представителей пролетаріата и крестьянства въ томъ, чтобы заставить кадетовъ, во имя этого единства, принять въ полной мѣрѣ требованія представляемыхъ ими классовъ.

Моментъ борьбы съ старымъ строемъ — глубоко значителенъ, и не долженъ быть упущенъ. Пагубно было бы разъединять силы, заинтересованныя въ его гибели, но не менѣе тяжкія послѣдствія произошли бы, если бы представители угнетенныхъ классовъ не выставили бы, какъ условіе единства дѣйствій принятіе прогрессивной буржуазіей требованій этихъ классовъ. Поэтому, именно въ моментъ обсужденія

адреса, должны были быть предъявлены эти требованія, и выработаны условія совмѣстной борьбы. „Безусловной“ поддержки пролетаріатъ и крестьянство оказывать не должны. По существу дѣло такъ и обстояло въ дѣйствительности. Михайличенко, вождь рабочей группы, заявилъ, что въ адресѣ есть все то, что нужно для того, чтобы пролетаріатъ могъ продолжать дальнѣйшую борьбу за свои требованія, формулированныя въ программѣ Россійской Соціалъ-Демократической Рабочей Партіи. Крестьянская группа также удовлетворилась адресомъ, какъ общей формулировкой того направленія, въ которомъ должно развиваться законодательство. Изъ свидѣтельскихъ показаній депутата Жилкина о ходѣ работъ въ коммиссіи, вырабатывавшей проектъ адреса, изъ преній въ самой думѣ мы знаемъ, что единство было достигнуто не безъ борьбы, что кадетамъ многое пришлось включить въ адресъ. Въ результатѣ — думскій адресъ — документъ русской революціи.

Онъ не только свидѣтельствуетъ о неизбѣжной грядущей гибели стараго строя, но изолируетъ его, вноситъ фактическую дезорганизацію въ ряды его сторонниковъ, увеличиваетъ ряды активныхъ борцовъ съ нимъ. Фактъ принятія Думой адресъ съ такимъ содержаніемъ сдѣлаетъ многихъ и многихъ изъ нейтральныхъ, колеблющихся и просто недоумѣвающихъ прямыми и рѣзкими противниками господствующаго режима. Точно также немыслимо отрицать глубокое смятеніе въ самомъ станѣ слугъ послѣдняго: и въ рядахъ чиновничества и въ рядахъ войскъ адресъ сдѣлаетъ свое дѣло,—лишитъ увѣренности въ своей непобѣдимости однихъ, укрѣпитъ „неблагонадежность“ другихъ, переводя тайную склонность къ освободительному движенію въ явное служеніе ему, въ нужную минуту не останавливающееся передъ неповиновеніемъ начальству.

Былъ ли понятъ адресъ крайними партіями? Газета „Волна“ органъ „лѣвой“ Соціалъ-Демократіи безпомощно недоумѣваетъ передъ фактомъ адреса и его содержаніемъ. Сегодня въ № 12 она издѣвается надъ кадетами, которые лишили себя возложности вступить въ желанную сдѣлку тѣмъ, что неосмотрительно вставили въ адресъ требованія „безусловно непріемлемыя для правительства“, а завтра въ № 13 она по образцу извѣстной гоголевской героини спѣшитъ себя вы-

сѣчь, объявляя „нелѣпыми „людей, вѣрящихъ въ то, что адресъ Думы представляетъ изъ себя что — то крайне революціоное и „безусловное непріемлемое для правительства".

„Невская газета", которая стоитъ на точкѣ зрѣнія признанія Думы органомъ революціи все же видитъ въ содержаніи адреса, этомъ первомъ революціонномъ актѣ, измѣну и соглашательную угодливость. Въ своей первой статьѣ Невская газета предлагала Думѣ стать на почву изданія декретовъ, которые, по условіямъ момента, не могли не остаться простыми резолюціями. *) Но вскорѣ газета, отражающая взгляды побѣдившаго, наконецъ, теченія, вѣрнаго основнымъ принципамъ Соціалъ-Демократіи, стала на болѣе правильную точку зрѣнія, которая можетъ быть формулирована такимъ образомъ. Для Думы стать на почву резолюціи значило бы „покончить съ собой" и не исполнить возложенной на нее исторіей задачи: быть центральнымъ узломъ дѣятельныхъ борящихся силъ, центромъ, постановленія котораго должны служить стимуломъ активныхъ массовыхъ выступленіи (не въ одной излюбленной „лѣвыми" формѣ) во всероссійскомъ масштабѣ. Дума и стала на этотъ путь.

Первымъ шагомъ былъ адресъ, вторымъ, неизбѣжно изъ перваго вытекавшимъ—засѣданіе 13 мая, когда Дума „предъ лицомъ страны" потребовала немедленнаго удаленія бюрократическаго министерства и назначенія министерства, отвѣтственнаго передъ Думой.

Теперь на очереди запросы, выработка законовъ, обращенія членовъ Думы, группъ и партій къ своимъ избира-

---

*) Товарищъ Л. М. предложилъ Думѣ принять такое рѣшеніе вопроса объ амнистіи. Всѣ принимавшіе участіе въ политической и соціальной борьбѣ немедленно освобождаются. Всякое должностное лицо, которое будетъ держать ихъ въ ссылкѣ или тюрьмѣ, будетъ предано суду присяжныхъ. Товарищъ самъ чувствовалъ, что толку не будетъ, ибо не предвидѣлъ „практическихъ результатовъ". Неужели неясно, что та постановка вопроса объ амнистіи, которая дана въ адресѣ, дѣйствительно ставитъ ребромъ дилемму: или амнистія или крушеніе довѣрія между народомъ и царемъ. Та же цѣль, которую преслѣдовалъ Л. М. чтобъ народъ зналъ, что дума хочетъ добиться амнистіи, цѣликомъ достигается адресомъ, причемъ послѣдній даетъ „предметный урокъ" имѣющій слѣдствіемъ разрушеніе народныхъ иллюзій.

лямъ, къ представляемымъ ими классамъ. Въ этой стадіи „трудовики„ и рабочіе должны во всей полнотѣ предъявляя свои требованія, противопоставлять ихъ, когда нужно, кадетамъ. Необходимо сказать, что сейчасъ (пишу 23 мая), дебатеруется величайшій вопросъ русской революціи—аграрный. Задача рабочихъ и крестьянскихъ депутатовъ—потребовать во что бы то нистало передачи вопроса, послѣ принятія принципіальныхъ и притомъ такъ сказать отрицательныхъ рѣшеній — (принципъ принудительнаго отчужденія земель), на предварительное обсужденіе на мѣстѣ *) въ учрежденія, избранныя по строго демократическому принципу, а не въ „крестьянскіе комитеты". Эта передача, вопервыхъ, дастъ единственую гарантію жизненности рѣшенія безконечно-сложной, не знающей историческихъ прецедентовъ проблемы, во-вторыхъ, создастъ такіе органы демократіи, которые представятъ собою несокрушимый оплотъ въ борьбѣ народа съ бюрократіей, оплотъ о который разобьются всѣ усилія контръ-революціи. Врядъ-ли можно сомнѣваться, что вотумъ Думы о передачѣ земельнаго вопроса въ демократически избранныя мѣстныя учрежденія (волостныя, уѣздныя, губернскія **) встрѣтитъ горячій откликъ во всемъ населеніи, и никакому горемыкину не справиться съ властнымъ требованіемъ народа осуществить т а к о е постановленіе Думы. Логическимъ послѣдствіемъ его будетъ реорганизаціи всего мѣстнаго самоуправленія, такъ какъ не могутъ рядомъ существовать разнодныя тѣла. Когда-же эти преобразованія станутъ *фактами,*—побѣда революціи уже будетъ записана на скрижали исторіи: въ каждой волости, уѣздѣ, въ каждомъ городѣ образуется своя „дума", но уже строго демократическая, которая и поведетъ борьбу съ насильниками. Сомнѣваться въ исходѣ этой борьбы не приходится.

При обсужденіи законопроектовъ о свободахъ лѣвые чле-

---

*) Трудовикамъ не мѣшало бы воздержаться отъ принятія въ Думѣ положительныхъ построеній вродѣ уравнительнаго землепользованіи, трудовой нормы и пр. Они должны быть спокойны. Если эти рѣшенія жизненны то ихъ примутъ и на мѣстахъ, а если не жизненны, то принятіе ихъ нанесетъ страшный ударъ движенію вообще и рѣшенію земельнаго вопроса въ частности.

**) Къ участію въ этихъ учрежденіяхъ должно-быть привлечено одинаково и городское и сельское населеніе.

члены думы должны со всей энергіей возстать противъ всякихъ попытокъ удержать старое безправіе, вродѣ правъ полиціи распускать „съ принужденіемъ“ собраніе если оно по мнѣнію полицейскаго чина непосредственно угрожаетъ общественной безопасности или проектируемаго запрещенія подъ угрозой каторги призывать въ печати къ„ бунтовщическому дѣянію“. Чѣмъ, скажите, гг. члены партіи народной свободы эти пункты отличаются отъ теперешнихъ порядковъ! Нѣтъ, отъ такой свободы—подальше! И лѣвымъ кадетамъ, представляющимъ служащую интеллигенцію, при обсужденіи и голосованіи этихъ параграфовъ, внуздывающихъ „народную свободу“ придется таки поставить ультиматумъ своимъ товарищамъ представителямъ либеральной владѣльческой буржуазіей и бывшимъ гг. чиновникамъ отъ просвѣщенія, авторамъ этихъ „пунктовъ“, заимствованныхъ изъ устава о пресѣченіи и предупрежденіи. Лѣвые кадеты должны будутъ порвать пуповину, связывающую ихъ съ послѣдними и пойти рядомъ съ трудовиками и рабочими, если эти пункты не будутъ взяты назадъ ихъ творцами. Впрочемъ возможно, что одна угроза расколомъ заставитъ и правыхъ ихъ товарищей побольше считаться съ улицей т.-е. съ революціоннымъ народомъ. Но, конечно, расколъ кадетовъ рано или поздно неизбѣженъ *). Долженъ вѣдь настать моментъ, когда закончится періодъ запросовъ, выработки законопроектовъ и частичныхъ, отъ имени группъ и партій, обращеній къ народу, и Думѣ, какъ таковой, придется обратиться за поддержкой къ странѣ и стать центромъ всенаро-

*) Нельзя не отмѣтить позиціи „твердокаменной“ Волны, претендующей на монополію „выдержанной точки зрѣнія“. Въ одномъ и томъ же номерѣ, (20-тый) она одобряетъ „Свѣточъ“, когда тотъ утверждаетъ, что Дума не можетъ даже играть роль революціонной трибуны и сомнѣвается способна ли она даже на мирную антиправительственную манифистацію, и пишетъ слѣдующее: „Думская лѣвая: рабочая группа, трудовая группа и лѣвое крыло кадетовъ (курсивъ мой В. Г.) можетъ сыграть роль выразителя революціоннаго общественнаго мнѣнія“. Мало того дальше начертано: „Если это заставитъ кадетовъ пойти по ея стопамъ, тѣмъ лучше“ и пр. и пр. Здѣсь уже мыслится возможность, что *всѣ* кадеты *вся* Дума станетъ органомъ революціоннаго мнѣнія. Гдѣ же, товарищи изъ Волны „контръ-революція Думы“, угодливо-соглашательная политика Думы“, а вѣдь вы считаете эти тезисы — революціонной догмой, одно сомнѣніе, въ которой свидѣтельствуетъ объ оппортюнизмѣ, непониманіи революціонной тактики и прочихъ преступленіяхъ.

днаго выступленія, направленнаго къ фактической ликвидаціи ненавистнаго строя.

Пора бросить нелѣпое, антинаучное и антижизненное противопоставленіе „Думы и Народа“

Дума есть часть народа, одна изъ организацій имѣющихся въ немъ силъ, организація по самому своему положенію не могущая не стать центромъ всенароднаго движенія во всѣхъ его формахъ. Дума—пропагандистская и агитаторская трибуна, рупоръ народнаго гнѣва и народныхъ требованій; Дума—арена, на которой сталкиваются два міра, старый и новый, въ ихъ непримиримой противоположности. „Словесныя“ схватки въ Думѣ, надъ которыми такъ смѣются „лѣвые“,—суть необходимыя условія для возникновенія физической и всякой иной борьбы всего народа съ его угнетателями. Эти словесныя схватки въ концѣ концовъ пробудятъ сознаніе и активную волю во всѣхъ еще „недоумѣвающихъ“ и пассивныхъ, и въ томъ числѣ и въ войскахъ, переведя ихъ изъ лагеря враговъ народа въ ряды послѣдняго, безъ какового условія физическая побѣда народа—немыслима.

Дума—организующій центръ, вокругъ котораго формируются общественныя силы для вліянія на него, для поддержки, наконецъ, для борьбы, если придется. Наконецъ, Дума—необходимый, единственный возможный органъ для созданія новой власти.

„Временное революціонное правительство, вышедшее изъ побѣдоноснаго возстанія“ á la временное правительство французской „соціальной республики“ 1848 года, если бы и было мыслимо, то было бы очень и очень „невыгодно“, употребляя терминъ сторонниковъ временнаго правительства и кандидатовъ во временные правители. Образованіе его неминуемо вызвало бы побѣдоносную контръ-революцію, какъ то имѣло мѣсто во Франціи 1848—1852 годовъ.

Не забудемъ, что Марксъ объ этой послѣдней революціи говоритъ, что „она развивалась по нисходящей линіи, что это ея обратное движеніе стало проявляться ранѣе, чѣмъ исчезла послѣдняя февральская баррикада и появилось на свѣтъ первое революціонное учрежденіе“ (т.-е. пресловутое временное революціонное правительство), тогда какъ „первая французская революція“ шла по восходящей линіи: за

владычествомъ конституціоналистовъ слѣдовало владычество жирондистовъ и потомъ владычество якобинцевъ".

Ходъ нашей революціи будетъ несомнѣнно анологичнымъ не февральской революціи, а революціи XVIII вѣка. У насъ также „когда какая нибудь партія подвинетъ революцію настолько, что не сможетъ слѣдовать за нею, такую партію отстранитъ другая, болѣе энергичная союзная партія" *).

Но если несомнѣнно, что наша революція будетъ идти по восходящей линіи, а сомнѣваться въ этомъ не приходится, такъ какъ могучіе классы—пролетаріатъ и крестьянство, которымъ обезпечено дѣятельное сочувствіе интеллигенціи, не могутъ успокоиться пока не добьются глубокихъ политическихъ и экономическихъ преобразованій, и слѣдовательно разрушатъ всякую сдѣлку между господствующими классами и старой властью, если бы таковая и состоялась,—то это обязываетъ не начинать... съ конца.

„Лѣвые" изъ „лѣвыхъ" проводятъ резолюціи: „долой думу", объявляютъ, что наша задача „разрушить думу" („Свѣточъ" № 9). Просто „лѣвые" снисходительно разрѣшаютъ Думѣ декретировать свободы и созывъ учредительнаго собранія и... распуститься, для облегченія трудной задачи г. Трепова **). Мы же „правые", вмѣстѣ съ рабочими депутатами полагаемъ, что задача Думы *подготовить условія* для этого созыва и не распускаться вплоть до открытія засѣданій учредительнаго собранія (если ее, конечно, не разгонятъ семеновцы и ладожцы) оставаясь центромъ оппозиціи и организаціи общественныхъ силъ и, быть можетъ, временнымъ органомъ власти.

Мы вмѣстѣ съ Марксомъ можемъ предъявить Думѣ то требованіе, которое онъ предъявилъ франкфуртскому парламенту. Вотъ что онъ писалъ: „мы не выставляемъ утопи-

*) Всѣ цитаты взяты изъ „18 брюмера", изд. Молота, стр. 29".

**) Интересно бы знать, на что разсчитываютъ тѣ, кто требуетъ сейчасъ отъ Думы декрета о созывѣ учредительнаго собранія? Кто въ самомъ дѣлѣ созоветъ его? Дума? Но она сама созвать не можетъ, такъ какъ она органъ безъ рукъ. Или она должна обратиться съ воззваніамъ къ народу о созывѣ учредительнаго собранія революціоннымъ путемъ? но ее урезонитъ т. Ленинъ, который понимаетъ, что „форсировать событій не нужно". Остается одинъ созыватель—все тотъ же Треповъ! Или, наконецъ предполагается, что лозунгъ „учредительное собраніе" провозглашенный: Думой получитъ мисическую силу и осуществится самъ собой.

ческаго требованія провозглашенія одной цѣлостной недѣлимой Германской республики, но мы требуемъ отъ такъ называемой радикально-демократической партіи, чтобъ она не смѣшивала исходнаго пункта борьбы и революціоннаго движенія съ ихъ конечнымъ пунктомъ.

Объединеніе Германіи, какъ и германская конституція, могутъ явиться только въ результатѣ движенія, въ которомъ такую же роль, какъ внутренніе конфликты, будетъ играть и война съ Востокомъ. Окончательное конституированіе не можетъ быть декретировано. Оно совпадаетъ съ движеніемъ, которое мы должны пережить. Рѣчь идетъ поэтому не объ осуществленіи того или другого мнѣнія, той или другой политической идеи; рѣчь идетъ объ уразумѣніи хода развитія. Національное Собраніе должно сдѣлать лишь ближайшіе практическіе шаги" *).

Не только тѣмъ товарищамъ, которые считаютъ только себя истинными представителями революціонной соціалъ-демократіи, но и товарищамъ, не противоставляющимъ „Думы и народа", но вмѣстѣ съ тѣмъ сводящимъ всю роль Думы къ агитаціи, не мѣшало бы поглубже вдуматься въ эти слова Маркса, слова, въ которыхъ превосходно выразилось примѣненіе общихъ принциповъ научнаго историческаго мышленія Маркса къ конкретнымъ вопросамъ исторіи. Марксъ на знамени партіи котораго стояла—единая и цѣльная Германская республика, былъ противъ требованія провозглашенія таковой, находя такое требованіе въ данный моментъ утопическимъ. Какъ извѣстно, и нашей соціалъ-демократіи пришлось таки снять съ очереди дня—во имя дѣйствительнаго торжества,—провозглашеніе при всякихъ условіяхъ демократической республики. Теперь никто, кажется, не требуетъ отъ соціалъ-демократовъ, попавшихъ въ Думу, чтобы они внесли проектъ соотвѣтствующаго думскаго постановленія. Значитъ, дѣло не въ одной агитаціи и не въ одномъ бросаніи лозунговъ, а и еще въ чемъ то. Это что-то, очевидно, состоитъ въ всестороннемъ содѣйствіи тому движенію, которое фактически приведетъ къ воплощенію „лозунговъ"

*) Марксъ „Либералы у власти", цитировано по „Правдѣ", ноябрь 1905 г. стр. 222.

въ жизнь. Роль Думы, какъ и всякой общественной организаціи, не исчерпывается провозглашеніемъ желаемаго, а борьбой съ препятствіями желаемому.

На этомъ мы заканчиваемъ изложеніе нашего пониманія современнаго момента русской революціи.

Сущность изложенныхъ выше взглядовъ можетъ быть формулирована въ такихъ словахъ. Въ лицѣ Думы народъ имѣетъ центральную организацію общественныхъ силъ, и борьба ихъ не можетъ идти ни мимо Думы, ни противъ нея. Пока въ странѣ господствуетъ строй, противорѣчащій интересамъ всего общества, Дума не можетъ не быть однимъ изъ орудій борьбы съ нимъ. Всякія опасенія о соглашеніи вздорны. Дума стоитъ и не можетъ не стоять на линіи поведенія, отвѣчающей равнодѣйствующей общественныхъ силъ, и въ качествѣ таковой, она не ограничится вотумомъ 13 мая, но приметъ организующее участіе въ актахъ всенародной борьбы за осуществленіе какъ этого вотума, такъ и тѣхъ требованій, которые будутъ формулированы въ думскихъ законахъ, и гораздо большихъ, выставленныхъ революціонными классами и прежде всего пролетаріатомъ *).

Каковы же задачи, какова тактика въ переживаемую эпоху политической организаціи пролетаріата, соціалъ-демократіи?

Постоянныя задачи соціалъ-демократіи: прояснять сознаніе пролетаріата соціалистической мыслью, возбуждать его классовую активность, т.-е. пробуждать его волю къ экономической и политической борьбѣ, содѣйствовать организаціи его силъ,—остаются задачами соціалъ-демократіи и въ моментъ буржуазной революціи. Условія послѣдней, диктуя необходимость союза съ буржуазной демократіей и даже либеральной буржуазіей, не должны растворять пролетаріатъ въ массѣ оппозиціоннаго и революціоннаго народа. Нѣтъ, онъ долженъ идти особымъ отрядомъ, но отрядомъ общей арміи, причемъ не долженъ думать, что формула: врозь идти, и вмѣстѣ бить, означаетъ, что отряды, идя на

*) Мы видѣли, что даже „Волна“ признаетъ, что кадеты, а слѣдовательно и Дума могутъ стать органомъ революціоннаго общественнаго мнѣнія, ну а логика жизни, если не „Волны“ приведетъ къ тому, что органъ революціоннаго мнѣнія превратится въ органъ революціоннаго дѣйствія.

поле битвы, и даже придя на него, должны разить не общаго врага, а другъ друга.

Цѣль пролетаріата—повысить историческую равнодѣйствующую, добиться возможно большихъ политическихъ и соціальныхъ завоеваній,—останется мечтой, если рабочій классъ увлечется утопическими надеждами на непрерывную революцію вплоть до соціалистической или же станетъ на путь изолированнаго, сфабрикованнаго „нами“ выступленія. Онъ не долженъ терять сознанія реальной обстановки и исторической перспективы.

Помня безсмертныя слова Лассаля, что конституція есть соотношеніе реальныхъ силъ, и зная, что русская конституція исчерпывается однимъ словомъ: „Треповъ“, пролетаріатъ не затемнитъ своего классового самосознанія, вступивъ въ боевой союзъ со всѣми тѣми, кто готовъ бороться съ Треповымъ. Мы видѣли, что Дума и есть та организація, которая стоитъ въ центрѣ борьбы, и потому пролетаріатъ не можетъ не послѣдовать за призывомъ рабочихъ депутатовъ, и мобилизуя свои силы, поддержитъ Думу въ ея борьбѣ, употребивъ свое могучее вліяніе на повышеніе энергіи борьбы, на расширеніе тѣхъ требованій, за которыя она ведется.

Пусть онъ не думаетъ, что учредительное собраніе возникнетъ отъ многократнаго повторенія его названія, оно явится плодомъ реальной борьбы, въ которой Дума играетъ такую важную и незамѣнимую роль координированія дѣйствій. Но чтобы Дума играла эту роль необходимы массовыя движенія, безъ которыхъ она безсильна. Необходимы направленныя въ Думу массовыя резолюціи, петиціи и демонстраціи, но можно предвидѣть, что этими формами движеніе не исчерпается, что назрѣваетъ новая великая забастовка.

Она будетъ слѣдующей стадіей послѣ указанныхъ формъ массоваго движенія. Кромѣ того охватившее сейчасъ массы профессіональное движеніе, образованіе профессіональныхъ союзовъ сдѣлаетъ пролетаріатъ организованнымъ, что необходимо для предстоящаго массоваго акта. Какія формы борьбы понадобятся еще, гадать не стоитъ, тѣмъ болѣе, что выполненіе уже выдвинутыхъ жизнью формъ и пред-

ставляетъ единственную реальную подготовку и къ другимъ формамъ.

Пролетаріату одинаково нужно быть свободнымъ, какъ отъ конституціонныхъ, такъ и отъ революціонныхъ иллюзій. Ни Дума, безъ его активной борьбы, не предподнесетъ ему свободы и правъ, ни „мы“ не подготовимъ для него побѣды. Не парламенты, и не партіи, да еще „тайныя“ а сами массы, и только онѣ, достигаютъ побѣды.

И Дума добыта борьбой массъ и благодаря той же массовой борьбѣ, но связанной съ борьбой Думы, послѣдняя станетъ орудіемъ освобожденія народа отъ страшнаго режима и безпредѣльнаго насилія!

Вл. Громанъ.

Объединительный Съѣздъ Россійской Соц.-Демокр. Рабочей Партіи.

Вопросы тактики.

Объединительное движеніе въ Росс. Соціалъ-демократіи, которое закончилось только-что бывшимъ объединительнымъ съѣздомъ, началось въ октябрьскіе дни.

По имени единая партія, Росс. С.-Д. Раб. партія на самомъ дѣлѣ раздѣлялась на двѣ совершенно отдѣльно организованныя и рѣзко враждующія между собою фракціи — «большинство» и «меньшинство». Возстановленіе этой единой только по имени партіи, стало прежде всего потребностью тогдашняго момента. Порожденная подъемомъ революціи, потребность въ объединенной борьбѣ противъ общаго врага, вызывала повсюду въ октябрѣ и ноябрѣ федеративные комитеты организацій «большинства» и «меньшинства», руководившіе ихъ совмѣстными выступленіями. Но это неполное объединеніе не удовлетворяло массу соціалъ-демократіи, въ особенности рабочихъ. Низы организацій настойчиво требовали полнаго сліянія обѣихъ фракцій. Уступая этимъ требованіямъ, нѣкоторыя мѣстныя организаціи (въ Одессѣ, Саратовѣ) слились, не дожидаясь полнаго сліянія обѣихъ фракцій по всей линіи. Затѣмъ пришли въ движеніе и центральныя учрежденія обѣихъ фракцій и начали организовывать созывъ фракціонныхъ конференцій для обсужденія вопроса о сліяніи.

Въ концѣ ноября собирается конференція меньшевиковъ. На этой конференціи присутствуютъ представители «большинства» (Центр. Ком.) и конференція въ цѣломъ представляетъ трогательную картину почти полнаго согласія обѣихъ фракцій по всѣмъ кореннымъ вопросамъ. Организаціонныя разногласія до сихъ поръ

наиболѣе рѣзко раздѣляли обѣ фракціи, но эти разногласія были сметены жизнью. Съ одной стороны «большевики» подъ вліяніемъ наступившей свободы отказываются отъ своей прежней организаціонной политики и высказываются за самый широкій демократизмъ, за участіе въ партійныхъ дѣлахъ съ рѣшающимъ голосомъ всѣхъ организованныхъ членовъ партіи, признающихъ ея программу, съ другой стороны «меньшевики», приступая къ организаціи широкой массовой партіи, чувствуютъ необходимость болѣе рѣзко, чѣмъ они это дѣлали до сихъ поръ, подчеркнуть необходимость централизаціи партіи. Идя навстрѣчу другъ другу, «меньшевики» и «большевики» въ организаціонномъ вопросѣ довольно единодушно выдвигаютъ въ качествѣ основного принципа— демократическій централизмъ. Только незначительное меньшинство конференціи вноситъ въ этомъ отношеніи диссонансъ, стремясь во имя демократизма возможно болѣе ослабить централизмъ, но на нихъ дружно нападаютъ и большинство меньшевиковъ и присутствующіе на конференціи представители большевистскаго Центральнаго Комитета. И только кавказцы вносятъ нѣкоторый диссонансъ въ это трогательное единодушіе. Они выступаютъ съ явнымъ недовѣріемъ къ большевикамъ, они не могутъ забыть имъ прежніе организаціонные грѣхи и не довѣряютъ ихъ теперешнему организаціонному демократизму. Съ другой стороны они напоминаютъ о тактическихъ разногласіяхъ, раздѣляющихъ меньшевиковъ и большевиковъ, но имъ отвѣчаютъ на это, что не тактическія разногласія раздѣлили партію на двѣ отдѣльно организованныя фракціи и что эти разногласія не такъ велики, чтобы нельзя было существовать въ одной партіи. Да и существовали ли тактическія разногласія въ этотъ моментъ? Самымъ рѣзкимъ политическимъ разногласіемъ, наиболѣе обособлявшимъ меньшинство и большинство до 17 октября и въ то же время отражавшимъ въ себѣ и всѣ другія ихъ тактическія разногласія, было разногласіе по вопросу объ отношеніи къ Государственной Думѣ. Но этотъ вопросъ, казалось тогда, былъ снятъ жизнью. Булыгинская Дума провалилась и хотя правительство 17 октября вмѣстѣ съ возвѣщеніемъ свободъ заявило о своемъ желаніи созвать на новыхъ началахъ Государственную Думу, но въ рядахъ соціалъ-демократіи тогда почти никто не вѣрилъ, что правительству придется созывать эту Думу. Революціонное движеніе на почвѣ наступившей свободы начинало принимать такой широкій характеръ, гегемонія пролетаріата выступала такъ рѣзко, про-

летарскія организація—совѣты рабочихъ депутатовъ—уже, казалось, протягивали руку къ власти, что не объ отношеніи къ какой-то Думѣ приходилось думать партіи, а о томъ, какъ бы обезпечить побѣду возстанію, готовому разразиться каждую минуту. Постановка задачъ революціи и ихъ рѣшеніе принимали во всей партіи невольно большевистскій характеръ. Необходимо организовать возстаніе, необходимо технически подготовить его, вотъ что казалось было неотложной, насущной задачей того момента. Буржуазныя партіи казались въ этотъ моментъ какими-то жалкими, ничтожными, неспособными сыграть сколько-нибудь значительную роль въ дальнѣйшемъ движеніи революціи. Соціалъ-демократія царила тогда на сценѣ, уступая только частицу господства соціалистамъ-революціонерамъ. Это конечно не возбуждало никакихъ сомнѣній и опасеній у тѣхъ, кто подобно Ленину и большевикамъ, думали, что революція должна закончиться диктатурой пролетаріата и крестьянства. Правда, крестьянство не играло тогда замѣтной роли въ революціонномъ движеніи, но отъ его лица говорили соц.-революціонеры, въ его средѣ начиналъ пріобрѣтать нѣкоторое вліяніе крестьянскій союзъ; на почвѣ Петербургскаго совѣта рабочихъ депутатовъ, между эсэрами и крестьянскимъ союзомъ съ одной стороны и соціалъ-демократіей съ другой, устанавливалась и извѣстная организаціонная связь, и Петербургскій Совѣтъ рабочихъ депутатовъ—этотъ главный организующійся «органъ революціонной власти» начиналъ казаться зародышемъ того временнаго правительства, которое осуществитъ диктатуру пролетаріата и крестьянства.—Еще болѣе, казалось, имѣли почву подъ ногами тѣ, кто, подобно Парвусу и Троцкому, мечтали о диктатурѣ только пролетаріата и считали естественнымъ и даже неизбѣжнымъ завершеніемъ настоящей революціи — соціалистическій переворотъ. Въ самомъ дѣлѣ, передъ могучимъ пролетарскимъ движеніемъ и его массовыми организаціями, встающими въ рѣзкое боевое отношеніе къ правительству, все казалось тогда такимъ мелкимъ и ничтожнымъ. И иллюзія близкой побѣды революціи и притомъ революціи пролетарско-крестьянской, какъ думалъ Ленинъ, или даже пожалуй чисто-пролетарской, соціалистической революціи, какъ думали Парвусъ и Троцкій, начала овладѣвать сознаніемъ партіи. Было конечно и тогда въ партіи немало сомнѣвающихся и даже невѣрующихъ въ эту близкую побѣду пролетаріата, но не они были тогда господами положенія, не они вели за собой партію. Ни одинъ сильный го-

лосъ въ партіи не поднимался тогда противъ этихъ вредныхъ иллюзій и только передъ самымъ декабрьскимъ возстаніемъ рѣзкимъ диссонансомъ съ господствующимъ въ партіи настроеніемъ прозвучалъ голосъ Плеханова въ его 3-мъ номерѣ Дневника.

Конференція «меньшинства» закончила свои занятія передъ самымъ декабрьскимъ возстаніемъ. Уже во время этого возстанія произошла конференція большинства, работа которой окончательно подготовила объединеніе партіи. Участіе затѣмъ въ возстаніи, въ которое обѣ фракціи ринулись съ довольно однороднымъ настроеніемъ, казалось должно было еще болѣе способствовать объединенію партіи, но на самомъ дѣлѣ оно готовило этому объединенію серьезнѣйшее испытаніе. Оно начало постепенно возвращать, если не всей партіи, то по крайней мѣрѣ меньшевистской части ея, ту ясность сознанія, которая была утрачена партіей въ дни свободы; оно безпощадно разбило иллюзію,—что пролетаріатъ можетъ осуществить побѣдоносное возстаніе при отсутствіи сочувствія къ нему со стороны массы буржуазнаго общества, оно ярко показало, что масса населенія, крестьянство, мелкая буржуазія и даже значительная часть пролетаріата не технически, а политически не подготовлена къ возстанію, что масса населенія еще политически не созрѣла до рѣшительной схватки съ старымъ полицейско-самодержавнымъ режимомъ. И въ то же время жизнь снова поставила передъ партіей вопросъ объ отношеніи къ Гос. Думѣ, той новой Думѣ на расширенной основѣ, которую рѣшило созвать правительство. Снова начался процессъ разслоенія въ партіи, снова начала постепенно развиваться и расти внутренняя рознь въ партіи. Сначала она слабо чувствовалась. Партія нѣкоторое время по инерціи двигалась по тому пути, который она усвоила себѣ въ дни свободы. — Съ точки зрѣнія происходящаго вооруженнаго возстанія, въ какое отношеніе партія могла встать къ Государственной Думѣ? Она могла принять по отношенію къ ней только — простой переходъ къ очереднымъ дѣламъ. Такое настроеніе и владѣло тогда большинствомъ партіи не только «большевиковъ», но и значительной частью «меньшевиковъ» и продолжало владѣть еще долгое время послѣ тѣхъ уроновъ,, которые дало партіи декабрское возстаніе. Дума не стоитъ на столбовой дорогѣ революціи, вооруженное возстаніе — достигнутая ступень движенія, участіе въ выборахъ въ Думу можетъ только отвлекать населеніе отъ задачи вооруженнаго возстанія и затемнять его сознаніе конституціонными иллюзіями. Такая поста-

новка вопроса и выводъ изъ нея — бойкотъ Думы, бойкотъ выборовъ въ нее, начали пріобрѣтать господство въ партіи. Только часть меньшевиковъ боролась противъ такого отношенія къ Думѣ, но и то обнаружила шаткость и нерѣшительность и создавши половинчатую тактику — участіе въ выборахъ для того, чтобы не выбирать въ Думу — не въ состояніи была оказать сколько-нибудь серьезнаго противодѣйствія тактикѣ «большевиковъ». Тактика «большевиковъ» стала въ то же время тактикой значительнаго большинства партіи. Но прежнее единство тактическихъ взглядовъ партіи все-таки было нарушено, борьба двухъ теченій снова началась, она начала постепенно принимать все болѣе рѣзкій характеръ, а картина происшедшихъ затѣмъ выборовъ въ Думу широкимъ кругамъ партіи открыла глаза на гибельность того пути, на который вступила партія. Пролетаріатъ долженъ быть авангардомъ революціи. Отстаивая свою классовую самостоятельность, противополагая себя всѣмъ остальнымъ классамъ современнаго общества, онъ въ то же время идетъ впереди остальной массы населенія, добивающейся соціально-политическихъ преобразованій, обостряя своей борьбой ея противорѣчіе съ современнымъ строемъ, демократизируя своимъ систематическимъ воздѣйствіемъ на нее ея требованія, и толкая ее на все болѣе рѣшительный революціонный путь. Вотъ та точка зрѣнія, отъ которой соціалъ-демократія всегда отправлялась въ современной революціи. Какъ же она проводила ее? Роль авангарда революціи она старалась играть тѣмъ, что во дни свободы постоянными криками о немедленномъ вооруженномъ возстаніи, до котораго масса населенія совершенно несозрѣла, легкомысленной агитаціей за немедленное осуществленіе захватнымъ путемъ 8-часового рабочаго дня, устройствомъ ноябрьской забастовки въ Петербургѣ послѣ только что пережитой октябрьской, выдвиганіемъ идеи непрерывной революціи и соціалистическаго переворота, какъ завершенія ея, создавала въ процессѣ борьбы съ современнымъ строемъ совершенно излишнюю рознь между пролетаріатомъ и массой буржуазнаго общества и толкала значительные слои послѣдней въ объятія бюрократіи. Въ результатѣ всей этой тактики она принуждена была въ отвѣтъ на удары правительства звать пролетаріатъ къ возстанію при явномъ несочувствіи къ нему широкихъ круговъ буржуазіи и полной неподготовленности къ нему крестьянства. Роль авангарда революціи соціалъ-демократія старалась затѣмъ играть тѣмъ, что проводила тактику бойкота Думы.

на точку зрѣнія которой совершенно не въ состояніи были стать ни широкіе слои городской буржуазіи, ни крестьянство, ни даже значительная часть пролетаріата. Во время декабрьскаго возстанія эта широкая масса населенія не шла за соціаль-демократіей и руководимымъ ею пролетаріатомъ; во время выборовъ въ Думу она не только не пошла за соціаль-демократіей по пути бойкота, но какъ разъ участіе въ выборахъ, которое всячески опорачивала соціаль-демократія, сдѣлала полусознательно сильнѣйшимъ орудіемъ борьбы противъ господства бюрократіи.

Дума будетъ черносотенной, единодушно предсказывали бойкотисты. Этимъ они ясно показывали, что они насквозь были проникнуты бланкизмомъ. Они считали возможнымъ немедленное побѣдоносное возстаніе и въ то же время думали о массѣ населенія такъ низко, что считали бюрократію способной сдѣлать съ ней все, что угодно: среди всеобщихъ избіеній и разстрѣловъ, при полномъ разгулѣ самаго дикаго произвола заставить ее сказать, что она одобряетъ всю эту систему. Но масса населенія оказалась выше, чѣмъ о ней думали бойкотисты: несмотря на сильнѣйшее давленіе администраціи, она превратила выборы въ грандіозную демонстрацію противъ господства бюрократіи; она создала въ то же время изъ Государственной Думы, вопреки всѣмъ ожиданіямъ правительства, свой организаціонный центръ для дальнѣйшей борьбы съ бюрократіей. На глазахъ соціаль-демократіи совершался могучій процессъ дальнѣйшаго развитія революціи, масса населенія вовлекалась въ активную борьбу съ правительствомъ, а соціаль-демократія не только не была авангардомъ въ этомъ процессѣ, но ослабляла свое вліяніе даже на пролетаріатъ, толкая своей нелѣпой тактикой бойкота значительную часть его подъ знамя буржуазныхъ партій. Вся эта цѣлостная тактика соціаль-демократіи, тактика изоляціи пролетаріата, заговорщической подготовки возстанія, пренебреженія къ использованію легальныхъ возможностей въ цѣляхъ политическаго воспитанія массы, тактика, усвоенная партіей въ дни свободы, была окончательно доведена ею до абсурда во время выборовъ въ Думу. Всѣмъ, не утратившимъ соціаль-демократическаго чутья, стало ясно, что дальнѣйшее проведеніе такой тактики будетъ означать для партіи самоубійство, что оно грозитъ превратить ее не въ широкую массовую партію пролетаріата, которою она стремиться стать, а въ секту заговорщиковъ, лишенную всякаго серьезнаго вліянія на дальнѣйшее развитіе революціи. На почвѣ этого со-

знанія снова выростало старое «меньшинство» въ партіи, и его розпь съ «большинствомъ» въ сущности пріобрѣтала такой рѣзкій и глубокій характеръ, какого она не имѣла въ дни самой ожесточенной фракціонной борьбы между «меньшинствомъ» и «большинствомъ». Но пока развивался этотъ процессъ разложенія партіи, объединительный процессъ, двинутый обѣими конференціями, закончился почти полнымъ организаціоннымъ сліяніемъ обѣихъ фракцій.

Всѣ паралельныя организаціи большевиковъ и меньшевиковъ, кромѣ московскихъ, слились; оставалось собрать объединительный съѣздъ и окончательно закрѣпить это единство. Организаціонное единство партіи было почти готово, но единство пониманія текущаго момента, единство тактики въ современной революціи было поколеблено болѣе, чѣмъ когда-либо, и въ то же время по спорнымъ вопросамъ у партіи не было единыхъ, связывающихъ ее рѣшеній. Эти рѣшенія долженъ былъ создать объединительный съѣздъ. Этотъ съѣздъ выбирался на такой широкой демократической основѣ, на которой не составлялся еще ни одинъ съѣздъ, ни одна конференція партіи. Всѣ организованные члены партіи имѣли право принять участіе въ обсужденіи порядка дня съѣзда и выборѣ делегатовъ. Делегаты выбирались по 1 на 300 организованныхъ членовъ. Эти условія созыва съѣзда должны были придать ему большую авторитетность въ глазахъ всѣхъ членовъ партіи. И тѣмъ не менѣе при той глубокой идейной розни, которая начала разъѣдать партію, невольно закрадывалось сомнѣніе, удастся ли ему выполнить свою задачу, закончитъ ли онъ объединительный процессъ или онъ станетъ исходной точкой новаго разъединенія партіи. Было немало представителей и среди «меньшевиковъ» и среди «большевиковъ», которые съ большимъ скептицизмомъ ожидали съѣзда и его результатовъ. Но значительное большинство членовъ партіи, пережившихъ расколъ со всѣми его отрицательными сторонами, съ большими трудностями и треніями достигшихъ наконецъ организаціоннаго единства, относились отрицательно къ расколу и во многихъ случаяхъ снабжали своихъ делегатовъ директивами добиваться во что бы то ни стало объединенія партіи. И нужно сказать, что при всей глубокой принципіальной розни, раздѣлявшей партію, при всей несомнѣнной трудности при такихъ условіяхъ совмѣстной борьбы въ единой партійной организаціи, расколъ сулилъ еще худшіе результаты: внесеніе въ среду пролетаріата рѣзкаго разъединенія, ослабленіе

его способности къ борьбѣ, можетъ быть значительное ослабленіе и вліянія соціаль-демократіи на пролетаріатъ.

Такъ или иначе, но объединительный съѣздъ собирался совершенно при другой обстановкѣ и съ совершенно другимъ настроеніемъ, чѣмъ ноябрьская объединительная конференція «меньшинства».

Со страхомъ и ожиданіемъ приступали делегаты къ работѣ. Объединитъ, или разъединитъ съѣздъ партію? Измѣнитъ ли онъ ту тактику, которая укрѣпилась въ партіи въ ноябрьскіе дни, или напротивъ, закрѣпитъ ее своими рѣшеніями? Во всякомъ случаѣ всѣмъ было ясно, что съѣздъ станетъ ареной рѣшительной борьбы между двумя теченіями, намѣтившимися въ партіи. И эта борьба дѣйствительно проникала собой весь съѣздъ.

Съѣздъ не въ первую очередь занялся тѣми вопросами, (оцѣнкой текущаго момента, отношеніемъ къ Думѣ, отношеніемъ къ вооруженному возстанію), которые наиболѣе рѣзко раздѣляли партію; но и въ выборѣ президіума, и въ вопросѣ о порядкѣ дня на съѣздѣ и въ вопросѣ объ аграрной программѣ чувствовалась та идейная рознь, которая наиболѣе рѣзко сказалась при обсужденіи тактическихъ вопросовъ.

Такъ какъ я не ставлю себѣ задачей изложить послѣдовательно весь ходъ занятій съѣзда, то я остановлюсь прежде всего на томъ, что наиболѣе опредѣлило физіономію этого съѣзда, на спорахъ по тактическимъ вопросамъ.

Одинъ изъ ораторовъ съѣзда, представитель такъ называемаго «болота», бросилъ замѣчаніе, что большевики, дескать, выступаютъ тутъ на съѣздѣ въ качествѣ обвиняемыхъ, что ихъ судятъ. Да, съѣздъ дѣйствительно совершалъ судъ, но не спеціально надъ большевиками, а надъ той партійной тактикой, которую проводило въ послѣднее время большинство партіи, не только большевики, но и значительная часть меньшевиковъ. Съѣздъ судилъ эту тактику, большевистскіе ораторы были ея защитниками, адвокатами. Къ защитѣ ея они подходили прежде всего съ своей оцѣнкой текущаго момента. Первый вопросъ, который вставалъ тутъ, это былъ вопросъ о характерѣ современной революціи. Докладчикъ меньшевистской точки зрѣнія о текущемъ моментѣ и поддерживавшіе его ораторы напоминали прежде всего съѣзду старую истину, что настоящая революція — революція буржуазная и обвиняли большевиковъ, въ томъ, что они стремятся всѣми силами затемнить эту истину. Самый терминъ «бур-

жуазная революція» начинаетъ исчезать изъ ихъ писаній и подмѣняется терминомъ «демократическая революція». Большевики горячо протестовали противъ этого обвиненія, они приводили соотвѣтственныя цитаты, доказывавшія, что и они употребляютъ иногда терминъ «буржуазная революція», они доказывали, что буржуазный характеръ революціи для нихъ не менѣе ясенъ, чѣмъ для меньшевиковъ и тѣмъ не менѣе всѣми своими разсужденіями они только подтверждали обвиненіе меньшевиковъ. Они сбивались постоянно на почву противопоставленія революціоннаго народа— буржуазіи. Настоящая революція, революція буржуазная, соглашается тов. В-въ, буржуазная по своимъ задачамъ, по тому, что она создаетъ и можетъ создать на мѣсто существующаго строя; но это не значитъ, что дѣйствующимъ факторомъ этой революціи будетъ буржуазія, революціонный народъ можетъ двигать эту буржуазную революцію и вопреки буржуазіи и противъ ея воли.

Но одно изъ двухъ: или «революціонный народъ» не заключаетъ въ себѣ буржуазныхъ элементовъ и тогда получается совершенно невѣроятная, совершенно немыслимая картина — буржуазная революція происходитъ безъ активнаго участія, или даже противъ воли всѣхъ буржуазныхъ элементовъ современнаго общества, или «революціонный народъ» заключаетъ въ себѣ достаточное количество буржуазныхъ элементовъ и тогда противопоставленіе его буржуазіи, фразы о томъ, что «революціонный народъ» совершитъ революцію вопреки воли буржуазіи, теряютъ явно всякій смыслъ. Признаютъ ли большевики, что факторъ революціи — «революціонный народъ» заключаетъ въ себѣ буржуазные элементы? Конечно да. Вѣдь ихъ «революціонный народъ» состоитъ изъ пролетаріата и к р е с т ь я н с т в а, а крестьянство принято считать въ соціаль-демократіи мелкой буржуазіей. И тѣмъ не менѣе противопоставленіе революціоннаго народа—буржуазіи, на почву котораго большевики сбиваются, въ высшей степени характерно для большевистскаго пониманія текущаго момента. Чтобы понять это, намъ нужно вспомнить о нашихъ противникахъ — соціаль-революціонерахъ. Тѣ тоже говорятъ о «революціонномъ народѣ», въ качествѣ революціоннаго народа у нихъ выступаютъ пролетаріатъ и «трудовое крестьянство» и этотъ революціонный народъ у нихъ уже вполнѣ сознательно противополагается буржуазіи. Въ противоположность соціаль-демократіи они отказываются «трудовое крестьянство» считать мелкой буржуазіей, они рѣзко отдѣляютъ его отъ настоящей крестьянской бур-

жуазіи, употребляющей наемный трудъ, и вмѣстѣ съ пролетаріатомъ они трудовое крестьянство противополагаютъ всей буржуазіи. Большевики какъ будто несогласны въ этомъ отношеніи съ эсэрами, но когда они начинали на съѣздѣ рисовать перспективы революціи, они также рѣзко, какъ эсэры, выдѣляли вмѣстѣ съ пролетаріатомъ и крестьянство изъ среды буржуазнаго общества, также рѣзко, какъ и тѣ противополагали крестьянство всей остальной буржуазіи и поэтому невольно сбивались на почву эсеровскаго противопоставленія революціоннаго народа — буржуазіи. И чтобы усилить свое сходство съ эсэрами имъ оставалось только внутри самого крестьянства провести болѣе рѣзкую разграничительную линію, болѣе рѣзко, чѣмъ это привыкли дѣлать соціаль-демократы, выдѣлить «трудовое крестьянство» и его, одного его вмѣстѣ съ пролетаріатомъ помѣстить въ составъ революціоннаго народа. Тогда споръ съ эсэрами свелся бы, пожалуй, только къ словамъ, къ тому, употреблять или нѣтъ по отношенію къ «трудовому крестьянству» эпитетъ «буржуазный» И когда я читалъ брошюру Ленина: «Побѣда кадетовъ и задачи рабочей партіи», мнѣ мѣстами казалось, что различіе между нимъ и эсэрами почти исчезаетъ. Онъ характеризуетъ партію кадетовъ, какъ, главнымъ образомъ мелко-буржуазную партію. «Мелкобуржуазная демократія въ ней, говоритъ онъ, «преобладаетъ» (с. 14). Обвиняя затѣмъ ихъ въ «соглашательствѣ» съ силами реакціи и контръ-революціи, онъ эту склонность ихъ къ соглашенію выводитъ изъ ихъ мелкобуржуазной природы. «Самая сущность экономическаго положенія мелкой буржуазіи, колеблющейся между капиталомъ и трудомъ, неизбѣжно порождаетъ политическую шаткость и двуличность партіи кадетовъ» (с. 20). Но изъ массы мелкой буржуазіи эсэры бы выдѣлили ту ея часть, которую они отказываются признать буржуазіей, потому что она сейчасъ никого не эксплуатируетъ, потому что она сейчасъ не проявляетъ кулацкихъ инстинктовъ, т.-е. трудовое крестьянство, трудовыхъ ремесленниковъ. Въ дальнѣйшемъ развитіи революціи, полагаютъ эсэры, они выдѣлятся изъ массы мелкой буржуазіи и пойдутъ вмѣстѣ съ пролетаріатомъ. Это совершится тогда, когда «ходъ событій укажетъ имъ, что свобода еще должна быть завоевана, что настоящая борьба за народную свободу предстоитъ внѣ Думы». Тогда, говоритъ Ленинъ въ полномъ согласіи съ эсэрами, крестьянство и масса городской мелкой буржуазіи расколятся: небольшое, но экономически сильное кулацкое меньшинство можетъ встать уже

рѣшительно на сторону контръ-революціи, часть встанетъ на сторону «соглашенія», «примиренія», полюбовной сдѣлки съ монархіей и помѣщиками, часть уйдетъ на сторону революціи» (с. 22). При этомъ Ленинъ обнаруживаетъ по части революціоннаго народа еще большую рѣшительность, чѣмъ эсэры. Тѣ соглашаются въ революціонный народъ зачислить вмѣстѣ съ трудовымъ крестьянствомъ и интеллигенцію. Ленинъ идетъ дальше и вмѣстѣ съ «твердымъ, хозяйственнымъ, экономнымъ и прижимистымъ мелкимъ буржуа» изгоняетъ изъ среды «революціоннаго народа» также «болтливую, чванную, самодовольную, ограниченную, трусливую буржуазную интеллигенцію» (с. 23). Очищенный отъ этихъ элементовъ революціонный народъ сохраняетъ въ своей средѣ только пролетаріатъ и милое сердцу эсэровъ «трудовое крестьянство». Какъ при такихъ условіяхъ, не сбиться на почву противопоставленія революціоннаго народа буржуазіи, какъ не почувствовать извѣстной антипатіи къ термину «буржуазная революція»! И развѣ непонятно послѣ этого, что послѣдователи Ленина предпочитаютъ говорить о современной революціи въ другихъ терминахъ, называя ее «демократической» или «крестьянской» революціей.

То, что настоящая революція должна быть охарактеризована, какъ по преимуществу «крестьянская революція», было первой исходной точкой большевистскаго докладчика по вопросу о текущемъ моментѣ. Крестьянство въ настоящей революціи, можетъ и должно быть послѣдовательно революціоннымъ, такъ какъ только полная побѣда демократіи, такъ какъ только полная демократизація политическаго и общественнаго строя можетъ обезпечить и упрочить побѣду соціальныхъ крестьянскихъ требованій. Крестьянство уже начало вовлекаться въ рѣшительную революціонную борьбу съ современнымъ строемъ, но оно не прониклось еще цѣликомъ революціоннымъ настроеніемъ, оно не стало еще твердой ногой на почву революціи и для него представляютъ еще опасность тѣ конституціонныя иллюзіи, которыми стремится затемнить его сознаніе правительство.

Вызывая къ жизни такія мнимо-конституціонныя учрежденія, какъ современная Государственная Дума, правительство стремится создать въ массѣ населенія иллюзію, что путемъ мирной легальной законодательной работы на почвѣ сожительства съ силами стараго общества можно осуществить всѣ неотложныя нужды населенія. Въ этой иллюзіи правительство поддерживаютъ кадеты, которые вмѣстѣ съ правительствомъ зовутъ населеніе отъ рево-

люціи къ мирной законодательной работѣ, никакой почвы для которой на самомъ дѣлѣ не существуетъ. Эта партія отражаетъ своей дѣятельностью стремленіе буржуазіи къ сдѣлкѣ, къ соглашенію съ бюрократіей, но въ то же время она увлекаетъ за собой на путь сдѣлокъ и соглашеній значительную часть недоразвившагося въ революціонномъ отношеніи крестьянства. — Пролетаріатъ обнаружилъ политическую зрѣлость тѣмъ, что бойкотировалъ выборы въ мнимо-конституціонное учрежденіе, въ Думу. Теперь передъ соціаль-демократіей и пролетаріатомъ встаетъ задача оторвать отъ вреднаго вліянія кадетовъ, этихъ соглашателей съ правительствомъ, также и крестьянство. Борьба съ кадетами изъ-за крестьянства такимъ образомъ должна быть нашимъ лозунгомъ. Въ этой борьбѣ мы должны безпощадно разоблачать конституціонныя иллюзіи, распространяемыя кадетами, и легальной борьбѣ на почвѣ мнимоконституціоннаго учрежденія противопоставлять непосредственную революціонную борьбу, какъ главную, основную форму борьбы въ теперешній революціонный моментъ.

Вотъ въ существенныхъ чертахъ та позиція, которую по вопросу о задачахъ современнаго момента заняли докладчикъ большевиковъ и его сторонники.

Въ отвѣтъ на это меньшевики рѣзко подчеркивали буржуазный характеръ современной революціи, они указывали, что движущій моментъ этой революціи слѣдуетъ прежде всего искать въ противорѣчіи между тенденціями буржуазнаго развитія и упорно борющимся за свое существованіе самодержавно-полицейскимъ строемъ; что это противорѣчіе создаетъ конфликтъ между этимъ строемъ и всѣми производительными классами буржуазнаго общества, что оно втягиваетъ широкіе круги буржуазіи въ революціонный процессъ и что этотъ процессъ втягиванья въ активную борьбу съ правительствомъ широкихъ круговъ населенія можетъ какъ разъ успѣшнѣе всего происходить на почвѣ использованія такихъ мнимо-конституціонныхъ учрежденій, какъ Государственная Дума. Вы мыслите метафизически, говорили они обращаясь къ большевикамъ. Для васъ существуетъ только «или—или». Или использованіе мнимо-конституціоннаго учрежденія, или непосредственная революціонная борьба. Для насъ такого «или—или» не существуетъ, для насъ использованіе Государственной Думы означаетъ ничто иное, какъ подготовка къ непосредственной революціонной борьбѣ. Тотъ и другой способъ борьбы являются

неразрывными частями одного цѣльнаго процесса, одинъ незамѣтно переходитъ въ другой. Кадеты для васъ являются такими же врагами, какъ правительство, вы даже готовы считать ихъ худшими врагами революціи, чѣмъ реакціонеровъ на томъ основаніи, что они — «соглашатели» съ правительствомъ на томъ основаніи, что они распространяютъ конституціонныя иллюзіи. Но вы смѣшиваете слѣдствіе съ причиной. Кадеты не случайно оказались теперь на авансценѣ. Побѣда кадетовъ—партіи, не утратившей еще надежды на соглашеніе съ нѣкоторыми элементами стараго строя, явилась только точнымъ отраженіемъ того настроенія, которое владѣетъ до сихъ поръ большинствомъ населенія и прежде всего крестьянствомъ, на которое вы возлагаете свои надежды. Большинство населенія не утратило еще надежды на возможность соглашенія, на мирный исходъ теперешней революціи. Вы хотите разбить эту надежду? Вы не разобьете эту надежду криками о «соглашательствѣ» кадетовъ. Эта надежда можетъ разбиться только на опытѣ, только на практикѣ использованія того мнимо-конституціоннаго учрежденія, которое подсунуло правительство народу. И рѣшительно непонятно, какимъ образомъ кадеты или какая-либо другая партія можетъ, работая въ Государственной Думѣ укрѣпить какія-то конституціонныя иллюзіи. Она можетъ убѣдить населеніе въ возможности соглашенія съ правительствомъ? Какимъ образомъ? Можетъ быть бюрократія и единственный классъ, находящійся теперь съ ней въ союзѣ, «крѣпостническое дворянство», способны на серьезныя уступки требованіямъ современнаго революціоннаго момента, можетъ быть, они способны отдать въ распоряженіе Думы всю свою организацію, всѣ тѣ физическія силы, на которыя они опираются, администрацію, полицію, войска,—можетъ быть, они способны уничтожить чиновничій Государственный Совѣтъ и сдѣлать Думу верховнымъ законодательнымъ учрежденіемъ, можетъ быть, они въ состояніи сколько-нибудь серьезно пойти на встрѣчу аграрнымъ требованіямъ крестьянъ, можетъ быть, они способны подписаться хотя бы подъ аграрной программой кадетовъ? Нѣтъ? Гдѣ же будетъ почва въ Думѣ для соглашенія съ правительствомъ? Ея не можетъ быть тамъ. И если часть кадетовъ такъ наивна, что вѣритъ въ возможность соглашенія съ правительствомъ, то изъ этого не слѣдуетъ, что и соціаль-демократы должны отличаться такой же наивностью. Вы затвердили свою формулу о диктатурѣ пролетаріата и крестьянства, вы создали несуществу-

ющую пропасть между крестьянствомъ и всей остальной массой буржуазіи и вы считаете возможнымъ поэтому только конфликтъ между чисто крестьянскими элементами и правительствомъ, вы боитесь, что эти элементы попадутъ въ когти кадетовъ и заранѣе приготовляетесь вырывать ихъ изъ этихъ когтей! Мы на это отвѣчаемъ, что если Дума отразитъ хоть сколько-нибудь потребности современнаго буржуазнаго общества, конфликтъ ея съ бюрократіей совершенно неизбѣженъ. Не конституціонныя иллюзіи будутъ разцвѣтать на почвѣ Думы, а будутъ разбиваться на ея почвѣ надежды населенія на соглашеніе съ царизмомъ.

Вы боитесь, какъ будто, что населеніе направивши свои надежды на Думу, измѣнитъ революціи; нѣтъ, отвѣчаемъ мы вамъ: стараясь использовать Думу, стараясь сдѣлать ее орудіемъ для проведенія необходимыхъ реформъ, населеніе тѣмъ самымъ вступаетъ въ непримиримый конфликтъ со всѣми силами стараго общества, т.-е. вступаетъ рѣшительно на путь революціи.

Такъ въ существенныхъ чертахъ строились возраженія меньшевиковъ.

Въ зависимости отъ этой оцѣнки момента и отъ этого общаго отношенія къ Думѣ, меньшевики довольно единодушно осуждали ту тактику бойкота Думы и выборовъ въ Думу, которую проводила партія. При этомъ интересно, что меньшевики на съѣздѣ также рѣзко осуждали и ту половинчатую тактику, которую «меньшинство» проводило въ борьбѣ съ большевиками — участіе въ выборахъ до второй или до третьей стадіи. Эта тактика совершенно не имѣла сторонниковъ на съѣздѣ. Общая точка зрѣнія, которую проводило большинство съѣзда относительно выборовъ въ Думу, сводилась къ признанію, что участіе въ выборахъ было необходимо пролетаріату и для того, чтобы быть дѣйствительнымъ авангардомъ революціи, и для того, чтобы развивать свое классовое самосознаніе, свой классовой антагонизмъ съ буржуазнымъ обществомъ. Особенно глубоко въ этомъ отношеніи поставилъ вопросъ объ отношеній къ выборамъ и Думѣ тов. А-дъ— докладчикъ по вопросу объ отношеніи къ Думѣ. Онъ началъ съ указанія на своеобразное положеніе соціаль-демократіи и руководимаго ею пролетаріата въ современной россійской революціи. Вмѣсто борьбы съ буржуазнымъ обществомъ, которая должна составлять и составляетъ въ Западной Европѣ главное содержаніе дѣятельности соціаль-демократіи, россійской соціаль-демократіи приходится бороться прежде всего за интересы буржуазнаго развитія

противъ самодержавно-полицейскаго строя, т.-е. фактически выполнять главнымъ образомъ роль демократической партіи. Въ Западной Европѣ государство является организаціей классоваго господства буржуазіи, политическая борьба пролетаріата является тамъ борьбой противъ этого господства, она по необходимости поэтому имѣетъ соціалистическій характеръ, она рѣзко обособляетъ пролетаріатъ отъ буржуазіи, она пролетаріатъ, какъ цѣлое противополагаетъ всему буржуазному обществу. У насъ въ этомъ отношеніи положеніе совершенно другое: буржуазія только стремится организовать свое господство, эта организація ея господства явится какъ результатъ побѣды современной буржуазной революціи и пролетаріату въ современной революціи приходится бороться не противъ организованнаго господства буржуазіи, а за созданіе условій этого господства противъ самодержавно-полицейскаго строя.

Эта борьба по своему характеру не заключаетъ въ себѣ никакихъ элементовъ соціализма и заключаетъ въ себѣ опасность сведенія роли пролетаріата къ той, которую ему приходилось играть въ революціяхъ другихъ странъ, къ роли той физической силы, опираясь на которую буржуазія организуетъ свое господство. Мы ведемъ, правда, пропаганду соціализма, мы освѣщаемъ теперешнюю борьбу съ точки зрѣнія конечной цѣли, къ которой идетъ пролетаріатъ. Но этого мало. Политическое воспитаніе и развитіе пролетаріата не можетъ достигаться путемъ одной пропаганды. И если мы дѣйствительно хотимъ заложить уже въ этой революціи прочный соціаль-демократическій фундаментъ въ пролетаріатѣ, мы должны политическія выступленія пролетаріата и организацію его на почвѣ этихъ выступленій пріурочивать ко всѣмъ тѣмъ моментамъ, когда въ современной революціи организуется буржуазія. Когда меньшевики выдвинули свою земскую кампанію, ими руководило правильное соціаль-демократическое чутье. Буржуазія тогда организовывалась въ земствахъ и думахъ, буржуазія совершала свое организованное политическое выступленіе, и пролетаріатъ ни въ какомъ случаѣ не могъ остаться безучастнымъ зрителемъ этого выступленія. Онъ долженъ былъ противоставить себя буржуазіи, протягивающей руку къ власти, онъ долженъ былъ поставить передъ ней свои требованія и добиваться отъ нея принятія ихъ. Это было лучшимъ средствомъ его классоваго воспитанія. Пролетаріатъ такимъ образомъ уже теперь, до того момента, когда буржуазія организовала свое классовое господство, ставилъ бы себя въ условія политической

борьбы съ буржуазіей какъ классъ, какъ цѣлое, онъ противопоставлялъ бы себя буржуазіи. Товарищъ Ленинъ вмѣсто этого предлагалъ тогда направить энергію пролетаріата на разбиваніе полицейскихъ участковъ. Это предложеніе было какъ разъ на руку буржуазіи. Для буржуазіи именно выгодно, чтобы пролетаріатъ игралъ роль чисто физической силы въ революціи; напротивъ, возмущеніе, негодованіе вызывало въ ней вмѣшательство пролетаріата въ ея банкеты, ея собранія, на которыхъ она подготовляла организацію своего господства. Съ той же точки зрѣнія необходимо подойти и къ вопросу о Думѣ.

Участіе пролетаріата въ выборахъ въ Думу съ цѣлью проведенія туда своихъ кандидатовъ, имѣло для пролетаріата, конечно, еще болѣе важное значеніе, чѣмъ участіе его въ земской кампаніи. Тутъ борьба буржуазіи за организацію своего господства выступаетъ еще болѣе рѣзко, тутъ ближе, тѣснѣе буржуазія пододвигается къ власти и тутъ болѣе, чѣмъ когда либо пролетаріату необходимо было строить свои батальоны. Бойкотъ выборовъ осуждалъ всю болѣе сознательную часть пролетаріата на пассивность, на бездѣйствіе и давалъ возможность остальную часть пролетаріата увлекать за собой буржуазнымъ партіямъ. Между тѣмъ какъ участіе въ выборахъ давало бы возможность выдѣлять, обособлять пролетаріатъ, противополагать его въ процессѣ борьбы организующей свое классовое господство буржуазіи. Этимъ конечно отнюдь роль пролетаріата не сводится только къ борьбѣ съ буржуазіей; сама борьба съ буржуазіей ведется прежде всего во имя борьбы съ современнымъ полицейскимъ самодержавнымъ строемъ, во имя болѣе широкихъ цѣлей, которыя ставитъ себѣ пролетаріатъ въ современной революціи; въ то же время при наличности такой борьбы открывается и почва для такихъ отдѣльныхъ соглашеній съ буржуазіей, которыя содѣйствуя борьбѣ съ силами реакціи, въ то же время совершенно неспособны затемнять сознаніе пролетаріата. Неспособны, потому что пролетаріатъ не плетется тогда въ качествѣ безсознательнаго хвоста буржуазіи и не выступаетъ въ качествѣ голой физической силы ее поддерживающей, а дѣйствуетъ, какъ самостоятельно опредѣлившаяся политическая сила, преслѣдующая въ современной революціи свою особую политическую линію и въ предѣлахъ общихъ цѣлей, общихъ потребностей сознательно протягивающая, какъ равный—равному, руку союзника — буржуазіи. Подобнаго рода соглашенія въ отдѣльныхъ случаяхъ, дѣлающіяся открыто

передъ всѣмъ народомъ, могутъ дѣйствовать только развивающимъ образомъ на классовое самосознаніе пролетаріата.

Въ отвѣтъ на это докладчикъ-большевикъ возражалъ тѣми аргументами, съ которыми читатели могутъ познакомиться изъ брошюры Ленина «Побѣда кадетовъ».

Нѣтъ, не классовое обособленіе пролетаріата, не классовое противопоставленіе его буржуазіи достигалось бы нашимъ участіемъ въ выборахъ, говорилъ онъ, а напротивъ, мы заставили бы пролетаріатъ итти на буксирѣ у кадетовъ. Мы не могли бы провести своихъ кандидатовъ самостоятельно, безъ содѣйствія кадетовъ, и если бы мы серьезно поставили себѣ задачу проводить своихъ кандидатовъ въ Думу, то намъ пришлось бы заключить блокъ съ кадетами. Въ то же время къ этому блоку насъ толкало бы и то обстоятельство, что отъ нашего голосованія на собраніяхъ выборщиковъ зависѣла бы судьба сраженія между кадетами и черносотенцами, во многихъ случаяхъ голосованіе за своего кандидата приводило бы къ побѣдѣ черносотенцевъ. Поддерживая же кадетовъ, мы брали бы на себя отвѣтственность за ихъ будущую дѣятельность въ Думѣ, за то соглашательство, которое они будутъ проводить, за тѣ измѣны дѣлу освобожденія, которыя они будутъ совершать. Отвергнувши же блокъ, мы своихъ кандидатовъ не провели бы, и выставленіе своихъ кандидатовъ на собраніяхъ выборщиковъ свелось бы къ «пустой и безнадежной, закулисной демонстраціи».

Во всей этой аргументаціи характерно оперированіе только съ послѣднимъ актомъ выборовъ и неспособность понять значеніе всей выборной компаніи въ цѣломъ, которое какъ разъ и подчеркивали ораторы-меньшевики. Если мы будемъ голосовать за своего кандидата на послѣдней стадіи, то мы, можетъ быть, поддержимъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ черносотенцевъ противъ кадетовъ. А если мы воздержимся отъ голосованія на всѣхъ стадіяхъ, если пролетаріатъ будетъ бойкотировать выборы, тогда въ тѣхъ же случаяхъ мы не поддержимъ черносотенцевъ? Или можетъ быть тов. Ленинъ и его сторонники молчаливо предполагаютъ, что вся та масса пролетаріата, которая проводила бы при участіи нашемъ въ выборахъ соціаль-демократическихъ выборщиковъ, не могла бы быть увлечена на путь бойкота, что значительная ея часть, не имѣя передъ собой соціаль-демократическихъ кандидатовъ, неизбѣжно должна была голосовать за кадетовъ, спасая ихъ такимъ образомъ отъ пораженія черносотен-

цами? Это предположеніе было бы чрезвычайно близко къ истинѣ, такъ на самомъ дѣлѣ и происходило въ дѣйствительности. Но не слишкомъ ли дорогой цѣной мы тогда получали спасеніе кадетовъ отъ черносотенцевъ? Не совершали ли мы измѣны дѣлу соціаль-демократизма, толкая своей тактикой бойкота массу пролетаріата въ лагерь буржуазіи, подъ знамя буржуазной партіи кадетовъ? Докладчики на съѣздѣ и т. Ленинъ такъ страшились соглашенія на выборахъ съ кадетами. Но вѣдь ясно какъ день, что при всѣхъ своихъ отрицательныхъ сторонахъ, соглашеніе это, имѣющее цѣлью провести своихъ кандидатовъ въ Думу въ томъ количествѣ, которое соотвѣтствуетъ числу поданныхъ за нихъ голосовъ, соглашеніе, которое въ то же время сопровождалось бы самымъ рѣзкимъ противопоставленіемъ себя кадетамъ на всѣхъ стадіяхъ выборовъ и самой безпощадной борьбой съ ними въ Думѣ, что соглашеніе это вредило бы развитію класоваго самосознанія пролетаріата безконечно мало по сравненію съ тѣмъ бросаніемъ массы пролетаріата и полупролетарскихъ элементовъ въ объятія кадетовъ, которое давала тактика бойкота. Кромѣ того и совершенно ничѣмъ не доказано утвержденіе, что безъ блока съ кадетами соціаль-демократія не могла провести своихъ кандидатовъ на выборахъ. Громадное количество безпартійныхъ выборщиковъ, обыкновенно выдвигавшихся крестьянствомъ, могло бы при энергичной дѣятельности соціаль-демократіи голосовать за ея кандидатовъ.

То общее отношеніе къ участію въ выборахъ, изъ котораго исходило большинство съѣзда, привело его къ признанію необходимости принимать участіе въ выборахъ въ Думу вездѣ, гдѣ эти выборы будутъ еще происходить, что и получило выраженіе въ послѣднемъ пунктѣ резолюціи объ отношеніи къ Думѣ.

Что касается самого отношенія къ Думѣ, то мотивировка резолюціи прежде всего въ противоположность мнѣнію большевиковъ, по которому Дума должна была явиться ареной соглашенія между буржуазіей и правительствомъ, устанавливаетъ неизбѣжность конфликта между Думой и правительствомъ на почвѣ «обострившагося антагонизма между самыми насущными интересами и потребностями новаго буржуазнаго общества въ Россіи и сковывающимъ его по рукамъ и ногамъ старымъ режимомъ». Дума въ рукахъ правительства и кадетовъ, говорили большевики, будетъ орудіемъ затемнѣнія сознанія народа конституціонными иллюзіями. Неизбѣжные конфликты между Думой и правительствомъ

и внутри самой Думы, говоритъ резолюція, будутъ, напротивъ, разбивать конституціонныя иллюзіи, будутъ убѣждать массу населенія въ невозможности соглашенія съ правительствомъ и толкать ее на революціонный путь.

Дума дѣлается центромъ освободительнаго движенія. Масса населенія создавши эту Думу, возложивши на нее свои надежды, стремясь сдѣлать ее орудіемъ для проведенія необходимыхъ соціально-политическихъ преобразованій вступаетъ тѣмъ самымъ хотя и безсознательно въ рѣшительную борьбу съ силами реакціи. Какую роль должны играть тутъ всѣ общественные элементы, вся та сознательная часть пролетаріата, которые ясно сознаютъ, что Дума не можетъ выполнить этихъ надеждъ, что она не можетъ провести никакихъ серьезныхъ преобразованій, что всѣ попытки ея въ этомъ направленіи могутъ вести только къ непримиримому конфликту ея съ правительствомъ. Должны ли они ограничиться ролью пророковъ, предсказывающихъ будущее? Нѣтъ, отвѣчаетъ резолюція, они должны сами стать активными участниками того общественнаго движенія, которое создается вокругъ Думы. Они не должны ни на минуту конечно скрывать своихъ взглядовъ, они должны продолжать свою старую агитацію, направленную на доказательство «непригодности Думы, какъ представительнаго учрежденія и необходимости созыва всенароднаго Учредительнаго Собранія на основѣ всеобщаго и т. д. голосованія». Для этой агитаціи они будутъ получать теперь на почвѣ дѣятельности Думы, на почвѣ обостряющихся конфликтовъ между нею и правительствомъ постоянныя фактическія иллюстраціи, постоянныя фактическія подтвержденія необходимости созыва Учредительнаго Собранія, необходимости добиться этого созыва. Но этимъ не должна ограничиться ихъ роль. Между Думой и массой населенія существуетъ связь, связь на почвѣ неразбитыхъ еще надеждъ, на возможность провести черезъ Думу необходимыя преобразованія, на возможность соглашенія на этой почвѣ съ правительствомъ.

Не въ нашихъ интересахъ стремиться къ тому, чтобы связь между Думой и населеніемъ исчезла, и чтобы вмѣстѣ съ ней въ лицѣ Думы исчезъ центръ, вокругъ котораго группируется освободительное движеніе, мы должны стремиться только къ тому, чтобы подъ эту связь постепенно подводился новый фундаментъ, фундаментъ непримиримой борьбы съ правительствомъ, фундаментъ непреклоннаго желанія провести революціоннымъ путемъ новый политическій строй.

Всѣ конфликты, происходящіе въ Думѣ и на почвѣ Думы, мы должны поэтому использовать не только для иллюстраціи нашего стараго лозунга о необходимости немедленнаго введенія всѣхъ свободъ и созыва Учредительнаго собранія, но для того, чтобы, внося это въ сознаніе той массы населенія, которая видитъ въ Думѣ выразителя своихъ стремленій, организовать массовое давленіе на Думу съ цѣлью толкнуть ее на революціонный путь. Объ этомъ говоритъ резолюція, когда предлагаетъ «широкой агитаціей среди народныхъ массъ за представленіе къ Думѣ революціонныхъ требованій, организовать давленіе на Государственную Думу извнѣ въ цѣляхъ ея революціонизированія». Но наша роль при этомъ ни въ какомъ случаѣ не должна ограничиться агитаціей за декретированіе Думой политическихъ свободъ и созыва Учредительнаго собранія. Мы должны принять активное участіе и въ томъ послѣдовательномъ процессѣ развивающагося столкновенія Думы съ правительствомъ, которое мы считаемъ неизбѣжнымъ. «Мы должны, говоритъ резолюція, расширять и обострять конфликты». Что это значитъ?—Это значитъ, что если Дума, напримѣръ, предъявляетъ свои требованія правительству, то мы не должны успокаиваться на сознаніи безнадежности этихъ требованій и ждать, пока отвѣтъ правительства дастъ намъ подходящій агитаціонный матеріалъ. Нѣтъ, мы должны входить въ существо этихъ требованій, мы должны употребить все отъ насъ зависящее давленіе, какъ извнѣ, такъ и черезъ своихъ представителей въ Думѣ, для того, чтобы эти требованія наиболѣе полно отразили потребности массы населенія, чтобы отрицательный отвѣтъ правительства на эти требованія возможно болѣе рѣзко столкнулъ съ правительствомъ Думу и чтобы Дума въ этомъ случаѣ явилась представителемъ широкихъ массъ народа. Въ то же время мы должны самымъ энергичнымъ образомъ бороться противъ всѣхъ попытокъ господствующей партіи въ Думѣ сократить, урѣзать народныя требованія, и самымъ безпощаднымъ образомъ разоблачать всѣ отступленія этой партіи отъ обѣщаній, данныхъ ею своимъ избирателемъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ мы должны рѣшительно поддерживать думскую оппозицію, и стремиться воздѣйствіемъ на нее расширить и обострить конфликтъ ея съ господствующей партіей до предѣловъ, которые могли бы сдѣлать по крайней мѣрѣ ее выразительницей въ данный моментъ интересовъ широкой массы населенія и эту широкую массу населенія черезъ нее связали бы съ Думой. Тогда такого рода

столкновенія, какъ между Думой и правительствомъ, такъ и внутри самой Думы, мы сможемъ сдѣлать «исходной точкой широкихъ массовыхъ движеній».

Для того же, чтобы политическіе конфликты, происходящіе на почвѣ Думы, вовлекали массу населенія въ борьбу съ правительствомъ, мы должны «въ каждомъ данномъ случаѣ связать политическія задачи движенія съ соціально-экономическими требованіями рабочей и крестьянской массы» и наши представители въ Думѣ должны «выдвигать тамъ соціально-экономическіе вопросы и поддерживать ихъ связь съ политическими».

Вотъ та резолюція, которая побѣдила на съѣздѣ если не ошибаюсь 61 голосамъ противъ 46 при 4—5 воздержавшихся или если перевести эти голоса на число стоящихъ за ними избирателей, то по расчету «Волны» 18000 противъ 13000. Эта резолюція выводитъ партію изъ того тупика, въ который она себя загнала своей нелѣпой тактикой, и открываетъ возможность той плодотворной дѣятельности, которая дѣйствительно будетъ дѣлать пролетаріатъ авангардомъ современной революціи. Будемъ же надѣяться на то, что сама жизнь съ своими властными требованіями будетъ ослаблять ту принципіальную рознь между двумя теченіями, которыя получили выраженіе на съѣздѣ и дастъ возможность партіи строить свою единую тактику не только на почвѣ партійной дисциплины, но чѣмъ дальше, тѣмъ все больше и на почвѣ единства убѣжденія.

Череванинъ.

I-ое мая въ Россіи и заграницей.

I.

Празднованіе перваго мая въ этомъ году получаетъ огромное значеніе. Въ годъ революціи первомайскій праздникъ является демонстраціей не только интернаціональной солидарности, но и предварительной мобилизаціей революціонныхъ силъ, которая непосредственно отражается на настроеніи массъ, на направленіи дальнѣйшей борьбы. Этотъ смотръ пролетарской арміи, знаменующій собою ликвидацію періода мертваго затишья и кладбищенскаго покоя, имѣетъ значеніе не только для соціалъ-демократіи, получающей возможность снова завладѣть практическимъ руководствомъ широкихъ массъ, но и для всего хода общественной жизни. Какъ бы ни отмежевалась либеральная буржуазія слѣва, не можетъ быть спора о томъ, что ей именно волей-неволей приходилось подчиняться лозунгамъ, властно диктуемымъ пролетаріатомъ. Отъ невнятнаго лепета довѣрія, черезъ туманное общеніе власти и народа она шла къ требованіямъ парламентскаго режима. Но всякое ослабленіе активности пролетаріата реагируетъ на нее непосредственнымъ равненіемъ вправо. Вотъ почему первомайскій смотръ является крупнымъ факторомъ въ ходѣ революціи. Прошлогодній первомайскій праздникъ прошелъ «тихо», и это сразу разочаровало либеральную буржуазію. Буржуазные скептики полагали, что пролетаріатъ исчерпалъ себя 9-ымъ января, между тѣмъ онъ только таилъ въ своихъ нѣдрахъ потенціальную энергію и накоплялъ новыя силы для октябрьскаго взрыва.

Первомайское празднованіе дѣйствительно не оправдало надеждъ. Этотъ день не былъ днемъ великой битвы между правительствомъ и народомъ. Январское выступленіе, сочетая революціонное содержаніе и наивныя вѣрованія въ старую власть, могло въ сердцахъ европейскаго пролетаріата возбудить восторгъ передъ первымъ героическимъ порывомъ, но еще не могло ни указать ему новыхъ методовъ борьбы, ни внушить больше рѣшимости и активности для отстаиванія своихъ собственныхъ интересовъ. Это и отразилось на характерѣ прошлогодняго проле-

тарскаго праздника. Новая нотка уже звучала — привѣтствіе русскимъ борцамъ, но борьба еще не заразила боевымъ настроеніемъ, не послужила импульсомъ для болѣе рѣшительнаго предъявленія своихъ неотложныхъ требованій. Въ Парижѣ работы даже не прерывались. Лишь одна сходка въ зданіи биржи труда была посвящена вопросу о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ.

Въ Россіи первое мая не могло ознаменоваться однодневной забастовкой, такъ какъ оно приходилось на воскресенье, а къ организованному выступленію пролетаріатъ еще не былъ готовъ. Только въ Царствѣ Польскомъ первое мая ознаменовалось всеобщей забастовкой и демонстраціями, столкновеніемъ съ войсками, при чемъ въ Варшавѣ отъ солдатскихъ пуль погибло свыше 150 человѣкъ. Агентскія и корреспондентскія телеграммы, приходившія изъ Россіи, обычно пестрѣли такими реляціями: «прошло безъ инцидентовъ», «въ городѣ совершенно спокойно», «опасенія не оправдались», «порядокъ нигдѣ не нарушался». Незначительныя демонстраціи въ Самарѣ, Ростовѣ на Дону, Ригѣ, Ревелѣ, Либавѣ, Костромѣ, неудачныя попытки къ устройству демонстраціи въ Петербургѣ, въ Витебскѣ и Екатеринодарѣ, митинги во многихъ городахъ, нѣсколько экономическихъ забастовокъ — въ Бобруйскѣ, Лодзи, Елисаветградѣ, Двинскѣ — вотъ чѣмъ исчерпано было празднованіе перваго мая. Правительство, задерживая во время петербургской демонстраціи какъ можно большее число евреевъ, сочло возможнымъ мистифицировать революціонное движеніе кознями инородцевъ. Въ Москвѣ также день прошелъ безъ инцидентовъ и единственными виновниками безпорядковъ оказались хулиганы.

Буржуазная демократія учла это временное ослабленіе активности пролетаріата и умѣрила свои политическія требованія.

Но за этотъ годъ Россія пережила октябрьскую политическую забастовку, декабрьскія схватки народа и власти, и въ промежуткѣ между ними невиданную широкую организацію массъ и вовлеченіе въ политическую жизнь самыхъ отсталыхъ аморфныхъ элементовъ.

Эта гражданская борьба, приковавшая взоры всего міра, вызвала новыя надежды у европейскихъ рабочихъ, указала новые способы дѣйствія, придала имъ больше рѣшимости и настойчивости. Западно-европейскій пролетаріатъ не только уже восторгается героизмомъ своихъ русскихъ товарищей, но и самъ заражается ихъ боевымъ настроеніемъ, выставляетъ на очередь

дня рѣшеніе тѣхъ неотложныхъ нуждъ, которыя выдѣляются въ каждой отдѣльной странѣ. Русская революція становится ихъ стимуломъ, ихъ велѣніемъ, ихъ постоянной тѣнью, сопровождающей всѣ дѣйствія. Она одѣла въ яркія одежды жизни тѣ требованія, которыя до сихъ поръ выставлялись въ качествѣ desiderata, она заставила предъявить ультиматумъ въ качествѣ грознаго предостереженія царству капитала.

Международное соціалистическое бюро въ своемъ опубликованномъ наканунѣ перваго мая манифестѣ, отмѣчаетъ этотъ годъ, какъ славный, плодотворный успѣхами и еще болѣе плодотворный надеждами.

«Въ Россіи — говорится въ манифестѣ — пролетаріатъ выступилъ рѣшающимъ факторомъ въ дѣлѣ осуществленія лучшихъ надеждъ революціи. Австрія, Венгрія и большинство государствъ Германскаго союза находятся наканунѣ осуществленія всеобщаго избирательнаго права. Во Франціи объединенный соціализмъ почерпаетъ новыя силы для борьбы въ дружескомъ сближеніи между борцами за свободу. Въ Соединенныхъ Штатахъ соціалистическія организаціи также стремятся къ объединенію. Рабочая партія Великобританіи опредѣленно направила свой ходъ въ сторону соціализма».

«Старое могущество колеблется повсюду. Повсюду рабочіе объединяются противъ тѣхъ, кто надъ ними владычествуетъ и кто угнетаетъ ихъ. Рабочій классъ повсюду ясно сознаетъ необходимость объединенія въ дѣятельной работѣ для достиженія всѣхъ необходимыхъ цѣлей, объединенія всѣми путями, чтобы обезпечить миръ между народами и чтобы противодѣйствовать воинственнымъ заговорамъ капиталистическихъ правительствъ».

Особенно грандіозно было отпраздновано первое мая во Франціи. Катастрофа въ Каррьерѣ была сигналомъ для цѣлаго ряда грандіозныхъ стачекъ. Первое мая должно было открыть собою рѣшительную борьбу за сокращеніе рабочаго дня. Еще въ 1904 г. конгрессъ синдикатовъ въ Буржѣ постановилъ ввести съ 1-го мая 1906 года 8-ми часовой рабочій день явочнымъ порядкомъ. Делегатскій съѣздъ профессіональныхъ федерацій почти за мѣсяцъ до перваго мая постановилъ предоставить отдѣльнымъ профессіональнымъ организаціямъ полную свободу въ выборѣ тактики, соотвѣтствующей потребностямъ момента и спеціальнымъ условіямъ. Рѣшено было, чтобы каждый синдикатъ выставлялъ свои требованія, которыя должны быть поддержаны забастовкой

или отказомъ работать болѣе восьми часовъ впредь до ихъ удовлетворенія. Буржуазія забила тревогу. Консервативная пресса изъ кожи лѣзла вонъ, чтобы нагнать какъ можно больше страху на обывателя. «Революція идетъ» предостерегали „Echo de Paris“, „Eclair, Gaulois“ Не останавливаясь передъ клеветой, извращеніемъ фактовъ реакціонная пресса пугала готовящейся новой рѣзней, взрывами туннелей, и другими террористическими актами. Съ другой стороны радикальные публицисты извращали благородную стачечную борьбу, какъ орудіе заговора клерикальной клики. Но какъ бы то ни было французскій буржуа былъ терроризованъ. «Красный призракъ гналъ его изъ Парижа. По улицамъ тянулись обозы. Экстренные поѣзда мчались одинъ за другимъ и въ теченіе пяти дней увезли изъ Парижа 288,000 гражданъ — francs fileurs какъ ихъ называютъ теперь въ отличіе отъ историческихъ francs tireurs 70—71 г.г. Оставшіеся въ Парижѣ закупали консервы и такъ какъ количество закупаемыхъ продуктовъ росло вмѣстѣ со страхомъ обывателя, то цинковыя коробки да послужатъ лучшими регистраторами буржуазнаго страха. Средніе гастрономическіе магазины продавали ихъ за одну недѣлю отъ 50,000 до 100,000, а четыре магазина Погэна отпустили ихъ свыше полутора милліона. На почвѣ этого консервнаго изобилія разыгралась впослѣдствіи оригинальная забастовка прислуги, которая отказалась служить въ консервныхъ домахъ.

Правительство обнаружило поразительную растерянность, басню о реакціонномъ заговорѣ оно реализовало 80 обысками у дѣятелей конфедераціи и реакціи. Впервые послѣ коммуны жители Парижа должны были предоставить постой арміи.

Французскій Треповъ — префектъ Парижа Лепинъ стянулъ войска въ столицу и подкрѣпилъ Парижскій гарнизонъ 28,000 солдатъ инфантеріи, артиллеріи и кавалеріи. Изъ забастовочнаго района Па-де-кале были вызваны восемь эскадроновъ. Страхъ передъ внутреннимъ врагомъ былъ такъ великъ, что заставилъ даже на время забыть о существованіи внѣшняго и изъ самой франко-прусской границы мобилизованы были 2 полка конныхъ егерей.

На всѣхъ перекресткахъ въ ожиданіи кровопролитія открыты были медицинскіе пункты, а префектура распорядилась, чтобы уличныя работы закончились къ этому дню, и чтобы были убраны съ мостовыхъ матеріалы, которые могутъ служить для постройки баррикадъ.

Но всѣ страхи оказались преувеличенными, и если бы полиція не раздражала манифестантовъ, все могло окончиться благополучно. Въ результатѣ преувеличенныхъ приготовленій со стороны правительства было арестовано около 800 человѣкъ, изъ нихъ много русскихъ, которыхъ хватали безъ разбора—часто только за русскую рѣчь.

Въ Германіи рабочій праздникъ по количеству уклонившихся отъ работъ превзошелъ всѣ ожиданія с.-д. печати.

Въ Берлинѣ съ ранняго утра несчетныя толпы рабочихъ двинулись къ заламъ собраній, которыя вскорѣ были переполнены. Такихъ митинговъ было около 80. Въ одномъ «Новомъ Свѣтѣ» собралось 20,000 рабочихъ. На всѣхъ митингахъ единогласно принята резолюція, выражающая солидарность пролетаріевъ всѣхъ странъ и требующая восьмичасового рабочаго дня, прямого равнаго и тайнаго голосованія для всѣхъ мужчинъ, и женщинъ, достигшихъ 20-лѣтняго возраста.

На фабрикахъ и постройкахъ почти нигдѣ не работали. По подсчету соціалъ-демократическихъ организацій въ этотъ день бастовало въ Берлинѣ 120,000 человѣкъ. Мѣстами были устроены демонстраціи, которыя полиція легко разсѣивала.

Во многихъ промышленныхъ центрахъ предприниматели рѣшили уволить на опредѣленный срокъ всѣхъ рабочихъ, не явившихся 1-го мая на работы. Въ Гамбургѣ уволено, такимъ образомъ, на 10 дней около 8 тысячъ рабочихъ. Однородныя увольненія происходили также въ Бреславлѣ, Лейпцигѣ и другихъ городахъ. Рабочіе отвѣтили реваншемъ, объявивъ мѣста уволенныхъ подъ бойкотомъ.

Въ Австро-Венгріи празднованіе перваго мая пріурочилось также къ борьбѣ за общее избирательное право. Австрійская соціалъ-демократія обратилась съ слѣдующимъ манифестомъ, который приводимъ въ сокращеніи:

«Рабочіе Австріи! Борьба за всеобщее избирательное право приближается къ рѣшенію. Вы, затаивъ дыханіе, ждете момента, послѣдняго боя, который потребуетъ отъ васъ всей вашей энергіи. Теперь рѣшеніе принадлежитъ парламенту, тому самому парламенту, который построенъ на позорной системѣ курій, подлежащей сдачѣ въ архивъ; рѣшеніе принадлежитъ депутатамъ всяческой привилегіи, землевладѣнія и шляхты, живущихъ эксплуатаціей труда и грабежомъ народныхъ правъ.

Въ первый разъ въ нашей исторіи народы Австріи, ея пра-

вительство и императоръ, оказались въ согласіи относительно необходимости великой реформы и мы надѣемся, что они окажутся твердыми. На пути стоитъ преступный эгоизмъ привилегированныхъ. Не заботясь о благѣ народа, о будущихъ судьбахъ государства, столпами котораго они себя называютъ, они преслѣдуютъ лишь личные интересы; но ихъ хитрый заговоръ противъ всеобщаго избирательнаго права долженъ быть разрушенъ. Весь народъ жаждетъ его отъ послѣдняго поденщика до императора, но вы, рабочіе Австріи, вы составляете истинное ядро арміи, борющейся за всеобщность избирательнаго права».

II

Утромъ 1-го мая было назначено въ одной Вѣнѣ нѣсколько десятковъ народныхъ собраній. Въ резолюціяхъ, принятыхъ на этихъ собраніяхъ, мотивированы слѣдующія требованія: фабричное законодательство, страхованіе рабочихъ, избирательная реформа (всеобщее, прямое, равное избирательное право и закрытое голосованіе). Въ борьбѣ за избирательную реформу рабочіе призываются не останавливаться даже передъ всеобщей забастовкой. По окончаніи собраній рабочіе направились въ Пратеръ,—большой паркъ около Вѣны. Въ этой манифестаціи участвовало около 30,000 рабочихъ.

Перейдемъ къ Россіи.

Первомайское движеніе въ Россіи безъ сомнѣнія открываетъ собою новую фазу въ развитія революціоннаго движенія. Оно означаетъ то, что россійскій пролетаріатъ оправляется отъ страшныхъ потерь, которыя онъ понесъ въ теченіе предыдущихъ періодовъ борьбы. Что революція только притаилась, сдѣлала передышку — теперь уже внѣ всякаго сомнѣнія. Ни военное положеніе, ни чрезвычайная охрана не могутъ послужить уже преградой для дальнѣйшаго пробужденія пролетаріата. Побѣда кадетовъ на выборахъ какъ бы заслонило его на время, но первомайское выступленіе вновь выдвинуло на авансцену политической жизни этого передового борца. Хорошими предзнаменованіями удачнаго первомайскаго выступленія послужили и движенія безработныхъ и агитація, сосредоточенная вокругъ Думы. Это внесло новую струю свѣжаго воздуха въ затхлую атмосферу реакціи. Особенно удачно прошла маевка въ Петербургѣ.

Работавшіе заводы представляли единичныя исключенія. Изъ крупныхъ предпріятій работали: казенный винный складъ, пивоваренный заводъ, тюлевая фабрика, монетный дворъ—на Петербургской сторонѣ, химическій заводъ и электрическая станція за Московской Заставой, казенный патронный заводъ на островѣ Голодаѣ, Путиловскій заводъ, прославившійся 9-го января, (до двухъ часовъ дня) за Нарвской Заставой, стеариновый заводъ и двѣ лѣсопильни за Невской Заставой, водочный заводъ Бекмана въ Коломенскомъ районѣ, трубочный и балтійскіе каз. заводы на Васильевскомъ островѣ,экспедиція заготовленія государственныхъ бумагъ, гдѣ свили себѣ гнѣздо ушаковцы.

Въ большинствѣ остальныхъ фабрикъ и заводовъ работа прекратилась. Общее число фабрично-заводскихъ и иныхъ предпріятій, праздновавшихъ первое мая въ Петербургѣ, превышало 500 со 110 тысячами рабочихъ. Въ большинствѣ случаевъ происходили митинги, на которыхъ говорилось о значеніи первомайскаго праздника, о Государственной Думѣ, объ амнистіи, о безработицѣ, о возрожденіи послѣ объединительнаго съѣзда росс. соц.-дем.-раб. партіи. Особенно интересный митингъ происходилъ въ помѣщеніи одной школы за Невской Заставой. Присутствовало на немъ также два товарища рабочіе—члены Государственной Думы. Одинъ изъ нихъ обрисовалъ положеніе дѣлъ въ Думѣ, соотношеніе силъ въ ней и въ заключеніе заявилъ, что онъ и его товарищи желаютъ итти нога въ ногу съ партіей пролетаріата, соціалъ-демократіей и потому проситъ товарищей рабочихъ вмѣстѣ поразмыслить, что подлежитъ имъ дѣлать въ Думѣ и какъ связать рабочую группу въ Думѣ съ партіей рабочаго класса.

Это служитъ лучшей иллюстраціей того, что Дума можетъ оказать революціонное вліяніе и способствовать дальнѣйшей организаціи пролетаріата.

Произошло также нѣсколько демонстрацій. Въ Московскомъ районѣ около большого дома населеннаго рабочими—извѣстнаго подъ именемъ «Портъ-Артуръ», собрались около 200человѣкъ. Раздались мощные звуки «Интернаціонала». Выкинувъ красныя знамена, пошли по улицамъ.

Въ Выборгскомъ районѣ по окончаніи собраній двинулись на Охту съ пѣніемъ и знаменами. Кавалерійскій отрядъ долго ѣхалъ впереди толпы. На Литейномъ проспектѣ толпа вышла съ гильзоваго завода и направилась съ пѣніемъ и флагами съ надписями:

«амнистія» къ дому предварительнаго заключенія. Здѣсь она была встрѣчена сильнымъ нарядомъ полиціи и повернула къ Александровскому мосту, намѣреваясь пройти къ Выборгской тюрьмѣ, но и тутъ ее встрѣтила полиція, вооруженная винтовками. На Васильеостровскомъ районѣ почти на всѣхъ заводахъ рабочіе приходили къ воротамъ, а оттуда съ пѣніемъ и флагами шествовали по улицамъ Васильевскаго острова къ Черной рѣчкѣ. На 4-ой Рождественской улицѣ образовалась оригинальная толпа демонстрантовъ.

Горячее участіе приняли въ празднованіи перваго мая безработные. Они не только не теряли связи съ арміей труда, но явились передовыми борцами за проведеніе майской забастовки. На нѣкоторыхъ фабрикахъ они сами останавливали работы и только тамъ, гдѣ приходилось сталкиваться съ вооруженной силой, отступали.

Изъ окрестностей Петербурга маевка прошла удачно въ посадѣ Колпино.

Слабѣе прошла маевка въ городѣ Шлиссельбургѣ. Такъ на ситценабивной фабрикѣ забастовка 1-го мая не прошла. Виною тому слабо поставленная, молодая с.-демократическая организація.

Совсѣмъ незамѣтно прошло первое мая въ Кронштадтѣ, въ виду исключительныхъ условій, которыя заставили:

1) не бастовать 1-го мая;

2) деньги заработанные въ этотъ день передать въ Совѣтъ безработныхъ въ Петербургѣ;

3) напечатать это постановленіе и распространить среди рабочихъ, чтобы удержать отъ забастовки товарищей. («Волна»)

Въ Москвѣ забастовочное движеніе менѣе дружно прошло, чѣмъ въ Петербургѣ; Декабрьскій разгромъ и чрезвычайныя мѣры администраціи помѣшали проведенію полной забастовки. Въ цѣляхъ предупрежденія какихъ-либо безпорядковъ или демонстрацій генералъ-губернаторъ отдалъ приказъ, чтобы наканунѣ съ вечера вся столица была оцѣплена концентрическими кругами войскъ всѣхъ родовъ орудія. Стрѣлять приказано боевыми патронами при малѣйшемъ намекѣ на безпорядокъ или демонстраціи.

Несмотря на всѣ эти грозныя предупрежденія, все же число забастовавшихъ было велико. Бастовали металлургическіе заводы, въ которыхъ насчитывается до 58,000 рабочихъ. Исключеніе составляютъ предпріятія Гоппера и Перенуда. Бастовали всѣ типографіи. Рабочіе четырнадцати московскихъ газетъ по-

становили ввести, начиная съ 1-го мая, воскресный и праздничный отдыхъ.

Предмайская агитація въ Прѣсненскомъ районѣ началась за нѣсколькс недѣль до 1-го мая.

Изъ крупныхъ предпріятій не бастовали Прохоровская, Даниловская, Трехгорная, Цинделя, т-ва Электрическаго освѣщенія, Мамонтова.

На фабрикахъ расположенныхъ въ Сокольничьемъ районѣ работы производились какъ и всегда въ день перваго мая до обѣда.

На окраинахъ происходили митинги. Собирались по 200—300 человѣкъ и тутъ обсуждались злободневныя темы. Полиція рѣдко вмѣшивалась или разгоняла митинги; благодаря этому веселый день 1-го мая обошелся почти безъ кровопролитія и жертвъ. Маевки происходили за селомъ Богородскимъ, за Преображенской Заставой, на Лосино-Погонномъ островѣ, Воробьевыхъ горахъ и другихъ окрестностяхъ Москвы.

Отъ столицъ не отставала и вся Россія. Даже изъ самыхъ глухихъ угловъ, изъ захолустныхъ мѣстечекъ, телеграфъ приносилъ извѣстія, что этотъ день былъ отмѣченъ пролетаріатомъ. Въ Польшѣ, Литвѣ, Прибалтійскомъ краѣ рабочіе праздновали одновременно съ своими западноевропейскими товарищами, а именно 18-го апрѣля.

Полная забастовка прошла въ Варшавѣ. Съ ранняго утра городъ представлялъ необычный видъ. Всѣ фабрики и заводы, магазины, лавки, банки, конторы и даже биржа были закрыты. Не выѣхалъ ни одинъ извозчикъ, не показался ни одинъ вагонъ конки. Нс власти держались на-готовѣ. Всюду были разставлены пѣшіе и конныя патрули.

Центръ города былъ сплошь занятъ войсками, остановившими все движеніе по главнымъ улицамъ. Пропускали только тѣхъ, кто сумѣлъ доказать, что инымъ путемъ не можетъ добраться домой. Для избѣжанія уличныхъ сборищъ были запрещены даже похороны. На предмѣстьѣ Воля дворникамъ было предписано не выпускать совсѣмъ жильцовъ на улицу.

О томъ, какъ прошло первое мая въ Лодзи сообщаетъ корреспондентъ „Volkszeitung“ слѣдующее:

«Несмотря на тяжелыя полицейскія условія майская агитація проведена была широко. Было много массовокъ, на которыхъ участвовало отъ 100 до 150 человѣкъ, а на нѣкоторыхъ отъ 600 до 700. Полицейская охрана усилилась и наводнила улицы.

Наканунѣ перваго мая происходили обычные обыски, преимущественно въ типографіяхъ, гдѣ искали первомайскихъ прокламацій. Стачка была всеобщей. Всѣ фабрики и мастерскія не работали, магазины, конторы и учебныя заведенія были закрыты, движеніе трамваевъ было прекращено, извозчики не выѣзжали. На крышахъ фабрикъ съ утра развѣвались красныя знамена. По главной улицѣ Петроковской гуляли тысячи рабочихъ и работницъ. Буржуазія пряталась въ своихъ квартирахъ. Солдаты получили приказъ стрѣлять при малѣйшемъ возникновеніи безпорядковъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ стрѣляли въ одиночекъ или отдѣльныя группы безъ предупрежденія. Въ общемъ ранено было восемь человѣкъ изъ которыхъ двое скончались.

Въ другихъ городахъ фабричнаго района Польши также прошла единодушно однодневная забастовка. Въ районѣ дѣятельности еврейскаго рабочаго союза «Бундъ» маевка была отпразднована достойнымъ образомъ. Бундовскій органъ „Volkszeitung“ выпустилъ въ увеличенномъ объемѣ первомайскій номеръ, весь посвященный празднику труда.

Въ Ковнѣ забастовали всѣ фабрики, заводы, мастерскія и типографіи (въ томъ числѣ губернская). Къ стачкѣ примкнули такіе отсталые элементы, какъ каменщики и служители въ кофейняхъ и отеляхъ. Въ лавкахъ торговали одни хозяева, такъ какъ приказчики присоединились къ пролетаріату. Тамъ гдѣ хозяева не отпускали своихъ служащихъ, примѣнена была химическая обструкція

Удачнс прошла забастовка въ Двинскѣ, Вильнѣ, Бѣлостокѣ, Сморгони, Гомелѣ. Въ Минскѣ же въ большинствѣ мастерскихъ и заводовъ работали. Въ Ригѣ гдѣ существуетъ федеративный комитетъ Латышской и Еврейской с.-д. п., прошла забастовка на всѣхъ крупныхъ фабрикахъ за исключеніемъ—Кузнецова.

Полная почти забастовка прошла въ Рязани, Кіевѣ, Сумахъ, Владикавказѣ, Бердянскѣ, Полтавѣ, Пензѣ, Екатеринославѣ, Елисаветградѣ, Ростовѣ на Дону и Костромѣ. Въ Елисаветградѣ впервые всѣ крупные заводы забастовали. Самый большой заводъ, Эльворти (1200 рабочихъ), который былъ оплотомъ «истинно русскихъ людей» и въ знаменитые октябрьскіе дни первый началъ погромъ, забастовалъ въ полномъ составѣ.

Въ Екатеринославѣ рабочіе сами сошли съ работъ безъ всякихъ принудительныхъ мѣръ, явились съ утра на заводы, дали тревожный гудокъ и съ пѣніемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разо-

шлись по домамъ. Даже самые отсталые, какъ рабочіе мукомольныхъ и круподерныхъ мельницъ и то бросили работу.

Въ Казани не работали вмѣстѣ съ частными типографіями губернская, штабная и университетская. Въ Тулѣ патронный заводъ, насчитывающій 5,000 ч. и половина оружейнаго (3,500 ч.). Въ Одессѣ изъ 370 заводовъ и фабрикъ бастовало 140 съ 9500 рабочими, въ Севастополѣ 4000 портовыхъ рабочихъ вмѣстѣ съ каменщиками. 735 солдатъ и матросовъ города Севастополя послали привѣтъ по случаю перваго мая международному соціалистическому бюро.

Менѣе удачно прошла забастовка въ Тифлисѣ, Сызрани, Тихорѣцкѣ, Твери, Рыбинскѣ, Орлѣ, Ивановѣ, гдѣ преимущественно не работали типографщики. Причина неудачи отчасти — правительственный терроръ (въ Кронштадтѣ, Тихорѣцкѣ, Тифлисѣ), отчасти — черносотенная агитація (въ Ивановѣ). Въ Тифлисѣ къ тому же, вѣроятно, не мало силъ было отвлечено для избирательной кампаніи, которая дѣятельно велась мѣстной с.-д. организаціей. Вмѣстѣ съ фабричнымъ пролетаріатомъ принимали живое участіе въ забастовочномъ движеніи и приказчики. Въ Симбирскѣ, Астрахани, Владикавказѣ, Луганскѣ, Бердянскѣ, Новороссійскѣ, Полтавѣ, Варшавѣ, отчасти въ Екатеринославѣ, Москвѣ, Тулѣ магазины были закрыты. Иногда группы рабочихъ и приказчиковъ заставляли закрывать магазины. Въ нѣкоторыхъ городахъ, какъ въ Вильнѣ, Ковнѣ, Ригѣ, Севастополѣ, торговля подъ давленіемъ администраціи угрожавшей штрафами, хотя и производилась, но приказчики не являлись на службу. Кое-гдѣ (въ Плоцкѣ, Пензѣ, Волковишкахъ, Оренбургѣ) отозвались и сельскій пролетаріатъ и крестьянство.

Но празднованіе перваго мая не исчерпывалось одной забастовкой. По большей части происходили митинги, на которыхъ произносились рѣчи на жгучія темы. Они происходили за городомъ и въ городѣ, на заводахъ и въ мастерскихъ, въ лѣсахъ и садахъ, на рѣкѣ и въ полѣ, въ горахъ и на морѣ. Митинги очень часто разгонялись властями, но иногда проходили безъ всякихъ препятствій, особенно тогда, когда они устраивались на лодкахъ или въ горныхъ ущельяхъ. Картину одного «морского» митинга ялтинскихъ рабочихъ описываетъ «Наша Жизнь»:

«Множество большихъ рыбачьихъ лодокъ и яликовъ для катанья, наполненныхъ людьми съ преобладаніемъ красныхъ ру-

бахъ, выѣхали въ море, разукрасилось красными флагами и въ морѣ, спокойномъ и тихомъ, какъ прудъ,—начался митингъ.

Это рѣдкостное зрѣлище—морской митингъ—привлекло на набережную несмѣтныя толпы глазѣющихъ и продолжалось до наступленія темноты, а тѣмъ временемъ полиція, инфантерія и кавалерія безпомощно парадировали на сушѣ. Одна лодка съ полицейскими и матросами выходила, впрочемъ, въ море, но успѣха не имѣла въ своемъ намѣреніи воспрепятствовать присоединенію новыхъ лодокъ къ митингу».

Тамъ, гдѣ было возможно, устраивались демонстраціи, напримѣръ въ Ростовѣ на Дону, Пензѣ, Екатеринодарѣ, Тулѣ, Бахмутѣ, Сызрани Саратовѣ. Въ Пензѣ съ красными флагами и пѣніемъ «марсельезы» отправились къ народному театру. Въ шествіи принимало участіе до 3000 человѣкъ, въ томъ числѣ много офицеровъ и солдатъ. Сзади показались казаки, карьеромъ врѣзавшіеся въ толпу. Публика бросилась на скверъ, гдѣ продолжала манифестировать до часу ночи. Въ Екатеринодарѣ вечеромъ въ городскомъ саду была устроена демонстрація съ пѣніемъ «Марсельезы». Былъ выкинутъ красный флагъ. Немедленно садъ наполнился казаками, которые и начали избивать демонстрантовъ. Атака велась съ двухъ сторонъ: пѣшими и конными, садъ огласился криками избиваемыхъ и быстро опустѣлъ. Публика собралась около сада. Полиція потребовала разойтись немедленно, а военное начальство начало строить солдатъ въ боевой порядокъ—для стрѣльбы. Рожокъ прозвучалъ уже два раза... Толпа разошлась.

Особенно эффектно прошла рѣчная демонстрація въ Саратовѣ. Демонстрація окончилась въ 10 съ лишнимъ часовъ. Никакихъ столкновеній не произошло.

Празднованіе перваго мая произошло при условіяхъ безумной реакціи. Тысячи борцовъ за свободу были оторваны отъ жизни и брошены въ мрачные казематы. Но и за желѣзными затворами не былъ угашенъ духъ борьбы и протеста. Плѣнники абсолютизма, они въ этотъ день изъ-за рѣшетчатыхъ оконъ посылали братскій привѣтъ борящемуся народу и за свое сочувствіе нерѣдко платились жизнью. Такъ въ Варшавѣ за пѣніе революціонныхъ пѣсенъ стрѣляли по окнамъ, и въ результатѣ, оказалось два убитыхъ. Въ Екатеринославѣ политическіе заключенные были также жестоко избиты.

Революціонная волна, снова охватившая рабочія массы, встрѣтилась уже съ другой волной — черносотенныхъ избіеній

въ дружескомъ содѣйствіи жандармеріи. Первомайскія избіенія —не случайныя явленія. Реакція снова мобилизуетъ свои черные отряды, снова поднимаетъ грязную муть низкихъ страстей, будитъ дикіе инстинкты контръ-революціонныхъ массъ, чтобы дать отпоръ пробуждающемуся народу. Рядомъ съ слезницами противъ уничтоженія смертной казни и противъ амнистіи со стороны правопорядцевъ и истинно-русскихъ людей, рядомъ съ таинственными нашептываніями о какомъ-то заговорѣ противъ Думы, снова идетъ организація чернаго террора снизу. И то обстоятельство, что погромы пріурочены къ первому маю, краснорѣчивѣе всего говоритъ, что первое мая вошло, какъ революціонный агентъ въ сознаніе народа; контръ-революція обрушивается на пролетаріатъ, она желаетъ омрачить непосредственно праздникъ труда, и этимъ только лишній разъ подчеркиваетъ ту выдающуюся роль, которую играетъ рабочій классъ въ дѣлѣ освобожденія Россіи отъ путъ крѣпостничества и кабалы. Поэтому мы подробнѣе остановимся на черносотенныхъ погромахъ, имѣвшихъ мѣсто въ Вологдѣ, Муромѣ и Царицынѣ.

Вотъ какъ описываетъ корреспондентъ «Русскаго Слова» Вологодское побоище:

«Перваго мая, въ 12 час. дня, въ народномъ домѣ былъ назначенъ митингъ. Всѣ городскіе рабочіе, ремесленники, приказчики и интеллигенція собрались въ народномъ домѣ къ этому времени. Часть отправилась на митингъ въ загородный садъ, откуда предполагалось устроить демонстрацію. Дойдя до торговыхъ рядовъ на Гостинодворской улицѣ, толпа встрѣтила кучку хулигановъ, которые начали бить камнями проходившихъ. Послышались выстрѣлы. Появились стражники и дали нѣсколько залповъ. Далѣе начинается ужасная исторія. Масса пріѣхавшихъ на рынокъ крестьянъ присоединилась къ хулиганамъ и, возбужденная закрытіемъ по случаю перваго мая всѣхъ винныхъ и другихъ лавокъ, направилась съ страшнымъ гиканьемъ, шумомъ и криками къ народному дому, нападая по дорогѣ на интеллигентовъ и учащуюся молодежь, которыхъ безпощадно избивала. Приблизившись къ народному дому, дикая, на половину пьяная черная сотня, начала свою расправу. Выбила всѣ окна, уничтожила до основанія библіотеку общества «Помощь», ученическую, библіотеку политическаго клуба и книжный магазинъ общества по внѣшкольному образованію, находящіеся въ народномъ домѣ. Разломала все и, вооружившись обломками отъ разбитыхъ стульевъ,

начала калѣчить попавшихся подъ руку интеллигентовъ. Дробились головы, уродовались до неузнаваемости трупы. Часть хулигановъ взяла находившійся внутри народнаго дома портретъ Государя и отправилась по городскимъ улицамъ съ пѣніемъ гимна. Оставшіеся подожгли народный домъ. Все это происходило на глазахъ стражниковъ, жандармеріи и полиціи. Ни тѣ, ни другіе не принимали мѣръ къ прекращенію погрома. Въ пріѣхавшаго губернатора были брошены хулиганами два камня, ранившіе его въ голову. Были слышны возгласы: — Ты тоже за нихъ, погоди, и до тебя доберемся!

Стражники давали залпы по народному дому съ одной стороны, черносотенцы сыпали камнями съ другой. Кто-то изъ находившихся въ народномъ домѣ высунулся въ окно и просилъ помощи. Дали залпъ стражники, и просившій о помощи былъ убитъ наповалъ. Прибыли пожарные, но хулиганы не давали имъ тушить, разрывая на мелкіе кусочки выброшенныя книги и брошюры, ломая крышу, карнизы и окна. Редакція, контора и типографія газеты «Сѣверная Земля» были разнесены въ нѣсколько минутъ».

Въ Царицынѣ, по свѣдѣніямъ «Царицынской Молвы», кровавая расправа произошла при слѣдующихъ обстоятельствахъ:

Поводомъ послужила солдатская пѣсня, которую пѣли ополченцы, возвращаясь отъ воинскаго начальника. Достаточно было одного звука пѣсни и шествія молодыхъ людей, физіономіи которыхъ казаки не потрудились разсмотрѣть, какъ они съ поднятыми нагайками бросились на ополченцевъ и стали наносить имъ жестокіе удары, избивая ихъ до крови. Ополченцы бросились бѣжать куда глаза глядятъ. Разсѣявши ополченцевъ, казаки и полиція собрались на торговой площади. Здѣсь также собрался народъ, который былъ очевидцемъ избіенія ополченцевъ. Но толпа была спокойна. Она требовала удаленія казаковъ, обѣщая немедленно разойтись, но желаніе народа не было исполнено. Казаки и полиція стояли въ полномъ вооруженіи и видимо готовы были по первому сигналу начать стрѣльбу. Сигналъ этотъ не замедлилъ появиться: неизвѣстно откуда, но во всякомъ случаѣ не изъ толпы, раздался тонкій, пронзительный выстрѣлъ. Выстрѣлъ этотъ никого не убилъ и не ранилъ. Но онъ послужилъ началомъ военныхъ дѣйствій со стороны казаковъ, которые начали стрѣлять пачками по народу. Поднялась страшная паника, началась неимовѣрная давка. Люди бѣжали кто куда попало. Но казацкія пули догоняли ихъ и ранили — иныхъ лег-

ко, а иныхъ тяжело съ смертельнымъ исходомъ. Ранено приблизительно 13 человѣкъ, изъ коихъ 2 умерли.

Точно такъ же расправились жестоко съ демонстрантами въ Муромѣ:

Но въ какихъ бы жестокихъ формахъ не проявлялся вандализмъ отживающаго режима, все же можно сказать, что уже мало пороху осталось въ пороховницахъ. Все больше таетъ черносотенная рать и непосредственно растворяется въ арміи борцовъ за свободу. Стоитъ только взглянуть на территорію дѣйствій громилъ. Своей базой для операцій они выбрали мѣста весьма удаленныя отъ центровъ политической жизни. Жестокость, проявленная администраціей по такому ничтожному поводу, какъ въ Муромѣ и Царицынѣ, могла имѣть мѣсто въ такихъ медвѣжьихъ углахъ, гдѣ полиція считаетъ для себя возможнымъ безнаказанно расправляться съ населеніемъ. Но, толкая въ политику темныя массы въ самыхъ глухихъ углахъ, они тѣмъ же самымъ способствуютъ общественному пробужденію, вовлекаютъ въ борьбу индиферентные слои. Вопросы о самозащитѣ, о народной милиціи поневолѣ выплываютъ и въ этихъ стоячихъ болотахъ русской реакціи.

Каковы же итоги первомайскаго праздника?

Нѣтъ сомнѣнія, что мы переживаемъ новый подъемъ революціонной волны. То единодушіе, то оживленіе, та стойкость, которую обнаружили рабочіе въ своей всероссійской манифестаціи, ясно показали, что наступаетъ конецъ невольному перерыву политической борьбы пролетаріата. Правда сила политическаго гнета еще слишкомъ велика, предыдущія потери слишкомъ глубоки, чтобы рабочій классъ могъ обратить свою первомайскую демонстрацію въ всеобщее выступленіе. Патрули, конница, казаки, жандармы, усиленныя охраны, военное положеніе, пулеметные автомобили, угроза закрытія заводовъ—такъ и пестрятъ во всѣхъ агентскихъ телеграммахъ. Нужно было героическое усиліе, чтобы игнорировать эти серьезныя препятствія; неудивительно, что этого героическаго усилія иногда не доставало. Но одно можно заявить,—дни политическаго затворничества кончены, пролетаріатъ снова выходитъ изъ подполья, куда загнали его правительственныя репрессіи. Онъ снова становится реальной общественной силой, опредѣляющей дальнѣйшій ходъ событій. Но разбивъ первые затворы, онъ сокрушитъ и послѣдующіе. Либеральная буржуазія, которая въ той же мѣрѣ, въ какой питаетъ страхъ пе-

редъ народомъ, обнаруживаетъ столь же скептическое недовѣріе къ его силамъ, не сумѣетъ оцѣнить надлежащимъ образомъ значеніе первомайскаго выступленія. Мы не сомнѣваемся, что только активное выступленіе съ непосредственнымъ эффектомъ является той наличной звонкой монетой, которая имѣетъ вѣсъ и значеніе въ глазахъ либеральной буржуазіи. Разъѣденная скептицизмомъ и отравленная органическимъ недовѣріемъ къ народнымъ силамъ, она окажется неспособной сдѣлать надлежащій учетъ симптоматическихъ явленій, пока исторія сама не позаботится о преподнесеніи новаго нагляднаго урока.

Въ такой же степени, какъ буржуазія чутка къ состоянію подавленности и затишья, она непомѣрно инертна въ оцѣнкѣ процесса пробужденія народныхъ массъ.

Но для соціалъ-демократіи симптомъ первомайскаго пробужденія есть глубокій показатель, полный историческаго смысла.

Революціонная волна снова поднимается.

Гейликманъ.

Народъ и Дума.

I.

Дума стала центромъ вниманія всей страны. Соціалдемократіи приходится заднимъ числомъ признать Думу 11 декабря величайшимъ факторомъ русской революціи, принимая конфликты, разыгрывающіеся въ Думѣ между народными представителями и самодержавнымъ режимомъ, опорнымъ пунктомъ и исходной точкой своей дальнѣйшей борьбы за полное народовластіе. Только люди не умѣющіе читать въ книгѣ жизни или недостаточно смѣлые, чтобы открыто признать собственныя ошибки пытаются еще время отъ времени доказывать, что истинно революціонна и истинно демократична та тактика, которая построена на полномъ игнорированіи Думы, на полномъ отрицаніи за нею какой-бы то ни было положительной роли въ дѣлѣ развитія революціи. Касаясь Думы, эти люди дѣлаютъ рукой пренебрежительный жестъ и переходятъ якобы къ очереднымъ дѣламъ, не замѣчая, что всякое очередное политическое дѣло связано такъ или иначе, прямо или косвенно съ Думой, ея работой, отношеніемъ ея къ наболѣвшимъ нуждамъ народа и ея собственнымъ положеніемъ, построеннымъ на логическомъ противорѣчіи.

Народное представительство, выбранное на какихъ-бы то ни было началахъ, выражающее чью бы то ни было волю, облеченное какими бы то ни было функціями съ одной стороны и полномочіями съ другой—не можетъ по своей природѣ, по всей своей сущности мириться съ положеніемъ, которое выпало на долю нашей Государственной Думы, фактически лишенной какихъ бы то ни было правъ.

Что наша Дума въ цѣломъ поставлена именно въ такое положеніе, не требуетъ особыхъ доказательствъ. Достаточно

вспомнить исторію съ поспѣшнымъ приведеніемъ въ исполненіе смертнаго приговора надъ 8 русскими гражданами. Разстрѣлъ восьми гражданъ вопреки единогласному требованію народныхъ представителей отмѣнить смертную казнь былъ истолкованъ даже самыми умѣренными элементами Думы какъ вызовъ народному представительству. Такое положеніе Думы, получившей предметный урокъ значенія „силы мнѣнія“ будетъ родить не мало конфликтовъ, оно чревато послѣдствіями.

Но кадетское большинство, говорятъ намъ, оппортюнистическое по своей природѣ, не способно на сколько-нибудь смѣлые шаги, оно ставитъ себѣ задачи сглаживать конфликты, не обострять ихъ, эта партія соглашенія, старающаяся ослабить размахъ революціи, не можетъ дѣлать народное дѣло. Кадетскій блокъ, говорятъ далѣе, есть блокъ буржуазный, побѣда этого блока не есть побѣда народа, кадеты послѣ побѣды обернутся къ народу спиной и т. д. и т. д. Въ томъ то и дѣло, что независимо отъ правильности или неправильности выше приведенныхъ взглядовъ, независимо отъ того, поскольку они вѣрно оцѣниваютъ роль кадетовъ въ настоящемъ и предугадываютъ ихъ поведеніе въ будущемъ—всѣ эти разсужденія страдаютъ однимъ весьма существеннымъ недостаткомъ, потому что одинъ весьма важный вопросъ не попадаетъ въ сферу обсужденія, онъ оттуда исключенъ и не получаетъ поэтому никакого отвѣта.

Рѣчь идетъ о дѣйствительныхъ, реальныхъ отношеніяхъ народа къ данной конкретной Думѣ. Какія надежды, какія чаянія возлагаетъ народъ на Думу и связываетъ съ ней? Всякія тактическія директивы, связанныя съ Думой, всякія на этотъ счетъ соображанія, какъ бы логически они ни были построены, какъ бы вѣрны ни были предпосылки, легшія въ ихъ основаніе, будутъ построены на пескѣ, если реальное отношеніе народа къ Думѣ не будетъ одной изъ этихъ предпосылокъ. Основаніемъ для почти огульно отрицательнаго отношенія къ Думѣ обычно принимается, въ числѣ другихъ, антинародный характеръ избирательнаго закона,— сущность основныхъ законовъ, чудовищныя звѣрства самодержавной карамильи, продолжающей издѣваться надъ народомъ, нисколько не смущающейся требованіемъ конституціи въ Таврическомъ дворцѣ, произнесеніемъ тамъ возвышенныхъ

рѣчей и продолжающей поэтому дѣлать свое старое, испытанное дѣло. Отъ такихъ разсужденій, долженствующихъ свидѣтельствовать безсиліе Думы покончить съ преступнымъ режимомъ, переходятъ къ выводу, что, слѣдовательно, дѣло не въ Думѣ, что наше спасеніе въ организованныхъ выступленіяхъ внѣ Думы и помимо Думы, а главное—что уже совершенно неожиданно—къ выводу, что народъ ничего не ждетъ отъ Думы, что ему нѣтъ никакого до нея дѣла.

Послѣдній выводъ, понятно, не всегда дѣлается открыто, но онъ очень часто подразумѣвается.

Но даже тамъ, гдѣ принимается за фактъ то обстоятельство, что народъ возложилъ на Думу большія надежды, признаніе этого факта почему-то многихъ не обязываетъ дѣлать соотвѣтствующіе выводы, устанавливая свою линію поведенія по отношенію къ Государственной Думѣ. Фактъ объявляется конституціонными иллюзіями, которыя, конечно, — и никто противъ этого спорить не можетъ, должны быть разсѣиваемы, если только таковыя существуютъ. И этимъ думаютъ исчерпать вопросъ о несомнѣнно сложныхъ отношеніяхъ народа къ Думѣ.

Наша задача прослѣдить дѣйствительное содержаніе отношеній народа къ Думѣ и сдѣлать тѣ выводы, которые отсюда вытекаютъ.

Огромный интересъ, проявленный населеніемъ къ выборамъ считается фактомъ установленнымъ. Такой какъ у насъ процентъ по отношенію къ общему числу избирателей голосовавшихъ въ городахъ гражданъ необычно высокъ даже для западноевропейскихъ странъ, политически болѣе развитыхъ. Внимательное отношеніе къ выборамъ свидѣтельствуетъ если не всегда о томъ, что населеніе возлагало большія надежды на Думу, то по меньшей мѣрѣ о томъ, что избиратели боялись, чтобы Дума не составилась изъ нежелательныхъ ему элементовъ, что бы она ему не повредила. Чѣмъ бы ни руководился городской избиратель, идя къ избирательной урнѣ, во всякомъ случаѣ до индифферентнаго отношенія къ будущей Думѣ тутъ очень далеко. Пролетаріатъ, правда, отказался отъ выборовъ, повинуясь лозунгамъ партіи, но и его не безразличное отношеніе къ Думѣ доказываетъ то обстоятельство, что тамъ, гдѣ пролетарій пользовался избирательнымъ правомъ на основаніи квартирнаго ценза, онъ шелъ

подавать свой голосъ. Только въ высшей степени напряженный интересъ къ выборамъ со стороны деревенской Россіи на послѣднихъ стадіяхъ выборной процедуры могъ дать въ результатѣ трудовую группу въ качествѣ представительницы огромной, едвали не большей части крестьянства.

Правовое положеніе деревни въ обычное время, тѣмъ болѣе во время военныхъ положеній и чрезвычайныхъ охранъ, реальная обстановка крестьянскихъ выборовъ съ вмѣшательствомъ въ нихъ всякихъ властей, многостепенность выборовъ безъ переизбранія членовъ волостного схода — не могло, казалось бы, дать хорошіе результаты. Полный разгромъ крестьянскаго союза, успѣвшаго во многихъ мѣстахъ собрать вокругъ своего знамени сознательные элементы крестьянства, аресты и высылки сколько-нибудь подозрительныхъ крестьянъ, казацкіе и иные набѣги, разумѣется, тоже мало способствовали тому, чтобы воля народа могла быть правильно выражена на выборахъ. Въ уполномоченные, а потомъ въ выборщики попадали случайные люди.

И тѣмъ не менѣе, защита крестьянскихъ интересовъ попала въ концѣ концовъ въ надежныя руки! Этотъ поразительно интересный фактъ свидѣтельствуетъ не только о глубинѣ соціальныхъ и политическихъ требованій деревни, требованій, стихійно диктовавшихъ малосознательнымъ и, повторяемъ, случайнымъ выборщикамъ, подавать голоса за истинныхъ друзей народа, но и о томъ, что народъ, считалъ Думу чѣмъ-то большимъ и важнымъ, онъ не считалъ ее игрой въ конституцію, а чѣмъ-то такимъ, что должно принести ему облегченіе отъ его невыносимыхъ страданій. Такой взглядъ на Думу господствовалъ въ деревнѣ и въ силу своего господства овладѣлъ сознаніемъ тѣхъ, кто брался отъ имени деревни выбирать депутатовъ. Въ отдѣльныхъ случаяхъ крестьяне проявили удивительное упорство, истратили массу труда и усилій, чтобы подыскать себѣ подходящаго депутата.

Тов. С. разсказываетъ въ своей замѣткѣ „изъ деревенскихъ наблюденій“ *) эпизодъ съ его кандидатурой въ члены Госуд. Думы, кандидатурой, выставленной крестьянами одной волости. Крестьяне наводили справки не только о его личной

*) Отклики Совр. № 2.

нравственности, но и о прошломъ его предковъ. Вся исторія съ его кандидатурой была обставлена такъ конспиративно, что дѣло, казалось, шло о какомъ-то заговорѣ. Крестьянскіе ходоки таинственно являлись къ намѣченному ими депутату, оставляли ему явку „нѣчто вродѣ пароля", принимали всевозможныя мѣры предосторожности къ тому, чтобы никто не узналъ, кого они прочатъ въ кандидаты, потому что „деревня уже въ декабрѣ знала, что выбирать по настоящему и быть выбраннымъ въ Государственную Думу вещь опасная"...

Деревня преодолѣла всѣ опасности, подыскивая себѣ подходящихъ депутатовъ, столковывалось съ ними, проявляла могучій интересъ къ выборамъ, очевидно потому, что такъ или иначе связывала съ Думой свою судьбу. Идея бойкота Думы не встрѣтила поэтому сочувствія среди широкихъ слоевъ крестьянства, не смотря даже на то, что ноябрьскій съѣздъ крестьянскаго союза постановилъ бойкотировать выборы. Крестьянская масса не могла проникнуться идеей бойкота. Несовершенства Думы и избирательнаго закона не повліяли на отношеніе крестьянъ къ Думѣ, они за нее уцѣпились, по-своему разсчитавъ, что никто и ни при какихъ условіяхъ не посмѣетъ отказать имъ въ ихъ справедливѣйшихъ требованіяхъ. „Вся земля народу" стало для широкихъ крестьянскихъ массъ предметомъ религіознаго поклоненія и, будучи совершенно во власти земельнаго гипноза, они мало вдавались въ тонкости конституціоннаго права, вѣря въ то, что Дума должна имъ дать землю. Не сразу и съ большимъ трудомъ крестьяне прибавили къ лозунгу — земля, лозунгъ — воля. Но толкуя о волѣ, они и тутъ вѣрили въ Думу, Дума и это можетъ дать. Инстиктивное-ли чувство подсказывало крестьянамъ, что въ концѣ концовъ всѣ препятствія, находящіеся на ихъ пути къ хлѣбу и свободѣ должны быть сметены крестьянской громадой, сказалась-ли недостаточная политическая сознательность—дѣло не въ этомъ. Въ наказахъ, которые крестьяне давали своимъ депутатамъ, они обращались къ нимъ такъ, какъ будто послѣдніе собираются ѣхать не въ Булыгинско-Виттевскую Думу, а въ полновластное учредительное собраніе. Они поручили своимъ депутатамъ отобрать государственныя, удѣльныя, монастырскія, церковныя и частновладѣльческія земли въ собственность народа, возвращенія выкупныхъ платежей, отмѣны косвен-

ныхъ налоговъ и замѣны ихъ прогрессивно подоходными, упраздненія института земскихъ начальниковъ, становыхъ приставовъ, урядниковъ и стражниковъ, установленія широкаго мѣстнаго самоуправленія и обязательнаго за счетъ государства „всеобщаго образованія“ и въ концѣ—проведенія въ жизнь свободъ „возвѣщенныхъ манифестомъ 17-го октября“ *). Вее это на ряду съ требованіемъ, „чтобы на будущее время мы имѣли возможность посылать прямо и непосредственно желаемыхъ и знакомыхъ намъ по убѣжденію депутатовъ въ народную государственную Думу съ учредительными полномочіями—избирательныхъ при условіи всеобщ. и равн. прямого и тайнаго избирательнаго права“. Очевидно, что въ представленіи крестьянъ теперешняя Дума, избранная на другихъ началахъ и необладающая „учредительными функціями“ не можетъ помѣшать депутатамъ въ точности исполнять данныя имъ инструкціи.

Крестьяне до того серьезно относились къ будущей роли ихъ депутатовъ въ Думѣ, что въ одномъ изъ крестьянскихъ наказовъ очень обстоятельно излагается какъ поступить съ частными коннозаводствами и указываются средства для болѣе успѣшной борьбы съ конокрадствомъ.

Все крестьянское горе, вся ихъ вѣковѣчная нужда находитъ себѣ мѣсто въ крестьянскихъ наказахъ очень часто наряду съ мелкими, чисто мѣстнаго свойства недостатками. Наряду съ требованіями широкихъ соціальныхъ реформъ и радикальнаго измѣненія политическаго строя—эпически просто разсказывается объ чрезмѣрномъ обирательствѣ поповъ, Намъ встрѣтился только одинъ наказъ, очевидно цѣликомъ продиктованный представителями крайнихъ партій, въ которомъ крестьяне, обращаясь къ своимъ депутатамъ говорятъ: „Вы должны помнить, что вы случайно выбраны отъ народа, что десятки тысячъ лучшихъ борцовъ народныхъ, изъ которыхъ многіе были бы выбраны въ Думу при свободныхъ и правильныхъ выборахъ—сидѣли и сидятъ по тюрьмамъ, въ Сибири. Вы должны это понять и знать, что не вы должны перестроить всю жизнь народа. Это могутъ сдѣлать только свободно и правильно избранные люди земли русской“.

*) Изъ Наказа кр. с. Брыковки, Григорьевск, волости, Ник. уѣзда, Самарск. губ. члену Думы Шувалову.

Въ заключеніе крестьяне возлагаютъ на депутатовъ обязанность провести полную амнистію, „оторвать, обезвредить всѣхъ кровопійцъ и пьявокъ народныхъ, и заняться мѣрами, которыя утвердятъ свободу и облегчатъ пока нужды страдальца народа“ *). Хотя на другой ладъ но и здѣсь на Думу возлагаются извѣстныя надежды. Дума еще до созыва стала предметомъ сосредоточеннаго вниманія народныхъ массъ, ея созывъ сталъ предметомъ напряженнаго ожиданія. По ходу выборной компаніи уже можно было видѣть, что изуродованному бюрократическому дѣтищу — Государств. Думѣ суждено стать великимъ моментомъ въ исторіи русскаго освобожденія, потому что крестьянская масса слишкомъ много упованій на нее возложила. Зимой всѣ были увѣрены, что къ веснѣ аграрные безпорядки разольются по всей странѣ, однако, ихъ почти не было, крестьяне не скрывали, что они ждутъ Думы. „Въ Сердобскомъ уѣздѣ (Сар. губ.) — писалъ Прив. Кр.—крестьяне съ нетерпѣніемъ ждутъ начала дѣятельности государственной Думы. Общее настроеніе такое, чтобы до Думы держаться вполнѣ спокойно и помѣщиковъ не тревожить. Ждутъ, какъ Дума „будетъ соотвѣтствовать насчетъ крестьянской бѣдности, земли и всякихъ правовъ“ (Н. Ж. № 429.). Въ надеждѣ на Думу, народъ угрюмо сосредоточенно молчалъ, и вначалѣ даже воздерживался отъ заманчивыхъ сдѣлокъ по покупкѣ земель у крестьянскаго банка. Съ покупкой земли, этимъ самымъ больнымъ мѣстомъ крестьянъ, вышло большое недоразумѣніе. Послѣ ноябрьскаго манифеста, банкъ усиленно сталъ покупать помѣщичьи земли и предлагать ихъ крестьянамъ. Крестьяне были въ большой нерѣшительности—не покупать земли, означало рисковать, что земля попадетъ въ другія руки, другіе ее купятъ. Купить они не рѣшались, потому-что надѣялись, что она перейдетъ къ нимъ даромъ. Поколебавшись, они рѣшили землю купить, благо банкъ приплаты не проситъ, съ цѣлью и въ будущемъ банку не платить. Всю зиму и начало весны народъ молчалъ и это молчаніе впервые прервалось на проводахъ крестьянскихъ депутатовъ.

---

*) Наказъ крестьянскимъ депутатамъ Кіевск. и Полтавск. губ. отъ крестьянъ 5 селъ (двухъ волостей) Кіевской, Полтавской губ. Нар. Вѣст. № 8.

Въ Самарской губ. во время проводовъ депутата Пустовойтова въ отвѣтъ на рѣчь послѣдняго раздались со стороны собравшихся въ большомъ количествѣ крестьянъ „апплодисменты и восторженные крики: Не выдадимъ, постоимъ, не дадимъ въ обиду". Въ Полтавской губ. крестьяне съ пѣснями, музыкой и краснымъ флагомъ сопровождали на желѣзнодорожную станцію депутата Теслю. Такимъ же воодушев леніемъ и наказомъ стоять за „народное вольное житье" провожали депутата Грабовецкаго крестьяне Кіевской губ. „ На одной станціи Московско-нижегородск. ж. д. крестьяне, узнавъ, что въ поѣздѣ ѣдутъ члены Думы, остановили поѣздъ и пригласили священика изъ ближайшаго села и потребовали отъ членовъ Думы дать клятву, что они будутъ отстаивать въ Думѣ крестьянскіе интересы и не вернутся домой безъ земли и воли". (В. Н. С.)

Мы намѣренно не говоримъ о городскихъ манифистаціяхъ въ честь уѣзжавшихъ въ Петербургъ депутатовъ, потому что тамъ трудно установить гдѣ кончаются кадеты и начинается „народъ". Городской пролетаріатъ слишкомъ сознателенъ для того, чтобы вмѣстѣ съ кадетами раздѣлять ихъ радость по поводу созыва ненародной Думы. Устранившись въ своей массѣ отъ выборовъ, пролетаріатъ тѣмъ менѣе имѣлъ повода радоваться. Да и кадеты-депутаты ему мало довѣрія внушали. Возможно, по этому, что въ числѣ „30—40 тысячъ человѣкъ", собравшихся въ Саратовѣ провожать членовъ Думы, было не столько фабрично-заводскаго пролетаріата, сколько мелкаго мѣщанства. Мелкое городское мѣщанство, можетъ быть вмѣстѣ съ кадетами усматривало въ открытіи Думы „новую эру". Пролетаріатъ же былъ очень далекъ отъ ликованія, и онъ остался вѣренъ себѣ и въ день 27 апрѣля. Либеральная печать усиленно афишировала „новую эру", но по признанію даже Русск. Вѣдом. „фабрики и заводы (въ Петербургѣ) почти всѣ работали. Хозяева хотѣли праздновать, но рабочіе наканунѣ заявили, что праздновать не намѣрены и станутъ на работы. Въ обычный часъ утромъ гудковъ не было, но рабочіе явились на заводы и пожелали работать. Администраціи заводовъ пришлось уступить... Товарищи—говорили рабочіе—разойдемся по заводамъ и не будемъ снимать нашихъ блузъ, пропитанныхъ потомъ и нашей кровью" (Р. В. № 114)·

Москва также „сдержанно встрѣчала день 27 апрѣля". Пролетаріатъ по всей Россіи готовился праздновать день 1 мая. Но крестьянская масса иначе отнеслась къ открытію Думы. Въ числѣ привѣтствій Думѣ въ день ея открытія было больше 30 отъ цѣлыхъ крестьянскихъ обществъ. Крестьяне, конечно, мало читали восторженныя статьи либеральныхъ газетъ, начинавшихся многозначительнымъ „сегодня и завтра", они своей радостью не демонстрировали предъ реакціонной камарильей, что существуетъ—молъ въ Россіи конституція; смотря на наружное проявленіе этой радости, какъ на одно изъ средствъ поколебать устои звѣздной клики—крестьяне радовались просто, вѣря въ то что Дума въ лицѣ ихъ депутатовъ принесетъ имъ избавленіе отъ голода и рабства. Въ отдѣльныхъ случаяхъ въ радости кадетовъ и крестьянъ были и общія черты, но кадетская радость никогда не исчерпывала крестьянской, а послѣдняя, наоборотъ всецѣло покрывала первую, какъ крестьянскія политическія и экономическія требованія покрываютъ кадетскія. Для кадетовъ Дума, какъ таковая, какъ конституціонное учрежденіе, представляетъ извѣстную цѣнность, они дорожатъ ей, независимо отъ результатовъ ея работъ, для крестьянъ же, какъ прекрасно выразились крестьяне с. Дергачей Новоузенскаго уѣзда, Дума—„это послѣдній этапъ нашего терпѣнія".

II.

Можно, безъ риска впасть въ преувеличеніе, сказать, что Дума сконцентрировала на себѣ вниманіе огромной части деревенской Россіи. Ужъ ко дню открытія Думы въ Петербургъ стали пріѣзжать крестьянскіе ходоки, посланные для того, чтобы слѣдить за дѣятельностью ея, правительства и крестьянскихъ депутатовъ. „Многочисленные ходоки, пришедшіе въ Петербургъ изъ разныхъ концовъ Россіи, одни по личнымъ дѣламъ, другіе по порученіямъ обществъ и сходовъ, цѣлые дни проводятъ въ трудовой группѣ, разсказывая о своихъ нуждахъ, о надеждахъ народа получить землю. (Волна № 21). Дума едва успѣла открыться, а на голову депутатовъ, преимущественно трудовой группы, посыпались какъ изъ рога изобилія заявленія, привѣтствія, обѣщанія поддержки въ случаѣ конфликта, подбадриванія

твердо стоять за народныя требованія, всевозможныя со всѣхъ сторонъ жалобы на всяческія прижимки и насилія властей, упреки въ медлительности, а то и просто дружескія изліянія избирателей. Трудовая группа невидимыми нитями связана со всей страной. Не проходитъ одного дня, чтобы газеты не приводили новыхъ фактовъ изъ этой области. Крестьянская Россія то съ мольбой о заступничествѣ, жалобой, иногда съ упрекомъ, чаще съ довѣріемъ и надеждой, но далеко не тупо и не равнодушно смотритъ на тѣхъ, кому она, ужъ отнюдь, разумѣется, не одержимая „конституціонными илюзіями", поручила свое великое дѣло. Но не только деревня протягиваетъ руки къ депутатамъ. 205 солдатъ Изборскаго полка тоже обратились съ жалобой на излишнее, невызываемое интересами дѣла, задерживаніе ихъ въ казармахъ, выброшенные реакціей на улицу почтово-телеграф. и желѣзнодорожные служащіе съ своей нуждой, а плѣнники самодержавія — политическіе заключенные съ своимъ горемъ.

Но тутъ возникаетъ вопросъ: какъ крестьяне относятся ко всѣмъ перипетіямъ думской работы? Слѣдятъ ли они за ней съ достодолжной внимательностью, разбираются ли они въ ней или они просто-на-просто затвердили себѣ, что Дума должна имъ дать, то, что имъ нужно, только съ точки зрѣнія этого—„дать"—Дума ихъ интересуетъ, а при какихъ условіяхъ приходится „брать" ихъ мало занимаетъ? И на эти вопросы мы находимъ вполнѣ опредѣленные отвѣты. Страна очнулась, она ловитъ слова своихъ депутатовъ, вслушивается въ слова противниковъ и весьма чувствительно реагируетъ на каждый думскій шагъ въ цѣломъ и на каждое выступленіе трудовой группы въ частности. Думой и ея работами интересуются. Крестьяне и рабочіе вмѣстѣ съ солдатиками—всѣ богомольцы многихъ губерній, собравшійся въ Свято-Троицкой Лаврѣ—вопіютъ: „Дайте намъ свободу, землю, волю, трудъ и образованіе. Мы всѣ умремъ за право, за наши требованіе и за депутатовъ"...

„Жизнь Крыма рисуетъ чрезвычайно тревожное настроеніе арміи и флота въ Севастополѣ вслѣдствіе тяжелаго положенія Государственной Думы"...

Крестьяне села Макошина протестовали противъ „произвола и возмутительнаго посягательства чиновъ полиціи на

неприкосновенность личности своего односельчанина чин. Гос. Думы Бабича".

Крестьяне Новоузенск. уѣзда, обращаясь къ своимъ „первоизбранникамъ" просятъ ихъ передать бюрократамъ, что послѣдніе потеряли въ ихъ глазахъ „всю цѣну и вѣру" и кричатъ: „Довольно, мы достигли самосознанія и въ опекѣ не нуждаемся!"

Крестьяне Самарск. уѣзда предупреждаютъ своего депутата „не отступать ни на пядь отъ намѣченнаго въ отвѣтномъ адресѣ Думы". „Готовы поддержать!" заканчиваютъ она свою крайне характерную телеграмму. 535 крестьянъ с. Лоха Саратовск. уѣзда привѣтствуютъ крестьянскихъ депутатовъ борцовъ за свободу и благословляютъ ихъ „на тяжелую борьбу съ противникомъ, упорно защищающимъ произволъ, насиліе и беззаконіе въ измученной странѣ". Казаки и крестьяне 2-хъ селъ Лохвицкаго уѣзда „жизнью гарантируютъ свои требованія и требованія депутатовъ". Крестьяне одной волости готовы словомъ и дѣломъ поддержать требованіе депутатовъ, а другіе напоминаютъ послѣднимъ, что депутаты имъ обѣщали большаго, и ждутъ ихъ рѣшительныхъ дѣйствій...

Нужны ли еще доказательства тому, что народнымъ массамъ, борющимся за хлѣбъ и свободу мало дѣла до того, на какихъ основаніяхъ избрана Дума, каковы по закону ея компетенціи, разъ она видитъ въ ней своихъ истинныхъ защитниковъ? Нужно ли продолжать приводить доказательства тому, что народныя массы не только заявляютъ опредѣленныя претензіи къ своимъ депутатамъ, но и достаточно чутки ко всему тому, что происходитъ въ Думѣ?

Полагаемъ, что и приведеннаго достаточно, чтобы сдѣлать вполнѣ опредѣленное заключеніе, объ отношеніи народныхъ массъ къ Думѣ.

Народу, въ главной массѣ политически мало сознательному, не знакомы конституціонные вопросы. Возлагая надежды на Думу, онъ мало разбирался въ полномочіяхъ Думы, и исходилъ только изъ того, что безысходная его нужда должна быть удовлетворена, потому что если его нужда не будетъ удовлетворена, онъ не можетъ жить, онъ пойдетъ на все. Если отчаяніе плохой помощникъ въ выборѣ средствъ, то оно по крайней мѣрѣ прекрасный сти-

мулъ, чтобы итти на проломъ и разрушить всѣ преграды, стоящіе на пути. Дума, оставаясь въ рамкахъ легальности, въ предѣлахъ кадетской „лояльной“ оппозиціи, окруженная врагами, старыми насильниками, не желающими уступить волѣ народа, эта Дума ничего не можетъ дать народу —тѣмъ лучше, размѣръ разыгрывающихся соціальныхъ и политическихъ конфликтовъ, глубина народныхъ страданій подскажутъ народу, что ему нужно дѣлать. Народъ начинаетъ энергичнымъ заявленіемъ своей солидарности съ требованіями своихъ депутатовъ, а позже, онъ пойдетъ дальше. Непринятіе Монархомъ думской депутаціи должно разумѣется, въ меньшемъ масштабѣ—сыграть по отношенію къ крестьянамъ ту же роль, какъ пріемъ рабочихъ 9 января 1905 г. На площади у Зимняго дворца царскія войска разстрѣливали послѣдніе остатки монархическихъ чувствъ русскаго пролетаріата, традиціонное довѣріе нашихъ крестьянъ къ Монарху только теперь подвергается сильному испытанію. Крестьяне въ массѣ своей издавна считаютъ бюрократію своимъ злѣйшимъ врагомъ. Это она и исполнители ея злой воли вслѣдъ за помѣщиками-крѣпостниками воспитала въ крестьянахъ чувство недовѣрія къ „господамъ“. Посылая депутатовъ въ Думу, поручивъ имъ взять для себя землю и волю, крестьяне, конечно, не на уступчивость камирильи надѣялись. На кого же они надѣялись? Даже крестьянское неразвитое сознаніе должно было составить себѣ на этотъ счетъ какое-нибудь представленіе! Дѣйствительно, по отдѣльнымъ крестьянскимъ приговорамъ, по отдѣльнымъ наказамъ, даже по нѣкоторымъ обращеніямъ крестьянъ къ своимъ депутатамъ можно заключить, гдѣ былъ источникъ крестьянскихъ чаяній.

Дума и въ этомъ отношеніи дастъ крестьянамъ рядъ поучительныхъ уроковъ, которые въ своей совокупности сыграютъ ту же роль, какъ и предательскій разстрѣлъ колѣнопреклоненныхъ бунтовщиковъ 9-го января. Мы вовсе не желаемъ исходить изъ положенія: „чѣмъ хуже—тѣмъ лучше“, но мы всегда будемъ въ своихъ цѣляхъ утилизировать уроки исторіи. Прежніе уроки исторіи оказались для крестьянъ недостаточно убѣдительными, будемъ надѣяться, что думскіе уроки, въ силу своей наглядности для всей Россіи, будутъ имѣть большій успѣхъ. Но для этого Дума должна существовать.

Между крестьянскими массами и трудовой группой существуетъ вполнѣ реальная связь. Благодаря этой связи, благодаря тому, что крестьяне прислушиваются къ біенію пульса думской жизни, политическое сознаніе ихъ растетъ. Связь между крестьянами и ихъ депутатами все крѣпнетъ и крѣпнетъ и такимъ образомъ деревенская Россія сплошь и вся пріобщается къ политической жизни. „Манифестъ“ рабочихъ депутатовъ—шагъ къ тому, чтобы создать такую же связь между фабрично-заводскимъ пролетаріатомъ и рабочей фракціей въ Думѣ.

Еще до обращенія рабочей фракціи въ Думѣ съ воззваніемъ къ рабочимъ, рабочіе разныхъ городовъ обращались къ рабочимъ-депутатамъ съ разными требованіями общаго и частнаго свойства, изложеніями своихъ взглядовъ на задачи момента и т. д. Рабочіе Краматорскаго металлургическаго завода, изложивъ свои пролетарскія требованія говорятъ: „Если вы будете отстаивать наши требованія, мы всѣми силами и средствами поддержимъ васъ; если вы пойдете съ правительствомъ на сдѣлку, революція смететъ васъ вмѣстѣ съ правительствомъ и Думой“. Рабочіе механическаго цеха Нижне-Сергіевскаго завода просятъ у того же Михайличенко совѣта, какъ имъ поступить съ администраціей завода, произвольно увеличившей на часъ рабочій день. Рабочіе Рамонской фабрики изъ Воронежа надѣются, „что наши избранники, какъ авангардъ народной рати, достойно исполнятъ свой долгъ до послѣдней возможности“. Рабочіе харьковскаго сахарно-рафинаднаго завода просятъ „товарища Бориса“ (депутата Диденко) ознакомить всю Государственную Думу съ ихъ требованіями. Къ тому же Диденко обращаются рабочіе 14 заводовъ и фабрикъ гор. Харькова и обѣщаютъ поддержку, если Дума проведетъ предлагаемыя имъ неотложныя мѣры. А послѣ воззванія рабочей фракціи въ Думѣ къ рабочимъ, мы видимъ, что къ рабочимъ депутатамъ обращаются и тѣ пролетаріи которые раньше бойкотировали Думу. Такъ, рабочіе многихъ фабрикъ и заводовъ Москвы „собравшись 18 мая въ количествѣ двухъ тысячъ человѣкъ и обсудивъ современное положеніе Россіи, шлютъ товарищескій привѣтъ рабочей группѣ Госуд. Думы за смѣлое и рѣшительное выступленіе противъ ненавистнаго правительства, произвола и насилія и обѣщаютъ свою под-

держку во всѣхъ ея выступленіяхъ противъ отживающаго режима"... Бойкотистское настроенія проходитъ и тутъ.

Дума становится связующимъ центромъ разрозненныхъ народныхъ массъ—это не фантазія оппортюнистовъ и не измышленіе доктринеровъ. Это фактъ. До такой степени жизненный фактъ, что строить партійную тактику, не принимая во вниманіе этой реальной связи, игнорировать Думу, нападая на нее въ цѣломъ—значитъ, помимо всего прочаго, или итти противъ народныхъ массъ, поскольку послѣдніе возлагаютъ на Думу надежды и довѣряютъ своимъ представителямъ, или возстановить народныя массы противъ ихъ депутатовъ. Въ томъ или другомъ случаѣ результаты будутъ одни и тѣ же. Сведеніе къ нулю роли и значенія трудовой группы должно логически неизбѣжно привести и къ ослабленію связи между массой и трудовой группой.

Желательно ли это? Къ сожалѣнію, приходится ставить и этотъ вопросъ. Исходя изъ той позиціи, на которой стоятъ наши „лѣвые" товарищи нежелательно укрѣпленіе и дальнѣйшее использованіе находящейся у лѣвой части Думы выгодной позиціи по организаціи массъ. Эта позиція силою вещей, совершенно естественно, приводитъ къ положенію: „Дума организующій центръ".

Это послѣднее положеніе принимается также кадетами, но именно потому, что его принимаютъ кадеты, его не хотятъ принять товарищи „большевики". Товарищи „большевики" усматриваютъ въ принятіи этого положенія нѣчто затуманивающее особые классовые интересы пролетаріата, пролетарское движеніе разабвляется, теряется въ общебуржуазной борьбѣ съ феодально-бюрократическимъ режимомъ. На самомъ же дѣлѣ такой опасности не существуетъ. Безусловно, Дума, какъ таковая, какъ конституціонное учрежденіе, независимо отъ различныхъ классовыхъ и групповыхъ интересовъ представленныхъ тамъ, играя роль всероссійской трибуны, приковываетъ къ себѣ вниманіе всей страны. Она сама въ цѣломъ, независимо отъ партійныхъ дѣленій внутри ея, дѣйствуетъ возбуждающимъ образомъ на всю страну. Но какъ только рѣчь заходитъ объ ея организующемъ значеніе, тутъ соціальные интересы разныхъ общественныхъ классовъ будутъ сказываться, выплывутъ наружу,

каждый общественный классъ, слѣдя за Думой, организовываясь въ связи съ дѣятельностью Думы, будетъ обращаться и уже теперь обращается не къ Думѣ въ цѣломъ, а обращается къ тѣмъ, кого онъ имѣетъ основаніе считать защитниками своихъ интересовъ. Крестьянская демократія обращается къ трудовой группѣ, пролетаріатъ — къ рабочей фракціи, а городская буржуазная интеллигенція—къ кадетамъ. Положеніе: „Дума организующій центръ“ не означаетъ, что кадетское большинство въ Думѣ будетъ организовывать народныя массы, тѣ массы, которыхъ кадеты больше всего боятся. Народныя массы будутъ организовываться не вокругъ кадетовъ. Если они будутъ искать организаторовъ въ Думѣ, то они найдутъ тамъ другихъ людей. „Дума организующій центръ“ нисколько и ни въ какомъ случаѣ не посягаетъ на чистоту пролетарскихъ принциповъ, даже тактическихъ.

Н. Гилинъ.

На границѣ краха.

Читатель помнитъ, что когда былъ опубликованъ извѣстный „рабочій манифестъ“, въ которомъ, между прочимъ, говорилось о близкомъ финансовомъ банкротствѣ Россіи, то правительство, мстя за это указаніе на самое больное мѣсто умирающаго режима, обрушилось небывалыми карами на цѣлый рядъ органовъ періодической печати. Месть эта вполнѣ понятна, такъ какъ народные финансы, превращенные всесильной бюрократіей въ „доходное мѣсто“, въ концѣ концовъ, пришли въ поразительное разстройство. Это разстройство отнюдь не является слѣдствіемъ революціонныхъ бурь, пронесшихся надъ страною за послѣдніе два года, и не позорная война подорвала въ корнѣ источникъ силы стараго режима. Только тщательная охрана финансовыхъ отношеній отъ взоровъ „непосвященныхъ“ спасала нашу бюрократію отъ печальной необходимости услышать голосъ со стороны, который давно могъ бы сказать то же самое, что съ такой выразительностью объявилъ „рабочій манифестъ“. Разложеніе стараго строя началось не вчера, и финансовое разоренiи, которое, кажется, еще долго будетъ играть роль въ развитіе историческихъ судебъ русскаго государства, давно смущало представителей самодержавнаго правительства. Еще въ 60-хъ годахъ XIX вѣка о финансовомъ банкротствѣ говорили дома и за границей тѣ дворяне-помѣщики, которые „проѣдали“ только-что полученныя выкупныя свидѣтельства, реализовавшія крѣпостное сельское хозяйство...

Помѣщики, продавшіе „души“ и земли за приличныя цѣны, были отчасти правы въ своихъ ожиданіяхъ финансоваго краха, такъ какъ тогдашнія перспективы въ области финансовыхъ отношеній, тогдашнее положеніе экономическихъ

силъ страны было безотрадно: казарменный „николаевскій режимъ, крѣпостническая организація сельскаго хозяйства, борьба съ западными конституціонными вліяніями, ломка натуральнаго хозяйства, все это коверкало существовавшія отношенія, а будущее, какъ и всегда, было подернуто темною, непроницаемою дымкою. Даже позднѣе, въ самомъ концѣ 70-хъ годовъ, когда Россія готовилась къ войнѣ съ Турціей, о близкой возможности финансоваго банкротства говорили въ присутствіи царя въ спеціальномъ совѣщаніи, собранномъ по поводу войны въ ливадійскомъ дворцѣ. Но вплоть до нашихъ дней бюрократія искусно лавировала между Сциллой и Харибдой, между политической революціей и финансовымъ кризисомъ. На нашихъ глазахъ бюрократическій корабль сразу наскочилъ на обѣ скалы, и тамъ, и здѣсь онъ потерпѣлъ серьезную аварію.

Секретъ такой продолжительной безнаказанности всяческаго надруганія надъ естественными законами развитія человѣческаго общества и государства начинаетъ раскрываться на нашихъ глазахъ. Мы будемъ говорить въ дальнѣйшемъ только о финансовыхъ отношеніяхъ. Два фактора, двѣ силы задерживали поступательное развитіе давно назрѣвавшаго финансоваго кризиса: во-первыхъ, частичное раскрѣпощеніе сельскаго хозяйства, увеличившее производительность крестьянскаго труда и ео ipso усилившее платежныя силы главнаго ядра населенія, во-вторыхъ, накопленіе на западноевропейскихъ рынкахъ грандіозныхъ по своимъ размѣрамъ свободныхъ капиталовъ, искавшихъ выгоднаго помѣщенія въ странахъ экономически отсталыхъ, а потому бѣдныхъ денежными капиталами.

Успѣховъ экономическаго содержанія, достигнутыхъ Россіей за послѣднія 40 лѣтъ, въ ихъ количественной, а не качественной, оцѣнкѣ, отрицать нельзя, они у всѣхъ на глазахъ. Внѣшнимъ выраженіемъ этихъ успѣховъ является изумительно быстрый ростъ государственнаго бюджета и бюджетовъ мѣстныхъ самоуправляющихся организацій. Въ 60-хъ годахъ русскій государственный бюджетъ не достигалъ и 500 милліоновъ руб., а въ настоящее время онъ перевалилъ за 2 милліарда рублей!.. До 60-хъ годовъ, собственно говоря, мѣстныхъ бюджетовъ не было, а въ данный моментъ мѣстныя самоуправленія пожираютъ сотни милліоновъ; сюда нужно

присоединить громадные „мірскіе“ (волостные и сельскіе) расходы, которые въ общей своей совокупности не уступаютъ земскимъ бюджетамъ или стоятъ съ ними почти на одинаковомъ уровнѣ. Если принять во вниманіе быстрый ростъ этой, по меньшей мѣрѣ, трехмилліардной гекатомбы, ежегодно пожираемой бюрократическимъ правительствомъ и классовыми общественными управленіями (мы не упомянули о чисто сословныхъ расходахъ), то станетъ понятнымъ одинъ изъ моментовъ развитія самодержавной бюрократіи за послѣднія четыре десятилѣтія...

Такой изумительный, безпримѣрный даже для самыхъ богатыхъ капиталистическихъ странъ, ростъ суммъ, ежегодно обращающихся въ общественно-принудительныхъ хозяйствахъ, съ одной стороны базировался на повышеніи народнохозяйственнаго дохода, а съ другой—онъ былъ обусловленъ хищническимъ веденіемъ государственнаго хозяйства. При Николаѣ I графъ Мордвиновъ „съ ужасомъ“ возвѣстилъ государственному совѣту, что „оброки и подушныя собираются съ употребленіемъ пытокъ“. Въ началѣ XX вѣка, на нашихъ глазахъ, подати собирались воинскими командами, за неплатежъ недоимокъ губернскіе сатрапы объявляли чутьли не смертную казнь!.. Другимъ доказательствомъ хищническаго веденія государственнаго хозяйства являются необычайныя по своимъ размѣрамъ крестьянскія недоимки. Оффиціальная статистика констатировала многочисленные случаи недоимокъ, достигавшихъ 100, 300, 600, 700, 984% податного оклада. Зловѣщій характеръ такихъ недоимокъ обнаруживается изъ того, что наше правительство никогда не стѣснялось въ примѣненіи къ крестьянамъ такихъ фискально-полицейскихъ мѣръ воздѣйствія, передъ которыми современное правосознаніе остановится въ недоумѣніи. Организованное хищничество, положенное въ основу русской финансовой системы, щадило только привилегированные классы—духовенство, дворянство и затѣмъ крупную торгово-промышленную буржуазію. Духовенство оказалось въ концѣ концовъ совершенно свободнымъ отъ всякихъ прямыхъ налоговъ. Дворянство и помѣщики въ области поземельнаго обложенія находятся въ явно привилегированномъ положеніи: до сихъ поръ помѣщичьи земли обложены въ сорокъ (40) разъ ниже земель крестьянскихъ! Этого одного факта достаточно для того,

чтобы осмыслить содержаніе и значеніе современнаго аграрнаго движенія... Мало того даже при такомъ привиллегированномъ обложеніи наши помѣщики ухитряются накапливать чудовищныя недоимки: богатыя экономіи въ этомъ отношеніи конкурируютъ съ самыми разоренными крестьянскими хозяйствами. По даннымъ послѣдняго „статистическаго ежегодника Тверской губерніи“ недоимки по сословно-мѣщанскимъ сборамъ въ 1902—03 гг. по отношеніи къ окладу составляли 102%—117%, недоимки по сословно-дворянскимъ сборамъ на уѣздныя потребности равнялись 310%—329% оклада, недоимки же по губернскому дворянскому сбору за тѣ-же годы выражались уже въ 814%—877%!!.. По данымъ тогоже „ежегодника“ за указанный срокъ крестьянскія недоимки по окладнымъ сборамъ достигали только 20%!..

Торговля и промышленность обложена крайне несовершеннымъ промысловымъ налогомъ, который не въ состояніи настичь прибыль предпріятія, обусловленную коньюнктурою рынка. Капиталистическое же хозяйство живетъ и дышетъ коньюнктуральными доходами. Вслѣдствіе этого наиболѣе богатыя предпріятія обложены наиболѣе слабо. Благодаря нелѣпостямъ налогового тарифа предпріятія, дающія прибыль въ 143% (собинскій бумажный заводъ), 108% (Росс.-амер. резин. мануф.), 89% (балтійскій вагонный заводъ) и т. д., и предпріятія съ незначительною доходностью облагаются одинаково. Благодаря тѣмъ же нелѣпостямъ, носящимъ на себѣ несомнѣнный знакъ классовой привиллегіи, получается, напр., такая картина: крестьянинъ и помѣщикъ имѣютъ по небольшой водяной мельницѣ. Крестьянинъ перемалываетъ на своей мельницѣ нѣсколько десятковъ пудовъ своей ржи и сотню—другую пудовъ ржи, принадлежащей однодеревенцамъ. Такой крестьянинъ платитъ за мельницу промысловый налогъ. Помѣщикъ перемалываетъ на своей мельницѣ тысячи пудовъ хлѣба, ему принадлежащаго, а поэтому онъ никакого налога за мельницу не платитъ... Такихъ примѣровъ можно привести цѣлыя сотни...

При такомъ построеніи налоговой системы казначейство не могло разсчитывать на большія поступленія отъ прямого обложенія, волей-неволей приходилось базировать распухшій бюджетъ на косвенномъ обложеніи. Косвенные налоги опять-таки обрушивались на бѣднѣйшіе классы населенія, и къ

нашему времени размѣры обложенія доросли до предѣловъ, ихъ же не прейдеши. Въ этомъ сознавалось само правительство на страницахъ бюджетныхъ докладовъ и въ своихъ оффиціальныхъ изданіяхъ. Между тѣмъ кризисъ въ податныхъ отношеніяхъ, давно уже говорившій о неотложной необходимости переложить налоговое бремя на состоятельныя плечи, ни на іоту не остановилъ изумительно быстраго роста государственнаго бюджета. Кромѣ бюджета, исчерпывающаго ежегодные текущіе, повторяющіеся расходы, росли и множились такіе расходы, которые требовали для себя колоссальныхъ капитальныхъ затратъ. Одна дальневосточная авантюра, закончившаяся такимъ позорнымъ разгромомъ русскихъ военныхъ и морскихъ силъ, потребовала капитальныхъ затратъ, оцѣниваемыхъ въ шесть милліардовъ рублей. Неумная политика, которая ведется съ одинаковымъ неуспѣхомъ нашей бюрократіей въ продолженіе цѣлыхъ десятилѣтій подрядъ, вызвала необходимость непрерывнаго ряда займовъ на иностранныхъ денежныхъ рынкахъ. За десятилѣтіе 1888—98 г.г. государственный долгъ возросъ на 19%. Къ концу 1898 года государственный долгъ, по даннымъ государственнаго контроля, равнялся 6,245 милл. руб. Съ этого момента правительство усиленно развиваетъ аггресивную политику на Дальнемъ Востокѣ, приводитъ армію и флотъ въ боевую готовность и въ результатѣ въ апрѣлѣ текущаго года государственный долгъ достигаетъ колоссальныхъ размѣровъ—9 милліардовъ рублей. На оплату этого огромнаго долга Россіи придется тратить около половины милліарда рублей золотомъ ежегодно!

Мы не будемъ входить здѣсь въ детальное разсмотрѣніе вопроса о государственномъ долгѣ Россіи, отмѣтимъ лишь два обстоятельства.

Наша колоссальная задолжность возникла благодаря тому обстоятельству, что заграничные денежные рынки съ охотою раскрывали русскому правительству свои кассы. Чѣмъ же объясняется эта охота? Среди многихъ причинъ, осъясняющихъ благоволеніе западныхъ банкировъ къ русскому правительству, на первое мѣсто необходимо поставить то обиліе свободныхъ капиталовъ, которое давило на ссудный процентъ и этимъ самымъ угнетало западно-европейскіе рынки. Благодаря этому обилію всѣ почти западныя государства не

только сильно увеличили свою задолжность, но и удешевили свой кредитъ. Англійскіе консоли въ настоящее время приносятъ только $2^1/_2\%$. Даже такія разбреннныя страны, какъ Италія, испытавшая крайнюю степень политическаго позора въ пресловутой абиссинской авантюрѣ, даже Италія оплачиваетъ свои ренты тремя съ половиною %%, и курсъ этихъ рентъ стоитъ выше al pari. Не только такія страны, какъ Италія, могли занимать большія деньги даже для завѣдомо безрасудныхъ авантюръ и предпріятій, но даже маленькія государства, какъ Греція, Испанія, Португалія, легко находили себѣ нужный кредитъ на рынкахъ, захлебывавшихся отъ свободнаго золота. Мало того, Турція, Египетъ, Конго, Тунисъ съ большимъ увлеченіемъ подписывали векселя на рынкахъ Лондона и Парижа, и въ результатѣ этого увлеченія нѣкоторыя изъ перечисленныхъ странъ лишились значительной дозы своей не только экономической, но и политической независимости. Свободныхъ капиталовъ было такъ много, что ихъ помѣщали въ завѣдомо ненадежныя руки. Появились государственные долги такихъ государствъ, какъ Гаити, Гватемалу, даже островъ Фиджи, населенный дикарями... При такихъ условіяхъ Россія, конечно; легко получала милліарды, тѣмъ болѣе, что %, уплачиваемый „великой державой, не былъ ниже %, выплачиваемаго Турціей, а за послѣднее время мы въ этомъ отношеніи конкуррируемъ съ Гаити и Гватемалу. Послѣдній нашъ заемъ, заключенный подъ залогъ каде-тской Думы, стоитъ больше 6% дѣйствительныхъ и обставленъ явно невыгодными ограничительными условіями, оскорбительными „для чести и достоинства великой державы“... Россія, съ ея хроническою наклонностью дѣлать займы каждый годъ, для богатѣйшихъ рынковъ запада явилась настоящею выгребною ямою. Россія поддерживала высоту ссуднаго процента и опезпечивала безпечальное существованіе все возрастающей группы рантьеровъ...

Одна особенность русской экономической политики усиливала охоту европейскихъ банкировъ ссужать Россіи деньги. Стремленіе русскаго правительства насадить свою собственную промышленность заставило его поставить на всѣхъ границахъ слишкомъ высокія таможеныя рогатки. Если бы эти рогатки были пониже, то европейскій капиталъ нахлынулъ бы въ Россію въ формѣ товаровъ. Но такъ какъ этой формѣ

передвиженія свободнаго капитала были поставлены очень узкіе предѣлы, то всемогущій капиталъ проложилъ себѣ болѣе удобную дорогу. Вмѣсто экспорта товаровъ Европа начала практиковать экспортъ капиталовъ. Русское правительство поощряло эту новую отрасль европейской торговли и, обыкновенно, займы въ заграничной валютѣ и фонды для помѣщенія ихъ за границей освобождались отъ всякихъ налоговъ и сборовъ.

Иностранныя, такъ называемыя культурныя государства занятыя деньги обращали за послѣднее время большею частью въ такія предпріятія, которыя не только окупали оплату занятаго капитала, но давали и значительные барыши. Укажемъ, напр., на образцовое во многихъ отношеніяхъ прусское желѣзнодорожное хозяйство. Не то мы видимъ въ Россіи. Здѣсь громадная часть занятаго капитала пошла на войны, которыя въ большинствѣ случаевъ только вредили дѣйствительнымъ интересамъ Россіи. Тѣ же капиталы, которые были затрачены на желѣзныя дороги или на другія аналогичныя предпріятія, до сихъ поръ не только не окупаютъ процентовъ по вложеннымъ въ нихъ капиталамъ, но даютъ основательные убытки, эти убытки приходится покрывать насчетъ общихъ бюджетныхъ средствъ. Въ результатѣ детальнаго ознакомленія съ состояніемъ русскаго государственнаго долга оказывается вѣрнымъ одно очень невеселое положеніе: всѣ девять милліардовъ занятыхъ на протяженіи одного столѣтія денегъ цѣликомъ висятъ на шеѣ податныхъ классовъ населенія. Заграницѣ, конечно, нѣтъ никакого дѣла до такого ненормальнаго положенія, заграница смотритъ только за тѣмъ, не надламывается ли согнутая шея все выносящаго племени, но для насъ, русскихъ, это явленіе имѣетъ острый и жгучій интересъ.

Исторія учитъ очень многому и, между прочимъ, тому, что существуютъ такія формы политическихъ организацій, при наличности которыхъ государственные финансы обыкновенно приходятъ въ окончательное и безповоротное разстройство. Финансовая исторія западно-европейскихъ государствъ въ этомъ отношеніи даетъ весьма много цѣнныхъ указаній. Поразительное финансовое разстройство во Франціи наблюдалось какъ разъ въ послѣднее десятилѣтіе существованія тамъ абсолютной монархіи. Внѣшніе признаки этого разстрой-

ства настолько совпадаютъ съ таковыми же признаками въ современной Россіи, что на этомъ совпаденіи крупный чиновникъ прусскаго королевскаго статистическаго бюро Мартинъ построилъ цѣлую теорію неотвратимаго финансоваго банкротства русскаго государственнаго хозяйства. Глубокое разстройство охватило всѣ финансовыя отношенія самодержавной Австріи въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, когда австрійское сомодержавіе капитулировало передъ „волею народа“.

Не увлекаясь этими историческими аналогіями, мы отмѣтимъ здѣсь лишь одну общую и основную причину всѣхъ этихъ совпадающихъ по моменту времени явленій. Когда старый режимъ, режимъ полицейской автократіи начинаетъ чувствовать, что подъ его ногами начинаетъ колебаться почва, что онъ отовсюду окруженъ врагами, то между осужденными жизнью и новою жизнью начинается ожесточенная борьба, часто наполненная безумными схватками, въ которыхъ герои темнаго прошлаго отстаиваютъ каждый свой шагъ, каждую позицію. Въ этой борьбѣ на карту ставится все и прежде всего находящіеся въ безконтрольномъ распоряженіи слугъ стараго режима государственные финансы. Для стараго режима борьба въ особенности обходится дорого, такъ какъ слуги этого режима „работаютъ“ въ большинствѣ случаевъ не за совѣсть, а за деньги. Понятно, что при такихъ условіяхъ государственныя финансы приходятъ очень быстро въ окончательное разстройство. Изо всѣхъ угловъ, изо всѣхъ щелей выглядываютъ страшные призраки финансоваго банкротства. Истощеніе матеріальныхъ средствъ, находящихся въ распоряженіи стараго режима, является для послѣдняго началомъ конца. Это истощеніе обусловливается не только безразсудною растратою наличныхъ средствъ государственнаго казначейства, но также и тѣмъ, что старый режимъ самъ подрубаетъ тотъ подгнившій сукъ, на которомъ онъ сидитъ. Экономическій кризисъ, обостряемый тяжелыми формами напряженной политической борьбы, разстраиваетъ всѣ финансовые *источники*, т. е. ослабляетъ возможныя денежныя поступленія для самаго ближайшаго будущаго.

Такое постепенное ослабленіе финансовыхъ источниковъ, главнымъ образомъ, податныхъ особенно важно при современномъ состояніи государственнаго хозяйства, когда есть

цѣлыи рядъ государственныхъ расходовъ, ни въ коемъ случаѣ не поддающихся сокращенію. На первомъ мѣстѣ среди такихъ расходовъ нужно поставить расходы по оплатѣ процентовъ государственнаго долга. Не даромъ, напр., русская государственная роспись ставитъ этотъ расходъ на первомъ мѣстѣ расходной смѣты. Паденіе податныхъ доходовъ въ данномъ случаѣ не всегда, конечно, можетъ означать непріятную для стараго строя заминку въ уплатѣ ежегодной контрибуціи иностраннымъ банкирамъ, но очень легко оно можетъ совершенно уничтожить кредитъ государства или сдѣлать условія его крайне дорогими. Государственный долгъ можетъ свободно расти тогда, когда растетъ параллельно доходный бюджетъ государства. При такомъ несчастномъ положеніи, въ какомъ, напр., находится современная Россія, когда ежегодные займы сдѣлались необходимостью и прекращеніе ихъ можетъ произвести настоящую финансовую революцію, при такомъ условіи новые займы возможны лишь при непрерывномъ возрастаніи государственныхъ доходовъ. Не даромъ современная русская финансовая бюрократія такъ усиленно хлопочетъ о новыхъ налогахъ и повышеніи ставокъ старыхъ налоговъ... Налоговая политика при такихъ условіяхъ идетъ „старымъ курсомъ“, т. е. безпорядочно увеличивается ассортиментъ налоговъ, лежащихъ на комъ угодно, только не на тѣхъ классахъ, которые „призваны“ играть роль „опоръ“ умирающаго режима. Поправить дѣло разумной финансовой политикой здѣсь невозможно, невозможно или потому, что такая политика невыгодна лицамъ, стоящимъ у власти, или по той простой причинѣ, что если кого захочетъ наказать богъ, то прежде всего онъ отниметъ разумъ...

Наоборотъ, въ достиженіи опредѣленыхъ цѣлей старый строй до извѣстой степени орудуетъ прямолинейно, игнорируя даже такія положенія, когда осуществляемая мысль иногда доводится in absurdum...

Пусть самъ читатель оцѣнитъ хотя бы слѣдующую иллюстрацію къ только-что высказаннымъ положеніямъ:

„Въ высшихъ сферахъ проникли слухи о состоявшейся сдѣлкѣ департамента удѣловъ съ заграничными фирмами по продажѣ принадлежащихъ удѣламъ лѣсныхъ имѣній. Оффиціально сдѣлка состоялась, какъ говорятъ, съ берлинской фирмой „Германъ“, которая, однако, участвуетъ въ весьма

скромной части. Главнымъ же участникомъ здѣсь является нѣмецкій банкиръ Мендельсонъ, который присылалъ для заключенія этой сдѣлки своего компаньона г-на Фишеля, пріѣзжавшаго въ Петербургъ еще въ концѣ апрѣля.

Сдѣлка состоялась всего на сумму въ 50 милліоновъ руб., за каковую сумму иностранцы пріобрѣли всѣ удѣльныя земли включая и историческую Бѣловѣжскую пущу. Условія сдѣлки сводятся къ тому, что иностранцы обязались вырубать ежегодно не болѣе 5 проц. пріобрѣтенныхъ лѣсовъ.

Въ пріобрѣтенныхъ лѣсныхъ имѣніяхъ имѣются лѣсныя дачи расположенныя черезполосными участками среди частныхъ владѣній; эти участки признаваемые иностранцами неудобными для эксплуатаціи рѣшено распродавать и въ настоящее время спеціальные агенты отъ иностранцевъ ищутъ покупателей".

Это характерное сообщеніе опубликовано 10-го мая „Нашею Жизнью" и въ тотъ-же день газетою „Рѣчь"...

Впрочемъ, за иллюстраціями гоняться не приходится, такъ ихъ много, мы привели ту, которая случайно попала намъ на глаза въ моментъ писанія статьи. Обратимся къ наиболѣе выпуклому факту, къ паденію податного дохода и разстройству всѣхъ другихъ финансовыхъ источниковъ, какъ къ одному изъ кардинальныхъ явленій въ сферѣ финансовыхъ отношеній современной Россіи.

Мы уже говорили, что въ данное время государственный долгъ Россіи, достигшій 9 милліардовъ рублей золотомъ, не имѣетъ экономическаго покрытія, занятые милліарды потрачены такъ, что они не оправдываютъ себя. Тѣ сотни милліоновъ рублей, которые русскій народъ ежегодно обязанъ выплатить въ видѣ % % за занятый капиталъ — податнаго происхожденія. Слѣдовательно, вопросъ о современномъ состояніи податнаго дохода пріобрѣтаетъ, какъ видитъ читатель, выдающійся интересъ. Этотъ вопросъ въ особенности заинтересовалъ нашу бюрократію. 9 апрѣля текущаго года въ оффиціозныхъ изданіяхъ и въ агентскихъ телеграммахъ правительсство поспѣшило опубликовать свое заявленіе о финансовыхъ результатахъ 1905 года. Въ заявленіи категорически утверждалась что среди путаницы предвзятыхъ мнѣній и голословныхъ сужденій о нашемъ финансовомъ положеніи возвышается ясный и спокойный голосъ цифръ. Онѣ уста-

навливаютъ, что хозяйство страны съ замѣчательной упругостью перенесло бремя испытаній и невзгодъ, которое, быть можетъ, никогда еще во всей нашей исторіи съ подобной тяжестью не упадало на его плечи. Поступленіе обыкновенныхъ доходовъ превысило ихъ поступленіе за всѣ предшествующіе годы, за исключеніемъ 1903 г., послѣдняго передъ войной съ Японіей. Цифры поступленія обыкновенныхъ доходовъ подтверждаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что хуже, чѣмъ войны и неурожаи для хозяйства страны—внутреннія междоусобицы. За первые 10 мѣсяцевъ доходы минувшаго года превысили доходы 1904 г. на 6%, а въ послѣдніе два мѣсяца, когда начались смуты и забастовки, доходы сократились на 83,7 милл. руб. Иначе общій итогъ обыкновенныхъ доходовъ, по всей вѣроятности, значительно бы превысилъ даже цифру 1903 года.

Успокоеніе немедленно дало себя знать на поступленіи доходовъ, которые въ январѣ этого года превысили поступленія предшествующаго года на 9,4 милл. руб., а въ февралѣ уже на 13,8 милл. руб., всего же за два мѣсяца на 23,2 милл. руб. Превышеніе это получилось несмотря на то, что желѣзныя дороги, подъ вліяніемъ недавнихъ неурядицъ, все еще давали значительный недоборъ. Цифра доходовъ для февраля должна получиться еще болѣе благопріятная, такъ какъ пока имѣются свѣдѣнія лишь по 70 кассамъ Имперіи изъ общаго ихъ числа 82. Достойно также вниманія, что наибольшее превышеніе дали доходы какъ разъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ революціонное движеніе достигло наиболѣе крупныхъ размѣровъ; въ Царствѣ Польскомъ превышеніе въ февралѣ составило $3^1/_2$ милл. руб., въ прибалтійскихъ губерніяхъ 500 т. руб., а въ Московской губерніи — 1,4 милл. руб. Не менѣе интересно, что по предварительнымъ даннымъ о поступленіи въ частности окладныхъ сборовъ изъ общаго оклада на всю имперію, за исключеніемъ Сибири и Туркестанскаго края, въ январѣ—февралѣ поступило 10,5%, тогда какъ за тѣ же мѣсяцы прошлаго года поступило лишь 5,8% годового оклада.

Точныхъ цифровыхъ свѣдѣній о поступленіи государственныхъ доходовъ въ мартѣ еще не имѣется, но уже теперь можно сказать, что и этотъ мѣсяцъ далъ превышеніе противъ прошлаго года. Такимъ образомъ, производительныя

силы страны, подъ несмолкаемый шумъ партійныхъ препирательствъ, тихо и неуклонно дѣлаютъ свое дѣло, готовя всѣмъ сомнѣвающимся въ экономической и финансовой мощи Россіи простой и ясный отвѣтъ, занесенный въ приходо-расходную книгу государственнаго хозяйства".

Далѣе въ „Торгово-Промышленной газетѣ" (1906 г. № 81) были приведены и тѣ цифры, на основаніи которыхъ сдѣлано было это заявленіе. Газета „Рѣчь" очень убѣдительно доказала оффиціальнымъ авторамъ заявленія, что „ясный и спокойный голосъ цифъ" говоритъ какъ разъ обратное тому, что съ такимъ плохо скрываемымъ удовольствіемъ разблаговѣстила urbi et orbi бюрократія. Бюджетъ 1905 года сведенъ съ дефицитомъ въ 180 милл. рублей, исполненіе этого бюджета было настолько неудачно, что обусловило необходимость новыхъ налоговъ и 800—милліоннаго займа. Въ прессѣ заявили уже, что радоваться увеличенію питейнаго дохода не совсѣмъ прилично. Объ этомъ давно еще говорилъ такой видный и на рѣдкость умный бюрократъ, какъ николаевскій служака графъ Мордвиновъ: „для полученія доходовъ казна жертвуетъ благонравіемъ народнымъ, уменьшаетъ возбужденіемъ пьянства число въ году рабочихъ дней" и т. д. Что бы сказалъ Мордвиновъ по поводу радости современнаго намъ министерства финансовъ, радости, вызванной увеличеніемъ питейнаго дохода?.. „Министръ финансовъ смѣлѣе другихъ твердитъ пословицу: не любо—не слушай, а врать не мѣшай. Министръ финансовъ не идетъ далѣе, какъ займы дѣлать и налоги умножать,"—такъ аттестовалъ Мордвиновъ министровъ финансовъ своего времени, и думаемъ, что этой характеристики достаточно и для нашихъ финансовыхъ дѣльцовъ...

Заявленіе же министерства финансовъ о любопытномъ совпаденіи увеличенія государственныхъ доходовъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ было особенно сильно революціонное движеніе, поражаетъ своею двусмысленностью. „Успѣшное" поступленіе податей въ мѣстностяхъ, охваченныхъ революціоннымъ движеніемъ, можно въ достаточной мѣрѣ объяснить, напр., хотя бы слѣдующими причинами. Какъ разъ изъ польскихъ губерній 20 декабря 1905 года была телеграмма петербургскаго агенства, заканчивающаяся слѣдующей фразою: „подати взыскиваются при содѣйствіи воинскихъ командъ" (Плоцкъ.) А вотъ извѣстіе изъ коренной русской

„аграрной“ губерніи: прославленный исправникъ курскій Заринъ, во главѣ стражниковъ и солдатъ въ мартѣ собиралъ недоимки въ Рыльскомъ уѣздѣ. Являясь на сходъ въ намѣченную деревню, онъ оповѣщаетъ крестьянъ, что такого-то числа онъ явится за сборомъ недоимки, но ночью, когда его никто не ждетъ, онъ съ пьяными стражниками и казаками налетаетъ на спящую деревню и начинается дикая и необузданная расправа. Свистятъ плети, льется кровь... Бьютъ праваго и виноватаго. Газета „Курское Эхо“ приводитъ нѣсколько случаевъ истязанія Зоринымъ крестьянъ, называя фамиліи пострадавшихъ. За 2 рубля податей брали самоваръ, стоющій 10 рубл.: за 6 руб.—4 овцы по 4 руб. каждая; у одного крестьянина за 12 руб. взяли самоваръ и двѣ лошади, стоимостью въ 100 руб. Избитыхъ возили въ телѣгахъ по селу, издѣваясь надъ облитыми кровью, а затѣмъ „арестовывали“ для новыхъ истязаній. „Курское Эхо“ замѣчаетъ: „въ наше время такъ не поступаютъ даже съ заваеванной страной“... Одинъ временный генералъ-грбернаторъ объявилъ, что за неплатежъ податей онъ будетъ предавать „виновныхъ“ военному суду!..

Такими фактами можно заполнить нѣсколько страницъ. И послѣ этого нужно имѣть особую храбрость хвастливо заявлять ex officio, что въ мѣстахъ революціонныхъ бурь подати поступали осебенно хорошо!..

Но не смотря на насилія и беззаконія, на очевидный разбой, всетаки подати поступали не особенно хорошо. Это мы сейчасъ увидимъ на цифрахъ безусловно оффиціальнаго происхожденія.

Русскія государственныя росписи никогда не отличались правдивостью. Между прочимъ обычный ихъ недостатокъ состоитъ въ томъ, что будущіе доходы всегда оцѣниваются возможно ниже, дѣлается это для того, чтобы получить въ концѣ года, такъ называемое „превышеніе доходовъ надъ расходами“. Такое „превышеніе“ наблюдалось, напр. даже въ „голодный“ 1891 годъ, когда государственные финансы переживали очень критическій моментъ! До 1904 года политика „бюджетныхъ превышеній“, обезпечивавшая казначейству пресловутую „свободную наличность“, эту замазку для ежегодныхъ бюджетныхъ щелей, была для бюрократіи удач-

ной, но, начиная съ 1904 года, дѣйствительность расшибла карточные домики финансовой бюрократіи. Начиная съ этого года доходы казначейства по многимъ статьямъ бюджета оказались ниже умѣренныхъ и умышленно сокращенныхъ смѣтныхъ предположеній!

Но есть факты, болѣе значительные, чѣмъ это „неожиданное разочарованіе“ финансовой бюрократіи. Доходы государства въ 1904 году во многихъ случаяхъ оказались ниже доходовъ 1903 года, а государственный долгъ и оплата процентовъ по этому долгу въ 1904 году значительно возросли противъ 1903 года. Въ доходной смѣтѣ русскаго бюджета есть 35 параграфовъ. По 17 параграфамъ изъ 35 поступленія 1904 года оказались ниже поступленій 1903 года. Среди этихъ неблагополучныхъ параграфовъ мы находимъ всѣ прямые налоги, кромѣ рентнаго, рядъ косвенныхъ налоговъ, таможенные налоги, пошлины, регаліи, доходы съ казенныхъ имуществъ, выкупные платежи; словомъ, почти всѣ разряды государственной росписи. 17 параграфовъ по сравненію съ 1903 годомъ дали недоборъ въ 45.952.000 руб. Правда, 15 параграфовъ смѣты дали увеличеніе противъ 1903 года. Сюда входятъ пособія государственному казначейству изъ постороннихъ источниковъ, почтово-телеграфно-телефонный доходъ, военное вознагражденіе, только два косвенныхъ налога—на сахаръ и нефть и т. д. Увеличеніе первой категоріи совершенно случайное—„нѣкоторыя учрежденія“ уплатили казначейству недоимки за прежнее, до 1904 года. Военное вознагражденіе увеличилось за счетъ Китая, вслѣдствіе того, что китайское правительство внесло долю контрибуціи вмѣсто второй половины 1903 г., въ первую половину 1904 года. Даже питейный налогъ не выручилъ; оффиціально объявляется, что „уменьшеніе сборовъ съ питей на 4,4 милл. руб. возмѣщается отчасти увеличеніемъ на 1,2 милл. руб. дохода отъ казенной продажи питей. Въ общемъ оба вида поступленій дали незначительное сокращеніе въ 3,2 милл. руб. или немного болѣе $^1/_2\%$ противъ 1903 года“. Почтово-телеграфный доходъ увеличился потому, что въ 1904 году усилились сношенія съ манджурской арміей. Не забудемъ, что съ самаго начала войны нѣкоторые налоги и сборы были повышены: на спиртъ, на заграничные паспорты, подепешная плата, сборъ съ желѣзнодорожныхъ билетовъ и т. д. И всетаки

только два косвенныхъ налога и одинъ прямой (съ процентныхъ бумагъ) дали увеличеніе противъ 1903 года!

Такое положеніе вещей было, конечно, крайне непріятно для правительства, которое въ 1904 году должно было заключить рядъ займовъ и истратить сотни милліоновъ на „чрезвычайныя потребности“. Приходилось подумать объ увеличеніи налоговыхъ ставокъ. Спѣшно выдвигается изъ архивныхъ ящиковъ проектъ подоходнаго налога, сочиненный въ 1892 году; увеличивается налогъ съ пивоваренія и на дрожжи, на спички, вводится дополнительное обложеніе чиновничьихъ жалованій, увеличивается на 50% наслѣдственный налогъ, повышается акцизъ съ освѣтительныхъ маслъ, значительно повышаются ставки гербоваго сбора*).

Но не смотря на эти потуги, роспись слѣдующаго года снова заключается съ дефицитомъ въ 180 милл. руб. и снова уменьшеніе многихъ поступленій уже по сравненію съ 1904 годомъ. Роспись на 1905 годъ составлена по оффиціальному признанію, особенно осторожно и тѣмъ но менѣе въ 17 параграфахъ доходной смѣты, поступленія оказались ниже предположеній иногда даже на 75%! Въ 19 случаяхъ изъ 35 доходы 1905 года оказались ниже доходовъ 1904 года. Эти 19 случаевъ дали недоборъ въ 90.287.000 руб. Среди этихъ неблагополучныхъ параграфовъ мы видимъ снова прямые налоги, кромѣ рентнаго. Послѣдній ежегодно увеличивается вслѣдствіе того, что государство дѣлаетъ долги чуть-ли не каждый мѣсяцъ, и выпускаемыя бумаги оплачиваются въ большинствѣ случаевъ купоннымъ сборомъ. Далѣе изъ 9 косвенныхъ налоговъ уменьшеніе дали 8, т.-е. всѣ за исключеніемъ только-что повышеннаго косвеннаго. Уменьшились почти всѣ пошлины, за исключеніемъ повышенныхъ, уменьшились даже только-что повышенныя гербовыя пошлины. Выкупные платежи дали недоборъ по сравненію съ 1904 годомъ въ 26.187.000 руб. Уменьшился желѣзнородожный доходъ и т. д. Выручила только „монополька“: „увеличеніе дохода отъ казенной продажи питей въ 1905 году (на 65 м. р.) объясняется какъ повышеніемъ, съ начала 1905 года, продажной цѣны казеннаго вина, такъ и возрастаніемъ потребленія его,

*) Подробности см. въ нашей статьѣ «Соціальные мотивы для введенія подоходнаго налога въ Россіи». «Образованіе», 1906 г. Мартъ, стр. 187—188.

причемъ собственно отъ повышенія цѣны на вино государственное казначейство получило около 26 милл. руб.“ „Разные мелкіе и случайные доходы увеличились, главнымъ образомъ, отъ продажи войсковыми частями ненужнаго имущества по окончаніи войны“. Еще одна выдержка изъ оффиціальныхъ объясненій: „Сокращеніе налоговъ поземельныхъ, съ недвижимыхъ имуществъ и податей, лѣсного, таможеннаго, промысловаго и нѣкоторыхъ другихъ объясняется общими причинами: внутренними безпорядками, неурожаемъ и военными обстоятельствами. Тѣ же причины, главнымъ образомъ, вызвали сокращеніе выкупныхъ платежей, которые уменьшились въ ноябрѣ и декабрѣ на 21 м. р., а за весь годъ— на $26_{,2}$ м. р. Наибольшее же вліяніе волненія, забастовки и стачки имѣли на поступленіе дохода отъ эксплоатаціи казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, въ особенности въ ноябрѣ и декабрѣ. Въ эти два мѣсяца желѣзнодорожные сборы уменьшились на $25,_7$ милл. руб., тогда какъ до ноября они были въ превышеніи, въ сравненіи съ первыми десятью мѣсяцами 1904 года, на $2,_6$ милл. руб.“... Сопоставьте теперь эти сѣтованія на революцію, сѣтованія оффиціальнаго происхожденія съ оффиціальнымъ же заявленіемъ о томъ, что „наибольшее превышеніе дали доходы какъ разъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ революціонное движеніе достигло наиболѣе крупныхъ размѣровъ“. Нѣтъ, тысячу разъ правъ покойный членъ государственнаго совѣта графъ Мордвиновъ, когда онъ говорилъ, что „министръ финансовъ смѣлѣе другихъ твердитъ пословицу: не любо—не слушай, а врать не мѣшай!“.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о финансовыхъ перспективахъ текущаго года. Будетъ-ли продолжаться паденіе государственныхъ доходовъ и въ текущемъ году, или произойдетъ нѣкоторое улучшеніе? Для того, чтобы произошло улучшеніе въ финансовыхъ отношеніяхъ государства, необходимы какія нибудь рѣзкія измѣненія въ сторону лучшаго въ политической, а главнымъ образомъ, въ экономической жизни страны. Пока ничего подобнаго нѣтъ. Но даже если и допустимъ возможное улучшеніе, то оно вредъ-ли сможетъ сразу залечить глубокія язвы старыхъ порядковъ. Бюджетъ нынѣшняго года уже дефицитенъ на 631 милл. руб.!. Фактъ небывалый въ исторіи русскихъ финансовъ. Расходы по системѣ государственнаго кредита сразу увели-

чились благодаря послѣднему нелѣпому займу на 50 милл. руб. Революція вырвала изъ бюджета выкупные платежи. Этимъ создана брешь въ 90 милл. руб. Та-же революція уничтожила болѣе 20 милл. руб. нефтяного дохода. Голодъ, погромы, аграрные безпорядки, карательныя экспедиціи вывели изъ разряда налогоплательщиковъ цѣлые округа, цѣлыя области. Болѣе 50 милл., благодаря революціи уйдетъ въ текущемъ году на улучшеніе быта солдатъ („право на мыло“) и желѣзнодорожныхъ служащихъ. Роспись предусматриваетъ 25 милл. „лишнихъ“ расходовъ на полицію. Организація контръ-революціи можетъ пожрать и сотни милліоновъ. Но главное—экономическая жизнь разорена, платежныя силы населенія ослаблены, и вслѣдствіе этого „финансовые результаты“ 1906 года могутъ оказаться плачевнѣе двухъ предшествующихъ лѣтъ *). Контръ-революція и въ будущемъ обѣщаетъ только „потокъ и разграбленіе“, а эти перспективы могутъ разстроить доходы любой богатой страны. Русскіе же финансы въ теченіе всего вѣка хромали на оба колѣна.

Остаются, какъ несомнѣнные факты, 9 милліардовъ государственнаго долга, который оплачивается изъ текущихъ бюджетныхъ средствъ и государственные финансы, которые за послѣдніе три года неуклонно идутъ въ сторону окончательнаго разстройства. Политика правительства такова, что „текущія средства“ легко могутъ превратиться въ „истекшія“, Дума безсильна; народу сильно угрожаютъ чреватыя послѣдствія тѣхъ аппетитовъ, которыя связаны съ 9 милліардами чужихъ денегъ, растраченныхъ русской бюрократіей. Необходимы выходы изъ этого дикаго положенія!..

Пр.-доц. М. Боголѣповъ.

---

*) См. детали въ нашей статьѣ: „Наши финансы и госуд. роспись“. „Образованіе», 1906. Янв.

Аграрная программа и ея критики.

Въ основу аграрной программы, принятой послѣднимъ (объединительнымъ) съѣздомъ россійской соціаль-демократіи, положены принципы, такъ называемой, муниципализаціи, т.-е. передачи, подлежащихъ конфискаціи земель, въ руки крупныхъ органовъ мѣстнаго самоуправленія, объединяющихъ городскіе и сельскіе округа. Принятая программа встрѣчаетъ противъ себя цѣлый рядъ возраженій. И они идутъ не только со стороны нашихъ всегдашнихъ противниковъ изъ кадетско-народническаго лагеря, но (что особенно важно) и со стороны многихъ соціаль-демократовъ—«большевистскаго» направленія, повидимому имѣющихъ желаніе (см. ст. въ «Волнѣ») перенести споры объ аграрной программѣ на почву междуфракціонныхъ разногласій. Программа, видите ли, плоха и нереволюціонна и это нужно поставить въ укоръ, предложившимъ ее соціаль-демократамъ изъ «меньшинства». Въ настоящей статьѣ мы попытаемся, хотя бы вкратцѣ разсмотрѣть насколько основательны сдѣланныя противъ программы возраженія, независимо отъ того, изъ какого лагеря они направляются.

I.

Какъ извѣстно, у либеральной братіи программа муниципализаціи особеннымъ вниманіемъ не пользуется. Говорливые либеральные публицисты столь скакавшіе и плясавшіе по поводу программы «отрѣзковъ», по части «муниципализаціи» оказываются весьма молчаливыми. Нѣсколько вопросовъ въ «Нашей Жизни», кое какія замѣчанія въ другихъ газетахъ—вотъ почти и все, что по этому поводу мы слышали отъ либеральной прессы. И изъ кадетскихъ писателей—столь охочихъ всегда ущипнуть соціаль-

демократію—лишь одинъ г. Кауфманъ почтилъ ее «своимъ благосклоннымъ вниманіемъ, но «выступленіе» его (Русскія Вѣдомости» № 87) нельзя признать особенно удачнымъ. Мы съ него и начнемъ.

Г. Кауфманъ прежде всего задается вопросомъ «какъ долженъ послѣдовательный соціаль-демократъ относиться къ специфически-крестьянскому движенію, какую позицію долженъ онъ теперь занять въ разыгравшемся у насъ конфликтѣ между крупнымъ и мелкимъ землевладѣніемъ?» Вопросъ вполнѣ законенъ, поставленъ совершенно правильно, и послѣдовательные соціаль-демократы отвѣчая на него—говорятъ: мы должны поддерживать крестьянское движеніе, ибо стремленіе крестьянства расширить площадь своей земельной запашки и тѣмъ самымъ улучшить свое экономическое положеніе вполнѣ законны и необходимы: въ странѣ, гдѣ 60 процентовъ населенія живутъ въ атмосферѣ постоянныхъ голодовокъ — немыслимъ никакой соціальный прогрессъ. Чтобы итти дальше и впередъ, нужно прежде всего избавиться отъ недочетовъ прошлаго, нужно возвратиться къ 61-ому году и снова, и на этотъ разъ уже полно, поставить вопросъ объ освобожденіи крестьянъ. При данномъ соотношеніи общественныхъ силъ, это освобожденіе—если взять крестьянское движеніе во всей его потенціальной полнотѣ, можетъ и должно привести къ рѣшительной ликвидаціи всѣхъ основъ стараго крѣпостническаго строя. Выгодно ли это пролетаріату и должна ли соціаль-демократія, въ силу этого, поддерживать крестьянское движеніе? Полагаемъ, что кромѣ утвердительнаго отвѣта, мы иного услышить не можемъ. Но какъ же съ «конфликтомъ между крупнымъ и мелкимъ землевладѣніемъ?» Въ разрѣшеніи этого вопроса русскими соціаль-демократами г. Кауфманъ видитъ «непослѣдовательность» и даже «смѣю сказать — неискренность, которая невыгодно отличаетъ интересующее насъ направленіе (с.-д.), хотя бы отъ того направленія, которое въ послѣднее время начинаютъ называть соціаль-народническимъ» (читай «эсъ-эровскимъ»). Что г. Кауфманъ «искреннихъ» «соціаль-народниковъ», какъ болѣе близкихъ къ кадетамъ по своему соціальному положенію и духу, предпочитаетъ соціаль-демократамъ—это насъ конечно не удивляетъ. Это настолько въ порядкѣ вещей, что мы, пройдя мимо упрековъ въ «неискренности»—спросимъ лучше на чемъ базируетъ либеральный публицистъ свои обвиненія с.-д-іи въ «шатаніи», «непослѣдовательности» и даже—(о ужасъ!)—въ

жертвѣ «тѣмъ, что составляетъ с у т ь историко-экономической философіи Маркса и его преемниковъ» (курсивъ автора). При ближайшемъ разсмотрѣніи — оказывается, что весь этотъ шумъ поднятъ изъ-за пустяковъ, и исключительно по винѣ нашего спеціалиста, хорошо знающаго все, даже точку зрѣнія «настоящаго и послѣдовательнаго соціаль-демократа» и лишь не знающаго того, что заучить основоположенія теоріи Маркса и умѣть примѣнять ея общіе принципы къ той или иной конкретной обстановкѣ — вещи различнаго порядка. Дѣло въ томъ, что г. Кауфманъ слышалъ, и хорошо запомнилъ, что соціаль-демократія на Западѣ не имѣетъ спеціальной аграрной программы и не поддерживаетъ крестьянскую мелкую собственность, какъ опредѣленный, спеціальный способъ производства противъ капиталистическаго производства, противъ того процесса экономическаго развитія, который, по теоріи «Маркса и его преемниковъ», еще въ нѣдрахъ буржуазнаго общества подготовляетъ матеріальныя посылки для будущаго строя. Исходя изъ этого, послѣдовательные и настоящіе марксисты Запада, отстраняя всѣ приглашенія Бернштейна, Гертца, Давида и прочей компаніи, послѣдовать по «новому пути»— отказываются поддерживать экономическія попытки мелкаго буржуа затормозить экономическое развитіе. Они отказываются вступать въ защиту мелкаго хозяйства, какъ спеціальнаго способа производства противъ крупнаго, поскольку, повторяемъ, борьба между послѣдними ведется на экономической почвѣ. А если такъ, заявляетъ г. Кауфманъ, то значитъ поддержка россійской соціаль-демократіей крестьянскаго движенія, какъ движенія мелкаго буржуа, противорѣчитъ ея теоріи и «соціаль-демократическая теорія очень плохо согласуется съ фактами, разъ только рѣчь заходитъ о землѣ и о крестьянствѣ». Ничего подобнаго! Бѣда въ томъ, что г. Кауфманъ забылъ, что марксисты Запада живутъ и работаютъ на почвѣ уже сложившаго (и даже болѣе того, уже погибающаго въ собственныхъ противорѣчіяхъ) б у р ж у а з н а г о строя, русскіе же соціаль-демократы, вмѣстѣ съ г. Кауфманомъ, переживаютъ время той самой революціи, которая е щ е должна установить этотъ политически оформленный буржуазный порядокъ. Мы переживаемъ время буржуазной революціи, а когда рубятъ лѣсъ— летятъ щепки. Вмѣстѣ съ ликвидаціей сословно крѣпостническаго строя уничтожаются и его экономическія основы. Тотъ конфликтъ между крупнымъ и мелкимъ землевладѣніемъ, о которомъ говоритъ г. Кауфманъ и который происходитъ сейчасъ въ

Россіи, по своему объективному соціально-экономическому смыслу, очень далекъ отъ, якобы ему аналогичнаго, конфликта между этими формами хозяйства на Западѣ. Тамъ борятся крупныя раціонально поставленныя капиталистическія хозяйства съ мелкой индивидуалистической собственностью, а у насъ? У насъ изслѣдованія показываютъ, что крупныя землевладѣльческія хозяйства россійскихъ «юнкеровъ», въ атмосферѣ крѣпостническаго режима, совсѣмъ не являются капиталистическими предпріятіями высшаго типа. Это, по большей части хозяйства съ отработочной системой, связанной съ удивительно низкимъ состояніемъ техники, кабальной формой продовольственной аренды, найма, низкой производительности труда и урожайности. Въ Россіи, слѣдовательно, трудовое крестьянство, какъ классъ мелкихъ буржуа земледѣльцевъ, борясь за землю, борется противъ *добуржуазныхъ* отношеній, противъ пережитковъ крѣпостничества, застоя и кабалы. Поэтому вполнѣ послѣдовательны тѣ, кто «поддерживая» крестьянское движеніе, полагаетъ, что предстоящій аграрный переворотъ — уничтожая кабальныя отношенія въ деревнѣ, перераспредѣляя пользованіе землей и выводя деревню на нормальный для буржуазнаго общества путь свободной конкуренціи между наиболѣе экономически-приспособленными хозяйствами принесетъ съ собой не только избавленіе отъ голодной смерти многихъ милліоновъ крестьянъ, но и « «*доставитъ прямой и крупный выигрышъ для цѣлаго народнаго хозяйства*». Если же это такъ, а это несомнѣнно, то увѣреніе г. Кауфмана, что русскіе с-ды, поддерживая крестьянское движеніе, будто бы противорѣчатъ своей собственной теоріи—ровно ни на чемъ не построено и рѣшительно не обосновано. Естественно поэтому, что не понявъ исходной посылки русскихъ соціаль-демократовъ, съ которой они подходятъ къ рѣшенію аграрнаго вопроса, г. Кауфманъ путаетъ дальше. Что такое, напримѣръ, вопрошаетъ онъ, муниципализація земли? «Дѣйствительная ли конфискація земли въ пользу крупныхъ областныхъ организацій или только конфискація ренты?» И немедленно вслѣдъ за этимъ «совершенно открытымъ» вопросомъ онъ выдвигаетъ другой и настойчиво добивается отвѣта на то «какъ же быть съ крестьянами, которые не желаютъ успокоиться на марксовой схемѣ, а требуютъ земли, земли, земли?» По мнѣнію г. Кауфмана (лишь свидѣтельствующаго своимъ вопросомъ, сколь худо нашъ либеральный публицистъ понялъ программу муниципализаціи). Масловъ, какъ авторъ

этой программы, «не желаетъ считаться ни съ какими подобнаго рода требованіями». Выходитъ такъ, что т. Масловъ, хотя и выдвигаетъ необходимость расширенія крестьянскаго землепользованія (г. Кауфманъ слона-то и не примѣтилъ)», но на счетъ крестьянскаго требованія землицы остается непреклоннымъ и суровымъ. «Но, продолжаетъ г. Кауфманъ, уже его (Маслова) единомышленникъ г. Н. Валентиновъ открываетъ лазейку для компромисса». Въ чемъ она заключается? Оказывается въ томъ, что, написавъ «соціаль-демократія не можетъ и не должна вписывать въ свою программу дѣлежа между крестьянами помѣщичьей земли» я прибавилъ («тутъ идетъ, пишетъ г. Кауфманъ, лазейка») «если бы крестьяне настаивали на этомъ, то соціаль-демократіи осталось бы считаться съ этимъ, какъ съ свершившимся фактомъ». Бѣдный г. Кауфманъ! Онъ не понялъ даже того, о чемъ идетъ рѣчь. Рѣчь идетъ о томъ, какое положеніе должна занять соціаль-демократія, если крестьянство выскажется противъ принципа землепользованія и станетъ за раздѣлъ, за надѣленіе его землею на правѣ частной собственности. Должна ли соціаль-демократія поддерживать крестьянство и въ этомъ случаѣ? Мы отвѣчаемъ—да, и никакой «лазейки», никакого компромисса съ нашей программой въ этомъ не видимъ. Несомнѣнно, что съ нашей точки зрѣнія, это будетъ, по сравненію съ муниципализаціей, худшій способъ рѣшенія аграрнаго вопроса, но мы предпочтемъ высказаться за него, чтобы не стать поперекъ дороги революціонному движенію крестьянства.

Отъ г. Кауфмана перейдемъ къ г. Рудину, посвятившему критикѣ проектовъ аграрныхъ программъ соціаль-демократовъ и, главнымъ образомъ, муниципализаціи, цѣлую брошюру въ 85 страницъ. Она называется на «Ту же тему» и тѣ, кто знаютъ предыдущее сочиненіе этого автора по тому же вопросу и его манеру писать, тѣ заранѣе могли бы сказать какими достоинствами отличается новое Рудинское произведеніе. Скачетъ, пляшетъ, смѣшитъ публику своими уморительными курбетами, ходитъ на головѣ—вверхъ ногами и льститъ себя надеждой, что онъ что-то объясняетъ и доказываетъ, а, на самомъ дѣлѣ, лишь демонстрируетъ свою неспособность серьезно отнестись къ такимъ серьезнымъ вопросамъ, какъ аграрный. И въ своемъ стремленіи возвеличить «эсъ-эровскую» мудрость и сокрушить соціаль-демократовъ, г. Рудинъ переходитъ, мы бы сказали, «границы дозволеннаго». Къ чему такая излишняя «роскошь» какъ передежка? Во второй книжкѣ «Правды»

за этотъ годъ въ статьѣ «Аграрный вопросъ и рабочая партія» мы доказывали, что лозунгъ «земля» выставлялся соціаль-демократами не только въ смыслѣ возвращенія отрѣзковъ. Для примѣра— мы между прочимъ, сослались на Плехановскую брошюру о «Задачахъ соціалистовъ въ борьбѣ съ голодомъ» и на его же статью въ 4-ой книгѣ «Зари», гдѣ вполнѣ ясно указывалась возможность поставить при опредѣленныхъ условіяхъ требованіе конфискаціи не только «отрѣзковъ», но и всѣхъ крупно помѣщичьихъ земель. Такъ какъ г. Рудинъ, несмотря на свою способность опровергать все, даже неопровержимое, на этотъ разъ возразить не нашелся, то прибѣгъ къ легкой передержкѣ, заявивъ, что я доказываю, что въ этой статьѣ Плехановъ стоитъ за націонализацію. И нужно видѣть съ какимъ злорадствомъ г. Рудинъ немедленно вслѣдъ за этимъ приводитъ совершенно неотносящееся сюда, замѣчаніе г. Плеханова противъ «г-на Н. Валентинова» (изъ 5-го № «Дневника»), доказывающее—что доказывающее? — только то, что аргументы «противъ націонализаціи были указаны въ «Зарѣ», раньше, чѣмъ о нихъ заговорилъ т. Масловъ».

Но г. Рудинъ, — вѣдь это къ дѣлу-то не относится! Вѣдь Плехановъ не опровергаетъ Валентинова, а хочетъ лишь доказать, что «солидные аргументы» противъ націонализаціи были имъ указаны раньше, чѣмъ о нихъ заговорилъ г. Масловъ!

Не можемъ не отмѣтить также того, что въ своей экскурсіи, по страницамъ литературы противниковъ, г. Рудинъ не отказался использовать даже... опечатки, пропуски и стилистическіе ошибки. Стоило наборщикамъ вмѣсто «землеустройства» набрать «землеустроительства» и г. Рудинъ уже язвитъ. Стоило наборщикамъ пропустить два слова и г. Рудинъ язвилъ еще болѣе. Такъ въ ноябрьской книгѣ «Правды» за прошлый годъ, въ статьѣ «Еще объ аграрной программѣ» у меня, между прочимъ, есть такая фраза: «намъ вмѣстѣ съ Каутскимъ ничего не остается, какъ сказать, что есть соціализмъ и соціализмъ». При перепечаткѣ этой статьи, вмѣстѣ со статьями Маслова и Назарова въ отдѣльный сборникъ, два послѣднихъ слова («и соціализмъ») оказались выброшенными, получилась въ общемъ контекстѣ фразы, пожалуй, что и нелѣпость, но нашъ неутолимый противникъ въ своемъ неудержимомъ потокѣ вѣчно острить, за все цѣпляться и ко всему прицѣпляться, использовалъ въ своихъ цѣляхъ и это мѣсто... Подобнаго сорта мелочными придирками, никчемными шуточками и подхихикиваніями изобилуетъ все новое сочиненіе г. Рудина;

мы, пройдемъ мимо нихъ и остановимся лишь на одномъ изъ тѣхъ немногихъ принципіальныхъ мѣстъ, которыя мы нашли въ этой брошюрѣ. Какъ извѣстно въ прежнемъ проектѣ программы соціаль-революціонеровъ (долгое время имъ замѣнявшемъ программу) заявлялось, что партія соціаль-революціонеровъ стоитъ за соціализацію всѣхъ частновладѣльческихъ земель, т.-е. за изъятіе ихъ изъ частной собственности отдѣльныхъ лицъ, переходъ ихъ въ общественное владѣніе «въ распоряженіе демократическихъ организованныхъ о б щ и н ъ и территоріальныхъ союзовъ, о б щ и н ъ на началахъ уравнительнаго земленользованія». Комментируя и популяризируя эту программу, г. Новоторжскій, вполнѣ логично разсуждая, пришелъ къ теоріи передачи монополіи распоряженія землей изъ рукъ прежнихъ владѣльцевъ въ руки т о л ь к о трудового крестьянства. Мы тогда же указали, что эти взгляды, не чуждые анархическаго налета (свободныя, самоуправляющіяся и пр. и пр. общины!), приводятъ къ созданію чуть ли не крестьянскихъ фиденкомиссовъ. Мы указывали, ссылаясь на Каутскаго, что соціализація, какъ передача земли въ распоряженіе о б щ и н ъ мѣра, невыгодная для пролетаріата, ибо въ общинѣ нѣтъ «не только политическихъ, но и экономическихъ основъ для муниципіальнаго соціализма». Поэтому, писали мы, рѣшая аграрный вопросъ нужно перенести «центръ тяжести съ деревни на городъ», а это, поясняли мы, означаетъ, что рента, также какъ и распоряженіе землей должны быть переданы не въ руки только общинъ—трудового крестьянства, а «въ руки всего г о р о д с к о г о и с е л ь с к а г о населенія, той или иной мѣстности» *) (или какъ говоритъ, принятая на съѣздѣ, новая партійная программа — «крупнымъ органамъ мѣстнаго самоуправленія, объединяющимъ городскіе и сельскіе округа»). Какъ оказывается теперь, наши замѣчанія г. Рудину не понравились. «Перенести, восклицаетъ онъ, центръ тяжести съ деревни на городъ! Что это значитъ, я хорошо не представляю себѣ» **). Мы охотно беремся г. Рудину это объяснить, сдѣлаемъ это тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, что въ этомъ пунктѣ, съ особенной силой вскрываются совершенно различные взгляды (соц.-дем. и соц.-рев.) на сущность дальнѣйшей судьбы развитія экономическихъ отношеній Россіи. Итакъ, что значитъ перенести центръ тяжести съ деревни на городъ и въ какомъ смыслѣ мы объ этомъ

*) „Правда“ Январь, книга II-ая.
**) См. На ту же тему.

говорили? Мы исходимъ изъ того безспорнаго для всѣхъ соціаль-демократовъ положенія, что освобожденіе Россіи отъ тисковъ абсолютизма не остановитъ развитія капитализма. И какимъ бы путемъ ни шло новое освобожденіе крестьянъ и надѣленіе ихъ землей, путемъ ли націонализаціи, муниципализаціи, соціализаціи и, наконецъ, раздѣла,—какъ бы не были различны и своеобразны формы, въ которыя облечется нашъ окончательно сложившійся отечественный капитализмъ — основной законъ капиталистическаго общества останется... Въ чемъ онъ? Въ развитіи производительныхъ силъ населенія; а съ ростомъ производительныхъ силъ, съ развитіемъ индустріи и съ индустріализаціей земледѣлія, закономѣрно связано постоянное перемѣщеніе населенія изъ земледѣлія въ индустрію и ростъ индустріальнаго населенія на счетъ земледѣльческаго. Напримѣръ, Германія до революціи 1848 года—была, главнымъ образомъ, страной земледѣльческой и земледѣльческое населеніе составляло въ ней около 75 процентовъ всего населенія. И что же? Прошло нѣсколько десятковъ лѣтъ и физіономія «крестьянской» Германіи стала все болѣе измѣняться: въ 1882 г. земледѣльческое населеніе составляло уже 42,54 проц. всего населенія. Еще десятокъ лѣтъ и это населеніе понизилось не только въ относительномъ смыслѣ (35,7 проц. всего населенія), но подверглось и абсолютному сокращенію съ 19,2 милліона до 18,5 милл. Взявъ другія государства, мы и въ нихъ во всѣхъ легко прослѣдимъ тотъ же законъ паденія численности земледѣльческаго населенія. Въ Бельгіи, напримѣръ, земледѣльческое населеніе съ 21,77 процентовъ всего населенія въ 1880 году—въ 1895 году — понизилось до 18,79 проц., въ Англіи и Уэльсѣ земледѣльческое населеніе за 50 лѣтъ (съ 1851 по 1901) а б с о л ю т н о уменьшилось почти вдвое (въ общемъ итогѣ самостоятельнаго населенія оно составляетъ только 8 проц.) и даже во Франціи, странѣ, считаемой незыблемымъ оплотомъ крестьянскаго земледѣльческаго населенія, медленно, но неуклонно совершается то же явленіе уменьшенія сельскаго населенія: съ 1876 г. по 1891 г. оно понизилось съ 51,4 проц. до 45,5 проц. общаго населенія. Мы взяли тѣ цифры, которыя имѣлись у насъ подъ руками. Можетъ быть— эту динамику населенія можно иллюстрировать еще рельефнѣе, но для нашихъ цѣлей, въ данную минуту, достаточно этого и мы горячо приглашаемъ г. Рудина и его товарищей хотя бы немного вдуматься въ смыслъ указываемаго явленія. Пойдетъ ли Россія по этому пути или у ж е пошла? Не будемъ говорить о старыхъ

спорахъ по вопросу о «самобытномъ» развитіи Россіи. Эти споры, какъ выразился когда-то г. Струве, уже сданы въ архивъ исторіи. Россія уже давно пошла по пути капиталистическаго развитія и колесо исторіи не смогутъ повернуть назадъ—крикливые Рудины, сколько они бы не говорили (см. бр. «На ту же тему»), что миссія капитализма окончательно дискредитирована. Въ настоящее время земледѣльческое населеніе составляетъ у насъ громадную часть общаго населенія страны. Радикальная аграрная реформа, можетъ быть, въ первое время, (допустимъ и это) увеличитъ еще на нѣсколько процентовъ это населеніе. Но что дальше? Г-да Рудины и Ко—цѣпляясь за обрывки ученій «ревизіонистовъ» Запада, повторяя старые народническіе предразсудки, отвѣчаютъ: дальше «именно уравнительность въ землепользованіи», «обезпеченіе правъ труда на соціализированную землю», дальше, однимъ словомъ, «соціализація»—а «на этой расчищенной почвѣ будутъ уже не буржуазно-эксплуататорскія насажденія», а все что угодно, все что подскажетъ полетъ маниловскихъ мечтаній. Но такъ ли? Опираясь на опытъ общественнаго развитія—мы говоримъ—нѣтъ. На одномъ земледѣліи населеніе прокормиться не можетъ, увеличеніе благосостоянія деревни, созданіе платежеспособнаго внутренняго рынка поведетъ къ развитію производительныхъ силъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, слѣдуя логикѣ капиталистическихъ отношеній, вновь перемѣститъ населеніе отъ земледѣлія къ промышленности. И чѣмъ дальше, тѣмъ это перемѣщеніе будетъ совершаться скорѣе и интенсивнѣе, до неузнаваемости, ломая всѣ искусственныя схемы не «г.г. Масловыхъ», какъ это пытается доказать г. Рудинъ, а г.г. Рудиныхъ и иже съ ними. Вотъ тутъ-то и возникаетъ вопросъ, который, естественно, не помѣщается на узкомъ горизонтѣ г. Рудина. Допустимъ, что вся земля передана въ руки только общинъ. Такъ какъ по старому проекту эсъ-эровской программы распоряжаются землями только общинное населеніе (сельскія общины и союзы общинъ), то всякій уходящій изъ общины, всякій (а такихъ будутъ съ теченіемъ времени, милліоны) перемѣщающійся отъ земледѣлія въ промышленность, будетъ тѣмъ самымъ отстраняться отъ земли, отъ права участія въ распоряженіи ею и рентой. Земля же тѣмъ временемъ, будетъ скучиваться, прибираться и капиталистически мобилизоваться къ рукамъ остающагося м е н ь ш и н с т в а, такъ какъ капиталистическое развитіе (а его с-р. не вытравятъ) будетъ приводить и всегда приводитъ къ росту инду-

стріальнаго населенія (и главнымъ образомъ пролетаріата) надъ земледѣльческимъ и на его счетъ. Таковы «перспективы» дальнѣйшаго экономическаго развитія Россіи и можетъ быть г. Рудинъ теперь, послѣ нашихъ объясненій, уже «представитъ» себѣ, что значитъ при этихъ условіяхъ, рѣшая аграрный вопросъ, перенести центръ тяжести съ деревни на городъ. Это значитъ отдать землю въ руки такихъ органовъ самоуправленія, которые давали бы возможность каждому гражданину участвовать въ распоряженіи земельной рентой, ибо послѣдняя по самой своей природѣ не должна быть передаваема въ монопольное владѣніе какого либо отдѣльнаго класса, хотя бы даже и трудового крестьянства, какъ это хотѣлъ г. Новоторжскій. Не тотъ распоряжается земельной рентой, кто «трудится» въ земледѣліи, а все общество, ибо рента есть результатъ общественнаго развитія въ цѣломъ, а не труда той или иной экономической категоріи населенія. И передавая распоряженіе землею въ руки органовъ самоуправленія, объединяющихъ городское и сельское населеніе области, мы, тѣмъ самымъ, предоставляемъ возможность все болѣе и болѣе увеличивающемуся индустріальному населенію — осуществлять свои права, вытекающія изъ отмѣны частной собственности на конфискованныя земли. При передачѣ же земли въ руки сельскихъ общинъ — городъ, а значитъ и городской пролетаріатъ отъ этого дѣла совершенно устраняются.

Отъ нашихъ критиковъ «справа» перейдемъ на самую «лѣвую» сторону, въ ряды того «лѣваго» крыла россійской соціаль-демократіи, которое такъ демонстративно противопоставляетъ себя «правому» крылу — «оппортунистическому меньшинству». Мы говоримъ о нашихъ товарищахъ «большевистскаго» направленія. Ихъ отзывы о принятой аграрной программѣ въ высшей степени неодобрительны. Газета «Волна» (№ 11) устами т. Н. Л-на заявляетъ, что принятая аграрная программа носитъ «на себѣ явные слѣды стремленія «благоразумной части соціаль-демократіи» свести революціонное движеніе съ пути октября — декабря».

Тов. Орловскій выражается еще рѣшительнѣе: на съѣздѣ принятъ «подъ названіемъ аграрной программы»—«неудобоваримый винигретъ» («Вѣстникъ Жизни» № 5). Передовикъ «Свѣточа» (№ 2-ой) хотя и обѣщаетъ отнестись къ программѣ «спокойно и терпимо», но не можетъ отказать себѣ въ удовольствіи съ ядовитымъ соболѣзнованіемъ пройтись по поводу того, что «большинство съѣзда (т.-е. «меньшинство». Н. В.) не занималось спеці-

ально-аграрнымъ вопросомъ»... И вотъ, молъ, почему оно и послѣдовало, за авторитетнымъ призывомъ «своихъ вождей и осталось въ рамкахъ фракціоннаго рѣшенія вопроса, который самъ по себѣ вовсе не былъ фракціоннымъ». Нельзя отказать въ смѣлости и т. Вольскому считающему принятую программу «двуполымъ дѣтищемъ плехановской діалектики и бернштейновскаго оппортунизма!!..» («Свѣточь № 6).

Въ этой массѣ обвинительныхъ приговоровъ, направленныхъ противъ партійной программы, стоитъ разобраться, но это не совсѣмъ простая работа. Дѣло-то въ томъ, что точки зрѣнія, съ которыхъ производится эта «уничтожающая» критика муниципализаціи, въ высшей степени различны. Напримѣръ, т. Ленинъ, критикуя аграрный проектъ Маслова (положенный въ основу принятой программы) имъ недоволенъ за то, что онъ «предлагаетъ мѣщанину изъ націонализаціи плюсъ земстволизація, плюсъ частной собственности на землю» (Пересмотръ аграрной программы рабочей партіи, стр. 17). «Крестьяне, поучаетъ онъ, съ необходимостью доходятъ и дошли уже, въ лицѣ передовыхъ своихъ представителей до требованія отмѣны всей частной собственности на землю». «Идея, видите ли, общенародной собственности на землю чрезвычайно широко бродитъ теперь въ крестьянствѣ, это не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію» (ibid. стр. 15). Такъ говоритъ т. Ленинъ, а передовикъ «Свѣточа» столь же рѣшительно заявляетъ діаметрально-противоположное и утверждаетъ о «совершенно несомнѣнномъ», по его мнѣнію,—стремленіи крестьянъ захватить «землю въ частную собственность» (№ 2). Кому прикажете вѣрить?

Поэтому, чтобы разобраться въ критикѣ аграрныхъ работъ съѣзда, нужно критиковъ разбить на соотвѣтствующія характерныя категоріи и съ каждой категоріей имѣть дѣло особо. Мы начнемъ съ уже упомянутой редакціонной передовицы «Свѣточа». Она противъ муниципализаціи, она утверждаетъ, что «въ мѣстномъ самоуправленіи», соціальный перевѣсъ въ значительной степени будетъ, несомнѣнно, принадлежать крупной (?) буржуазіи, и она используетъ муниципализацію въ своихъ интересахъ: муниципализація земли дастъ ей только лишнюю экономическую опору въ классовой борьбѣ съ пролетаріатомъ и трудовымъ крестьянствомъ». Утвержденіе весьма категорично, но оно не обосновано. Осуществленіе муниципализаціи предполагаетъ, и выста-

вляется при условіи полной побѣды демократіи; областныя организаціи, которымъ программа передаетъ распоряженіе землей составляются на основаніи четырехчленной формулы голосованія, крестьянство и вообще демократія, заинтересованы въ постоянномъ и самомъ живомъ участіи въ этихъ организаціяхъ—и какъ, при этихъ условіяхъ, крупная буржуазія, получитъ перевѣсъ въ мѣстномъ самоуправленіи — мы себѣ не представляемъ. Очевидно, товарищъ хотѣлъ сказать, что въ мѣстномъ самоуправленіи получитъ перевѣсъ не крупная буржуазія, а буржуазія вообще или, даже лучше сказать, демократическіе элементы мелкой буржуазіи. Это несомнѣнно, но избѣжать въ буржуазномъ обществѣ вліянія и борьбы буржуазіи вообще нѣсколько мудрено. Да и не такъ ставится вопросъ. Рѣчь идетъ о томъ, что для пролетаріата выгоднѣе: передача ли земли въ руки частныхъ крестьянскихъ собственниковъ, т.-е. въ руки только мелкой буржуазіи (какъ этого хочетъ т. Рожковъ и его «Свѣточъ») или передача земли въ распоряженіе органовъ демократіи, въ которыхъ кромѣ крушной буржуазіи и мелкой, будетъ принимать участіе и пролетаріатъ? Что лучше? Но, отвѣчаетъ на это «Свѣточъ» — вопросъ такъ же и въ томъ, «желаютъ ли крестьяне муниципализаціи земли?» и «неужели кто-либо изъ товарищей серьезно думаетъ, что крестьяне сочувственно отнесутся къ участію городскихъ классовъ въ распоряженіи землей». Вотъ съ этимъ возраженіемъ, дѣйствительно приходится считаться, но оно замѣтимъ, не имѣетъ никакого отношенія къ предыдущему замѣчанію. Въ самомъ дѣлѣ, если бы аграрная программа, выдвигаемая въ настоящее время соціаль-демократіей (ставящей себѣ цѣлью не только поддерживать, но и подталкивать крестьянское движеніе), совершенно не удовлетворяла бы крестьянъ, то мы предпочли бы ее выбросить за бортъ и остаться безъ всякой программы. Ибо программа, кореннымъ образомъ идущая въ разрѣзъ съ требованіями тѣхъ массъ, на которыя она расчитана—стоитъ очень мало. Каково же отношеніе крестьянъ къ муниципализаціи. Ленинъ, какъ мы видѣли, утверждаетъ, что среди нихъ широко бродитъ идея всенародной собственности на всю землю. Насколько это вѣрно—судить не беремся, но что крестьянство въ лицѣ своихъ передовыхъ представителей неоднократно высказывалось противъ закрѣпленія въ собственность подлежащей экспропріаціи помѣщичьей земли — это несомнѣнно. Но что значитъ отмѣнить частную собственность на экспропріированную землю и отдать ее

въ общественное владѣніе? Значитъ ли это отдать ее въ распоряженіе органовъ только, такъ сказать, крестьянскаго самоуправленія? Какъ мы уже указывали, старый проектъ эсъ-эровской программы на это отвѣчалъ утвердительно, нужно отдать землю въ распоряженіе только сельскихъ общинъ и союзовъ общинъ. Въ принятой же новой оффиціальной программѣ с.-р. этотъ пунктъ изрядно подчищенъ: и въ немъ заявляется теперь, что «всѣ земли поступаютъ въ завѣдываніе центральныхъ и мѣстныхъ органовъ народнаго самоуправленія, начиная отъ демократически организованныхъ безсословныхъ сельскихъ и городскихъ общинъ и, кончая областными и центральными учрежденіями

Для поясненія программы въ изданіи Новожилова вышла брошюра, намѣчающая «Проектъ основного закона о землѣ». Насколько точно формулируетъ она оффиціальные взгляды партіи с.-р. сказать трудно, такъ какъ партійная редакція, не говоря ничего опредѣленнаго, оставила за собою право высказаться по этому поводу въ дальнѣйшемъ. Но уже изъ проекта видно, что тѣ ступени земства—областное, окружное, и уѣздное, которымъ предлагается передать въ завѣдываніе экспропріированныя земли, выбираются всеобщимъ голосованіемъ, какъ городскимъ, такъ и сельскимъ населеніемъ. Точно также и парламентская трудовая группа, говоря о разработкѣ земельнаго вопроса, намѣчаетъ передачу его волостнымъ, уѣзднымъ и губернскимъ комитетамъ, выбраннымъ всеобщимъ голосованіемъ, опять-таки изъ городского и сельскаго населенія. И эти взгляды, если стать на почву крестьянскихъ воззрѣній, логично вытекаютъ изъ того положенія, что земля «ничья», что она «Божья». Отсюда слѣдуетъ, что соціальдемократія постольку — поскольку она выставляетъ лозунгъ передачи земли въ руки органовъ самоуправленія, объединяющихъ городскіе и сельскіе округа, не вступаетъ въ противорѣчіе съ требованіями наиболѣе передовыхъ представителей крестьянства. Въ пониманіи смысла и значенія этой передачи — соціаль демократія, само собою разумѣется, съ ними разойдется, но до этого пункта она пойдетъ съ ними рядомъ. Ну, а если будетъ такъ, какъ на это указываютъ товарищи изъ «Свѣточа»—т.-е. крестьяне, отвергнувъ муниципализацію, потребуютъ «землю въ частную собственность?» Съѣздъ въ принятой имъ резолюціи далъ и на это отвѣтъ: «стремясь, при побѣдоносномъ развитіи революціи передать конфискованныя земли во владѣніе демократическихъ учреж-

деній мѣстнаго самоуправленія, Р. С. Д. Р. П. въ случаѣ неблагопріятныхъ для этого условій (а таковымъ, въ числѣ другихъ, можетъ быть и несогласіе крестьянства съ муниципализаціей Н. В.), выскажется за раздѣлъ между крестьянами тѣхъ помѣщичьихъ земель, на которыхъ фактически ведется мелкое хозяйство или которыя составляютъ необходимыя для его округленія угодія». Такимъ образомъ съѣздъ заранѣе показалъ, что на почвѣ реальныхъ и революціонныхъ завоеваній крестьянскихъ массъ между ними и с.-д-ой партіей конфликта быть не можетъ. Пролетаріату говоритъ принятая программа, изъ всѣхъ мыслимыхъ рѣшеній нынѣшняго аграрнаго вопроса, выгоднѣе муниципализація, мы будемъ ее защищать и пропагандировать, но въ случаѣ неудачи, въ случаѣ, если крестьяне намѣтятъ для себя (а въ ихъ желаніяхъ центръ тяжести) другую аграрную программу и выскажутся, положимъ, за раздѣлъ, то мы будемъ поддерживать крестьянство и въ этомъ пунктѣ. Другими словами— всегда съ крестьянствомъ, пока оно выступаетъ революціонно, пока оно борется за «землю и волю», разрушая устои кабально-крѣпостническаго порядка. А если такъ, то товарищамъ изъ «Свѣточа» не нужно бояться «фракціонной» программы и они могутъ къ ней отнестись болѣе чѣмъ «терпимо». Иначе думаетъ т. Ленинъ.—Программа, по его мнѣнію, изъ рукъ вонъ плоха, такъ плоха, что даже пахнетъ, «сдѣлкой съ помѣщиками, сдѣлкой съ реакціонной центральной властью» и есть«призывъ къ рѣшенію вопроса не путемъ революціоннымъ, а путемъ бюрократическимъ» (Пересмотръ аграрной программы, стр. 26). Правда, говоритъ Н. Ленинъ, «подъ нашимъ давленіемъ, первоначальный масловскій проектъ муниципализаціи двинутъ несомнѣнно влѣво. Вмѣсто «отчужденіе» поставлено «конфискація», допущенъ раздѣлъ земель, вставлена поддержка «революціонныхъ выступленій крестьянства вплоть до конфискаціи» и т. д. Но все же осталась, хотя и кастрированная, муниципализація. Муниципализація есть передача помѣщичьихъ земель демократическимъ земствамъ. Революціонные крестьяне не пойдутъ на это. Они справедливо не довѣряютъ и будутъ не довѣрять земствамъ, хотя бы демократическимъ, пока этотъ демократизмъ на мѣстахъ совмѣщается съ недемократической центральной властью. Они справедливо отвергнутъ передачу земель и мѣстнымъ и центральнымъ органамъ власти, пока вся, безусловно вся, власть не явится выборной народомъ, подочетной и смѣ-

няемой. А это условіе, несмотря на борьбу лѣвыхъ с.-д., отклонено съѣздомъ. Вмѣсто передачи земли народу, когда онъ выбираетъ всѣ государственныя власти, съѣздъ принялъ передачу земель мѣстнымъ выборнымъ органамъ власти! И каковы были мотивы съѣзда? Не нужно, видите ли, идеи захвата власти въ программѣ; нужны гарантіи отъ реставраціи. Но боязнь захвата власти революціоннымъ крестьянствомъ есть чисто кадетская боязнь крестьянской революціи». («Волна» № 11).

Удивительная манера у этого товарища! Нагородить побольше страшныхъ словъ, придумать для устрашенія публики особый наборъ жупеловъ и нѣсколько наивно предполагать, что этимъ, хоть на шагъ, подвигается дѣло выясненія программы.

Будемъ лучше говорить по существу. Изъ текста вышеприведенной цитаты видно лишь одно: что муниципализація, какъ передача земли демократическимъ земствамъ, непріемлема потому, что «демократизмъ на мѣстахъ совмѣщается съ недемократической центральной властью». Такъ!—но скажите, пожалуйста, т. Ленинъ, откуда это только слѣдуетъ? Откуда вы взяли, что осуществленіе муниципализаціи, расчитывающей на конфискацію (безъ выкупа) всей помѣщичьей земли и на побѣду демократіи, предполагаетъ или можетъ предполагать совмѣщеніе съ этой мѣрой недемократической центральной власти». Раскрываемъ Ленинскую брошюру, ищемъ этому доказательствъ, но, увы, ихъ не находимъ, ибо повтореніе недоказаннаго доказательствомъ не служитъ. Проектъ Маслова, повторяетъ брошюра, спеціально приспособленъ къ половинчатому, непослѣдовательному, неполному или «урѣзанному» реакціей демократическому перевороту» — «онъ» предполагаетъ «недоведенный до конца демократическій поворотъ, онъ «есть призывъ къ рѣшенію вопроса не возстаніемъ, а сдѣлкой съ помѣщиками» и т. д. въ томъ же духѣ. И рядомъ съ этимъ Ленинъ, ничѣмъ не смущаясь, роняетъ весьма знаменательное замѣчаніе: «если дѣло не дойдетъ до полной побѣды демократической революціи, то ни о какомъ разрушеніи помѣщичьяго землевладѣнія, ни о какой конфискаціи удѣльныхъ и т. п. земель, ни о какой муниципализаціи и т. п. нельзя будетъ и говорить серьезно» (стр. 21. Курсивъ мой). Давно бы такъ, это, какъ разъ то, что говорятъ «муниципализаторы» и это означаетъ, что безъ полной побѣды «демократической» революціи, муниципализація неосуществима. Но разъ такъ, то какъ

и какимъ образомъ демократизмъ на мѣстахъ совмѣстится съ недемократической или даже реакціонной (!!) центральной властью? Мудрый Эдипъ — разрѣши? Ленинъ разрѣшаетъ, но очень худо. Если дѣло, пишетъ онъ, дойдетъ до полной побѣды революціи, то одной муниципализаціи, да еще части земли—мало. Тогда нужна націонализація земли, притомъ всей земли, въ томъ числѣ и крестьянской, а программа муниципализаціи, будто бы, этотъ вопросъ совершенно игнорируетъ. Такъ ли это? Прежде всего о націонализаціи или муниципализаціи крестьянской земли. Съѣздовская программа весьма опредѣленно говоритъ о конфискаціи всѣхъ земель, кромѣ мелкаго (главнымъ образомъ—крестьянскаго) землевладѣнія и передачи ихъ въ общественное распоряженіе. Почему на съѣздѣ отстраненъ вопросъ о муниципализаціи крестьянскихъ земель? Отвѣтъ ясенъ и вполнѣ понятенъ: да прежде всего уже потому, что совершенно неизвѣстно—какъ отнесутся къ этому вопросу сами крестьяне. Весьма единодушные, поскольку рѣчь идетъ о помѣщичьей земли, что именно эта земля «ничья», крестьянство можетъ расколоться на враждебные лагери, когда рѣчь зайдетъ объ ихъ собственныхъ надѣлахъ и земляхъ. Болѣе того—при этихъ условіяхъ враждебная этой мѣрѣ часть крестьянства можетъ выступить противъ революціи и, очевидно, что спекулируя на это, г. Горемыкинъ въ своей рѣчи подчеркнулъ недопустимость экспропріаціи мелкаго землевладѣнія. Но вѣдь, скажутъ, это только одно предположеніе? Да—но оно имѣетъ за собою несравненно болѣе шансовъ, чѣмъ противоположное утвержденіе, что трудовое крестьянство пылаетъ желаніемъ бросить и свою землю на алтарь «общенароднаго достоянія». Странно поэтому замѣчаніе т. А. Вольскаго (№8 Свѣточа), который упрекаетъ принятую программу въ непослѣдовательности. «Если бы IV съѣздъ, пишетъ онъ, былъ послѣдовательнымъ, то онъ прямо заявилъ бы, что онъ требуетъ муниципализаціи всѣхъ земель безъ исключенія». Т. Вольскій! эта послѣдовательность можетъ напомнить, какъ выразился когда-то Ленинъ, послѣдовательность одной остроумной птицы, въ погонѣ за попытками уложить жизнь въ одну красивую схему можно «проворонить» крестьянскую революцію. Вопросъ о мелкомъ землевладѣніи есть въ значительной мѣрѣ вопросъ политическаго такта. Да, наконецъ, нужно помнить и то, что нашъ аграрный вопросъ не есть вопросъ о крестьянскихъ надѣлахъ. Взоры крестьянства, ищущаго исцѣленія отъ

малоземелья, направляются не на «справедливое» распредѣленіе между ними уже имѣющейся у нихъ земли. Имъ нужно увеличить свое землепользованіе на счетъ помѣщичьей, казенной, удѣльной и т. п. земли и центръ тяжести поэтому лежитъ въ отысканіи формъ реализаціи именно этой, а не какой-либо другой земли. Короче — въ томъ, что съѣздъ остановился предъ требованіемъ отмѣны частной собственности на мелкое землевладѣніе—мы непослѣдовательности не видимъ. Но тогда т. Вольскій, намъ можетъ задать «коварный» вопросъ: въ интересахъ ли пролетаріата полная отмѣна частной собственности на землю вообще? Не будемъ, скажетъ онъ, задаваться вопросами «чего можетъ въ данную минуту добиться пролетаріатъ»—эта была бы слишкомъ оппортунистическая постановка вопроса—спросимъ лучше, чего долженъ добиваться пролетаріатъ? На это можно было бы отвѣтить приблизительно такъ: вообще говоря — полная отмѣна частной собственности на землю, хотя и является мѣрой громаднаго неслыханнаго еще въ исторіи, масштаба, но по самому своему соціально-экономическому смыслу—вещь и возможная и мыслимая на проведеніе еще въ буржуазномъ обществѣ, т.-е. при существованіи частной собственности на орудія производства. И это мѣропріятіе можетъ установить даже буржуазная революція. Но выгодна ли для пролетаріата эта мѣра? Мы отвѣтимъ на это прекрасными словами Чернышевскаго: «абстрактной истины нѣтъ, истина всегда конкретна», и по этому предмету нельзя дать опредѣлительнаго сужденія—не спросивъ раньше—при какихъ условіяхъ, при какихъ обстоятельствахъ. Напримѣръ, превращеніе въ общественную собственность крупно-помѣщичьей земли въ данное время, при условіи, что происходящая сейчасъ революція—даетъ надежду на экспропріацію ея на самыхъ, для народныхъ массъ, выгодныхъ условіяхъ—пролетаріату выгодна. Тѣмъ болѣе, что эта мѣра хотя бы даже муниципализація, улучшая благосостояніе крестьянства, уничтожаетъ реакціонный помѣщичій классъ, не усиливая мелкихъ собственниковъ. Но выгодна ли теперь въ данное время обращеніе въ общественную собственность всего мелкаго крестьянскаго землевладѣнія — на этотъ вопросъ у насъ нѣтъ конкретныхъ данныхъ для отвѣта... Въ самомъ дѣлѣ: пусть намъ отвѣтятъ раньше—на какихъ условіяхъ согласятся мелкіе землевладѣльцы передать свои земли въ общественный фондъ. Вѣдь по отношенію къ ихъ землямъ съ конфискаціей не подойдешь—и выкупъ значитъ необхо-

димъ. А если такъ, то каковы размѣры выкупа, какова его организація, откуда взять средства на эту колоссальную финансовую операцію? Пусть намъ отвѣтятъ сначала на всѣ эти вопросы и тогда мы, пользуясь уже конкретными данными, отвѣтимъ въ свою очередь и на вопросъ о желательности этаго мѣропріятія и не, вообще говоря, а въ данное время. Кромѣ вышеупомянутаго вопроса къ сторонникамъ полной отмѣны частной собственности — для опредѣленія данныхъ о желательности этой мѣры, можно предложить еще рядъ другихъ.

Въ высшей степени, само собою разумѣется, интересенъ вопросъ (и его нужно было поставить въ первую голову)—для чего, собственно, и въ какихъ цѣляхъ нужно добиваться **въ данное время** уничтоженія частной собственности и на мелкое землевладѣніе. Удивительнѣе всего то, что тотъ же Вольскій, столь ратующій за эту мѣру, не потрудился даже и поставить этого вопроса. Онъ аргументируетъ эту мѣру, исходя изъ болѣе, чѣмъ странныхъ соображеній. Его, видите ли, смущаетъ пестрота или, какъ выражается т. Ленинъ «мѣшанина» изъ различныхъ аграрныхъ отношеній: государственное землевладѣніе, муниципальное, частное землевладѣніе и т. д. Если отмѣнить частную собственность на землю, то аграрныя отношенія «упростятся»—и этимъ «мы облегчимъ торжество соціализма въ будущемъ». Ну, развѣ это аргументъ? Въ защиту отмѣны (при опредѣленныхъ финансовыхъ и соціальныхъ условіяхъ) частной поземельной собственности есть, дѣйствительно, вѣскія соображенія, но т. Вольскій ихъ **не** приводитъ. Что же касается облегченія, при помощи «упрощенія»—торжества соціализма, то на это Каутскій вполнѣ справедливо замѣчаетъ, что «нѣтъ ничего ошибочнѣе, какъ представлять себѣ соціалистическое общество въ видѣ какого-то простого, грубаго механизма, колеса котораго пущены въ ходъ разъ на всегда и работаютъ съ мертвымъ однообразіемъ». Поясняя же «величайшее разнообразіе» формъ соціалистическаго режима, Каутскій указываетъ, между прочимъ, на возможность существованія при немъ самыхъ разнообразныхъ видовъ собственности, напримѣръ,—собственности государственной, коммунальной, **частной** и т. д. (Соціальная реформа и соціальная революція,) И это вполнѣ понятно, такъ какъ трудности, ожидающія пролетарскій режимъ, лежатъ не въ области собственности или, правильнѣе сказать, **не всякой собственности**, а въ области производства.

На ряду съ полной отмѣной частной собственности на землю

тов. Ленинъ, какъ мы уже указывали, рекомендуетъ націонализировать такимъ образомъ получаемый земельный фондъ.

Всматриваясь въ сущность тѣхъ аргументовъ, которыми онъ защищаетъ эту идею, нельзя признать за ними ни особой вразумительности, ни особой вѣскости. Противъ націонализаціи писалось и писалось много и жаль, что т. Ленинъ такъ мало считается съ этой критикой. Напримѣръ, указывалось, что передача земли государству лишь усиливаетъ государственную власть, что совершенно не въ интересахъ пролетаріата. Ленинъ пробуетъ парировать это возраженіе—очень для себя неудобнымъ указаніемъ на то, что націонализація означаетъ передачу «вовсе не самой земли» а «права получать ренту». Вотъ именно. Дѣло-то въ томъ, что чисто академическій вопросъ—кто (при уничтоженіи частной поземельной собственности) явится субъектомъ правъ собственника на эту землю,—мы бы сказали, отходитъ совершенно на задній планъ предъ другимъ, несравненно болѣе важнымъ и практическимъ вопросомъ, кто, какіе общественные органы будутъ распоряжаться этой землей, получать ренту, вмѣшиваться въ организацію и регулированіе землепользованія и т. д. Въ этомъ весь «гвоздь» вопроса. Можно, къ примѣру, объявить полную отмѣну частной собственности, признать ее «общенародной» и въ то же время право распоряженія ею оставить за нынѣшними владѣльцами. Что измѣнилось бы отъ этого? Ровно ничего, повторяемъ, все дѣло въ организаціи распоряженія. Но почему это распоряженіе предоставить именно государственной власти, когда у соціаль-демократіи, какъ говоритъ Каутскій, «нѣтъ основанія увеличивать число государственныхъ арендаторовъ и тѣмъ самымъ дѣлать правительство болѣе независимымъ отъ согласія на бюджетъ народныхъ представителей» (Die agrarfrage). И что такое само государство, какъ не институтъ классового господства, какъ не организація стоящаго у власти (въ буржуазномъ обществѣ) того или иного буржуазнаго класса? Усиливая же хозяйственными функціями организацію власти этого класса, соціаль-демократія тѣмъ самымъ строитъ барьеры дальнѣйшей борьбѣ пролетаріата. Вѣдь своего классового характера государства не теряетъ и тамъ «гдѣ ему выпадаютъ хозяйственныя функціи. И здѣсь рѣшающее значеніе имѣетъ точка зрѣнія юриста, полицейскаго, солдата, а не техника и дѣльца». Значитъ, отвѣчаетъ на это Ленинъ, вы молчаливо предполагаете, «что требованія нашей политической программы минимумъ не

осуществлены полностью, что самодержавіе народа не обезпечено, постоянная армія не уничтожена, выборность чиновниковъ не введена» и т. д. (ibid. стр. 23). Какой смыслъ въ устахъ соціаль-демократа, имѣютъ всѣ эти перечисленія—мы нѣсколько себѣ не представляемъ. Допустимъ, что всѣ указываемыя Ленинымъ демократическія формы осуществлены, значитъ ли это, что при соблюденіи этихъ условій государственная власть, которой отдано право распоряженія землей, теряетъ свой характеръ классового господства и классового угнетенія подчиненныхъ элементовъ? Конечно нѣтъ. Лишь Э. Бернштейнъ и ему подобные додумались до мысли, что демократизмъ равносиленъ или приводитъ къ уничтоженію классовъ, что при демократіи, государственная власть превращается въ такого мирнаго ягненка, что излишни всякіе разговоры объ «атавистической» идеѣ—диктатуры пролетаріата. Но Лидеру «лѣваго» крыла соціальдемократіи становиться на эту почву даже какъ-то и неприлично...

Н. Валентиновъ.

Нѣкоторые итоги избирательной кампаніи [1]).

(Городская и рабочая куріи).

Еще выборы въ Государственную Думу не закончились, еще цѣлый рядъ областей не имѣетъ въ ней своихъ представителей, но врядъ-ли кто изъ русскихъ гражданъ особенно интересуется недостающими до полнаго комплекта 80-ью съ лишнимъ депутатами отъ Сибири, Кавказа, среднеазіатскихъ владѣній и многихъ другихъ обширныхъ, но безлюдныхъ земель Россійской Имперіи. Весьма возможно, что, когда выборы этихъ запоздавшихъ депутатовъ будутъ закончены, пѣсня нынѣшней Думы будетъ спѣта.

Если паче чаянія они еще успѣютъ переступить за порогъ Таврическаго дворца и занять тамъ мѣста рядомъ съ уже нынѣ дѣйствующими членами Думы, то этотъ фактъ едва-ли окажетъ какое нибудь вліяніе въ смыслѣ измѣненія политической физіономіи Думы и ея роли, какъ фактора государственной жизни. Если даже предположить, что всѣ дополнительные депутаты примкнутъ къ правой, то соотношеніе силъ въ первомъ русскомъ парламентѣ отъ этого нисколько не поколеблется: на сторонѣ оппозиціи все еще будетъ громадное большинство. Если-же, что гораздо вѣроятнѣе, значительная часть будущихъ депутатовъ примкнетъ къ болѣе лѣвымъ элементамъ Думы (къ трудовой или рабочей группѣ), то этимъ самымъ вся думская оппозиція приметъ лишь болѣе яркій и рѣзкій характеръ, ибо въ такомъ случаѣ изъ рукъ к.-д. партіи выпадетъ то нераздѣльное парламентское верховенство, которымъ она пользуется благодаря своему численному перевѣсу надъ элементами стоящими лѣвѣе. Какъ бы

[1]) Статья эта была написана еще задолго до начала выборовъ на Кавказѣ и въ Сибири.

то ни было отъ притока новыхъ депутатовъ можно ожидать только усиленія оппозиціоннаго характера Думы, но никакъ не умѣренія его.

Въ настоящее время Государственная Дума состоитъ изъ представителей 51 губерніи Европейской Россіи (включая Ставропольскую) и 10 губерній Царства Польскаго [1]), давая въ общей сложности цыфру 442 „народныхъ избранника".

Какъ ни анормальны были условія, въ которыхъ происходило избраніе этихъ первыхъ народныхъ представителей, какъ ни скверна и антидемократична та избирательная система, на основѣ которой они заняли свои депутатскія мѣста— наша первая избирательная кампанія является все-же чрезвычайно важнымъ показателемъ не только текущаго политическаго момента, не одного только „народнаго гнѣва" и революціоннаго настроенія массъ, но она даетъ кромѣ того весьма серьезныя показанія для будущаго. Въ то время какъ исходъ первыхъ политическихъ выборовъ явился полной неожиданностью какъ для правительства, такъ и для политическихъ партій, ибо не было никакого аналогичнаго опыта, на которомъ можно было строить вѣроятныя предположенія, —народъ былъ въ *этомъ* отношеніи полная tabula rasa—для ближайшихъ новыхъ выборовъ уже не въ фальсифицированный, а въ настоящій русскій парламентъ, мы располагаемъ богатымъ опытомъ минувшей избирательной кампаніи. Измѣнится избирательная система, будутъ отсутствовать кошмаръ военнаго положенія и безшабашный разгулъ административно-полицейскаго произвола, на арену предвыборной борьбы выступятъ новыя политическія силы; но цѣлый рядъ факторовъ, имѣющихъ существенное значеніе для того или другого исхода выборовъ, нося болѣе устойчивый, постоянный характеръ, останется и въ будущемъ. Обнаружившіяся во время первой избирательной кампаніи соотношенія экономическія, національныя, религіозныя, классовыя и сословныя, врядъ-ли существенно измѣнятся за время остающееся до вторыхъ выборовъ. А эти соотношенія въ громадной степени опредѣляютъ результатъ парламентскихъ выборовъ, побѣды и пораженія партій, преобладаніе той или другой изъ нихъ въ

[1]) Въ моментъ писанія настоящей статьи отъ Царства Польскаго не хватаетъ въ Думѣ 7 депутатовъ (2 отъ Плоцкой губ. и 5 отъ Варшавской губ.).

представительномъ собраніи. При этомъ важна именно вся совокупность вліяній, а не только одинъ какой-нибудь, хотя-бы и такой основной признакъ, какъ экономическая группировка населенія. Въ этомъ отношеніи опытъ политическаго выступленія народа служитъ болѣе надежнымъ основаніемъ для прогноза, нежели всякаго рода теоретическія соображенія, выведенныя изъ статистическихъ цыфръ.

Примѣромъ того, насколько дѣйствительность смѣется надъ надеждами однихъ и опасеніями другихъ, можетъ служить исходъ нашихъ первыхъ политическихъ выборовъ. Бюрократія надѣялась на хитро придуманную избирательную систему и на помощь всегда готоваго къ ея услугамъ гигантскаго полицейскаго аппарата. Размѣстивши избирателей по сословнымъ и цензовымъ куріямъ, опредѣливши для каждой изъ этихъ курій такое число выборщиковъ, которое какъ разъ должно было по плану правительства, дать наиболѣе выгодные для него результаты — бюрократія ожидала „соотвѣтственной“ Думы т. е. такой, которая будетъ состоять на половину изъ лавочниковъ и крупныхъ землевладѣльцевъ, на половину — изъ атестованныхъ земскими начальниками крестьянъ.

Стоя на этой-же почвѣ, т. е. отправляясь отъ сфабрикованной г. Булыгинымъ и дополненной гр. Витте избирательной системы, прогрессивные публицисты предвидѣли, что Дума будетъ „черносотенной“, что она будетъ состоять изъ элементовъ враждебныхъ политическому прогрессу. Такъ напр. А. Е. Лосицкій въ своей статьѣ: „Избирательная система Государственной Думы“ [1]) на основаніи сдѣланнаго имъ статистическаго анализа входящихъ въ составъ „городской куріи“ группъ населенія приходитъ къ такому выводу: „задача ея (городской куріи)—изолировать торгово-промышленный классъ отъ крестьянства и рабочихъ и, соединивъ его со сравнительно немногочисленной интеллигенціей дать ему обезпеченное представительство среди выборщиковъ, а затѣмъ и въ Думѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ ясно, что законами 6 августа и 11 декабря торгово-промышленному классу отводится въ Думѣ исключительное мѣсто, непосредственно послѣ землевладѣльцевъ“. Относительно-же крупныхъ городовъ съ само-

[1]) „Образованіе“—1906 г.—Кн. 1 и 2.

стоятельнымъ представительствомъ въ Думѣ онъ категорически заявляетъ, что 31 мѣсто депутатовъ отъ крупныхъ городовъ передается „въ безраздѣльное завѣдываніе торгово-промышленнаго класса“. Результаты выборовъ въ Думу освершенно противорѣчатъ утвержденію А. Е. Лосицкаго. Политическая организація торгово-промышленнаго класса, торгово-промышленная партія, провела въ Думу только одного своего сторонника. А всего лицъ торгово-промышленнаго класса въ Государственной Думѣ имѣется 19 человѣкъ, изъ нихъ:

Торговцевъ и подрядчиковъ 14
Владѣльцевъ и управляющихъ фабрикъ . . 5

По партіямъ эти лица распредѣляются слѣдующимъ образомъ: к.-д.—4, національныхъ лѣвыхъ партій—1, умѣреннаго направленія—3, союзъ 17 октября—6, торгово-промышленная партія—1, правые—3, безпартійные—1.

А 31 депутатское мѣсто, отданное „въ безраздѣльное господство торгово-промышленнаго класса“, досталось за исключеніемъ 5-ти—кадетамъ. Эти-же 5 распредѣляются такимъ образомъ:

Варшава. . . . . 2 нац. дем.
Лодзь . . . . . 1 нац. дем.
Екатеринославъ. . . . . 1 союзъ 17 октября.
Москва . . . . . 1 соц. дем.

Насколько намъ извѣстно, въ числѣ 31 депутата отъ городовъ нѣтъ ни одного представителя торгово-промышленнаго класса.—

Этотъ примѣръ показываетъ, насколько рискованно было въ своихъ предположеніяхъ относительно политическаго характера Думы основываться на той сословно-классовой групировкѣ выборщиковъ, которая въ глазахъ законодателей 11-го декабря служила надежной гарантіей опредѣленнаго (читай: реакціоннаго) состава нашего перваго представительнаго учежденія. Тѣ, кто говорилъ, что Дума будетъ, что она не можетъ не быть „черносотенной“, невольно придавали преувеличенно огромное значеніе тѣмъ канцелярскимъ ухищреніямъ, которыя нашли себѣ мѣсто въ избирательной системѣ 6-го августа и 11-го декабря, а также задерживающей, тормозящей силѣ самодержавно-полицейскаго аппарата, а, съ другой стороны, совершенно упустили изъ виду или

значительно преуменьшали рвущую всѣ сословныя плотины мощь классовыхъ противорѣчій внутри самаго многочисленнаго сословія,—крестьянскаго, далѣе—накопленную годомъ революціи энергію сопротивленія всѣмъ замысламъ и домогательствамъ администраціи.

Кромѣ того одна изъ основныхъ ошибокъ состояла въ томъ, что во всѣхъ прогностическихъ попыткахъ анализа опирались исключительно на тотъ цыфровый матеріалъ, которымъ снабжено положеніе о выборахъ 6-го августа, опирались на приложеніе къ статьѣ 4-ой этого положенія, въ которомъ сдѣлано распредѣленіе всего числа выборщиковъ по отдѣльнымъ губерніямъ и уѣздамъ отъ курій: крестьянской землевладѣльческой и городской. Образцомъ подобнаго „анализа“ можетъ послужить скверная по тону, но лучшая въ этомъ родѣ по исполненію статья, помѣщенная въ январской книгѣ „С.-Петербургскаго Земскаго Вѣстника“ подъ заглавіемъ: „Мужицкая Дума“.

Авторъ этой статьи раздѣляетъ всѣ 65 губерній (51 Евр. Россіи, 10 Царства Польскаго и 4 Сибирскихъ) соотвѣтственно группировкѣ выборщиковъ—на пять категорій, причемъ рабочихъ выборщиковъ онъ считаетъ за одно съ крестьянскими: [1])

1) Въ первой категоріи, обнимающей 20 губерній (16 Евр. Россіи и 4 Сибирскихъ) крестьянскіе выборщики (плюсъ рабочіе) составляютъ абсолютное большинство въ сравненіи съ двумя остальными группами вмѣстѣ взятыми.

2) Во второй категоріи съ двумя губерніями (Минская и Полтавская) наблюдается абсолютное преобладаніе землевладѣльческой группы.

3) Къ 3-ей категоріи причислено 18 губерній Евр. Россіи, въ которыхъ крестьянская группа составляетъ не абсолютное но относительное большинство, т. е. она преобладаетъ надъ каждой изъ двухъ остальныхъ группъ.

---

[1]) Разсматривая рабочихъ, какъ подгруппу крестьянской куріи, авторъ не выдѣляетъ изъ общаго числа выборщиковъ-рабочихъ, положеннаго по закону 11-го декабря для всей губерніи, той части которая входитъ не въ составъ губернскаго избирательнаго собранія, а городскаго избирательнаго собранія въ городахъ, пользующихся особымъ представительствомъ. Такъ напр., въ Петербургской губ., изъ 24 выборщиковъ только 9 приходится на губернію, въ Московской изъ 35—17, въ Кіевской изъ 9—7.

4) Къ 4-ой категоріи относится 19 губерній (10 Евр. Россіи и 9 Ц. Польскаго), въ которыхъ относительное большинство составляетъ земледѣльческая группа.

5) Наконецъ, къ 5-ой категоріи причислены 6 промышленныхъ губерній (Владимирская, Екатеринославская, Курляндская, Московская, Ярославская, Петроковская), гдѣ относительное большинство приходится на долю городскихъ выборщиковъ.

Исходя изъ этой формальной группировки, авторъ предполагаетъ, что первыя 2 категоріи губерній должны послать въ Думу депутатовъ изъ преобладающей группы, т. е. 1-ая—исключительно крестьянъ, 2-ая землевладѣльцевъ, въ послѣднихъ же трехъ категоріяхъ съ относительнымъ большинствомъ депутаты распредѣлятся между отдѣльными куріями въ зависимости отъ полюбовнаго соглашенія, въ которое въ томъ или въ другомъ случаѣ онѣ вступятъ между собою. На основаніи своихъ вычисленій авторъ приходитъ къ тому выводу, что при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, т. е., когда каждая изъ трехъ сословныхъ группъ будетъ стремиться использовать всѣ условія для проведенія по возможности максимальнаго числа кандидатовъ своей куріи, число членовъ отъ крестьянской группы въ государственной Думѣ (для 65 губерній) достигнетъ 253, отъ землевладѣльческой—85, отъ городской—125.

Этого-же упрощеннаго статистическаго метода придерживались и другіе, писавшіе о будущемъ составѣ Думы, хотя не всѣ приходили къ одинаковымъ числовымъ результатамъ. Такъ, В. А. Мякотинъ [1]) полагалъ, что въ лучшемъ случаѣ въ Думу пройдетъ отъ 51 губ. Евр. Россіи 168 крестьянъ.

II.

Если-бы всѣ эти предположительные разсчеты относительно сословнаго состава будущаго русскаго парламента даже обладали математической точностью, то все-же они весьма мало въ сущности могли-бы дать для опредѣленія политическаго состава Думы.

Въ отжившія сословныя рамки, какъ извѣстно, умѣщаются

[1]) См. брошюру „Надо ли идти въ Государственную Думу“.

различные общественные классы съ противорѣчивыми интересами и стремленіями. Безземельный крестьянинъ-батракъ и богатый крестьянинъ-лѣсопромышленникъ живутъ подъ одной сословно-правовой кровлей. А между тѣмъ голая цифра 253 или 168 не говоритъ еще, за какими крестьянами будетъ преобладаніе въ Думѣ?

Но если-бы даже, какъ это пытается отчасти сдѣлать Лосицкій, удалось содрать съ таблицы распредѣленія выборщиковъ ея сословную шелуху и статистически изобразить разнородную въ экономическомъ смыслѣ структуру того живого общественнаго ядра которое заключено въ эту омертвѣвшую сословную скорлупу, то и тогда нельзя было-бы представить точную картину политическаго состава Думы. Классовое дѣленіе общества далеко не соотвѣтствуетъ еще партійно-политическому его дѣленію. Классъ ни количественно ни качественно не совпадаетъ съ той партіей, которая становится или пытается стать выразительницей его интересовъ. Поэтому каждая партія до извѣстной степени является конгломератомъ изъ различныхъ классовъ, хотя въ каждой изъ нихъ имѣется свое болѣе устойчивое и твердое классовое ядро. Особенно это относится къ такой странѣ какъ наша, которая начинаетъ еще только жить политической жизнью, въ которой притомъ переходныя экономическія формы чрезвычайно развиты, такъ что въ сущности строгая классовая разверстка общества — процессъ не только не законченный но почти что начинающійся. Если даже взять Германію, опередившую насъ въ этомъ отношеніи на много десятилѣтій, то и тамъ мы увидимъ, что между партіей и классомъ нѣтъ соотвѣтствія. Тамъ мы видимъ первую по числу депутатскихъ мѣстъ въ рейхстагѣ и вторую по числу подаваемыхъ за нее голосовъ — партію католическаго центра, объединяющую самые разнородные по классовому характеру элементы: мелкаго ремесленника, зажиточнаго крестьянина, владѣльца латифундій, промышленнаго магната и заводского рабочаго [1]). Даже Соціальдемократія Германская, наиболѣе выраженная классовая партія, включаетъ въ свои ряды массу не проле-

[1]) Извѣстно, что профессіональные христіанскіе союзы руководимые центромъ, объединяютъ свыше 100,000 рабочихъ. За кандидатовъ-же центра голосуетъ, конечно гораздо большее число фабрично-заводскихъ рабочихъ.

тарскихъ элементовъ, и по вычисленіямъ Бланка до 700 тысячъ. т. е. почти четвертая часть подаваемыхъ за нее голосовъ принадлежитъ буржуазнымъ группамъ населенія.

Если-бы кто пытался конструировать составъ германскаго рейхстага на основаніи данныхъ о классовомъ составѣ населенія, то полученные результаты совершенно не соотвѣтствовали-бы дѣйствительному численному соотношенію партій, представляющихъ интересы различныхъ классовъ. Если-бы мѣста въ англійскомъ парламентѣ были распредѣлены между представителями различныхъ классовъ соотвѣтственно численности ихъ въ странѣ, то, вѣроятно, 3/4 депутатскихъ креселъ въ палатѣ общинъ было занято рабочими.

И если мы наблюдаемъ другое, если въ Германіи только пятую часть депутатовъ составляютъ Соціаль-демократы, если въ Англіи только совсѣмъ недавно появилась въ парламентѣ численно не вліятельная рабочая партія — то такіе факты объясняются именно тѣмъ обстоятельствомъ, что между партіей и классомъ существуетъ лишь частичное, далеко не полное соотвѣтствіе. Это соотвѣтствіе, это совпаденіе партіи и класса не есть нѣчто данное, а напротивъ, нѣчто развивающееся, результатъ длиннаго процесса развитія объективныхъ производственныхъ отношеній и роста субъективнаго политическаго сознанія всѣхъ общественныхъ классовъ. Пока-же въ качествѣ цемента, спаивающаго людей въ политическія партіи, на ряду съ классовой общностью играютъ громадную, иногда даже преобладающую или исключительную роль—другіе моменты идеологическаго характера, какъ религія, національность, общность политическаго гнета и т. п. факторы. Чѣмъ больше капиталистическое общество будетъ очищаться отъ пережитковъ прошлыхъ общественныхъ формацій, чѣмъ больше людскія головы будутъ освобождаться отъ загромождающаго ихъ балласта всяческихъ предразсудковъ, чѣмъ рѣзче и опредѣленнѣе будутъ обозначаться классовые контуры — тѣмъ меньше разнородности будетъ въ политическихъ партіяхъ. Но, повторяемъ, такая кристальная чистато классоваго строенія партіи есть не болѣе какъ научная абстракція, все болѣе приближающаяся къ дѣйствительности только въ процессѣ соціально-политическаго развитія.

Повидимому эти соображенія мало приходили въ голову

тѣмъ, кто задавался вопросомъ о политическомъ характерѣ будущей Думы.

Для рѣшенія этого кардинальнаго вопроса имѣлся готовый и, казалось, неотразимый аргументъ. Такъ какъ крестьяне прогоняются сквозь строй четырехстепенныхъ выборовъ, такъ какъ давленью со стороны администраціи не положено никакихъ преградъ, и крестьяне мало подготовлены къ пониманію значенія предстоящихъ выборовъ, то эти послѣдніе будутъ въ общемъ носить тотъ-же характеръ, какой они обычно носятъ при опредѣленіи на крестьянскія должности, будутъ соотвѣтствовать волѣ земскаго начальника. Въ Думу пройдутъ кулаки и міроѣды, волостные старшины, угодные начальству. Словомъ, на основаніи печальнаго опыта, можно было ожидать дѣйствительно черносотеннаго состава крестьянской части Думы. Какихъ депутатовъ должна была дать городская курія, мы видѣли изъ приведенныхъ выше соображеній Лосицкаго. Единственная надежда была еще на землевладѣльцевъ земско-либеральнаго типа, на долю которыхъ должна была выпасть, казалось, роль думской оппозиціи.

На почвѣ этихъ соображеній и ожиданій не выросла, но укрѣпилась въ умахъ представителей крайнихъ партій тактика бойкота выборовъ. Какъ мы уже указывали выше, своимъ источникомъ эта тактика имѣла сознаніе чувства своего собственнаго агитаціоннаго безсилія, преувеличенную вѣру въ неотразимость реакціонной избирательной системы и полицейскаго насильничества, наконецъ, недовѣріе къ революціонному инстинкту широкой массы населенія. Это была тактика „умыванія рукъ“, боязнь политическаго риска, нежеланіе впутать партію въ кампанію, результатомъ которой по всей видимости должна была быть черносотенная Дума. Надѣяться на то, что тактика бойкота привьется среди многомилліонной массы деревенскихъ и городскихъ избирателей, конечно, не приходилось. Она могла имѣть и въ дѣйствительности имѣла значительный успѣхъ только среди городскихъ рабочихъ, которые отъ Думы ничего для себя не ожидали, хотя-бы потому, что избирательная система 11-го декабря фактически лишала ихъ избирательнаго права. Другіе-же общественные классы, не исключая массъ крестьянства, призванные къ участію въ выборахъ въ Думу и въ надеждѣ на проведеніе туда представителей своего класса, не могли и не желали отказаться

отъ этого участія. И чѣмъ сильнѣе были утомленіе и прострація тѣхъ общественныхъ слоевъ, которые соприкасались съ декабрскимъ движеніемъ, чѣмъ больше жертвъ правительственный терроръ вырывалъ изъ рядовъ неимущихъ классовъ, съ тѣмъ большимъ рвеніемъ партіи имущихъ классовъ,—блокъ Союза 17-го октября торгово-промышленной, п. правового порядка и т. п. — отнеслись къ предстоящей избирательной кампаніи, изъ которой онѣ надѣялись выйти полными по бѣдителями.

До своихъ фактическихъ избирательныхъ тріумфовъ к.-д. партія очень плохо вѣрила въ свою побѣду, но будучи „партіей мирной парламентской борьбы“ раг excellence, она не могла стать на сторону бойкота, ибо это было-бы равносильно признанію, что только революціонный путь можетъ вывести Россію изъ политическаго рабства. Но революціонныя средства борьбы—массовыя стачки и вооруженныя схватки — страшили партію. „Избирательные бюллетени должны стереть главу бюрократическаго змѣя“ — писалъ г. Струве. Всѣ свои надежды партія к.-д. возложила на избирательные бюллетени. На историческомъ засѣданіи Государственной Думы 13-го мая, одесскій депутатъ проф. Щепкинъ, видный членъ кадетской партіи, уже post factum, въ слѣдующихъ словахъ, характеризуетъ эти надежды:

„Несмотря на нареканія и критику слѣва, мы приняли участіе въ выборахъ, мы увѣровали, что Дума мирнымъ путемъ разрѣшитъ дѣйствительно роковыя задачи, стоящія передъ русскимъ народомъ. Эту увѣренность мы постепенно внѣдрили во всѣ слои населенія Россіи и такимъ образомъ временно пріостановили смуту. Только увѣренность, которую мы внушили крестьянамъ, что Дума мирнымъ путемъ осуществитъ ихъ земельныя нужды, успокоили крестьянъ. Мы внушали крестьянамъ вѣру въ плодотворную работу Думы. Мы внушили эту-же вѣру отчасти и рабочему населенію. Если въ послѣднюю минуту выборовъ временно прекратились стачки и забастовки, то только благодаря нашей вѣрѣ въ Думу. Мы сдержали тѣ слои населенія, которые теперь, когда эта вѣра сегодня у насъ отнята, готовы снова броситься въ освободительное движеніе, со всѣми его смутами“.

Такова несомнѣнно была классовая подоплека той стремительности, съ которой руководящіе элементы партіи к.-д.

ухватились за избирательную компанію. Но кромѣ того, правильно понятый инстинктъ партійнаго самосохраненія тоже диктовалъ ей эту линію. На январскомъ съѣздѣ партіи к.-д. г. Милюковъ не предрѣшая вопроса объ исходѣ выборовъ, указывалъ на то, что „избирательная кампанія послужитъ для партіи незамѣнимымъ организаціоннымъ средствомъ. Изъ избирательной борьбы партія выйдетъ съ окрѣпшими мѣстными комитетами съ яснымъ понятіемъ о партійной дисциплинѣ, съ прочной сѣтью связей, съ увеличеннымъ и подсчитаннымъ на выборахъ составомъ членовъ, съ испытанными на дѣлѣ кадрами организаторовъ и пропагандистовъ". Итакъ, не только въ качествѣ выразительницы стремленій помѣщичьей буржуазіи и буржуазной интеллигенціи, но также съ болѣе узкой, чисто партійной точки зрѣнія, партія к.-д. должна была быть провникомъ бойкота выборовъ.

III.

Такимъ образомъ, насколько рѣчь идетъ объ организованной избирательной кампаніи, т.-е. о партійной борьбѣ на выборахъ, все поле борьбы было занято двумя лагерями. Съ одной стороны стояла партія к.-д., наканунѣ самой избирательной компаніи принявшая болѣе понятное и привлекательное для массъ названіе партіи „народной свободы"; съ другой стороны стоялъ Союзъ 17 октября въ отдѣльности или объединенный съ такими партіями, какъ: торгово-промышленная, партія правоваго порядка, союзъ русскихъ людей. Рѣже эти партіи выступали самостоятельно. Крайнія партіи с.-р. и с.-д. участія въ избирательной кампаніи не принимали, потому что нельзя считать таковымъ—спорадическія выступленія представителей этихъ партій на предвыборныхъ собраніяхъ, выступленія, имѣвшія цѣлью призывъ къ бойкоту выборовъ. Если поле избирательной борьбы такимъ образомъ было сужено въ смыслѣ своего содержанія, такъ какъ не всѣ интересы, не всѣ соціально-политическія міровоззрѣнія вступили въ эту борьбу, то оно еще болѣе было ограничено въ территоріальномъ смыслѣ. Предвыборная агитація, участіе въ ней партій—имѣли мѣсто почти исключительно въ городахъ и то далеко не во всѣхъ. Для многомилліонной массы избирателей-крестьянъ предвыборный періодъ прошелъ

совершенно глухо, она оставалась въ это время внѣ воздѣйствія агитаціи, такъ какъ первые три мѣсяца текущаго года—нашъ предвыборный періодъ—были мѣсяцами наиболѣе яростнаго правительственнаго террора, когда полицейскіе гарпуны вырывали изъ деревни все интеллигентное, живое, чуткое, дѣятельное.

Только въ городахъ и въ особенности въ тѣхъ, которые по положенію 6-го августа пользуются самостоятельнымъ представительствомъ, предвыборная агитація, несмотря на всѣ полицейскія преграды, шла довольно оживленно. Тутъ дѣйствовали на мѣстахъ организаціи, выставлявшія каждая свой списокъ кандидатовъ въ выборщики, тутъ избирательная кампанія происходила хоть приблизительно на манеръ европейскій. Тутъ происходили предвыборныя собранія, на которыхъ развивались программы различныхъ партій, распространялась спеціальная агитаціонная литература, спѣшно вербовали членовъ въ партію. Конкурировали, за немногими исключеніями, повсюду партіи конституціонно-демократическая и союзъ 17-го октября. Раіонъ дѣйствія торгово-промышленной партіи, выступавшей до выборовъ въ качествѣ самостоятельной партіи, а для самыхъ выборовъ заключавшей въ большинствѣ случаевъ блокъ съ октябристами, былъ ограниченнѣе, чѣмъ раіонъ дѣйствія этихъ послѣднихъ. Главнымъ избирательнымъ жупеломъ, который правый блокъ выдвигалъ противъ кадетовъ, былъ пунктъ объ автономіи Польши, включенный въ программу к.-дем. партіи. Требованіе автономіи Польши превратилось въ избирательной борьбѣ въ стремленіе расчленить, разорвать Россію. Умѣренно-либеральная политическая и соціальная программа октябристовъ и торгово-промышленниковъ отступила въ самой избирательной борьбѣ совершенно на задній планъ, и для избирателей было развернуто знамя, на которомъ красовалась надпись: „спасайте Россію, которую кадеты хотятъ расхитить и загубить“!

Подъ этимъ знаменемъ пріютились всѣ элементы открытой и „дѣйственной“ контръ-революціи, элементы активной черной сотни. Они имѣли самыя разнообразныя названія: въ Смоленскѣ—„партія свободы и порядка“, въ Курскѣ—„партія народнаго порядка“, въ Ростовѣ—„группа русскихъ избирателей“, въ Саратовѣ—„народно-монархическая партія“, въ Калугѣ и Тулѣ—„партія за Царя и порядокъ“ въ Орлѣ—„союзъ закон-

ности и порядка", въ Одессѣ—„союзъ истинно-русскихъ людей", въ Ярославлѣ—„союзъ русскаго народа" въ Перми—„русско-народно-монархическая партія", въ Иваново-Вознесенскѣ—„самодержавно-монархическая" въ Гомелѣ—„партія русскихъ патріотовъ и т. д. и т. д.

Но подъ всѣми этими названіями скрывается одна и та-же сущность: организація при содѣйствіи полиціи и отчасти духовенства наиболѣе темныхъ слоевъ мѣщанства, для которыхъ вся политическая программа резюмируется въ лозунгѣ: „бей жидовъ и крамольниковъ!" Притомъ слѣдуетъ замѣтить, что въ городахъ центральной Россіи съ исключительнымъ или значительно преобладающимъ кореннымъ русскимъ населеніемъ, гдѣ слѣдовательно этнографическая однородность не даетъ почвы для развитія и культивированія національнаго шовинизма, на первую очередь выдвигался политическій моментъ, т.-е. крамольный характеръ партіи к.-д. Въ городахъ Сѣверо-и Юго-западнаго края, а также Юга Россіи, гдѣ имѣется значительный процентъ еврейскаго населенія, напирали главнымъ образомъ на первую часть формулы: такъ напр. въ Гомелѣ блокъ охранительныхъ партій (октябристы и „русскіе патріоты") выпустилъ прокламацію, въ которой прямо угрожалъ евреямъ въ случаѣ выставленія послѣдними своихъ кандидатовъ антиеврейскимъ погромомъ въ еще небываломъ маштабѣ. Изъ Одессы, гдѣ евреи составляютъ 70% избирателей, приходили извѣстія, что евреи, боясь погрома, рѣшили воздержаться отъ участія въ выборахъ.

Въ городахъ центральной Россіи избирательная борьба происходила подъ флаговъ политическихъ и соціальныхъ лозунговъ и требованій—и только. Въ городахъ окраинныхъ и разноплеменныхъ по своему составу группировка населенія партійно-политическая и національная по большей части совпадали. Особенно рѣзко это обстоятельство проявилось въ Польшѣ и въ частности въ Варшавѣ, гдѣ партія націонал-демократовъ играла ту-же роль, какую истинно-русскіе люди играли въ другихъ мѣстахъ.

Органы „народовой демократіи" всѣ въ одинъ голосъ призывали поляковъ объединиться и не допустить, чтобы „въ столицѣ края, въ сердцѣ Польши, былъ избранъ хотя-бы одинъ еврей или полякъ по еврейскому вкусу". Партія прогресивныхъ демократовъ, соотвѣтствующая нашимъ кадетамъ

была безсильна противъ того внезапнаго взрыва дикаго и обезьяньяго національнаго, который обуялъ варшавское мѣщанство католическаго исповѣданія, а рабочія массы, какъ еврейскія такъ и польскія, которыя однѣ только и могли-бы подорвать значеніе и силу мѣщанско-патріотическаго антисемитизма, повинуясь „бойкотнымъ“ лозунгамъ соціалистическихъ партій, не участвовали въ выборахъ. Варшава такимъ образомъ раздѣлилась во время выборовъ на два лагеря: прогресивно-еврейскій и реакціонно-польскій, политически представленный національ-демократами. Только крайне обостреннымъ взвинченнымъ чувствомъ національнаго можно объяснить тотъ фактъ, что изъ Царства Польскаго съ его $1^1/_2$ милліоннымъ еврейскимъ населеніемъ въ Думу не прошелъ ни одинъ еврей. На этой стрункѣ, на стрункѣ шовинизма и антисемитизма, очевидно, весьма легко играть въ Польшѣ, если удалось въ переживаемый революціонный періодъ, не опираясь въ сущности ни на какіе реальные интересы, а на одно лишь дутое чувство ниціональной гордости, убѣдить массы польскаго мѣщанства, что выбрать еврея въ Думу было-бы „пощечиной для польскаго народа“. Необходимо считаться съ этимъ фактомъ и имѣть въ виду, что и въ будущей избирательной кампаніи этотъ моментъ, вѣроятно, сыграетъ весьма важную роль.

Такое-же политическое размежеваніе соотвѣтственно національной принадлежности наблюдалось въ Ригѣ, гдѣ нѣмецкая часть населенія сгруппировалась вокругъ балтійской-конституціонной партіи, латыши — вокругъ конституціонно-демократической партіи. Причемъ первая заключила блокъ съ мѣстнымъ Союзомъ 17-го октября, послѣдняя вступила въ соглашеніе съ к.-демократическими группами евреевъ, русскихъ и поляковъ. Нужно, однако, замѣтить, что въ Ригѣ подобное раздѣленіе на два лагеря объясняется не національнымъ шовинизмомъ, но вполнѣ соотвѣтствуетъ сословному и классовому дѣленію. Нѣмцы—дворяне, аристократы, а также вышедшая изъ ихъ рядовъ интеллигенція и связанная съ ними нѣмецкая и онѣмеченная крупная буржуазія; латыши—главнымъ образомъ средняя и мелкая буржуазія. Національныя избирательныя группы образовывались также въ такихъ городахъ, гдѣ онѣ составляютъ сравнительно не значительныя меньшинства, какъ напр. нѣмецкая, польская, эстонская

и еврейская группы въ Петербургѣ, польская, армянская и др. группы въ Москвѣ; но здѣсь въ силу своей сравнительной малочисленности онѣ растворялись въ избирательной массѣ и цѣликомъ примыкали къ „кореннымъ“ партіямъ, по большей части къ кадетской, которая обрѣла въ нихъ такимъ образомъ кое-гдѣ солидное подкрѣпленіе для своихъ избирательныхъ тріумфовъ. — За то въ такихъ городахъ, какъ Одесса, Екатеринославль національныя организаціи, въ данномъ случаѣ еврейскія выступали самостоятельно, причемъ въ Одессѣ въ концѣ концовъ удалось кадетамъ убѣдить представителей еврейскихъ организацій не выставлять параллельнаго списка кандидатовъ, *) въ Екатеринославлѣ-же этого сдѣлать не удалось чѣмъ и объясняется въ значительной мѣрѣ побѣда правыхъ въ этомъ городѣ.

Мы, увидимъ въ дальнѣйшемъ, когда рѣчь будетъ идти о соціальномъ составѣ и соотношеніи партіи въ губернскихъ избирательныхъ собраніяхъ, этого послѣдняго этапа по пути въ Гор. Думу, — какую роль играетъ указанный здѣсь національный моментъ, какъ онъ сплетался съ другими факторами. Пока-же, чтобы покончить съ собственно городской куріей, сгруппируемъ послѣ сдѣланныхъ выше замѣчаній статистическіе итоги избирательной кампаніи въ крупныхъ городахъ, исключая Баку, Варшаву, Иркутскъ, Лодзь, Ташкентъ и Тифлисъ. Вотъ цыфры о составѣ выборщиковъ въ 20 городахъ Европейской Россіи, населеніе которыхъ въ общей суммѣ равно около 5 милл. человѣкъ:

ГОРОДА:	К.-д. партія.	Прогресисты.	Союзъ 17 окт.	Торгово-Промышл.	Правыя.
Астрахань	53	—	—	27	—
Вильна	59	21	—	—	—
Воронежъ	80	—	—	—	—
Екатеринославъ.	26	—	—	5	49
Казань	67	—	14	—	—
Кіевъ	68	2	3	—	7
Кишиневъ	38	6	36	—	—
Курскъ	80	—	—	—	—
Москва	160	—	—	—	—
Н.-Новгородъ . .	80	—	—	—	—

*) Въ одномъ только городскомъ участкѣ остался параллельный еврейскій списокъ.

ГОРОДА:	К.-д. партія.	Прогресисты.	Союзъ 17 окт.	Торгово-Промышл.	Правыя.
Одесса.	79	—	—	—	1
Орелъ.	58	2	—	—	20
Рига.	70	—	10	—	—
Ростовъ н/Д. . .	56	1	23	—	—
Самара	80	—	—	—	—
Саратовъ	80	—	—	—	—
Петербургъ. . . .	160	—	—	—	—
Тула.	20	—	35	—	25
Харьковъ	80	—	—	—	—
Ярославль	73	—	7	—	—

Мы видимъ, что въ 18-ти изъ 20-ти наиболѣе крупныхъ городовъ кадетскіе выборщики одержали полную побѣду, причемъ въ девяти изъ нихъ весь составъ городскаго избирательнаго собранія *) принадлежалъ имъ. Всего въ этихъ городахъ выбрано было 1468 выборщиковъ к.-д., а вмѣстѣ съ прогрессистами—1500. На долю Союза 17-го октября приходится 128, т.-п. партіи—32, правыхъ партій (правовой порядокъ и всѣ виды истинно-русскихъ людей)—75.

Группа безпартійныхъ, составляющая довольно значительный процентъ среди выборщиковъ отъ уѣздовъ, въ приведенной табличкѣ совершенно отсутствуетъ. Здѣсь въ самыхъ крупныхъ центрахъ общественной и политической жизни, выборы проходили подъ рѣзко партійнымъ флагомъ. Личности выборщиковъ не играли никакой роли: двухстепенные выборы сыграли въ этомъ отношеніи совсѣмъ непредвидѣнную раньше роль, такъ какъ благодаря имъ передъ избирателемъ на первый планъ выдвигалась партія, а не конкретная личность депутата. Голосовали за партійный списокъ выборщиковъ, а не за отдѣльныхъ лицъ. Подавали голоса за „народную свободу“, а не за гг. Кокошкина, Герценштейна и пр. Если принять во вниманіе, что процентъ участвовавшихъ въ выборахъ къ общему числу избирателей былъ довольно высокій, колеблясь между 34% (Курскъ) и 73¼% (Москва) достигая въ среднемъ 56,3%, то приходится признать выборы въ указанныхъ городахъ своего рода партійно-политическимъ плебисцитомъ. Плебисцитъ этотъ доказалъ, что большинство обывательскаго городскаго населенія на сторонѣ

*) Перечисленные города кромѣ Москвы и Петербурга, получившихъ право на избраніе 160, выбирали каждый по 80-ти выборщиковъ.

оппозиціи. Мы говоримъ: „обывательскаго“, такъ какъ пролетаріатъ физическаго и интеллигентнаго труда въ массѣ своей въ этомъ плебисцитѣ участія не принималъ.

Изъ этой таблицы не видно, сколько голосовъ было подано за каждую партію, а виденъ лишь конечный результатъ голосованія, т. е. количество выборщиковъ, проведенныхъ каждой партіей. Но послѣдняя цыфра, конечно, отнюдь не прямо пропорціональна числу голосовъ, поданныхъ за ту или другую партію. Такъ напр. въ Москвѣ прошелъ полностью списокъ 160-ти кадетскихъ выборщиковъ, но голосовъ было за нихъ подано изъ 41373 только 26266; между тѣмъ блокъ союза 17-го октября и торг.-промышл. партіи, собравшій 12547 голосовъ, не провелъ ни одного выборщика. Въ Петербургѣ, гдѣ тоже цѣликомъ прошелъ кадетскій списокъ, за него было подано 59,4%, за представителей же центральнаго и крайняго праваго блока вмѣстѣ—40,6% всѣхъ голосовъ.

Не удивительно, если реакціонеры послѣ этого будутъ настаивать на пропорціональной системѣ выборовъ!

Вышеприведенная таблица не даетъ также представленія о составѣ коллегій кадетскихъ выборщиковъ, которая нося общую фирму К.-д., нерѣдко бывала смѣшанной по характеру составлявшихъ ее элементовъ соотвѣтственно разнородному характеру избирателей, подававшихъ свои голоса за обще-кадетскій списокъ. Теперь ужъ ни для кого не тайна, что кадеты пожали то, что не ими было посѣяно. Явившись единственной оппозиціонной партіей, участвовавшей въ избирательной кампаніи, она очутилась въ чрезвычайно выгодномъ положеніи притягательнаго центра для преобладающей массы избирателей, связанныхъ не общностью соціально-экономическихъ интересовъ, а общимъ жгучимъ чувствомъ недовольства и ненависти къ самодержавно-бюрократическому режиму. Такимъ притягательнымъ магнитомъ является для германскаго центра—католическая религія, для польской „народовой демократіи“—патріотизмъ массы мѣщанства. Въ Россіи имъ явилась—„народная свобода“, поставленная на знамени кадетской партіи. Тамъ, гдѣ на аренѣ избирательной борьбы появлялись другія политическія группы, которыя рядомъ съ народной свободой выставляли болѣе радикальную и болѣе опредѣленную программу соціальныхъ

требованій, массы городскихъ избирателей примыкали къ болѣе крайнимъ элементамъ.

Изъ числа городовъ, пользующихся особымъ представительствомъ въ Думѣ, въ одномъ только Саратовѣ противъ „троицы“ изъ партіи п. п., октябристовъ и народно-монархической рядомъ съ к.-д. выступала на выборахъ организація элементовъ стоящихъ лѣвѣе кадетовъ, а именно „союзъ трудящихся“, который намѣтилъ своихъ кандидатовъ въ выборщики. Союзъ этотъ составился изъ служащихъ въ общественныхъ и казенныхъ учрежденіяхъ, торгово-промышленныхъ заведеніяхъ и вообще изъ элементовъ пролетарскихъ. Партія „Народной Свободы“ и „Союзъ трудящихся“ заключили между собою блокъ съ обязательствомъ дружно поддерживать общій списокъ выборщиковъ, въ который вошло 43 кандидата отъ партіи к.-д. и 37—отъ „Союза“. Блокъ одержалъ на выборахъ блестящую побѣду надъ правыми партіями. Въ приведенную выше таблицу, слѣдовательно, необходимо было-бы внести поправку для Саратова: изъ 80 выборщиковъ, значащихся въ рубрикѣ к.-д., этимъ послѣднимъ принадлежитъ собственно только 43, а остальные приходятся на долю тѣхъ элементовъ, которыя въ Думѣ нашли свое представительство въ лицѣ трудовой группы. Мы остановились на Саратовѣ, потому что тамъ политическая и соціальная разнородность общекадетскаго списка сказалась вполнѣ опредѣленно, такъ какъ онъ является результатомъ блока, заключеннаго для цѣлей избирательной борьбы.

Въ другихъ мѣстахъ, гдѣ не было конкурирующей съ кадетами организаціи, эта разнородность была менѣе очевидна въ періодъ самихъ выборовъ, она обнаружилась лишь послѣ созыва Думы, когда отъ объемистаго кадетскаго тѣла отшнуровалась трудовая группа.

Переходя къ группѣ городовъ, не имѣющихъ самостоятельнаго представительства въ Думѣ, слѣдуетъ прежде всего замѣтить, что громадное большинство этихъ городовъ, или точнѣе говоря, съѣздовъ городскихъ избирателей [1]), выбираетъ всего по одному выборщику въ губернское избирательное собраніе: такихъ съѣздовъ свыше 200. Данныхъ о

*) Подъ городскимъ избирателемъ законъ разумѣетъ обладателя городскаго ценза, а не жителя города. Обладать же городскимъ цензомъ можно не только въ городѣ, но и въ деревнѣ.

ходѣ выборовъ въ этихъ городахъ довольно мало, но, вообще говоря, предвыборная агитація сводилась тамъ почти къ нулю, такъ какъ партійныхъ мѣстныхъ организацій не было, собранія не устраивались, избирательная литература не распространялась. Конечно, въ этихъ медвѣжьихъ углахъ, гдѣ начальство гораздо ближе къ обывателю, чѣмъ въ большихъ центрахъ, воздѣйствіе администраціи и людей власть имущихъ проявлялось почти въ столь же грубыхъ формахъ, какъ и въ деревнѣ. Но въ числѣ городовъ, не посылающихъ отъ себя депутатовъ въ Думу, есть такіе, которые по числу жителей превосходятъ даже нѣкоторые города, пользующіеся правами особаго избирательнаго округа, какъ наприм. Николаевъ, Минскъ, Оренбургъ, Ковна: въ каждомъ изъ нихъ по переписи 1897 г. больше 70 тыс. жителей, между тѣмъ какъ привиллегированный по положенію о выборахъ Орелъ не достигаетъ этой цыфры жителей. Въ этомъ отношеніи положеніе о выборахъ вообще полно несообразностей: такъ напр. Одесса съ 403815 жит. и Курскъ съ 75721 посылаютъ въ Думу по одному депутату; въ то же время Николаевъ гъ 92012 жит. не имѣетъ самостоятельнаго представительства. Какъ бы то ни было въ цѣломъ рядѣ городовъ съ числомъ жителей выше 50 тыс., но не входящихъ въ число тѣхъ 20-ти городовъ, которые избираютъ по 80-ти и 160-ти выборщиковъ,—предвыборная агитація, борьба партій и другіе факторы избирательной кампаніи ничуть не отличались отъ аналогичныхъ условій въ такихъ городахъ, какъ Самара, Воронежъ, Курскъ, Ярославль, причисленныхъ къ сонму привиллегированныхъ. Слѣдуетъ только замѣтить, что населеніе большей части указанныхъ городовъ смѣшанное, причемъ евреи составляютъ въ нихъ весьма значительный процентъ населенія. Таковы города: Минскъ, Ковна, Двинскъ, Бѣлостокъ, Житоміръ, Витебскъ, Елизаветградъ, Бердичевъ, Кременчугъ; въ другихъ—Ревель, Либава—преобладающую роль играютъ эсты или латыши; такіе города, какъ Оренбургъ, Екатеринодаръ, Новочеркасскъ, Таганрогъ по составу своего населенія тоже не являются чисто русскими городами. На долю послѣднихъ такимъ образомъ остаются Пенза, Кронштадтъ, Херсонъ, Тверь, Севастополь и нѣсколько другихъ.

Не нужно было даже особаго сговора и предварительной агитаціи для того, чтобы въ перечисленныхъ выше городахъ

избиратели размежевались по національнымъ группамъ. Это дѣлалось само собою. Страстная жажда гражданскаго равноправія, свободы и человѣческаго существованія, вызвали въ еврейскомъ населеніи громадный интересъ къ выборамъ. Въ этихъ послѣднихъ и въ Государственной Думѣ еврейская масса черты осѣдлости увидѣла якорь, за который необходимо уцѣпиться: авось онъ поможетъ выйти, наконецъ, изъ положенія травленнаго звѣря! Поэтому процентъ участвовавшихъ въ выборахъ былъ очень высокій, напр. въ Бердичевѣ 70%. Довѣрить свою судьбу, возможность своего спасенія, наконецъ, защиту передъ лицомъ Россіи своихъ правъ—евреи черты, конечно, могли только своимъ-же единоплеменникамъ, или тѣмъ изъ представителей другихъ національностей, которые примыкали къ оппозиціоннымъ партіямъ, въ данныхъ конкретныхъ условіяхъ, стало-быть, къ кадетамъ, выставляющимъ въ своей программѣ идею полнаго равенства всѣхъ національностей и вѣроисповѣданій. Поэтому въ нѣкоторыхъ мѣстахъ проходятъ въ качествѣ выборщиковъ одни евреи, въ другихъ—составляется смѣшанный списокъ, за который евреи голосуютъ какъ одинъ человѣкъ. Такъ напр., въ Волынской губерніи не только 9 выборщиковъ отъ Житоміра, но всѣ 40 выборщиковъ городской куріи, положенныхъ на всю губернію—евреи. То-же самое въ Ковенской губерніи, гдѣ городская курія—16 человѣкъ состоитъ изъ однихъ евреевъ. То-же повторилось и въ Гродненской губ. Въ Минскѣ избраны 1 русскій, 2 поляка, 4 еврея; въ Бердичевѣ изъ 6 выборщиковъ 4 еврея. Всѣ выборщики, проходящіе при поддержкѣ еврейскаго населенія являются членами союза полноправія евреевъ или кадетской партіи или примыкаютъ къ болѣе лѣвымъ организаціямъ.

Если въ городахъ черты еврейской осѣдлости оппозиція побѣждала благодаря страстной и порывистой поддержкѣ наиболѣе изстрадавшихся, наиболѣе измученныхъ самодержавнымъ режимомъ, наиболѣе безправныхъ россійскихъ гражданъ, то въ городахъ центральной Россіи ея побѣдѣ содѣйствовалъ мелкій „коренной“ обыватель, тоже уставшій отъ режима разстрѣловъ, кнута, полицейскаго произвола и полицейскихъ взятокъ. Въ Рязани, Смоленскѣ, Рыбинскѣ, Таганрогѣ, Севастополѣ, Ялтѣ—повсюду кадетскіе выбор-

щики одерживали полную побѣду надъ октябристами, соединявшимися гдѣ съ торгово-промышленниками, гдѣ съ истинно-русскими людьми.

IV.

Совершенно особое мѣсто въ избирательной системѣ 11-го декабря занимаютъ рабочіе. Во-первыхъ подъ рабочимъ законъ разумѣетъ только мужчину 25 лѣтъ, работающаго въ предпріятіи, гдѣ общее число рабочихъ мужского пола не менѣе 50. Такимъ образомъ избирательнымъ правомъ пользуется въ сущности не рабочій, какъ таковой, а то заведеніе гдѣ онъ въ данное время работаетъ. Стоитъ ему изъ фабрики съ 50 рабочими м. п. перейти на фабрику съ числомъ рабочихъ м. п. меньше 50—и онъ теряетъ свое избирательное право. При этомъ, на каждую полную тысячу взрослыхъ рабочихъ-мужчинъ избирается одинъ уполномоченный, такъ что и предпріятіе съ 50-ью, и предпріятіе съ 1999-ью рабочими выбираетъ всего лишь по одному уполномоченному. Уполномоченные выбранные на всѣхъ фабрикахъ данной губерніи или города выбираютъ изъ своей среды опредѣленное закономъ число выборщиковъ. Общее число рабочихъ выборщиковъ, приходящееся на 46 губерній Европейской Россіи, на которыя распространено это своеобразное избирательное право—достигаетъ 236 *), что въ сравненіи со всей свыше 8-тысячной массой выборщиковъ почти совершенно не можетъ итти въ счетъ.

Этимъ призрачнымъ избирательнымъ правомъ г. Витте вздумалъ удовлетворить россійскій пролетаріатъ, наиболѣе громко и страстно изъ всѣхъ классовъ населенія поднимавшій свой голосъ за всеобщее избирательное право! Призрачность права была настолько для всѣхъ очевидна, что надо удивляться той наглой беззастѣнчивости, которая одна только и могла создать нѣчто похожее на эту „рабочую курію“. Не говоря уже о такихъ губерніяхъ, какъ Воронежская или

*) Этого права лишены губерніи: Бессарабская, Витебская, Вологодская, Ковенская, Могилевская, Олонецкая, Псковская, и Ставропольская, а также 8 губерній Царства Польскаго: Калишская, Кѣлецкая, Ломжинская, Люблинская, Плоцкая, Минская, Радомская, Сѣдлецкая, Сувалкская.

Полтавская, гдѣ на 165 и на 181 выборщика приходится въ первой 2, а во второй 1 выборщикъ отъ рабочихъ, даже въ наиболѣе промышленныхъ губерніяхъ какъ Московская, Владимірская, Петербургская, Варшавская, Петроковская и т. д. вліяніе рабочихъ-выборщиковъ въ губернскихъ и городскихъ избирательныхъ собраніяхъ совершенно ничтожно, достигая въ лучшемъ случаѣ 10%. Въ виду этого съ самаго начала ясно было, что законъ не даетъ рѣшительно никакого основанія рабочимъ надѣяться на проведеніе въ Думу хотя бы одного своего кандидата. Полагаться на избирательныя комбинаціи съ представителями другихъ курій въ губернскихъ и городскихъ избирательныхъ собраніяхъ не приходилось, такъ какъ это значило бы возлагать надежды на чувство справедливости и безкорыстный идеализмъ со стороны представителей другихъ классовъ, что въ политической борьбѣ рѣдко имѣетъ мѣсто. Считаться съ выборщиками отъ рабочихъ, надо было полагать, большинство стало бы лишь въ томъ случаѣ, если бы ихъ присоединеніе къ той или другой изъ борющихся между собой въ избирательномъ собраніи сторонъ, было въ состояніи повліять на исходъ выборовъ. Но такая возможность была исключена, такъ какъ при своей малочисленности выборщики рабочіе не могли сыграть роли того, что нѣмцы называютъ das Zünglein an der Wage. При такихъ обстоятельствахъ лозунгъ: „бойкотъ выборовъ“ не могъ не встрѣтить отклика среди рабочихъ, которымъ было „даровано“ практически безполезное для нихъ право участія въ выборахъ. Массы разсуждаютъ практически. Движеніе, акція должны имѣть опредѣленную, ясную, осязаемую для массъ цѣль. Движеніе ради движенія, выборы ради организаціи, ради проблематическихъ задачъ, для массы остаются совершенно непонятными выдумками. Разъ выборы въ глазахъ рабочихъ получили характеръ безполезной игры, не стоющей свѣчъ, то, конечно, всякаго рода агитація за участіе въ выборахъ, исходящая не изъ практическаго результата (завоеванія мѣста въ Думѣ), а изъ важности этого участія для дѣла организаціи—должна была потерпѣть фіаско. Въ этомъ отношеніи —мы это смѣло заявляемъ — бойкотъ выборовъ со стороны пролетаріата былъ стихійнымъ проявленіемъ его сознательнаго отношенія къ тому обманному избирательному праву,

которымъ бюрократія хотѣла успокоить рабочихъ. При аналогичныхъ условіяхъ нѣмецкіе рабочіе бойкотировали въ продолженіе цѣлаго ряда лѣтъ выборы въ прусскій ландтагъ, ибо „трехъ-классная» избирательная система не даетъ рабочему классу въ Пруссіи никакихъ шансовъ на успѣхъ въ избирательной борьбѣ.

Соціалдемократія почти повсюду призывала къ бойкоту, причемъ, какъ извѣстно, большевики съ самаго начала имѣли въ виду бойкотъ не только Думы, но и выборовъ на всѣхъ стадіяхъ, меньшевики-же, говорившіе вначалѣ только о бойкотѣ Думы, въ концѣ концовъ также рѣшили отказаться отъ участія въ выборахъ. Мы не будемъ здѣсь останавливаться на ошибочности тактики бойкота. Объ этомъ въ послѣднее время говорилось очень много и врядъ-ли можно добавить какіе-либо новые аргументы въ подтвержденіе того взгляда, что соціалдемократія должна была принять самое дѣятельное участіе въ избирательной кампаніи. Слѣдуетъ подчеркнуть лишь то обстоятельство, что помимо принципіальныхъ соображеній о томъ, что участвовать въ выборахъ значитъ—санкціонировать фальсифицированное представительство, значитъ—помогать созыву черносотенной Думы, значитъ—отказываться объ борьбы за учредительное собраніе, помимо этихъ соображеній, говоримъ мы, въ „бойкотной“ тактикѣ соціалдемократіи главную роль играло настроеніе рабочей массы, враждебное Думѣ и выборамъ въ нее. Болѣе или менѣе сознательные рабочіе относились такъ къ выборамъ не только потому, что избирательный законъ 11-го декабря въ сущности означалъ полное лишеніе рабочихъ избирательнаго права, но также въ значительной мѣрѣ потому, что опасались ареста выборныхъ или уполномоченныхъ.

„Выйдетъ-ли какой-нибудь толкъ отъ Думы—неизвѣстно, а что арестуютъ нашихъ выборныхъ—это вотъ, навѣрно“.

„Знаемъ мы эти выборы, пробовали, выбирали“.

Такъ говорили петербургскіе рабочіе еще не забывшіе своего опыта съ выборами въ комиссію Шидловскаго.

Признавая, что соціалдемократія, какъ политическая партія, обязана была, считаясь съ этимъ „бойкотнымъ“ настроеніемъ рабочихъ, не поддаваться ему, а изъ всѣхъ силъ бороться противъ него,—мы тѣмъ не менѣе на основаніи фактовъ должны утверждать, что „бойкотное“ настроеніе господство-

вало именно среди наиболѣе сознательныхъ группъ рабочихъ.

Не случайность, что въ Петербургѣ и въ Варшавѣ бойкотъ прошелъ наиболѣе единодушно. Въ Варшавѣ изъ 115 фабрикъ выборы уполномоченныхъ отъ рабочихъ состоялись только на 4, на остальныхъ-же 111 фабрикахъ рабочіе отказались отъ выборовъ. Въ Петербургѣ въ громадномъ большинствѣ фабрикъ и заводовъ выборы или совсѣмъ не состоялись или на нихъ являлся самый минимальный процентъ занятыхъ на фабрикѣ рабочихъ. Петербургъ и Варшава—два города, гдѣ политическая сознательность пролетаріата выше средняго для Россіи уровня, и если тамъ прошелъ такъ единодушно бойкотъ, то это объясняется не столько агитаціей соціалдемократіи, сколько безусловно отрицательнымъ отношеніемъ къ Думѣ всей рабочей массы этихъ городовъ.

Мы знаемъ, что несмотря на фактическій бойкотъ, формально въ Петербургѣ происходили выборы уполномоченныхъ, которыхъ было избрано всего 157 человѣкъ. Огромное большинство ихъ принадлежало къ числу малосознательныхъ или, что хуже, входитъ въ такія организаціи, какъ „Союзъ русскихъ людей“, „партія правоваго порядка“, или „Союзъ активной борьбы съ революціей“.

То-же самое произошло на фабрикахъ и заводахъ Петербургской губерніи, въ число которыхъ, между прочимъ отнесены главнѣйшія предпріятія, расположенныя въ пригородахъ столицы. И тамъ тоже, несмотря на бойкотъ выборовъ всей рабочей массой, было избрано 156 уполномоченныхъ, которымъ предстояло избрать 9 выборщиковъ на Петербургскую губернію. Вотъ напр. описаніе выборовъ уполномоченныхъ отъ рабочихъ въ одномъ изъ городовъ Петербургской губерніи, въ Кронштадтѣ:

„Въ воскресенье 5 марта были назначены выборы уполномоченныхъ, но рабочіе постановили бойкотировать и выборы и думу несмотря на то, что администрація присутствовала и оказывала давленіе на выборы. Всѣ думали, что дѣло этимъ и кончилось. Однако въ понедѣльникъ по мастерскимъ ходила низшая администрація, требовала и угрожала, чтобы рабочіе шли на вторые выборы и выбирали уполномоченныхъ. Во вторникъ утромъ назначены были внезапно 2-ые выборы. Въ ближайшихъ экипажахъ поставлены были войска и пулеметы. У воротъ стояла администрація и полиція и при впускѣ

рабочихъ руководствовалась исключительно благонадежностью наружности рабочихъ. Многіе рабочіе, имѣвшіе далеко за 25 лѣтъ не впускались, такъ какъ физіономія ихъ не нравилась администраціи. Рабочіе были очень раздражены этимъ фактомъ. Такимъ образомъ подъ давленіемъ были выбраны уполномоченные, которымъ рабочіе немедленно объявили бойкотъ".

А въ Колпинскихъ Ижорскихъ заводахъ выборы происходили подъ нагайками въ присутствіи казаковъ, заставлявшихъ выбирать подъ угрозой примѣнять силу въ случаѣ отказа. Изъ 3100 человѣкъ участвовало не болѣе 200.

Наибольшее число выборщиковъ отъ рабочихъ по закону 11-го декабря приходится на Московскую губернію, которая вмѣстѣ съ Москвой выбираетъ 35 выборщиковъ, почти шестую часть всего числа рабочихъ-выборщиковъ всей Россіи. Изъ этихъ 35-ти на городъ Москву приходится 18, на губернію—17.

Московскіе рабочіе отнеслись къ первой стадіи выборовъ, къ избранію уполномоченныхъ, мы-бы сказали, болѣе пассивно, чѣмъ петербургскіе и варшавскіе. Здѣсь изъ 339 заведеній, на которыхъ должны были производиться выборы, только 105 бойкотировали послѣдніе. Сравнительно наибольшее число бойкотистовъ дали типографіи,—изъ нихъ 20 самыхъ большихъ. Но и въ тѣхъ заведеніяхъ, которыя избирали уполномоченныхъ, послѣдніе проходили при участіи весьма незначительнаго процента избирателей. Такъ, на фабрикѣ Алексѣева изъ 450 человѣкъ рабочихъ выбирали только 30, на заводѣ Бутикова—изъ 1300 рабочихъ выбирали 83 человѣкъ, у Гюбнера изъ 1472—72, у Высоцкаго изъ 1000—70, у Блокъ изъ 150—15; на заводѣ Густава Листа заводская администрація собрала 10 человѣкъ рабочихъ, которые и избрали угоднаго ей уполномоченнаго. Такъ было избрано 217 уполномоченныхъ, въ числѣ которыхъ по анкетѣ, произведенной сотрудникомъ газеты „Путь" насчитывалось 62 человѣка, сочувствующихъ конституціонно-демократической партіи и 39 соціалдемократа.

Что касается Московской губерніи, то здѣсь бойкотъ, по газетнымъ свѣдѣніямъ, прошелъ всего въ 3-хъ предпріятіяхъ изъ общаго числа 301. Но эти цыфры, повидимому, не совсѣмъ вѣрны, такъ какъ въ съѣздѣ, на которомъ избраны были

выборщики отъ рабочихъ всей Московской губерніи, исключая г. Москву, участвовало только 251 уполномоченный.

Даже принимая это послѣднѣе число равнымъ числу предпріятій, участовавшихъ въ выборахъ уполномоченныхъ по губерній, мы видимъ, что идея бойкота среди рабочихъ губерніи не пользовалась такимъ успѣхомъ, какъ въ самой Москвѣ.

Мы пока останавливаемся на первой стадіи выборовъ, такъ какъ только она и можетъ дать болѣе или менѣе точное представленіе объ отношеніи рабочихъ къ Думѣ. Но къ сожалѣнію газеты даютъ крайне скудныя и неполныя свѣдѣнія на этотъ счетъ, такъ что подвести точный итогъ участія рабочихъ въ избирательной кампаніи во всей Россіи — довольно трудно. Въ дальнѣйшемъ мы приводимъ нѣкоторыя данныя, касающіяся другихъ губерній, кромѣ Московской, и Петербургской, данныя не отличающіяся желательной полнотой.

Въ Ригѣ изъ 109 предпріятій, имѣющихъ право выбирать, выборы уполномоченныхъ состоялись только въ 38 и притомъ только въ небольшихъ. Рабочіе же большихъ предпріятій уклонились отъ выборовъ.

Въ Саратовѣ рабочіе почти всѣхъ заводовъ отказались отъ участія въ выборахъ.

Въ Костромской губерній вмѣсто 83 уполномоченныхъ явилось только 55 человѣкъ для избранія 7 выборщиковъ. На всѣхъ трехъ весьма крупныхъ фабрикахъ г. Костромы выборы совсѣмъ не состаялись. Бойкотировали выборы также нѣсколько фабрикъ вичугскаго района Кинишемскаго уѣзда и самая крупная фабрика въ Рудникахъ Юрьевецкаго уѣзда. Рабочіе фабрикъ расположенныхъ въ с. Бонячки, Кинишемскаго у. собравшись въ день выборовъ на общемъ митингѣ и принявъ резолюцію объ отказѣ отъ выборовъ впредь до созыва учредительнаго собранія на основѣ 4-членной формулы, устроили внушительное шествіе съ красными знаменами.

Въ Нижнемъ Новгородѣ изъ 22 промышленныхъ заведеній выборы происходили только въ 12, остальныя уклонились отъ выборовъ. На сормовскихъ заводахъ избрано 7 уполномоченныхъ при участіи въ выборахъ болѣе 5000 рабочихъ.

Въ Екатеринославской губерній изъ 209 предпріятій отказалось отъ выборовъ 8 крупныхъ. „Черносотенная агитація

не имѣла вліянія. Благодаря усердной фильтровкѣ въ послѣднее время, не всѣ выборщики партійные, но безусловно всѣ передовые". Рабочіе одного Маріупольскаго завода приняли такую резолюцію: „выбираемъ уполномоченнаго лишь для того, чтобы въ собраніи выборщиковъ вмѣстѣ съ крестьянами заявить свой протестъ противъ такой Думы". Въ самомъ г. Екатеринославѣ произведены были выборы на самомъ крупномъ, брянскомъ заводѣ, затѣмъ среди рабочихъ Екатерининской желѣзной дороги, на трубопрокатномъ въ поселкѣ Амурѣ, на электрическомъ трамваѣ и другихъ. „Уполномоченные выбраны изъ передовыхъ людей"— добавляетъ телеграфное агенство.—

Изъ Оренбурга телеграфъ 11 марта сообщаетъ: „Выборы уполномоченныхъ отъ рабочихъ повсемѣстно прошли въ полномъ порядкѣ. Изъ 95-ти крупныхъ предпріятій края не состоялись выборы лишь въ четырехъ".

Въ Кіевѣ въ выборахъ—по свѣдѣніяхъ „Вѣст. Нар. Своб." приняли участіе свыше 50% заведеній имѣющихъ право участія въ выборахъ, причемъ ими было избрано 41 уполномоченный. Но для избранія выборщиковъ изъ 41 явилось всего лишь 5 человѣкъ, выбравшихъ изъ своей среды 2 выборщиковъ въ городское избиральное собраніе. По Кіевской губерніи избрано было 78 уполномоченныхъ, изъ которыхъ 76 участвовало въ избраніи выборщиковъ, число которыхъ опредѣлено для Кіевской губерніи (кромѣ Кіева) въ 7 человѣкъ. Изъ числа этихъ 7 выборщиковъ два принадлежатъ къ с.-д. партіи.—

По Полтавской губерніи изъ числа 25 уполномоченныхъ на съѣздъ для избранія одного выборщика явилось 18 человѣкъ.

Имѣются еще сообщенія изъ Златоуста, Севастополя, Харькова, Керчи, Калуги, Орла, Новочеркаска, Шуи, Коврова, Самары, Гродны. Во всѣхъ этихъ городахъ въ большей или меньшей степени наблюдался бойкотъ выборовъ, притомъ по самымъ различнымъ основаніямъ.

Надо удивляться собственно не столько тому, что рабочіе въ громадной своей массѣ отказывались отъ участія въ выборахъ, сколько тому, что это участіе все-же несмотря на его очевидную безнадежность, въ весьма многихъ случаяхъ имѣло мѣсто. Мы видѣли, что часто выборы происходили не

по волѣ рабочихъ а по волѣ фабричной администраціи или полиціи. Нерѣдко къ процедурѣ выборовъ относились, какъ къ возраличной повинности, не давая себѣ отчета въ смыслѣ и послѣдствіяхъ этого акта. Гораздо рѣже выборы уполномоченныхъ носили характеръ вполнѣ сознательнаго шага съ яснымъ пониманіемъ той роли и того ограниченнаго значенія, которое этотъ шагъ имѣетъ...

V.

И вотъ, вопреки очевидности, вопреки ожиданіямъ, въ Государственною Думу прошло 20 представителей отъ рабочихъ! Несмотря на бойкотъ выборовъ со стороны соціалдемократіи и,—что еще важнѣе,—со стороны большинства сознательныхъ рабочихъ, въ Думѣ оказалось 14 рабочихъ, признающихъ соціалдемократическую программу! *) Изъ всѣхъ сюрпризовъ, которыми полна наша первая избирательная кампанія, этотъ результатъ пожалуй, наиболѣе поразительный. Что многіе выборщики отъ рабочихъ оказались соціалдемократами—въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Популярность соціалдемократическихъ идей среди русскаго рабочаго класса громадна, и было-бы ошибочно,—какъ, впрочемъ, всякій хоть немного интересовавшійся этимъ вопросомъ, знаетъ—измѣрять степень вліянія соціалдемократіи на рабочія массы тѣмъ узкимъ кругомъ рабочихъ, которые непосредственно участвуютъ въ организаціяхъ. Это вліяніе неизмѣримо шире. Оно настолько широко, что сознательный рабочій и соціалдемократъ—это синонимы.

Удивительнымъ фактомъ, стало-быть, является не то обстоятельство, что въ средѣ прошедшихъ въ Думу 20 рабочихъ большинство—соціалдемократы, а то, что рабочіе вообще проникли въ Думу и притомъ еще въ такомъ сравнительно громадномъ количествѣ. Чѣмъ это объяснить?

Тотъ, кто руководствовался для опредѣленія соціальнаго и политическаго состава Думы положеніемъ о выборахъ 6-го августа и 11-го декабря, угрюмо вѣря, что живая дѣйствительность уложится въ эти обточенныя чиновниками

*) Теперь вмѣстѣ съ кавказскими депутатами въ Думѣ имѣется уже 20 соціальдемократовъ.

формальныя рамки, можетъ изъ результата рабочихъ выборовъ убѣдиться въ шаткости и даже легкомысленности такого рода построеній. Но если даже откинуть формальныя рамки закона и постараться подвести подъ полученный результатъ болѣе надежный фундаментъ, а именно экономическую группировку населенія, территоріальное распредѣленіе земледѣльческаго и промышленнаго населенія, т. е. поступить по тому шаблону, къ которому обыкновенно прибѣгаютъ на западѣ при установленіи связи между партійно-политическимъ и экономическимъ характеромъ какого-нибудь района, то и этотъ методъ мало поможетъ намъ въ дѣлѣ пониманія того сюрприза, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь.

Изъ 46 губерній, въ которыхъ фабрично-заводскій пролетаріатъ пользуется пародіей избирательнаго права, представители рабочихъ прошли въ Думу въ 18 губерніяхъ, а именно: Воронежской, Владимірской, Вятской, Екатеринославской, Казанской, Кіевской, Костромской, Московской, Оренбургской, Орловской, Пензенской, Пермской, Рязанской, Тамбовской, Харьковской, Херсонской и Черниговской. Сюда вошелъ, какъ мы видимъ, цѣлый рядъ чисто земледѣльческихъ губерній (12), но за-то не вошли такія безспорно промышленныя губерніи, какъ Петроковская, Варшавская, Петербургская, Нижегородская и Прибалтійскія губерніи.

Значитъ не преобладаніе промышленнаго или земледѣльческаго населенія сыграло здѣсь роль, а причины другого порядка.

Часть рабочихъ прошла при прямой поддержкѣ въ избирательномъ собраніи со стороны кадетовъ, которымъ политическій тактъ и партійный разсчетъ подсказывалъ этотъ порывъ великодушія по отношенію къ рабочему классу, поддержка котораго можетъ вѣдь очень понадобиться. Въ предвыборной агитаціи въ качествѣ приманки выставлялось въ Москвѣ какъ кадетами, такъ и т.-п. партіей обѣщаніе провести въ Думу одного рабочаго. Выборъ наборщика Савельева былъ лишь исполненіемъ этого обѣщанія, нарушеніе котораго подорвало бы совершенно всякій кредитъ кадетовъ.

Что политическій разсчетъ диктовалъ эту тактику не только кадетамъ, но даже партіямъ стоящимъ вправо отъ нихъ, показываетъ примѣръ Московскаго губернскаго изби-

рательнаго Собранія. Здѣсь кадеты были въ меньшинствѣ, и большинство принадлежало октябристамъ, т.-п. партіи вкупѣ съ монархистами, т. е. элементамъ не пылающимъ безкорыстной любовью къ рабочимъ. И тѣмъ не менѣе рабочій Чурюковъ получилъ наибольшее по сравненію съ другими выборщиками число голосовъ, такъ какъ на его кандидатурѣ сошлись почти всѣ.

Но въ большинствѣ губернскихъ избирательныхъ собраній, гдѣ проходили рабочіе, они обязаны этимъ исключительно крестьянамъ. Для послѣднихъ выборщикъ-рабочій является своимъ-же братомъ-мужикомъ, но болѣе сознательнымъ, болѣе бывалымъ, болѣе надежнымъ въ качествѣ защитника интересовъ трудящихся массъ. Въ Полтавской губерніи на 181 выборщика имѣется всего 1 рабочій, но этотъ одинъ и проходитъ въ качествѣ члена Думы. Сознавая и подчеркивая свою классовую разобщенность съ помѣщиками, крестьяне тѣмъ рѣзче подчеркиваютъ свою полнѣйшую солидарность и отсутствіе классоваго антогонизма съ представителями фабрично-заводскихъ рабочихъ. Они гораздо охотнѣе и легче сходились на личности выборщика отъ рабочихъ, чѣмъ на комъ-либо изъ своей собственной, крестьянской куріи, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ играла еще роль конкуренція, желаніе всякаго попасть въ Думу.

Благодаря именно этому обстоятельству, т.-е. преобладающему вліянію крестьянъ въ губернскихъ избирательныхъ собраніяхъ, первый русскій парламентъ по своему составу является пожалуй наиболѣе демократическимъ изъ существующихъ представительныхъ учрежденій. Достаточно взглянуть на приложенную здѣсь табличку [1]) занятій въ связи съ партійной группировкой 442 думскихъ депутатовъ, чтобы убѣдиться въ вѣрности этого утвержденія. Депутаты распредѣляются по роду занятій и партіямъ слѣдующимъ образомъ:

(*См. страницу 159*).

[1]) Эту таблицу мы заимствуемъ изъ газеты „Страна".

	Соціалисты.	Крайніе лѣвые.	Конституціонно-демократическая партія.	Національная лѣвая партія.	Партія демократическихъ реформъ.	Прогрессивнаго направленія.	Національная партія центра.	Умѣреннаго направленія.	Союзъ 17 октября.	Торгово-промышленная партія.	Правые.	Безпартійные.	ВСЕГО.
Рядовые крест.-земл. . . .	—	4	25	5	—	12	6	1	3	—	3	62	121
Волостные писаря, стар. .	—	3	3	—	1	4	—	1	1	—	2	6	21
Ремесленники	—	3	1	1	—	—	1	1	—	—	—	3	10
Фабричные рабочіе [1]) . .	3	1	11	—	—	1	—	—	1	—	—	—	17
Торговцы, подрядчики . .	—	—	4	1	—	—	—	3	2	—	3	1	14
Влад. и управ. фабрикъ. .	—	—	—	—	—	—	—	—	4	1	—	—	5
Пом. и управ. имѣньями . .	—	—	26	3	—	2	9	2	3	—	—	1	46
Служащіе по дворянскимъ выборамъ . . .	—	—	1	1	—	—	—	2	4	—	1	—	9
Служ. по городск. выб. . .	—	—	3	1	—	—	—	1	4	—	3	—	12
Служ. по земскимъ выб. .	—	7	29	2	1	—	1	1	—	—	1	—	42
Священнослужители . . .	—	—	6	3	—	—	4	1	1	—	1	—	16
Чиновники	—	—	9	1	—	1	—	1	1	—	1	—	14
Адвокаты	1	1	18	5	—	3	7	1	3	—	—	—	39
Врачи	—	2	12	—	—	—	2	—	—	—	—	—	16
Инженеры	—	—	4	—	—	—	1	1	—	—	—	1	7
Профессора	—	—	14	—	2	—	—	—	—	—	—	—	16
Преподаватели гимназ. . .	—	2	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	3
Сельскіе учителя	1	5	8	—	—	—	—	—	—	—	—	—	14
Журналисты	—	2	5	—	—	3	—	—	—	—	—	1	11
Неизвѣстныхъ занятій . .	1	—	6	—	—	—	—	2	—	—	—	—	9
Итого	6	30	185	23	4	27	31	18	27	1	15	75	442
			275				77				15	75	

Такъ какъ предметомъ нашей статьи является анализъ итоговъ избирательной кампаніи только въ городской и рабочей куріяхъ, то мы не будемъ разсматривать здѣсь данныя этой таблицы во всей ихъ совокупности, но остановимся нѣсколько на одной наиболѣе очерченной группѣ, а именно на рабочей.

По вычисленіямъ Чернышева *) при наличности всеобщаго избирательнаго права въ 9 избирательныхъ округахъ промышленное населеніе будетъ играть на выборахъ рѣшающую роль, а въ 24 округахъ хотя и не будетъ рѣшать исходъ выборовъ, но все-же будетъ оказывать на нихъ большое вліяніе. Нужно замѣтить, что въ категоріи промышленнаго населенія въ общемъ преобладаетъ промышленный пролетаріатъ. Такимъ образомъ выходитъ, что въ наиболѣе благопріятномъ

[1]) Рабочихъ по нашему подсчету 20 человѣкъ.

*) См. Чернышевъ. О всеобщемъ избирательномъ правѣ и его примѣненіе въ Россіи, стр. 324 и сл.

случаѣ промышленный пролетаріатъ могъ-бы имѣть 33 представителя въ Учредительномъ Собраніи, въ которомъ по схемѣ Чернышева общее число депутатовъ равно 1283. По этому разсчету, стало-быть, представители промышленнаго пролетаріата будутъ составлять что-то около 2,5% всего состава парламента, т.-е. призваны играть, по крайней мѣрѣ въ количественномъ отношеніи, весьма ничтожную роль.

Между тѣмъ въ Витте-Булыгинской Думѣ, въ которой по замыслу ея творцовъ не должно было быть мѣста для представилей промышленнаго пролетаріата, послѣдніе составляютъ почти 5% общаго числа депутатовъ (не считая впрочемъ Кавказа, Сибири и Среднеазіатскихъ владѣній).

Предполагая, что одинъ лишь промышленный пролетаріатъ въ качествѣ своихъ представителей пошлетъ въ учредительное Собраніе сторонниковъ соціалдемократрческой партіи, придется, судя по Чернышову, признать за послѣдней крайне ограниченное значеніе въ дѣлѣ строительства будущей Россіи.

Исходя, однако, изъ тѣхъ соображеній, которыя были высказаны нами по вопросу о соотношеніи между партіей и классомъ, можно смѣло утверждать, что эти разсчеты, какъ и разсчеты Лосицкаго, окажутся абсолютно невѣрными. Если при чудовищно уродливой избирательной системѣ закона 11-го декабря, при бойкотѣ выборовъ со стороны наиболѣе сознательной части пролетаріата, въ Государственной Думѣ оказалось 20 рабочихъ, и изъ нихъ 14 соціалдемократовъ, то было-бы нелѣпостью предполагать, что при всеобщемъ избирательномъ правѣ—представителей пролетаріата будетъ относительно меньше. Мы видѣли, что крестьяне содѣйствовали выбору рабочихъ, мы знаемъ, почему они это дѣлали. То-же явленіе будетъ наблюдаться и въ слѣдующей избирательной кампаніи.

Но совсѣмъ другой вопросъ, конечно, выпадетъ-ли на долю представителей промышленнаго пролетаріата роль защитниковъ его специфическихъ, экономическихъ интересовъ, т. е. смогутъ-ли они направить все вниманіе Думы, въ сторону рабочаго вопроса, въ сторону тѣхъ основныхъ требованій, которыя выставлены въ нашей программѣ минимумъ. Соціальная проблемма, которую властный „порядокъ дня“ россійской революціи выдвинулъ на первую очередь—есть

коренная аграрная, крестьянская реформа, а не улучшеніе положенія наемнаго труда. Передъ той основной проблемой революціи какъ-то стушевываются вопросы защиты многомилліоннаго промышленнаго, торговаго и сельскаго пролетаріата Россіи. Она всецѣло подчиняетъ себѣ—въ силу объективной логики вещей—и соціальдемократію, которая волей-неволей должна именно аграрной части своей программы, т. е. въ сущности неспецифической для соціальдемократіи, удѣлять исключительное вниманіе, оставляя до лучшихъ будущихъ дней вопросы, интересующіе непосредственно пролетаріатъ.

Поскольку Государственная Дума является ареной классовой борьбы, а не только ареной борьбы всего народа противъ отживающаго политическаго режима, въ ней разыгрывается тяжба между крупнымъ и мелкимъ землевладѣніемъ, между интересами помѣщика и интересами трудоваго крестьянина, а не—между капиталомъ и трудомъ, между фабрикантомъ и рабочимъ. Мы видѣли, что фабрикантовъ въ Думѣ вчетверо меньше чѣмъ рабочихъ, и то, что называется „содѣйствіемъ интересамъ торговли и промышленности“ въ Думѣ абсолютно не имѣетъ своихъ идеологовъ и защитниковъ. Поэтому соціально-политическія требованія, связанныя съ интересами промышленнаго пролетаріата, поскольку разрѣшеніе ихъ будетъ зависѣть исключительно отъ Думы, не найдутъ тамъ много ярыхъ противниковъ въ лицѣ защитниковъ фабрикантскаго благополучія. Но капиталъ, безсильный политически, невліятельный въ Думѣ, вознаградитъ себя на родной для него экономической почвѣ, онъ перенесетъ поле своей борьбы противъ пролетаріата изъ стѣнъ парламента въ стѣны завода. И потому профессіональная организація рабочихъ является одной изъ наиболѣе важныхъ задачъ. Самая широкая и полная свобода профессіональныхъ союзовъ—то требованіе, которое представители пролетаріата должны выдвинуть въ Думѣ въ первую очередь.

Ленскій.

БЕЗРАБОТНЫЕ.

„Мы должны сплотиться, намъ нечего бояться,—голодъ страшнѣе Дубасовскихъ пулеметовъ“.

Изъ рѣчи одного рабочаго на собраніи безработныхъ.

Безработица возникаетъ, какъ нормальное явленіе, повсюду, гдѣ только существуетъ капиталистическій способъ производства. Законы этого послѣдняго, говоритъ гдѣ-то Марксъ, приковываютъ пролетаріатъ къ условіямъ его рабства крѣпче, чѣмъ тѣ цѣпи, которыми когда-то Гефестъ приковалъ Прометея къ скаламъ Кавказа; и благодаря имъ, при господствѣ капиталистическаго строя, создается въ зависимости отъ роста производительности труда, не смотря на всю быстроту и энергію капиталистическаго накопленія, еще болѣе быстрое уменьшеніе общественнаго перемѣннаго капитала, т.-е. части общественнаго капитала, расходуемаго на заработную плату рабочимъ. Явленіе это было истолковано поверхностными наблюдателями и защитниками капиталистическаго строя, какъ слѣдствіе перенаселенія: природа, молъ, накрыла столъ не для всѣхъ гостей, явившихся на пиръ ея, и для нѣкоторыхъ не хватило приборовъ. Истинная природа этого перенаселенія была раскрыта, главнымъ образомъ трудами соціалистовъ, которые указали, что армія безработныхъ, промышленная резервная армія, возрастаетъ до ужасныхъ размѣровъ именно тогда, когда въ изобиліи имѣются и средства существованія и средства производства, но когда благодаря могучему развитію производительныхъ силъ, вслѣдствіе анархіи производства, перестаетъ дѣй-

ствовать тотъ механизмъ, который превращалъ въ капиталъ, всѣ элементы, необходимые для производства и созданія общаго благосостоянія.

Но у насъ въ Россіи есть еще свои, спеціально-русскія, причины, которыя продолжаютъ и усиливаютъ кризисъ, вызванный вышеуказанными общими для всего капиталистическаго производства законами. У насъ проявляется еще дѣйствіе той болѣзни, которою уже давно страдаетъ Россія и которая обострилась въ настоящее время, болѣзни конфликта достигшихъ довольно высокой степени развитія производительныхъ силъ съ устарѣлою политической оболочкой, давно уже ставшею слишкомъ тѣсною для рвущейся на свободу страны. У насъ продолжается аграрный кризисъ, получившійся въ результатѣ обнищанія громадныхъ массъ крестьянства, которыя были разорены непосильнымъ бременемъ налоговъ, благодаря чему уменьшилась возможность развитія внутренняго рынка. У насъ продолжается финансовый, кризисъ, явившійся въ результатѣ безконтрольнаго хозяйничанья бюрократіи, которая, при превышеніи непроизводительныхъ расходовъ надъ доходами, въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ покрывала старые долги, и даже проценты по нимъ новыми долгами, и привела насъ къ разорительной внѣшней и еще болѣе разорительной внутренней войнѣ въ концѣ разстроившей хозяйственную жизнь. Этотъ финансовый кризисъ обостряется, потому что продолжаются непроизводительные расходы на карательныя экспедиціи и военныя положенія, чрезвычайныя и усиленныя охраны съ ихъ двойными и тройными окладами чинамъ администраціи и полиціи. Финансовый кризисъ привелъ къ закрытію казенныхъ заводовъ, при чемъ, конечно, у правительства дѣйствовали еще соображенія о необходимости проучить строптивыхъ рабовъ. Онъ привелъ также къ закрытію цѣлаго ряда фабрикъ и заводовъ, получающихъ заказы отъ казны.

Благодаря всему этому, наша армія безработныхъ достигла небывалыхъ размѣровъ. По подсчету, произведенному въ Петербургѣ, общая цифра безработныхъ тамъ достигаетъ 43-хъ тысячъ. При томъ несовершенствѣ методовъ подсчета, которые примѣнялись, трудно, конечно, ручаться за достовѣрность этой цифры, тѣмъ болѣе,

что многіе безработные покинули столицу и разъѣхались по деревнямъ. Еще болѣе слѣдуетъ принять во вниманіе послѣднее соображеніе по отношенію къ Москвѣ, рабочее населеніе которой вообще въ гораздо большей степени сохранило свои связи съ деревней. Этимъ, вѣроятно, въ значительной мѣрѣ объясняются тѣ колебанія въ оцѣнкѣ числа безработныхъ въ Москвѣ, въ показаніяхъ газетъ, интересовавшихся этимъ вопросомъ. Въ то время, какъ однѣ устанавливали цифру въ 17 и даже 21 тысячу, другія давали 5 или 7 тысячъ. Къ 20-мъ числамъ мая, по даннымъ Бюро Профессіональныхъ Союзовъ было зарегистровано болѣе 10.000 человѣкъ безработныхъ. Что въ провинціи дѣла обстоятъ не лучше, можно видѣть изъ слѣдующихъ далеко не полныхъ данныхъ, заимствованныхъ нами изъ различныхъ газетъ.

Въ Казани въ февралѣ въ городскую управу поступило подписанное многими рабочими Алафузовскихъ заводовъ заявленіе, въ которомъ указывается необходимость немедленно устроить общественныя работы, ибо „общество, живущее трудомъ рабочихъ, должно обезпечить ихъ существованіе“. Рабочіе просятъ управу учредить комиссію съ участіемъ выборныхъ отъ рабочихъ для выясненія числа безработныхъ и ихъ положенія („Страна“). Въ Екатеринославѣ безработица усиливается, особенно среди ремесленниковъ-евреевъ. Голодъ царитъ почти по всѣмъ уголкамъ, гдѣ живутъ рабочіе. У образовавшагося здѣсь комитета помощи безработнымъ слишкомъ мало средствъ. „Въ Таганрогѣ торговая жизнь замерла, магазины пустуютъ, ремесленники— безъ дѣла, городъ проживаетъ послѣднія сбереженія. Число безработныхъ голодающихъ растетъ. „Благотворительный совѣтъ,“ учрежденный при общественномъ управленіи тщетно взываетъ о помощи“. („Двадцатый Вѣкъ“, апрѣль). Въ Бердичевѣ комитетъ безработныхъ, выдававшій безработнымъ по нѣсколько десятковъ копеекъ еженедѣльно каждому въ продолженіе всей зимы, пересталъ существовать за недостаткомъ средствъ. И безработные пустились по одиночкѣ и по нѣскольку по состоятельнымъ обывателямъ, требуя у нихъ поддержки. Часто происходятъ скандалы между требующими и не желающими давать.

Въ Одессѣ число безработныхъ отъ 25-го марта до 25-го

апрѣля было равно 12,376 человѣкъ. (Торг. пром. газ.) Вообще газеты пестрятъ фактами о ликвидаціи торговыхъ и промышленныхъ предпріятій, о сокращеніи производства, приводимъ нѣкоторые изъ нихъ.

Изъ Орла сообщаютъ, что съ 1-го апрѣля Брянскій заводъ уволилъ 1000 человѣкъ.

Тульскій оружейный заводъ уволилъ 200 человѣкъ.

Въ Саратовѣ закрылось нѣсколько фабрикъ, нѣкоторые заводы сократили производство.

Въ Донской области закрылись заводы: котельный Дебальцевскаго общества, томасо-фосфатный, механическій Пастухова. Сокращено производство на металлургическомъ Таганрогскомъ съ 5000 до 1000, на механическомъ «Донъ» и др.

Въ Полтавской губерніи закрылись и сократили производство 12 мукомольныхъ мельницъ.

Изъ Харькова сообщаютъ, что фабрика Кузнецова уволила 2000 рабочихъ, паровозостроительный заводъ разсчиталъ 50 человѣкъ, заводъ земледѣльческихъ машинъ 141.

Въ Варшавѣ масса безработныхъ «въ нѣсколько тысячъ». Въ Лодзи общее число безработныхъ свыше 18 тысячъ.

Въ Ковнѣ закрылись заводы: лѣсопильный, костемольный въ Щапцахъ, механическій Шавельскаго товарищества и два щетинно-сортировочныхъ. (Курьеръ № 7).

Въ Иваново-Вознесенскѣ $2^1/_2$ тысячи безработныхъ.

Волна безработицы докатилась и до Урала: на ряду съ прочими заводами крайне тяжелый моментъ переживаетъ и Богословскій округъ. Рабочіе одного закрывающагося завода снарядили ходоковъ въ Питеръ просить о передачѣ имъ этого завода на артельныхъ началахъ. Въ Твери отъ середины декабря до середины февраля безработныхъ было около 25000 человѣкъ (почти половина населенія Твери) Часть рабочихъ разошлась по деревнямъ; тѣ же, кому некуда или далеко итти, остаются въ Твери и подвергаясь всѣмъ ужасамъ голодовки, ходятъ и просятъ милостыню; нѣкоторые счастливцы получаютъ обѣды въ столовой „17 октября.“

Вообще за послѣднее время наблюдается „въ Петербургѣ, въ Москвѣ, въ Кіевѣ, Харьковѣ, приволжскихъ городахъ. Твери,—всюду и вездѣ одна и та-же картина: у

вокзаловъ желѣзныхъ дорогъ, у пароходныхъ пристаней скопляются сотни и тысячи голодныхъ людей". (Волна)— это лагери безработныхъ. И каждый день новые поѣзда прибываютъ съ новыми толпами голодныхъ людей. Въ города вливаются новыя волны безработныхъ крестьянъ, вслѣдствіе малоземелья и безкормицы распродавшихъ послѣдній скотъ, бросившихъ дома свои, гдѣ царитъ голодъ и смерть.

Существованіе такой громадной арміи безработныхъ въ городахъ уже само по себѣ является фактомъ огромной общественной важности. Въ революціонныя эпохи значеніе этого факта возрастаетъ еще болѣе, такъ какъ каждое противорѣчіе, которое таится въ нѣдрахъ общества, обостряется благодаря наличности арміи безработныхъ, являющейся самымъ горячимъ и самымъ дѣятельнымъ элементомъ всякой революціи. Такъ было во Франціи, когда началась революція 1789 года; такъ было въ эпоху іюльской революціи, когда главную армію возстанія составили безработные рабочіе печатнаго дѣла. Такъ было въ 1848 году, когда болѣзнь картофеля и два неурожайные года привели ко всемірному торговому и промышленному кризису, ускорившему взрывъ всеобщаго недовольства и доведшему возмущеніе, уже сказавшееся голодными бунтами во Франціи и Германіи, до степени революціи, въ которую превратилось, благодаря наличности арміи безработныхъ, движеніе, начатое какъ реформа. Іюньское возстаніе было послѣдствіемъ закрытія національныхъ мастерскихъ. Кризисъ, къ которому привела франко-прусская война и осада Парижа, создалъ движеніе коммунаровъ. Недаромъ Наполеонъ боялся арміи безработныхъ болѣе, чѣмъ арміи непріятельскихъ солдатъ. Недаромъ Марксъ и Энгельсъ писали въ 1850 году: „Новая революція возможна лишь въ сопровожденіи новаго кризиса," потому что, дѣйствительно, самой серьезной угрозой для прочности существующаго режима является резервная армія промышленности. При этомъ не надо, однако, забывать, что отчаяніе, порождаемое безработицей, отчаяніе людей, которымъ ждать некогда, и которые всегда готовы выступить подъ знаменемъ, на которомъ написаны слова: „Vivre en travaillant ou mourir en combattant!", легко можетъ вывести рабочихъ на улицу раньше, чѣмъ подгото-

влены условія успѣшнаго выступленія. На такое отчаяніе всегда спекулируетъ реакція, зная, что въ крови доведенныхъ до отчаянія безработныхъ легко утопить и все освободительное движеніе.

Однакоже, вглядываясь въ составъ нашей арміи безработныхъ, мы замѣчаемъ присутствіе въ ней нѣкоторыхъ слоевъ рабочихъ, являющихся до извѣстной степени гарантіей того, что наши безработные не пойдутъ на проправительства и стакнувшейся съ нимъ части крупной буржуазіи. Дѣло въ томъ, что послѣ третьей забастовки и побѣжденнаго „вооруженнаго“ возстанія въ Москвѣ, и въ другихъ городахъ, въ ряды безработныхъ была вытолкнута наиболѣе активная часть русскаго пролетаріата.

Еще въ концѣ декабря, передъ праздниками, всѣ правительственныя, общественныя и многія частныя учрежденія въ Петербургѣ получили совершенно секретныя предписанія отъ градоначальника дать самыя точныя свѣдѣнія о своихъ служащихъ, принимавшихъ участіе въ забастовкахъ и принадлежащихъ къ какимъ-нибудь организаціямъ. Нѣкоторыя общественныя учрежденія получили эти предписанія вторично, такъ какъ такія же предложенія были сдѣланы имъ администраціей еще въ концѣ октября, послѣ первой забастовки, но тогда почти всѣми было рѣшено отказаться отъ подобнаго сыска. „Теперь же въ виду новаго курса,—какъ сообщаетъ „Русь, (XII, 29)“, составленіе проскрипціонныхъ списковъ, по слухамъ, подвигается довольно быстро, и нѣкоторые списки уже получены канцеляріей градоначальника. Такія свѣдѣнія, очень подробныя (кто агитаторы, кто бастовалъ охотно, кто былъ записанъ въ „Красный Крестъ“ кто въ санитары“ и т. д.) были отправлены, напр , и директоромъ контроля Рязанско-Уральской желѣзной дороги и мн. др. Составленіемъ списка лицъ, которыя должны быть подвергнуты остракизму, занялись даже такіе либералы, какъ дирекція франко-русскаго завода, состоящая изъ представителей прогрессивно-экономической партіи, написавшей на своемъ знамени свободу слова, собраній, союзовъ (Н. Ж. 21, I).

По даннымъ регистраціи городского раіона въ Петербургѣ, при бѣгломъ просмотрѣ причинъ увольненія намѣчаются три главныя рубрики: сокращеніе производства,

забастовка и причины спеціально политическаго характера; въ тѣсной связи съ двумя послѣдними находится и „столкновеніе съ администраціей“. Уволено вслѣдствіе сокращенія производства около 27%, за забастовку около 40%, „политику“ около 23%. Если принять во вниманіе, что забастовки послѣдняго времени всегда носили политическій характеръ, то на „политику“ придется значительное большинство (63%). Весьма интересны также и сами мотивы по двумъ послѣднимъ рубрикамъ; въ запискѣ сохранены такія характерныя выраженія: „требовалъ денегъ за увѣчье“, „вывоза на тачкѣ нехорошаго мастера“, „за непочтеніе къ высшему начальству“, „за самовольное введеніе 8-час. рабочаго дня“, „за агитацію“, „за политическія убѣжденія“, „за политику“, „за экономическія и политическія требованія“, „арестованъ 2½ мѣсяца“, „забастовщикъ с.-д.“, „самовольнымъ увольненіемъ избѣжалъ ареста“ и т. п.

Стоитъ только вспомнить ту фильтровку, которой подвергались рабочіе при обратномъ пріемѣ на заводы, чтобы стало ясно, какіе элементы рабочаго класса были выброшены на мостовую. На Путиловскомъ заводѣ администрація завода выдѣлила изъ числа рабочихъ группу въ 200 человѣкъ, наиболѣе умѣренныхъ и уполномочила ихъ опредѣлять благонадежность вновь принимаемыхъ на заводъ рабочихъ. Группа эта отмѣчала въ спискахъ тѣхъ рабочихъ, которые принимали болѣе или менѣе активное участіе въ проведеніи минувшихъ забастовокъ, и, руководствуясь особыми признаками „невреднаго направленія мыслей“, выбросила за бортъ „крамольныхъ“ рабочихъ. На Балтійскомъ судостроительномъ заводѣ, въ виду полнаго несоотвѣтствія между количествомъ имѣющихся работъ и количествомъ занятыхъ рабочихъ, администрація завода рѣшила допустить пріемъ нѣкоторыхъ рабочихъ, предварительно взявъ у нихъ доказательство ихъ невиновности въ предыдущихъ забастовкахъ и подписку не участвовать въ забастовкахъ и на будущее время. Естественно, что сознательные рабочіе могли только отказаться наотрѣзъ. Такіе же пріемы просѣйки практиковались и на Обуховскихъ казенныхъ заводахъ и на Семянниковскомъ, гдѣ вслѣдствіе фильтровки остались за бортомъ 3,500 человѣкъ. На ине

струментальномъ хирургическомъ принимались на работу только не принимавшіе участіе въ забастовкахъ.

„Послѣ декабрьскихъ событій тверскіе фабриканты рѣшили проучить своихъ рабочихъ и съ корнемъ вырвать крамолу. Съ этою цѣлью они закрыли свои фабрики на неопредѣленное время и занялись основательной очисткой нежелательныхъ элементовъ... „Тверская мануфактура“ (В. А. Морозовой съ сыновьями) уволила всѣхъ служащихъ, заподозрѣнныхъ въ принадлежности къ соціалистическимъ партіямъ“ (Н. Ж , февраль).

„Товарищество Никольской мануфактуры приступило къ возстановленію производства на своихъ фабрикахъ и заводахъ въ Орѣховѣ-Зуевѣ, но нанимаетъ фабричныхъ рабочихъ, предварительно справившись объ ихъ благонадежности въ отношеніи участія въ общественныхъ организаціяхъ“. (Ж. и Св., февр.).

Досталось, конечно, при этомъ и евреямъ.

„Всѣмъ казеннымъ заводамъ разосланъ циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ объ увольненіи работающихъ на этихъ заводахъ евреевъ, какъ элемента неблагонадежнаго“. (Рѣчь, февраль). И т. д.

Въ другихъ случаяхъ администрація фабрикъ и заводовъ поступаетъ съ меньшею откровенностью. Отказы мотивируются общимъ застоемъ въ дѣлахъ, но по удивительному совпаденію обстоятельствъ отказъ получаютъ только служащіе, находящіеся подъ подозрѣніемъ начальства, принимаются же рабочіе имѣющіе аттестаты о бланадежности.

Результаты такой фильтровки и устраненія наиболѣе строптивыхъ, т.-е. наиболѣе сознательныхъ элементовъ рабочаго класса съ фабрикъ и заводовъ, рядомъ съ общимъ давленіемъ безработицы, не замедлили сказаться въ ухудшеніи условій труда и въ потерѣ тѣхъ завоеваній, которыя были достигнуты въ предыдущій періодъ. Во многихъ случаяхъ, несмотря на большое количество заказовъ, заводская администрація не приняла обратно всѣхъ уволенныхъ послѣ декабрьскихъ дней и не замѣстила ихъ пришлыми со стороны рабочими. Вмѣсто этого были введены сверхурочныя работы, отказываться отъ которыхъ воспрещено подъ страхомъ увольненія. Въ нѣкоторыхъ производствахъ вернулись

къ болѣе длинному рабочему дню. Во многихъ случаяхъ рабочимъ пришлось подчиниться различнымъ придиркамъ и униженіямъ. Напримѣръ, на трубочномъ заводѣ въ Петербургѣ были введены дежурные изъ рабочихъ по очереди. На обязанности ихъ лежитъ слѣдить за своими товарищами, чтобы они не собирались кучками, даже въ 2—3 человѣка, чтобы не приносились ни книжки, ни газеты. Въ мастерскихъ повѣшены черныя доски, на которыя заносятся номера дежурныхъ и номера „преступниковъ".

Со служащихъ желѣзныхъ дорогъ (Николаевской, Моск.-Брестской и др.) была взята подписка съ обязательствомъ не принимать впредь участія въ „организаціяхъ, вытекающихъ изъ постановленій бывшаго въ Петербургѣ съѣзда желѣзнодорожниковъ, не принимать участія ни въ какихъ митингахъ, сходкахъ и собраніяхъ въ полосѣ желѣзной дороги и т. п.

Бланки для подобной же подписки были напечатаны, но не пущены въ ходъ въ Москвѣ хозяевами типографій, членами союза типографщиковъ-предпринимателей.

Только что было начавшія складываться профессіональныя организаціи были въ большинствѣ случаевъ разгромлены. Московскій союзъ торгово-промышленныхъ служащихъ, подъ названіемъ „Въ единеніи — сила", отмѣчая, что онъ, какъ и другіе, подвергся ужаснымъ гоненіямъ, вслѣдствіе чего многіе вышли изъ союза, говоритъ: „Хозяева поняли, что исчезла та сила, которая стояла на стражѣ интересовъ приказчиковъ, — и сразу перемѣнили фронтъ. Снова въ магазинахъ мы слышимъ ругань и брань, снова истязуютъ нашихъ товарищей, и наконецъ, въ эти предпраздничные дни во всей наготѣ воскресло прежнее рабство, прежнія невыносимыя условія труда". Въ номерѣ „Русскихъ Вѣдомостей" отъ 26-го января мы читаемъ: „Приказчики мясныхъ, мелочныхъ, булочныхъ и др. лавокъ сильно обезпокоены слухомъ, что снова настанетъ конецъ праздничному отдыху. Нѣкоторые хозяева заявили, что 29-го января, въ воскресенье, ихъ лавки должны быть открыты цѣлый день". Такія же сообщенія можно прочесть въ газетахъ, и о Петербургѣ. Союзъ табачниковъ также не могъ оказать сопротивленія хозяевамъ, которые взяли назадъ всѣ сдѣланныя раньше уступки и это также надо объяснить уда-

леніемъ съ фабрикъ наиболѣе активныхъ элементовъ, которые были или арестованы или получили расчетъ.

На что же потратился тотъ запасъ энергіи и сознательности, который былъ вырванъ изъ среды занятыхъ въ производствѣ рабочихъ и влился въ ряды безработныхъ? Прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, мы должны остановиться на томъ, какъ отнеслось наше «общество» къ грозному усиленію арміи безработныхъ.

Буржуазное общество поняло свою задачу въ данномъ случаѣ, какъ вопросъ объ организаціи благотворительности. Съ конца декабря на страницахъ прогрессивныхъ газетъ начинаютъ появляться призывы къ пожертвованіямъ на нужды безработныхъ, и печатаются отчеты о поступившихъ на устройство безплатныхъ столовыхъ суммахъ. Въ призывахъ о пожертвованіяхъ довольно часто повторяется такая аргументація: „кто знаетъ: быть-можетъ, этою помощью вы убережете свою собственную жизнь или жизнь своихъ близкихъ. Вѣдь голодныя семьи—лучшая почва для тифа и другихъ заразныхъ болѣзней, а развившаяся зараза легко перестаетъ различать богатыхъ отъ бѣдныхъ“. (Призывъ Хирьякова въ «XX Вѣкѣ» о помощи погибающимъ столовымъ). Ее повторяетъ и комитетъ, организовавшійся для помощи безработнымъ: „.....на почвѣ нужды уже развились эпидеміи, своимъ распространеніемъ грозящія и имущимъ классамъ“. Очевидно, здѣсь наиболѣе надежная дорога къ доброму сердцу буржуазіи. И буржуазія даетъ средства на организацію столовыхъ для безработныхъ. При этомъ устройство столовыхъ является даже ареной для любопытнѣйшаго соперничества различныхъ партій. Увидѣвъ въ этомъ страшный вредъ, въ конкуренцію вмѣшивается и правительство и закрываетъ одну за другою столовыя, не только открытыя совѣтомъ безработныхъ, но и кадетскія, арестовывая иногда завѣдующихъ, а иногда и всѣхъ обѣдающихъ, и покровительствуя только столовымъ, открытымъ партіей правового порядка и само устраивая на заводахъ столовыя съ цѣлью активной борьбы съ революціей. „Такова, напр., столовая Путиловскаго завода, устроенная на 300 человѣкъ. Между посѣтителями видны дамы-благотворительцы, жандармы, полиція. Агитируя при помощи черносотенныхъ прокламацій обычнаго типа, онѣ пользуются

отъ заводской администраціи безплатнымъ помѣщеніемъ, отопленіемъ и освѣщеніемъ. Здѣсь уже обысковъ не бываетъ...“ Не бываетъ обысковъ также и въ столовыхъ, открытыхъ партіей правового порядка, которыя „превратились въ арену самой энергичной черносотенной агитаціи. Среди воззваній, которыя раздаются рабочимъ въ столовыхъ, нерѣдко попадается призывъ: „убивайте соціалистовъ!“ („Радикалъ“, 17, I). Но въ общемъ правыя партіи сумѣли создать только двѣ столовыя, отпускавшія обѣ вмѣстѣ всего 500 обѣдовъ. Одна изъ нихъ (за Нарвскою заставой) закрылась перваго мая за недостаткомъ средствъ, такъ какъ за послѣднее время всѣ частныя пожертвованія прекратились.

Во всякомъ случаѣ массовая голодовка среди рабочихъ все усиливалась и борьба съ нею становилась все труднѣе. Раскинувшаяся, несмотря на всѣ мѣры полиціи, по всѣмъ раіонамъ Петербурга сѣть столовыхъ и лавокъ (съ сухими продуктами) удовлетворяла лишь отчасти вопіющей нуждѣ. Въ газетахъ какъ-то промелькнуло сообщеніе, что „въ теченіи двухъ послѣднихъ мѣсяцевъ чинами петербургской столичной полиціи задерживается за явное нищенство и прошеніе милостыни ежедневно отъ 150 до 200 человѣкъ обоего пола. На долю профессіональныхъ нищихъ приходится очень незначительный процентъ, главный же контингентъ—хулиганы (30—35%) и безработные рабочіе (60%). „Это уже означаетъ, что затянувшійся кризисъ намѣчаетъ будущія жертвы, которыя изъ рядовъ промышленной резервной арміи дадутъ осадокъ лумпенъ-пролетаріата.

Но въ ряды арміи безработныхъ, какъ мы видѣли выше, были выброшены и наиболѣе энергичные элементы русскаго пролетаріата. Часть изъ нихъ разъѣхалась по деревнямъ и разнесла по глухимъ захолустьямъ свѣтъ своего сознанія. Результаты деревенскихъ выборовъ въ Государственную думу, вѣроятно, до извѣстной степени обусловливлены вліяніемъ этихъ безработныхъ. Та же часть, которая осталась въ городахъ, совершила чрезвычайно трудную работу,—созданіе организаціи безработныхъ. Что эта работа громадна, можно судить уже по тому, что въ апрѣлѣ въ Петербургѣ, изъ общаго числа безработныхъ 42.000

сорганизовано было 19.659 т.-е. чуть ли не половина всего количества безработныхъ. Работа эта совершена была по инціативѣ и подъ руководствомъ Р. С.-Д. Р. П. Еще въ январѣ т. г. Петербургскій организаціонный комитетъ россійской соц.-дем. партіи распространилъ возваніе, приглашающее рабочихъ дѣлать взносы въ коммиссію о безработныхъ, которая была организована еще въ срединѣ ноября Р. С.-Д. Р. П. вмѣстѣ съ совѣтомъ рабочихъ депутатовъ. „Мы призываемъ васъ, товарищи рабочіе, дѣлать постоянныя правильныя отчисленія отъ каждой получки въ коммиссію о безработныхъ. Установите на каждомъ заводѣ, сколько копѣекъ съ рубля вы согласны отчислять въ коммиссію и вносите при каждой получкѣ деньги вашему депутату. Необходимо начать дѣлать взносы немедленно, такъ какъ нужда страшно велика. Это вы сами не каждомъ шагу видите. Значеніе этихъ взносовъ громадно; поддерживая безработныхъ, вы не только даете голодному кусокъ хлѣба,—вы поддерживаете и сами себя, вы поддерживаете вашу борьбу за великое дѣло“ Рабочіе разныхъ заводовъ щедро откликнулись на это приглашеніе. Рабочіе завода Дюфманъ рѣшили отчислить 10% съ полученнаго за недѣлю заработка въ пользу безработныхъ. Обуховцы собственными силами и на собственныя средства открыли столовую и отдѣленіе для безработныхъ. Различные професіональные союзы рѣшили также организовать помощь безработнымъ своимъ членамъ. Союзъ рабочихъ печатнаго дѣла, которому благодаря массовому закрытію типографій правительствомъ (къ 1-му января ихъ было закрыто 15 и 600 наборщиковъ остались безъ всякихъ средствъ существованія) рѣшилъ выдавать субсидіи ежемѣсячно по 20 рублей женатымъ и по 6 рублей холостымъ членамъ своего союза.

Въ январѣ же рабочими на заводѣ Лиснера было подписано заявленіе въ городскую думу, въ которомъ говорилось: „Общество, которое существуетъ благодаря рабочему классу, должно обезпечить ему существованіе.... Рабочіе хотятъ не милости, но работы. Въ виду этого мы предлагаемъ городской думѣ, какъ представительницѣ болѣе богатой части Петербурга *немедленно* устроить въ С.-Петербургѣ общественныя работы *для всѣхъ* безработ-

ныхъ и коммиссію для выясненія ихъ числа и положенія съ участіемъ выборныхъ отъ рабочихъ. Это формальное заявленіе выставляетъ, право на трудъ—„первую безпомощную формулу“, въ которой резюмировались въ 48 году во Франціи революціонныя требованія пролетаріата. Предъявленное къ городской думѣ, оно звучитъ наивно, потому что буржуазное общество не можетъ, оставаясь буржуазнымъ, осуществить этого права, такъ какъ безработица исчезаетъ только тогда, когда производство будетъ вестись не ради предпринимателей, а въ интересахъ всего обществ, т.-е. когда капиталистическій строй производства будетъ замѣненъ соціалистическимъ.

Таже идея, повидимому, вложена и въ возваніе безработныхъ ко всѣмъ рабочимъ Петербурга, когда они говорятъ о требованіи *немедленнаго устроиства общественныхъ работъ для всѣхъ безработныхъ*, ихъ заявленіе городской думѣ, требуетъ что-бы:

1) Всѣ городскіе заказы остались въ городѣ и были переданы петербургскимъ безработнымъ.

2) *Всѣмъ безработнымъ* была доставлена работа.

3) Немедленно была учреждена коммиссія изъ равнаго числа гласныхъ думы и представителей отъ безработныхъ, которая и должна разработать *въ недѣльный срокъ вопросъ объ организаціи работъ и передачѣ ихъ безработнымъ*.

Но это сходство чисто формальное. По существу же сюда вложено совершенно другое содержаніе. Въ томъ же самомъ выше цитированіомъ заявленіи рабочихъ Лиснера. рядомъ съ требованіемъ немедленнаго устройства общественныхъ работъ для всѣхъ безработныхъ, мы встрѣчаемъ замѣчанье о томъ, что кризисы и заминки въ производствѣ „все равно должны постоянно время отъ времени случаться въ теперешнемъ обществѣ, такъ ужъ оно устроено“. Въ чемъ же дѣло? Дѣло въ томъ, что наше городское хозяйство страшно запущено, и для того, чтобы удовлетворить самыя вопіющія нужды городского хозяйства, потре. бовалась бы масса рабочихъ рукъ, поглотилась бы производствомъ очень значительная часть нашей арміи безработныхъ. Исполнительный комитетъ совѣта безработныхъ на своемъ собраніи 9-го мая отмѣчаетъ, что главная причина „замедленія“ дѣлъ по организаціи и расширенію об-

щественныхъ работъ" заключается въ сословно-цензовомъ характерѣ городской думы, „являющейся осколкомъ самодержавно-бюрократическаго строя", и исходя „изъ невозможности перестройки городского самоуправленія безъ коренной ломки самодержавно-бюрократическаго аппарата, И. К. считаетъ небходимымъ указывать всей массѣ безработныхъ на необходимость присоединенія къ борьбѣ за Учредительное собраніе на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго избирательнаго права".

Такимъ образомъ въ требованіи немедленной организаціи общественныхъ работъ для всѣхъ безработныхъ г. Петербурга заключается требованіе немедленнаго уничтоженія стараго политическаго режима, для чего Россія уже давно созрѣла, это consilium abeundi старой городской думѣ, которая не въ силахъ разрѣшить неотложныхъ задачъ момента.

Дѣйствительно, смѣшно ожидать мало-мальски серьезной постановки вопроса о борьбѣ съ безработицей отъ нашего теперешняго городскаго „самоуправленія", находящагося въ рукахъ правопорядцевъ и давно прославившагося своимъ политическимъ холопствомъ и неумѣньемъ и нежеланьемъ заняться добросовѣстно городскими дѣлами. Кадетская печать объявила „историческимъ днемъ русской революціи" тотъ день, когда кадетскимъ выборщикамъ съ проф. Карѣевымъ, Милюковымъ и другими кадетскими дѣятелями во главѣ удалось добиться отъ городской думы обѣщанія организовать общественныя работы. Кадеты торжествовали, что имъ удалось выступить въ эффектной роли заступниковъ рабочаго класса. Думская коммиссія о безработныхъ рѣшила пополнить свой составъ 12 рабочими, 6 представителями отъ союза инженеровъ и техниковъ, 2 представителями отъ комитета о помощи безработнымъ и 2 отъ конституціонно-демократической партіи. Всѣмъ членамъ предоставлено право рѣшающаго голоса. „Прошло 2 недѣли и рабочимъ выясняется, что кадетская побѣда надъ думскими правопорядцами на самомъ дѣлѣ является попыткою *похоронить* вопросъ о безработицѣ... 30-го апрѣля, на собраніи сов. безраб. Моск. р. кадетъ, думскій гласный Кедринъ, заявилъ, что „несмотря на всѣ изысканія", городъ „не нашелъ" общественныхъ работъ... „Впрочемъ",

закончилъ г. Кедринъ, „если рабочіе думѣ не вѣрятъ, то пусть Совѣтъ безработныхъ самъ поищетъ работы". Рабочіе отвѣтили дружнымъ смѣхомъ. (Невск. Газета № 3). Городъ утопаетъ въ грязи; канализаціи нѣтъ, вмѣсто нея въ санитаріи употребляются одни палліативы, смертность громадная, больницы всегда переполнены, въ гавани ежегодныя наводненія, парковъ и садовъ мало, трамваевъ все еще нѣтъ; по способамъ освѣщенія и водоснабженія городъ на полстолѣтія отсталъ отъ крупныхъ городовъ Европы; окраины лишены всего необходимаго,—а когда возникаетъ вопросъ объ организаціи общественныхъ работъ думцы не знаютъ, гдѣ ихъ „найти". Величайшая безработица, которую пережила Англія, разразилась въ 1861—1865 г. въ прядильно-ткацкихъ округахъ. По чистотѣ и здоровому санитарному состоянію большинства городовъ и деревень Ланкашира можно еще и теперь судить о томъ примѣненіи, которое нашелъ себѣ тамъ трудъ безработныхъ. Въ 1893—94 году, во время безработицы въ Германіи муниципалитеты городовъ съ числомъ жителей выше 5000 учредили общественныя работы, въ Дунсбургѣ при наличности 40 (минимумамъ) и въ Гамбургѣ—400 (максимумамъ) безработныхъ. У насъ обезпокоились, когда число нуждающихся вслѣдствіе безработицы измѣряется тысячами.

Въ предѣлахъ буржуазнаго строя, до нѣкоторой степени планомѣрная борьба съ безработицей возможна только при демократизаціи государства и мѣстнаго самоуправленія. Въ числѣ мѣръ противъ безработицы въ первую очередь слѣдуетъ конечно упомянуть законодательное введеніе 8-мичасового рабочаго дня, и въ связи съ нимъ законодательное же запрещеніе сверхъ-урочныхъ работъ. Затѣмъ, какъ непремѣнное условіе самозащиты рабочихъ законодательное признаніе полной свободы собраній, союзовъ, стачекъ (съ признаніемъ права picketinga—„сниманія").

„Страхованіе отъ безработицы, такъ же какъ и другіе виды страхованія рабочихъ, представляетъ собою не больше, чѣмъ видоизмѣненіе попеченія о бѣдныхъ" (Каутскій), которое однако слѣдуетъ предпочесть всѣмъ другимъ видамъ помощи бѣднякамъ, такъ какъ оно менѣе всѣхъ другихъ унижаетъ человѣка. Кромѣ того слѣдуетъ указать также на запрещеніе частныхъ бюро найма, и множество другихъ

имѣющихъ нѣкоторое значеніе палативныхъ мѣръ. Болѣе серьезное значеніе слѣдуетъ приписать организаціи общественныхъ работъ, этому основному лозунгу нашихъ безработныхъ. Онѣ должны производиться по общему плану государствомъ, городами, и земствами. Въ случаѣ наступленія кризиса, государство должно предпринять такія крупныя общественныя работы, которыя оно, можетъ быть, откладывало по финансовымъ соображеніямъ.

Таковы, напримѣръ, прорытіе каналовъ, постройка желѣзныхъ дорогъ, урегулированіе рѣкъ, осушеніе болотъ эти работы, а также и городскія, вродѣ постройки какихъ-нибудь общественныхъ сооруженій, слѣдуетъ производить сообразуясь съ состояніемъ рабочаго рынка въ странѣ и въ данной мѣстности.

Въ ожиданіи того, къ сожалѣнію еще далекаго, момента, когда пробьетъ послѣдній часъ капиталистическаго строя, приходится рѣшать неотложныя задачи, которыя выдвигаетъ бурное время крушенія нашего самодержавнаго режима. Петербургскіе безработные сдѣлали уже крупный шагъ на пути къ рѣшенію этихъ задачъ, создавъ могучую организацію, вокругъ Совѣта безработныхъ, возникшаго въ серединѣ апрѣля подъ эгидой соціалъ-демократіи изъ основанныхъ раньше раіонныхъ совѣтовъ безработныхъ. Свѣдѣнія о количествѣ рабочихъ объединенныхъ вокругъ Совѣта безработныхъ можно найти въ чрезвычайно важномъ обращеніи его къ крестьянскимъ депутатамъ Госуд. Думы:

„Совѣтъ безработныхъ“ образовался для того, чтобы найти какой нибудь выходъ изъ невыносимаго положенія для массы петербургскихъ рабочихъ, выброшенныхъ на мостовую и лишенныхъ хлѣба и крова за ту освободительную борьбу, въ которой они всегда шли впереди. Петербургскіе рабочіе, вѣрные своему долгу товарищеской солидарности, рѣшили *поддержать выставленное безработными требованіе общественныхъ работъ*, и объединились съ безработными, выбравъ своихъ представителей въ „совѣтъ безработныхъ“. Такимъ образомъ, „совѣтъ безработныхъ“ объединяетъ въ настоящее время до 100 тысячъ петербургскихъ рабочихъ, какъ безработныхъ, такъ и работающихъ.

„Совѣтъ безработныхъ“ проситъ у крестьянскихъ де-

путатовъ поддержки требованіямъ рабочихъ, поддержки, которой рабочіе не могутъ ожидать отъ партіи конституціоналистовъ-демократовъ. Со своей же стороны „совѣтъ“, какъ организація петербургскихъ рабочихъ предлагаетъ крестьянскимъ депутатамъ свою поддержку, на случай ихъ рѣзкаго революціоннаго конфликта съ противо-народнымъ правительствомъ“.

Помимо организованнаго давленія на городскую думу заставившаго послѣднюю несмотря на все ея сопротивленіе, рядомъ съ организаціей благотворительности ассигновать суммы и на организацію общественныхъ работъ, (ассигновано уже около 500000 и предвидятся дальнѣйшія ассигновки на сумму около 8.000.000)—безработные предъявляютъ къ работающей массѣ требованіе провести въ жизнь отмѣну сверхъ-урочныхъ работъ. Завѣдуя регистраціей безработныхъ, совѣты безработныхъ устанавливаютъ очередь поступленія на открывающіяся свободныя мѣста, сообразуясь съ семейнымъ положеніемъ и временемъ, когда для кого началась безработица.

Въ этомъ случаѣ, работающіе оказываютъ помощь безработнымъ товарищамъ, не принимая въ свою среду желающихъ нарушить очередь, что при затруднительности „сниманія“ является очень цѣнной услугой.

Говоря о движеніи безработныхъ мы останавливались главнымъ образомъ на движеніи Петербургскихъ рабочихъ. Москва въ этомъ отношеніи до сихъ поръ шла по слѣдамъ Петербурга.

Реформа избирательнаго права въ Австріи.

(*Письмо изъ Вѣны*).

Австрійскій пролетаріатъ съ неутомимою энергіею и не щадя никакихъ жертвъ ведетъ уже много лѣтъ борьбу за введеніе въ Австріи всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права, давно уже подчиняя этому своему требованію всѣ другія соображенія партійной жизни.

Австрійскій пролетаріатъ за время своего существованія въ формѣ организованной рабочей партіи, конечно, отзывался и на всѣ другіе вопросы австрійской жизни. Онъ выработалъ свои рѣшенія по вопросамъ національной борьбы въ Австріи, имѣетъ свое рѣшеніе по вопросу объ австро-венгерскомъ дуализмѣ, не мало потрудился при рѣшеніи различныхъ вопросовъ рабочаго законодательства и т. д. и т. д.

Но всегда и неизмѣнно онъ, приступая къ обсужденію всякаго такого вопроса, напоминалъ: „Caeterum censeo Cartha ginen delendam esse“; прежде всего должно разрушить Карѳагенъ австрійской системы народнаго представительства, дающаго такое извращенное, ложное представленіе объ истинныхъ интересахъ, стремленіяхъ и нуждахъ австрійскихъ народовъ, что при немъ нѣтъ возможности разсчитывать на правильное обсужденіе и рѣшеніе стоящихъ на очереди вопросовъ.

„Уничтожьте ложь этого народнаго представительства,— остальное приложится“, не уставала твердить австрійская рабочая партія, на которую особенно тяжко ложились всѣ недостатки австрійской политической системы. „*Остальное приложится*, какъ только будетъ уничтожена ложь ны-

нѣшней политической системы", чувствуютъ и всѣ защитники сословно-аристократическихъ, классовыхъ и національныхъ привилегій, до сихъ поръ удачно прикрывавшіе ложью господствующей политической системы свою сословную, классовую и національную ложь, которая служитъ только ихъ эгоистическимъ интересамъ.

Они прекрасно понимаютъ, что введеніе всеобщаго и равнаго избирательнаго права есть не просто политическая реформа, а соціальный переворотъ для Австріи, который унесетъ всѣ ихъ незаслуженныя привилегіи.

Поэтому-то они и повели такую отчаянную борьбу противъ предложеннаго правительствомъ Гауча проекта избирательной реформы.

И именно поэтому-то развернувшаяся въ австрійскомъ парламентѣ борьба между старою и новою Австріею представляетъ огромный не только мѣстный, но и общечеловѣческій интересъ.

I.

„Предложенный правительствомъ проектъ избирательной реформы обозначаетъ не просто реформу дѣйствующей въ Австріи системы выборовъ, но реформу всего государственнаго строя Австріи", заявляли одинъ за другимъ противники этой реформы во время обсужденія этого проекта въ парламентѣ.

А, между тѣмъ, не слѣдуетъ забывать, что начало *всеобщаго* избирательнаго начала не представляетъ чего-либо новаго для Австріи. Оно уже дѣйствуетъ въ австрійской избирательной системѣ въ теченіе почти десяти лѣтъ. Новое заключается только въ введеніи рядомъ со *всеобщностью* и *равенства* избирательнаго права.

До сихъ поръ на основаніи всеобщаго избирательнаго права избирались только 72 депутата пятой куріи, въ которую входили *всѣ* правомочные граждане, даже не обладавшіе никакимъ имущественнымъ или образовательнымъ цензомъ. Но эти 72 депутата являлись только придаткомъ къ 359 депутатамъ, которыхъ выбирали на основаніи привилегированнаго избирательнаго права остальныя четыре

куріи (крупнаго землевладѣнія, торговыхъ палатъ, мелкаго землевладѣнія и городскихъ налогоплательщиковъ).

Новымъ закономъ всѣ эти куріи уничтожаются, и передъ избирательною урною всѣ граждане признаются равными, располагающими однимъ только голосомъ.

По дѣйствующей системѣ 5,400 крупныхъ землевладѣльцевъ, составляющихъ отдѣльную курію, выбираютъ 85 депутатовъ; а 5,004,000 человѣкъ, входящихъ въ пятую курію, выбираютъ 72 депутата: въ первой куріи одинъ депутатъ приходится на 64 избирателей, въ пятой одинъ депутатъ — на 69,500 избирателей. Одинъ привилегированный избиратель равняется 1,080 непривилегированнымъ. Одинъ привилегированный избиратель имѣетъ для государства въ 1,080 разъ больше значенія, чѣмъ обыкновенный избиратель!

Что нужно при такой системѣ для того, чтобы попасть въ качествѣ депутата въ парламентъ, можно судить потому, что нынѣ въ австрійскомъ парламентѣ засѣдаютъ такіе депутаты, которыхъ выбираютъ какіе-нибудь семь или восемь избирателей (какъ, напр., гр. Траутмансдорфъ или аббатъ Трейенфельзъ). Въ отдѣльныхъ округахъ 30—40 крупнымъ землевладѣльцамъ предоставляется выбирать одного—двухъ депутатовъ.

Ясно, что для того, чтобы быть выбраннымъ въ депутаты отъ этой куріи, достаточно имѣть нѣсколько хорошихъ знакомыхъ. И депутатъ Дашинскій, которому приходится склонить на свою сторону 60—70 тысячъ избирателей, для того чтобы получить депутатское полномочіе, имѣлъ, конечно, полное основаніе бросить такого рода депутатамъ презрительную кличку „Chambres-separées-Deputirten“ (депутаты „отдѣльныхъ кабинетовъ“), какъ ихъ называютъ въ Галиціи, гдѣ вопросъ о томъ, кого изъ этихъ привилегированныхъ назначить депутатомъ, рѣшается не въ избирательныхъ собраніяхъ, а въ ресторанныхъ отдѣльныхъ кабинетахъ, въ которыхъ свободно размѣщается все количество необходимыхъ для такихъ выборовъ избирателей.

Отдѣльныя куріи, благодаря тому, что численное ихъ представительство въ парламентѣ имъ заранѣе обезпечено закономъ, устанавливающимъ разъ навсегда, какимъ количествомъ депутатовъ должна быть представлена каждая

курія, не вынуждены вступать въ состязаніе между собою; политическая борьба нормируется поэтому не реальными, живыми интересами, порождаемыми соотношеніемъ экономическихъ и соціальныхъ факторовъ въ любой данный моментъ, а совершенно сторонними соображеніями, въ родѣ большаго или меньшаго діапазона шовинистскихъ выкликовъ. Эти же сторонніе соображенія подсказываютъ и въ самомъ парламентѣ такую противоестественную группировку политическихъ партій, которая отнюдь не соотвѣтствуетъ общественнымъ настроеніямъ

Въ самой странѣ, напр., идетъ отчаяннѣйшая борьба между прогрессивными и реакціонными элементами; борьба, настолько обострившаяся, что нѣмецъ прогрессивнаго направленія отнюдь не согласенъ видѣть друга и единомышленника въ нѣмецкомъ реакціонерѣ, хотя онъ и соплеменникъ, а видитъ его въ чехѣ-прогрессистѣ, хотя послѣдній и иноплеменникъ. А въ парламентѣ нѣмецкіе либералы считаютъ необходимымъ итти вмѣстѣ съ нѣмецкими реакціонерами противъ чешскихъ либераловъ.

Диссонансъ между общественными теченіями и парламентскою практикою становится въ силу этого въ такой мѣрѣ рѣзкимъ, что парламентъ становится чуждымъ населенію, населеніе—парламенту. Между ними прекращается всякая живая связь, и дѣятельность парламента, лишившагося значенія руководителя политической жизни, не будучи оплодотворяема общественною мыслью, невольно замираетъ или порождаетъ наполненную ядовитыми испареніями атмосферу, въ которой только такой ядовитый плодъ, какъ обструкція, и можетъ произрастать.

Но обструкція надвигается на парламентъ при куріальной системѣ и съ другого конца. Въ такомъ парламентѣ рядомъ съ привилегированными депутатами засѣдаютъ и непривилегированные, допущенные, такъ сказать, изъ милости. Рядомъ съ 85-ю привилегированными депутатами отъ разряда крупныхъ землевладѣльцевъ засѣдаютъ 72 депутата отъ всего народа; рядомъ съ депутатомъ, выбираемымъ семью или десятью избирателями, засѣдаетъ депутатъ, представляющій 60—70 тысячъ избирателей.

И этотъ послѣдній, имѣющій всѣ основанія считать свой мандатъ болѣе крупною политическою цѣнностью,

чѣмъ мандатъ привилегированнаго сосѣда, долженъ видѣть, какъ во всѣхъ крупныхъ вопросахъ привилегированные, голосующіе за всякое предложеніе правительства, парализуютъ всѣ усилія истинныхъ представителей народа.

Можно ли удивляться тому, спрашиваетъ „Arbeiter-Zeitung“, что непривилегированные, въ концѣ концовъ, начинаютъ видѣть свое главное оружіе борьбы противъ привилегированныхъ насильниковъ въ терроризмѣ, въ обструкціи?

Куріальная система представительства интересовъ неизбѣжно порождаетъ обструкцію, т.-е. дискредитированіе парламента. Но она же неизбѣжно дискредитируетъ и другой факторъ политическаго управленія, т.-е. самое правительство.

И правительство, въ концѣ концовъ, вынуждено было само убѣдиться въ этомъ.

Въ особенности послѣднія десять лѣтъ парламентской жизни убѣдили его, что съ такимъ парламентомъ, т.-е. съ парламентомъ, члены котораго не сознаютъ своей отвѣтственности передъ избирателями, невозможно управлять страною. Оно не могло не видѣть, что вся парламентская жизнь свелась къ непрестанной закулисной парламентской игрѣ, въ которой потерявшія свою связь съ населеніемъ партіи помнили только о своихъ личныхъ или партійныхъ интересахъ, нисколько не заботясь объ интересахъ страны. Страна вопила о соціальныхъ реформахъ, о мѣрахъ къ поднятію промышленности, къ созиданію новыхъ источниковъ благосостоянія и т. д. и т. д.; въ парламентѣ же шли нескончаемыя національныя распри, въ которыхъ профессіональные политики изощряли свою способность запутывать вопросы, свои демагогическіе пріемы, при помощи которыхъ они пускали пыль въ глаза населенію.

А, между тѣмъ, узелъ національной борьбы, которую правительство нѣкогда само поощряло для того, чтобы, пользуясь рознью національныхъ партій, господствовать надъ всѣми ими, такъ запутался, что разрѣшеніе этого вопроса сдѣлалось государственною необходимостью. И въ то же время для правительства стало ясно, что не этотъ привилегированный парламентъ, лишившійся всякаго внутренняго содержанія, лишенный всякаго нравствен-

наго авторитета въ глазахъ населенія, безсильный извнутри и во—внѣ, способенъ разрѣшить такой важный вопросъ.

Но если бы правительство и соглашалось еще медлить, то эта возможность была отнята у него поднимавшеюся съ низовъ сильною народною волною. Событія въ Венгріи, гдѣ носитель короны (являющійся въ то же время и носителемъ австрійской короны) согласился ввести всеобщее избирательное право, чтобы при помощи *народа* сломить упорство аристократіи, вступившей въ борьбу съ короною; событія въ Россіи, учитывавшіяся въ первые моменты расцвѣта освободительной борьбы, какъ блестящая побѣда революціоннаго возстанія пролетаріата,—все это не могло не оказать сильнаго вліянія на австрійскія рабочія массы, которыя давно уже и очень настойчиво добивались равнаго съ остальными классами избирательнаго права и которыя, какъ показали резолюціи послѣдняго (въ октябрѣ 1905 г.) конгресса австрійской рабочей партіи, готовы были перейти къ крайнимъ средствамъ. Рабочая партія не только рѣшила на этомъ конгрессѣ прибѣгнуть къ всеобщей политической забастовкѣ *со всѣми возможными при этомъ послѣдствіями*, если ея требованія введенія всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права не будутъ удовлетворены, но и не преминула продемонстрировать передъ правительствомъ свою рѣшимость и свою силу. Во всѣхъ крупныхъ городахъ устроены были еще небывало-многочисленныя демонстраціи въ пользу избирательной реформы. Десятки тысячъ рабочихъ въ безчисленныхъ собраніяхъ и демонстраціяхъ заявляли, что они рѣшили всѣми средствами добиться этой реформы, въ которой они видятъ главное средство своей политической и соціальной эмансипаціи. Въ Вѣнѣ была устроена въ видѣ опыта и предостереженія блестяще удавшаяся однодневная забастовка и демонстрація, въ которой приняло участіе свыше 200.000 рабочихъ, окружившихъ парламентъ, чтобы прокричать ему свое требованіе.

Все это не могло не произвести извѣстнаго впечатлѣнія на правительство, безысходность положенія котораго еще усугублялась этимъ взрывомъ народнаго движенія. Оно теперь имѣло передъ собою непокорный парламентъ,

черезъ который ему въ теченіе десяти лѣтъ не удавалось провести ни одного своего требованія; парламентъ снѣдаемый органическимъ недугомъ, неспособный работать, относительно котораго правительство не безъ основанія могло говорить: „*хуже* его не можетъ быть никакой парламентъ, какова бы ни была избирательная система, положенная въ его основу".

Оно имѣло противъ себя, какъ доказало одно изъ предшествовавшихъ парламентскихъ голосованій, давшихъ значительное большинство въ пользу реформы избирательной системы, и гражданскую демократію, которая видитъ, что этотъ привилегированный парламентъ задерживаетъ экономическое и культурное развитіе страны, доводитъ ее до маразма, и которая поэтому готова была отказаться и отъ нѣкоторыхъ своихъ привилегій, лишь бы лишить привилегій тунеядствующую аристократію, разорявшую страну.

Оно имѣло противъ себя народныя массы. И за себя оно имѣло только ими же купленную, его милостями осыпанную жадную, корыстолюбивую аристократію, требующую все новыхъ и новыхъ подачекъ на счетъ народа и готовую подкопаться подъ правительство, какъ только ей начинаютъ отказывать въ подачкахъ.

Правительство должно было убѣдиться наконецъ, что аристократія, какъ справедливо выразился одинъ депутатъ, является теперь не государство—поддерживающимъ (Staats erhaltender) элементомъ, а государствомъ—поддерживаемымъ (vom Staat erhaltender) элементомъ; элементомъ крайне неблагодарнымъ, не внушающимъ къ себѣ никакого уваженія и неспособнымъ въ наше демократическое время усиливать своимъ авторитетомъ авторитетъ правительства, а скорѣе дискредитировать его своею поддержкою.

Дѣйствительно ли такъ разнуздало правительство, или оно имѣло еще другіе побудительные мотивы, чтобы выступить съ проектомъ демократической реформы избирательнаго права (увѣряютъ, что это демонстрированіе правительственнаго демократизма имѣетъ въ виду Венгрію, гдѣ корона старается оторвать массы отъ поднятаго аристократически-буржуазною оппозиціею сепаратитскаго движе-

нія), но въ мотивахъ къ своему проекту оно почти все цѣло становится на вышеприведенную точку зрѣнія.

„Мы должны себѣ сознаться,—заявилъ въ своей рѣчи, которою онъ мотивировалъ законопроектъ о введеніи въ Австріи всеобщаго иравнаго и збирательнаго права министръ-президентъ, Гаучъ,—что творческая сила построеннаго на представительствѣ интересовъ (куріальной системѣ) парламента истощалась по мѣрѣ того, какъ эта система становилась во все большее и большее несоотвѣтствіе съ прогрессивными тенденціями нашей эпохи и дѣлалась чуждою превозобладавшимъ въ общественномъ сознаніи новымъ идеямъ. Вотъ почему нашъ парламентъ въ концѣ концовъ превратился въ нѣчто безсильное и безвольное, оказавшееся неспособнымъ справиться съ бурею обструкціи... Для всѣхъ насъ ясно, что должны быть созданы новыя основы нашей парламентской жизни, и такою основою можетъ быть только всеобщее, неограниченное никакимъ цензомъ и никакими привилегіями избирательное право... Только при такой попыткѣ уравненія населенія въ политическихъ правахъ мы окажемся солидарными съ намѣтившимися тенденціями развитія нашей общественной жизни. И если мы желаемъ создать залогъ нормальнаго и непрерывнаго развитія нашей политической жизни, то мы должны помнить, что не въ противопоставленіи себя великимъ духовнымъ стремленіямъ эпохи, а только въ планомѣрномъ приспособленіи къ нимъ дѣйствительности кроется такой залогъ. Но къ осуществленію великихъ реформъ должно приступать съ глубокимъ убѣжденіемъ и съ сознаніемъ моральной отвѣтственности за свои дѣйствія... Я лично вѣрю, что только эта реформа можетъ вызвать возрожденіе австрійскаго парламентаризма, и съ спокойною совѣстью иду навстрѣчу борьбѣ и опасностямъ, съ которыми сопряжены эта реформа. Съ нею я связываю свою политическую судьбу, но если я и паду въ этой борьбѣ, то это все-таки не будетъ обозначать пораженія этой реформы. Люди исчезаютъ, идеи остаются. И тѣ, которые согласятся подать свой голосъ за эту реформу, могутъ сдѣлать это съ сознаніемъ, что они содѣйствуютъ великому дѣлу соціальнаго примиренія“.

„...Нынѣ дѣйствующая у насъ избирательная система,—

заявилъ во время дальнѣйшихъ дебатовъ и министръ внутреннихъ дѣлъ гр. Виландтъ-Рейдти,—слишкомъ отстала отъ экономическаго и соціальнаго развитія нашего времени; экономическія категоріи, положенныя въ свое время въ основу нашей системы представительства интересовъ, давно уже подверглись такимъ измѣненіямъ, такъ перемѣстились съ точки зрѣнія ихъ общественнаго значенія, что служить и нынѣ основою политической системы онѣ не могутъ. На этой почвѣ, въ концѣ концовъ, выросли такія ненормальныя отношенія, что требованіе реформы избирательной системы сдѣлалось всеобщимъ лозунгомъ. И теперь, когда требованіе всеобщаго и равнаго избирательнаго права поставлено уже на очередь, какъ реальная политическая реформа, заставить его исчезнуть ни у кого не хватитъ силъ... Я лично глубоко вѣрю, что именно предоставленіе равнаго права выборовъ всѣмъ, которые участвуютъ своими силами въ несеніи тяжестей, возлагаемыхъ государствомъ на гражданъ, будетъ содѣйствовать благу и торжеству мира въ Австріи. Но эта реформа имѣетъ еще за собою и о, что вложенный въ ея основу принципъ есть идея-справедливости, а справедливость, господа, все-таки, въ концѣ концовъ, оказывалась самымъ крѣпкимъ звеномъ, связывающимъ отдѣльныя части государства самою прочною основою его силы...“

II.

Дебаты по вопросу о всеобщемъ избирательномъ правѣ въ австрійскомъ парламентѣ представили, какъ этого и можно было ожидать, сугубый интересъ и съ спеціально-австрійской точки зрѣнія, и съ точки зрѣнія общеполитической.

Можно съ увѣренностью сказать, что и три, и два года тому назадъ было бы совершенно безнадежною затѣею пытаться поставить на очередь этотъ вопросъ. Да онъ и не ставился. Среди единственной партіи, для которой эта реформа представляетъ жгучій жизненный интересъ, среди соціалъ-демократической партіи изъ-за этого происходили ожесточенные споры. На всѣхъ конгрессахъ, съѣз-

дахъ, собраніяхъ и въ печати болѣе молодые и увлекающіеся напирали на посѣдѣлыхъ руководителей партіи за ихъ медлительность въ этомъ вопросѣ и кричали имъ: „Какое вы имѣете право сдерживать партію отъ рѣшительной схватки съ правительствомъ, отказывающимъ намъ даже въ этомъ несомнѣнномъ нашемъ правѣ? Ведите насъ въ бой! Мы требуемъ!“

А старики надменно отвѣчали: „Еще пора не наступила! Мы только напрасно истощимъ силы партіи!“

И наступила эта пора лишь тогда, когда въ Россіи развернулась грандіозная картина великой русской революціи.

Спеціально въ Венгріи и въ Австріи правительства не только не скрывали, но и откровенно заявляли, что рѣшеніе демократизировать политическій строй при помощи введенія всеобщаго и равнаго избирательнаго права принято ими отчасти подъ вліяніемъ послѣднихъ событій въ Россіи, которыя показали, что опасно дальше противиться демократическимъ тенденціямъ нашей эпохи.

Но если демократизація политическихъ формъ жизни нашла себѣ, подъ вліяніемъ русскаго освободительнаго движенія, неожиданныхъ сторонниковъ въ правительственныхъ сферахъ, то среди тѣхъ классовъ, которымъ демократизація невыгодна, она должна была встрѣтить своихъ прежнихъ враговъ. Что же могли сказать они противъ всеобщаго и равнаго избирательнаго права теперь? Что они могли сказать противъ такой реформы послѣ „печальнаго“ опыта другихъ странъ, опыта, приведшаго даже къ толкамъ о банкротствѣ парламентаризма?

Это былъ тотъ общій вопросъ, который могъ привлечь къ себѣ вниманіе всякаго, интересующагося вопросами политическаго быта странъ и народовъ.

Но былъ при этомъ и еще одинъ не менѣе интересный вопросъ, выдвинутый спеціальными условіями австрійской жизни.

При разноплеменномъ составѣ Австріи, въ которой приходится уживаться восьми чуждымъ и даже враждебнымъ другъ другу національностямъ, всякій политическій вопросъ, а особенно вопросъ, такъ глубоко врѣзывающійся во всѣ условія политическаго быта, какъ вопросъ объ избирательной системѣ, будетъ вызывать такія трудности, ка-

кимъ нѣтъ аналогіи въ государствахъ съ одноплеменнымъ составомъ населенія. Объясняется это самою сущностью національной борьбы, которая рѣзко отличается отъ всѣхъ другихъ видовъ политической и соціальной борьбы.

Какъ извѣстно, ни одинъ вопросъ не способенъ въ такой мѣрѣ разжигать страсти, приводить въ движеніе какъ самые низменные инстинкты, такъ и самыя благородныя побужденія, вдохновлять на самые высокіе подвиги, но и совершенно затемнять разсудокъ и дѣлать неспособнымъ къ логическому мышленію, какъ именно національный вопросъ.

Происходитъ это отчасти потому, что въ фактѣ національнаго порабощенія въ наиболѣе обнаженной и грубой формѣ выступаетъ начало грубаго владычества однихъ надъ другими.

Если въ области соціальнаго подчиненія однихъ классовъ другимъ грубое начало господства человѣка надъ человѣкомъ можетъ быть еще сокрыто и затемнено вещными отношеніями между ними, нѣмыми отношеніями производства и обмѣна, которыя многими могутъ приниматься, какъ нѣчто „отъ вѣковъ установленное“ и измѣненіямъ не подлежащее (какъ извѣстно, потребовались столѣтія для того, чтобы сущность этого процесса была открыта и предстала передъ человѣческимъ обществомъ въ ея истинномъ видѣ), то въ подчиненіи одной національности, являющемся результатомъ насильственнаго покоренія, ничѣмъ нельзя прикрыть отношеній господства прежнихъ покорителей, продолжающихъ сознавать себя покорителями, къ покореннымъ. Покоренный и порабощенный здѣсь всегда несетъ съ собою свое униженіе и не можетъ забыть его, если покоритель не принялъ всѣхъ мѣръ къ тому, чтобы вытравить изъ его сердца эту обиду. Съ другой стороны, и сама конечная цѣль національной борьбы должна накладывать особый отпечатокъ на формы и средства этой борьбы.

Вѣдь каждая національность прежде всего мечтаетъ не о томъ, какъ бы сожительствовать вмѣстѣ, а о томъ, какъ бы освободиться отъ всякаго сожительства, какъ бы создать для себя свой политическій домъ-особнякъ.

Только сознаніе полной невозможности осуществленія

такого идеала можетъ заставить покоренную національность отказаться отъ этого идеала (или созданія вполнѣ идеальнаго сожительства національностей, чему пока нѣтъ еще примѣровъ); но и тогда она будетъ всегда болѣе склонна снести чужую кровлю, подъ которою она живетъ, чѣмъ сносить обиды, пока у нея есть хоть какая-нибудь возможность бороться противъ этого.

Примѣненіе къ Австріи системы всеобщаго и равнаго избирательнаго права въ томъ видѣ, въ какомъ она примѣняется въ однородныхъ по своему племенному составу государствахъ, обозначало бы съ точки зрѣнія господствующей въ ней теперь нѣмецкой національности жестокое для нея пораженіе, т.-е. именно одну изъ тѣхъ обидъ, на которую всякая національность, способная еще бороться, отвѣтитъ энергичнымъ протестомъ.

На почти 27-милліонное населеніе Австріи приходится около 8 милліоновъ нѣмцевъ. При введеніи всеобщаго и равнаго избирательнаго права примѣнительно только къ числу, т.-е. въ формѣ: одинъ депутатъ на столько-то избирателей, нѣмцы могли бы, такимъ образомъ, разсчитывать только на одну треть депутатскихъ мѣстъ въ парламентѣ, т.-е. были бы обречены на положеніе меньшинства, всецѣло подчиненнаго славянскому большинству.

Но нѣмцы не забыли и не могутъ забыть, что совсѣмъ еще недавно они были неограниченными господами положенія въ Австріи. Вплоть до послѣдняго времени при реформахъ избирательнаго права интересы нѣмецкой національности, на которую опиралось правительство, принимались всегда во вниманіе. Еще въ 70-хъ годахъ они располагали 220—230 мандатами изъ 353, которыхъ насчитывалось въ парламентѣ. И какъ ни умаляется съ этого времени ихъ политическая роль, они всетаки и теперь еще располагаютъ 205 мандатами изъ 425, т.-е. располагаютъ большинствомъ, какъ только къ нимъ присоединяются итальянцы, что всегда бываетъ.

Кромѣ того, нѣмцы не безъ основанія видятъ въ себѣ носителей культуры въ Австріи, создавшихъ эту страну, располагающихъ и теперь еще неограниченнымъ вліяніемъ въ городахъ, держащихъ въ своихъ рукахъ всю австрійскую промышленность, поставляющихъ странѣ главный

контингентъ интеллигенціи, главный контингентъ высшей бюрократіи...

Они поэтому оказали бы самое отчаянное сопротивленіе избирательной реформѣ, которая считалась бы только съ цифрами населенія и принимала бы тысячу нѣмецкихъ „культуртрегеровъ“ за такую же величину, какъ и тысячу неграмотныхъ польскихъ или руссинскихъ крестьянъ.

Поэтому какъ только зашла рѣчь объ этой реформѣ, нѣмцы заявили, что они требуютъ, чтобы при опредѣленіи числа депутатовъ отъ данной области принималось бы во вниманіе не только количество ея населенія, но и цифра вносимыхъ ею налоговъ, культурный ея уровень и т. д. этимъ они надѣялись спасти себя отъ того, чтобы безграмотное польско-руссинское населеніе Галиціи, напр. не задавило числомъ своихъ депутатовъ культурное нѣмецкое населеніе Австріи. Не очень улыбалась, можетъ быть, такая перспектива и самому правительству, которое врядъ ли хотѣло бы видѣть ослабленіе культурнаго нѣмецкаго элемента въ парламентѣ.

Оно поэтому рѣшило не умалять такъ называемаго „нѣмецкаго достоянія“, т.-е. количественно представляемаго нѣмцами вліянія въ Австріи и сохранить имъ ихъ прежніе 205 мандатовъ.

Но въ пользу этой реформы нужно было расположить и славянъ. Да къ тому же невозможно было бы при проведеніи такой широкой реформы, выдвигающей на первый планъ требованія политической справедливости, оставить въ нетронутомъ видѣ тѣ грубыя нарушенія правъ избирателей, которыя допущены были нѣмцами въ періодъ ихъ безграничнаго господства.

И вотъ, чтобы угодить этой сторонѣ, не обижая въ то же время другую сторону, правительство рѣшило увеличить число депутатовъ вообще на 30 (съ 425 на 455) и предоставило всѣ эти 30 депутатскихъ мѣстъ славянамъ.— Въ общемъ получалась нѣсколько своеобразная система всеобщаго и *равнаго* избирательнаго права, могущая служить интереснымъ образцомъ попытки законодательнаго сочетанія необходимаго съ возможнымъ.

Въ Австріи правительственнымъ проектомъ Гауча дѣйствительно вводится всеобщее и *равное* избирательное пра-

во. Дѣйствительно, отнынѣ всякій австрійскій гражданинъ пользуется избирательнымъ правомъ; всякій передъ избирательною урною располагаетъ одинаковою силою, подаетъ только одинъ голосъ.

Но въ то же время въ этомъ принципѣ равенства пробита замѣтная брешь. Для того, чтобы сдѣлать этотъ законъ пріемлемымъ *всѣми* партіями и не вносить слишкомъ сильную ломку въ установившіяся національныя отношенія, правительству пришлось распредѣлить число мандатовъ далеко неравномѣрно по отдѣльнымъ областямъ

Такимъ образомъ напримѣръ:

	Съ населеніемъ въ	Предоставлено мандатовъ.
Нижней Австріи	3,1 милл.	55
Богеміи	6,4 „	118
Галиціи	7,3 „	88
Буковинѣ	0,8 „	11

и т. д.

Благодаря этому распредѣленію, получилось, что въ среднемъ, по вычисленію депутатъ Клофача, одинъ депутатскій мандатъ приходится у нѣмцевъ на 44,700 чел. населенія, у итальянцевъ—на 45,000, у чеховъ—на 60,000, у у поляковъ—на 66,000, у руссиновъ—на 108,700.

Эти вычисленія, правда, нельзя принять à la lettre. Полная равномѣрность вообще вещь трудно достижимая при распредѣленіи округовъ, такъ какъ при построеніи конфигураціи избирательнаго округа приходится считаться съ необходимостью совпаденія его границъ съ границами судебно-административныхъ подраздѣленій области, съ составомъ населенія, даже съ топографическими иногда особенностями мѣстности. Ариѳметически равновеликихъ избирательныхъ округовъ поэтому почти не знаетъ ни одна страна; и въ Австріи тоже такая разница, какъ между цифрами 44,000 и 108,000, опредѣляющими количество населенія, на которое приходится одинъ депутатъ, вызвана отчасти административными соображеніями удобства, а не только политическими соображеніями.

Но послѣднія, конечно, играли очень видную роль при распредѣленіи округовъ, чего правительство и не скрываетъ. Сознавая, что необходимымъ условіемъ пріемлемо-

сти этой реформы является устраненіе всего, что можетъ быть истолковано въ смыслѣ вторженія въ установившіяся національныя отношенія, оно затратило массу труда на то, чтобы при помощи сложныхъ, иногда не лишенныхъ даже остроумія комбинацій, обходить щекотливые пункты.

Прежде всего, оно очертило округи такъ, чтобы по мѣрѣ возможности каждый округъ представлялъ собою въ національномъ отношеніи одно цѣлое, а не раздираемое національною борьбою тѣло.

До сихъ поръ въ девяти изъ австрійскихъ областей со смѣшаннымъ населеніемъ въ 19 милліоновъ лишь 15 милліоновъ были представлены депутатами одной съ ними національности, остальные 4 милліона, входившіе въ видѣ придатковъ къ чужому имъ національному большинству въ различные избирательные округи, растворялись въ этомъ большинствѣ и были представлены депутатами чужой имъ національности. По новому проекту число уменьшается съ 4 милліоновъ до 1,173,000. Только этотъ одинъ милліонъ представителей различныхъ національностей, живущихъ, небольшими группами среди чужихъ, какъ, напримѣръ, нѣсколько сотъ нѣмцевъ въ какомъ-нибудь чешскомъ Чаславѣ или нѣсколько сотъ чеховъ въ нѣмецкомъ Ауссигѣ, вынужденъ будетъ довольствоваться тѣмъ, что они представлены въ парламентѣ депутатами не своей національности. Остальные 18 милліоновъ населенія смѣшанныхъ округовъ избавлены отъ этой непріятной имъ перспективы.

Чтобы достигнуть этой цѣли, правительству Гауча пришлось, между прочимъ, ввести въ свой проектъ одинъ очень смѣлый политическій пунктъ, представляющій огромный интересъ для Австріи.

Какъ извѣстно, австрійскія національныя стремленія получили свое выраженіе въ двухъ предлагаемыхъ національностями рѣшеніяхъ національнаго спора. Націонали-сты старой школы, продолжающіе питаться устарѣлыми мечтами и лозунгами, требуютъ возстановленія *историческихъ* территоріальныхъ автономій, составлявшихъ нѣкогда отдѣльныя государства, и не считаются съ тѣмъ, что на этихъ территоріяхъ произошло въ теченіе вѣковъ смѣшеніе національностей, не позволяющее такое возста-

новленіе историческихъ правъ. Поэтому-то чехамъ, напримѣръ, и трудно такъ осуществить свою мечту о возстановленіи чешскаго королевства, на территоріи котораго живетъ около 4 милліоновъ нѣмцевъ, не согласныхъ признать чеховъ своими господами. Національности новаго направленія, старающіеся примирить свои національныя стремленія съ требованіями нашего времени, настаиваютъ на созданіи *національныхъ* автономій, обнимающихъ представителей одной и той же національности. Такія національныя автономіи, безотносительно къ своему территоріальному разселенію, должны составлять одну культурно-политическую организацію, которая сама заботится объ удовлетвореніи потребностей своей національности.

Это требованіе, разработанное на соціалистическихъ конгрессахъ австрійской рабочей партіи и выставленное затѣмъ отъ имени партіи, на первыхъ порахъ считалось одною изъ такъ называемыхъ соціалистическихъ утопій. Постепенно, однако, оно проложило себѣ путь въ общественномъ мнѣніи и нашло себѣ мѣсто въ политическихъ теоріяхъ нѣкоторыхъ буржуазныхъ партій.

Правительственный проектъ, предложенный бар. Гаучемъ, санкціонируетъ эту теорію и съ точки зрѣнія нынѣшняго государства еще пока только въ примѣненіи къ одной области, къ Моравіи.

Дѣло въ томъ, что здѣсь населеніе въ смыслѣ раздѣленія по національностямъ представляетъ такую пеструю національную черезполосицу, что разграничить его территоріально, какъ это могло быть сдѣлано по отношенію къ Богеміи, напр., или Тироля, не представляется никакой возможности. Составлять же избирательные округа изъ смѣшаннаго чешско-нѣмецкаго населенія значило, въ виду столь обостренныхъ національныхъ отношеній, заранѣе обрекать выборную агитацію на безплодную національную борьбу, способную затемнить смыслъ и характеръ соціально-политическихъ подраздѣленій внутри каждой національности.

Правительственный проектъ вводитъ поэтому для Моравіи избирательные національные кадастры, въ которые избиратели вносятся по національностямъ и которые даютъ возможность каждой національности избирать своихъ

депутатовъ, не считаясь со своимъ національнымъ сосѣдомъ-противникомъ.

Новшествомъ для Австріи является и вводимый въ восточной части Галиціи родъ пропорціональнаго представительства, согласно которому каждый округъ выбираетъ не одного, а двухъ депутатовъ относительнымъ большинствомъ голосовъ, что позволяетъ русинскимъ меньшинствамъ въ польскихъ округахъ и польскимъ въ русинскихъ проводить на выборахъ своихъ кандитатовъ.

Вотъ какимъ длиннымъ окольнымъ путемъ пришлось итти въ Австріи для того, чтобы сдѣлать всеобщее и равное избирательное право, въ которомъ и само правительство видитъ теперь единственное спасеніе для страны, пріемлемымъ всѣми національными партіями.

Въ пользу всеобщаго и равнаго избирательнаго права pur et simple, въ основу котораго былъ бы положенъ только ариѳметическій подсчетъ населенія, выступили въ парламентѣ только отъявленные враги всякихъ демократическихъ реформъ. Выступили именно потому, что этимъ путемъ легче всего было бы погубить эту реформу, къ вящему подтвержденію положенія о томъ, что „лучшее можетъ оказаться самымъ опаснымъ врагомъ просто хорошаго“.

„Реформа—такъ реформа! *Равное* избирательное право—такъ ужъ равное безъ сучка и задоринки!“,—заливался въ парламентѣ гр. Дзедушицкій, руководитель самой циничной въ политическомъ отношеніи, какая когда-либо существовала, польской шляхетской организаціи, всегда продающей народныя права за деньги и другія блага, нагло издѣвающейся въ своей Галиціи надъ собственнымъ польскимъ крестьянствомъ, надъ всею русинскою народностью, права которыхъ они безстыдно топчутъ ногами.

„Равноправіе—такъ равноправіе! Предоставьте же избирательныя права и женщинамъ „говорилъ ему депутатъ нѣмецкой партіи крупнаго землевладѣнія, фонъ-Грабмайръ.

Откуда, спросите вы, такія залежи народолюбія и любви къ справедливости въ черствыхъ сердцахъ представителей такихъ своекорыстныхъ курій; залежи, которыя въ теченіе десятилѣтій ничѣмъ себя не проявляли?

Объясняется это слишкомъ даже просто. Равное избирательное право въ его чистѣйшемъ видѣ вызвало-бы та-

кую бурю среди нѣмцевъ, что они всѣми средствами, не останавливаясь и передъ обструкціей, воспротивились бы далѣе внесенію такого проекта на обсужденіе парламента.

Лишь послѣ того, какъ Гаучъ заранѣе объявилъ, что при разработкѣ реформы будутъ приняты національные интересы отдѣльныхъ національностей, сдѣлались вообще возможными въ Австріи разговоры объ этой реформѣ, и нѣмцы могли согласиться, чтобы ихъ представители поддерживали сношенія съ Гаучемъ при разработкѣ отдѣльныхъ пунктовъ законопроекта.

И вотъ именно потому, что требованіе *равнаго* избирательнаго права въ его чистѣйшемъ видѣ для Австріи легче всего можетъ погубить эту реформу вообще, Дзедушицкіе и требуютъ, чтобы отъ него не дѣлалось никакихъ рѣшительно отступленій, а фонъ-Грабмайръ не желаетъ мириться на меньшемъ, какъ на предоставленіи избирательныхъ правъ и женщинамъ!

И знаете вы, кому пришлось въ Австріи выступить при обсужденіи этой реформы въ роли наиболѣе умѣренныхъ? Это пришлось сдѣлать самой крайней партіи, вѣчно обвиняемой только въ разрушительныхъ тенденціяхъ, чуть ли не въ разрушеніи ради разрушенія, — это пришлось сдѣлать австрійской соціалъ-демократической партіи.

„Если вы насъ спросите, какъ *мы* построили бы избирательную систему, если-бы осуществленіе ея зависѣло отъ насъ, то мы вамъ отвѣчаемъ, что нашъ идеалъ избирательной системы—равное избирательное право для всѣхъ безъ всякихъ изъятій, т.-е. съ распространеніемъ ихъ и на женщинъ, заявилъ въ парламентѣ вождь австрійской рабочей партіи, д-ръ Адлеръ. Намъ больно и трудно мириться тоже съ тѣмъ, что правительственный проектъ устанавливаетъ, какъ необходимое условіе пользованія избирательнымъ правомъ, годичную осѣдлость, такъ какъ мы знаемъ, что это условіе лишаетъ этого права десятки тысячъ промышленныхъ рабочихъ, вынужденныхъ по условіямъ своего труда мѣнять мѣстожительство; намъ трудно мириться съ тѣмъ, что избирательное право предоставляется этимъ законопроектомъ лишь достигшимъ 24-лѣтняго возраста, тогда какъ мы не безъ основаній можемъ требовать для нашихъ избирателей-рабочихъ, рано начинающихъ жить,

и рано умирающихъ (раньше, чѣмъ представители имущихъ классовъ, которые живутъ еще на иждивеніи родителей, когда рабочій уже обзаводится своею семьею), 21-лѣтняго возраста. Мы не закрываемъ тоже глаза на то, что правительственный проектъ „нарѣзалъ“ избирательные округи съ такимъ разсчетомъ, чтобы задержать успѣхи рабочаго движенія...

„Но мы знаемъ въ то-же время, какъ трудно вести борьбу съ „пріобрѣтенными“ правами; знаемъ, что внезапное насильственное изъятіе этихъ правъ можетъ вызвать ожесточенную борьбу, исходъ которой нельзя опредѣлить съ увѣренностью; знаемъ, что первое условіе осуществимости у насъ избирательной реформы заключается въ томъ, чтобы сдѣлать ее пріемлемой главными партіями; видимъ, что требованіе осуществленія всѣхъ пунктовъ нашей программы по вопросу объ избирательной системѣ привелъ бы только къ рѣшительному отклоненію всѣми составленнаго въ такомъ духѣ проекта. Мы поэтому считаемъ измѣнникомъ народному дѣлу и врагомъ избирательной реформы всякаго, кто пытается яко бы расширить ее, связать ее судьбу съ далеко заходящими и неосуществимыми теперь требованіями. И мы поэтому будемъ голосовать за эту реформу даже въ томъ случаѣ, если намъ не удастся внести въ нее тѣ поправки, которыя мы считаемъ желательными: такимъ огромнымъ завоеваніемъ считаемъ мы ее даже въ настоящемъ ея видѣ!

„К.-к. Social-Democraten!“ („императорско-королевскіе соціалъ-демократы!“), раздавались во время дебатовъ крики по адресу соціалъ-демократическихъ ораторовъ изъ устъ депутатовъ, завѣдомо извѣстныхъ въ качествѣ лакействующихъ политиковъ, вѣчно выманивающихъ подачку у правительства.

— Да, да! *Мы—измѣнники народному дѣлу, а вы—его защитники!*—отвѣчалъ фонъ-Грабмайрамъ, Дзедушицкимъ и другимъ Адлеръ.—И я приглашаю васъ поэтому выступить вмѣстѣ со мною на какомъ вамъ угодно народномъ митингѣ, гдѣ я изложу, почему я ограничиваюсь этимъ *малымъ*, а вы разскажете, почему вы не можете этимъ удовлетвориться и требуете *большаго*. Народъ уже отвѣтитъ вамъ самъ, которая изъ этихъ рѣчей кажется ему болѣе убѣдительною, и кому изъ насъ онъ больше вѣритъ.

III.

Помогла ли, однако, правительству проявленная имъ осторожность въ разработкѣ проекта? Привело ли къ цѣли обнаруженное имъ стремленіе тщательно взвѣшивать всѣ детали этой реформы въ интересахъ удовлетворенія всѣхъ странъ?

И да, и нѣтъ.

Если бы прислушаться къ рѣчамъ отдѣльныхъ крайнихъ національностовъ всѣхъ лагерей, то пришлось бы признать, что всѣ усилія правительства оказались тщетными, такъ какъ рѣзче нападать на этотъ проектъ противники его не могли бы и въ томъ случаѣ, если бы правительство просто заявило, что оно ни съ какими желаніями отдѣльныхъ партій не считается, а дѣлаетъ лишь то, что ему, по его соображеніямъ, кажется необходимымъ.

„Насъ выгоняютъ изъ парламента, послѣ того какъ въ теченіе столькихъ лѣтъ пользовались нашими услугами", жаловались представители привилегированныхъ курій, „Der Mohr hat seint Pflicht getan,—der Mohr kann gehen, говоритъ намъ правительство", жаловался гр. Сильва-Тарука.

И насмѣшки, и укоризны сыпались градомъ на барона Гауча.

„Чиновникъ въ роли революціонера его величества", смѣялись его родовитые противники, обвиняя его въ томъ, что онъ увлекся демагогическими фразами, испугался демонстрировавшихъ рабочихъ и теперь, не будучи въ состояніи подъ вліяніемъ охватившаго его чувства страха хорошо разбираться въ окружающемъ, разразился демагогически—демократическою реформою.

Въ ряду противниковъ реформы на первомъ планѣ стояла нѣмецкая аристократія, которая теряетъ при этой реформѣ и какъ аристократическая каста вообще, и какъ нѣмецкая аристократія въ частности.

Всеобщее и равное избирательное право, доказывали отъ ихъ имени фонъ-Грабмайръ, гр. Траутмансдорфъ, гр. Штюргкъ, вводя въ парламентъ славянское большинство, не только уничтожаетъ значеніе въ Австріи наиболѣе культурнаго нѣмецкаго элемента, не только ведетъ неиз

бѣжно къ децентрализаціи Австріи и превращенію ея въ федеративное государство, т.-е. къ полному распаденію ея (по ихъ мнѣнію), но вызоветъ немедленно полный переворотъ въ международныхъ отношеніяхъ. Ибо только нѣмцы и поддерживали въ Австріи тройственный союзъ (какъ будто бы эта политическая комбинація была вѣчнымъ институтомъ, съ исчезновеніемъ котораго должна исчезнуть и Австрія), и превращеніе ихъ въ меньшинство приведетъ къ выходу Австро-Венгріи изъ тройственнаго союза.

Кромѣ того, „система всеобщаго и равнаго избирательнаго права передаетъ власть изъ рукъ имущихъ, дорожащихъ порядкомъ, классовъ въ руки классовъ неимущихъ и неспокойныхъ; меньшинство страны, превосходящее массу своею образованностью, культурою, перестаетъ быть замѣтнымъ факторомъ политической жизни въ виду того, что преобладающая роль достается тогда малообразованнымъ и невѣжественнымъ массамъ; въ парламентъ попадаютъ при этой системѣ не наиболѣе способные и талантливые, а наименѣе разборчивые въ средствахъ борьбы; она открываетъ широко двери безталаннымъ посредственностямъ, демагогамъ, крикунамъ“.

Вполнѣ подписываясь подъ этою частью аргументаціи нѣмецкой аристократіи, аристократы славянскаго лагеря переворачивали только при этомъ остріе копья и пророчили прямо противоположное.

Несправедливое предоставленіе нѣмцамъ цѣлыхъ 205 мѣстъ въ парламентѣ навѣки устанавливаетъ ихъ преобладающее значеніе въ политической жизни Австріи. Австрія благодаря этому, и впредь останется централистскою страною, между тѣмъ какъ ея жизненные интересы требуютъ примѣненія къ ея управленію автономистско-федеративнаго начала, централизмъ же только задерживаетъ ея развитіе и истощаетъ всѣ ея силы.

„Всякій славянскій депутатъ, который подпишется подъ этимъ закономъ, опозоритъ свое имя въ исторіи“, воскликнулъ въ благородномъ негодованіи гр. Дведушицкій.

„Мы запрещаемъ вамъ прикрывать свои аристократическія кастовыя вожделѣнія именемъ нѣмецкаго народа“, заявляли во время дебатовъ прогрессивные депутаты нѣмецкаго же лагеря аристократическимъ защитникамъ правъ нѣмецкаго „народа“.

„Мы запрещаемъ вамъ злоупотреблять именемъ польскаго народа, которымъ вы стараетесь прикрыть ваши анти-соціальныя шляхетскія стремленія“, заявилъ по адресу польскихъ противниковъ реформы депутатъ Дашинскій, самъ полякъ. „Запрещаемъ это вамъ, графы Дзедушицкіе, и вамъ, Абрагамовичи, и вамъ, Гломбинскіе... Вы, разорившіе и разоряющіе польскій народъ, не имѣете права говорить отъ его имени... Вотъ уже сорокъ лѣтъ вы неограниченнно хозяйничаете въ этой странѣ, являетесь неограниченными господами галиційскаго ландтага... И что вы сдѣлали изъ этой страны? Во что вы превратили польскій народъ? Вы заставили правительство заплатить вамъ, шляхтѣ, десятки милліоновъ за ваше пропинаціонное право и за другія ваши помѣщичьи права, а народъ вы держите въ невѣжествѣ, не даете ему школъ, потому что вы боитесь грамотнаго народа, который разглядитъ вашу злостную политику. И во всей Европѣ нѣтъ народа невѣжественнѣе галиційскаго крестьянства; нѣтъ бѣднѣе его... Десятками тысячъ онъ вынужденъ ежегодно покидать родныя мѣста и искать себѣ пропитанія въ далекой Америкѣ. Вы опустошили Галицію, и если такъ будетъ продолжаться, то скоро въ Галиціи не будетъ „народа“, отъ имени котораго вы дерзаете говорить“...

Правительственный проектъ, не рвавшій слишкомъ рѣзко съ установившимися національными отношеніями и пощадившій нѣкоторые историческіе пережитки, не только выбилъ изъ рукъ націоналистовъ главное орудіе борьбы противъ этой реформы, но далъ въ то же время возможность неослѣпленнымъ шовинизмомъ группамъ повести успѣшно борьбу съ ультранаціоналистами на самой опасной для всякаго австрійскаго закона почвѣ, на почвѣ національныхъ препирательствъ.

Что же касается другихъ возраженій противъ всеобщаго избирательнаго права, возраженій, подсказанныхъ не націоналистскими соображеніями, а, такъ сказать, „чистымъ разумомъ“, или, вѣрнѣе, нечистыми помыслами, то они были слишкомъ малоцѣнны и тривіальны, чтобы съ ними можно было серьезно считаться.

Достаточно было просто привести примѣръ французскаго и германскаго парламентовъ, избираемыхъ на основаніи

всеобщаго и равнаго избирательнаго права, выдвинувшихъ такихъ блестящихъ парламентскихъ дѣятелей, какимъ австрійскій аристократическій парламентъ никого не можетъ противопоставить, для того чтобы разоблачить всю фальшь ламентаціи о томъ, что демократическая избирательная система открываетъ двери парламента только „посредственностямъ“, демагогамъ и крикунамъ.

И въ Германіи, и во Франціи въ парламентъ попадаютъ далеко не одни демократы и демагоги, а на отсутствіе въ этихъ парламентахъ крупныхъ политическихъ талантовъ было бы смѣшно жаловаться; въ Австріи же аристократическая курія посылаетъ такихъ „выдающихся“ депутатовъ, какъ графъ Мейенсдорфъ, который за пять лѣтъ парламентской сессіи „выдалъ“ свое присутствіе въ парламентѣ только во время дебатовъ объ избирательной реформѣ восклицаніемъ по адресу одного соціалъ-демократическаго депутата: „Вы думаете, что только вы правы“. Больше ничего онъ за все это время не произнесъ въ парламентѣ и подавалъ только свой голосъ при голосованіи и, конечно, *всегда* за *всякое* правительственное предложеніе. И когда газеты послѣ этого „событія“ заговорили объ этомъ типичномъ примѣрѣ парламентскаго аристократизма, гр. Мейенсдорфъ чистосердечно сознался письмомъ въ редакцію, что онъ дѣйствительно не умѣетъ „устно излагать свои мысли“; въ парламентъ же, гдѣ нужно умѣть именно излагать устно свои мысли, онъ попалъ, очевидно, по простому недоразумѣнію; можетъ-быть, потому, что онъ ни для чего не годился, а дядюшки и тетушки, чтобы сдѣлать изъ него особу, собрали для него десятокъ голосовъ, необходимыхъ для избранія аристократическаго кандидата.

Ложная избирательная система, приходится повторить, неизбѣжно становится причиною ложныхъ партійныхъ группировокъ въ парламентѣ. И въ самомъ парламентѣ, выбранномъ на основѣ такой неискренней, фальсифицирующей общественное мнѣніе системы, неизбѣжно возникаютъ группы, склонныя давать своему неудовольствію выраженіе въ формѣ обструкціи.

„Въ одну телѣгу впречь не можно коня и трепетную лань“. И въ одинъ и тотъ же парламентъ нельзя посадить съ одинаковымъ правомъ голоса депутатовъ, представляю-

щихъ собою волю сотни тысячъ избирателей, и депутатовъ, представляющихъ капризъ десятка знакомыхъ. Между ними, вѣдь, дѣйствительно, залегаетъ цѣлая пропасть.

Сколько знаній, таланта, энергіи, располагающихъ качествъ нужно для того, чтобы сдѣлаться избранникомъ сотни тысячъ избирателей! Нужны предварительные долгіе годы жизни среди избирателей, такой жизни, которая заставила бы избирателей сосредоточить свое вниманіе на будущемъ кандидатѣ. Онъ долженъ своею личною жизнью и общественною дѣятельностью доказать, что онъ достаточно уменъ, благороденъ, работоспособенъ, преданъ интересамъ націй, для того чтобы послѣднія могли ввѣрить ему защиту своихъ интересовъ. Онъ долженъ продѣлать бурную предвыборную кампанію, объѣзжать села, деревни и города, излагая свою программу, защищая ее, доказывая ея преимущества передъ другими.. Онъ долженъ, наконецъ, дѣйствительно имѣть программу, т.-е. выработать себѣ политическое міросозерцаніе, вникнуть въ противоположные интересы разнородныхъ группъ своихъ избирателей и быть въ состояніи указывать на возможность примиреній этихъ интересовъ.

Удержать свою позицію аристократическая клика можетъ только до тѣхъ поръ, пока парламентъ дѣйствительно только аристократически-плутократическая олигархія, доступъ къ которой насильно загражденется тѣмъ, которые не должны быть посвящены въ тайну распредѣленія благъ командующими классами между собою. Но съ того момента, какъ историческія условія дѣлаютъ для нихъ невозможнымъ дальнѣйшее сохраненіе за собою монополіи власти и вынуждаютъ ихъ подѣлиться *частью* своей власти въ видѣ допущенія сначала въ парламентъ плательщиковъ высокихъ налоговъ, а затѣмъ и менѣе высокихъ налоговъ, полное уничтоженіе привилегій становится абсолютно-неизбѣжнымъ.

Десятилѣтіе, протекшее со времени введенія 5-ой куріи всеобщаго голосованія вполнѣ подтвердило эту гипотезу. Всеобщее и равное избирательное право, разъ прорвавшееся въ австрійскій парламентъ въ формѣ пятой куріи, дѣйствительно оказалось неудобнымъ гостемъ-свидѣтелемъ. Въ его присутствіи въ особенно жалкомъ видѣ выступала

вся фальшь и уродство привилегированнаго парламента. Подъ тяжеловѣсными ударами по прогнившей системѣ привилегій со стороны народныхъ представителей жалкою и безпомощною оказалась всякая защита этихъ привилегій со стороны тѣхъ, которые въ нихъ заинтересованы. Въ свѣтѣ вѣскихъ аргументовъ истинно-народныхъ представителей защитительныя рѣчи привилегированныхъ казались безпомощнымъ лепетомъ.

Правительство, наконецъ, само вынуждено было заявить устами Гауча своимъ привилегированнымъ ставленникамъ: „тѣ, которые полагаютъ, что реформа избирательнаго права на-руку одной только соціалъ-демократіи, не хотятъ видѣть, что обвиненія противъ государства въ томъ, что оно умаляетъ право неимущихъ классовъ и въ то же время осыпаетъ привилегіями имущіе классы, составляли самое главное и самое дѣйствительное орудіе борьбы въ рукахъ крайнихъ партій. Необходимо вырвать изъ ихъ рукъ это орудіе борьбы, и тогда борьба противъ нихъ на почвѣ равнаго права можетъ быть поведена болѣе успѣшно... Я слишкомъ высокаго мнѣнія о силѣ государственно-охранительнаго начала, представляемаго имущими классами, для того чтобы вѣрить, что необходимы еще искусственныя средство въ формѣ спеціальныхъ привилегій для ихъ поддержанія. Вы этимъ самимъ выдаете себѣ только аттестацію въ собственной слабости и теряете вѣру въ свои собственныя силы“.

Но никакіе доводы, и ни со стороны ея болѣе дальновидныхъ друзей, ни со стороны ея открытыхъ враговъ,— не могли убѣдить аристократью въ томъ, что пришло время отказаться отъ избирательныхъ привилегій.

„Лучше синица въ рукахъ, чѣмъ журавль въ небѣ“, совершенно резонно говорили себѣ владѣльцы столь выгодныхъ для нихъ привилегій, которыхъ ни указаніями на интересы государства, ни напоминаніемъ объ опасностяхъ, грозящихъ странѣ въ случаѣ отклоненія этого проекта, нельзя было убѣдить въ необходимости уступокъ.

И подъ конецъ они, дѣйствительно, совсѣмъ отказались отъ борьбы логическими доводами, несостоятельность которыхъ, по скольку они приводились въ защиту привелегій, была настолько очевидна, что даже баронъ Гауч

вынужденъ былъ имъ заявить, что они не сумѣли выдвинуть ни одного вѣскаго аргумента въ защиту своей позиціи. И, не надѣясь больше на побѣду въ открытомъ бою, они предпочли выступить на болѣе привычную имъ стезю закулисной политической интриги. И здѣсь-то они показали, на что способна аристократія, когда ей приходится отстаивать свои интересы! Куда сразу дѣвались всѣ ихъ выспреннія рѣчи о преданности престолу, объ охраненіи цѣлости и единства государства, о патріотизмѣ и тому подобныхъ „высшихъ идеальныхъ благахъ“, которыя они обыкновенно проповѣдуютъ... другимъ?

Графъ Штюргкъ не постѣснялся натравить на Австрію ея германскаго союзника и обратиться съ просьбою о помощи къ министру иностранныхъ дѣлъ, который своимъ вмѣшательствомъ долженъ спасти нѣмцевъ (однажды Германія при Бисмаркѣ, воспрепятствовала уже своимъ вмѣшательствомъ осуществленію реформы австрійской избирательной системы на основѣ всеобщаго и равнаго избирательнаго права, которое де превратитъ Австрію во враждебную Германіи славянскую страну). Далѣе, лейбъ-органъ австрійской аристократіи, клерикально-консервативная газета „Das Vaterland“, всегда доказывающая, что и при парламентѣ воля короны должна почитаться выше воли народнаго представительства, такъ какъ въ противномъ случаѣ парламентъ означалъ бы собою революціонный конвентъ, началъ вдругъ доказывать, что „было бы смѣшно думать, будто въ вопросѣ объ избирательной реформѣ должно руководствоваться волеизъявленіемъ монарха“, который высказался за эту реформу.

Наконецъ, преданные престолъ-отечеству представители осыпаемой милостями двора аристократіи не постѣснялись вступить въ союзъ съ такъ называемой „партіей государственной измѣны“, какъ называется на языкѣ офиціозовъ австрійская партія пангерманистовъ, требующая присоединенія нѣмецкихъ провинцій Австріи къ Германіи и явно предпочитающая Гогенцоллерновъ Габсбургамъ. Партія эта—объектъ постоянныхъ преслѣдованій правительства, которое объявило ее врагомъ отечества; и до сихъ поръ аристократія австрійская тоже говорила о ней только въ тонѣ глубочайшаго негодованія, но теперь, когда эта партія

при крикахъ: „Да здравствуютъ Гогенцоллерны!“ внесла предложеніе объ отдѣленіи Галиціи отъ Австріи, что должно ослабить славянскій элементъ въ парламентѣ и приблизить осуществленіе мечты этой партіи о превращеніи Австріи въ придатокъ къ Германіи, преданные престолъ-отечеству аристократы присоединились къ этому предложенію, чтобы этимъ выразить свой протестъ противъ осмѣлившагося посягнуть на ея привилегіи правительства.

Аристократія лишній разъ доказала, что когда рѣчь идетъ о ея привилегіяхъ, она скорѣе согласится подкопаться подъ тронъ, предать отечество, накликать на страну величайшія бѣдствія, но отъ своихъ привилегій она не откажется.

Дебаты по вопросу объ избирательной реформѣ оказали поэтому уже ту услугу странѣ, что разоблачили и обнажили передъ всѣми все узкосердечіе и своекорыстіе привилегированныхъ классовъ, осмѣливающихся требовать для себя и впредь монополію власти.

Но они показали еще большее. Они показали, что эта реформа—государственная необходимость, за которую все, всѣ доводы теоретическаго и практическаго разума, *противъ* которой ничего нельзя привести, кромѣ антисоціальныхъ и антигосударственныхъ вожделѣній.

„Противъ нея—стрекотаніе забившагося въ щель сверчка, за нее—рыканіе сознавшаго свою силу льва,“ какъ выразился кн. Лихтенштейнъ.

— Мы не грозимъ ничѣмъ,— заявилъ еще въ началѣ дебатовъ д-ръ Адлеръ,— обращаясь къ привилегированнымъ, мы вамъ говоримъ лишь, что вы выйдете изъ этой борьбы, покрытые срамомъ и позоромъ. Мы констатируемъ, что мысль объ этой реформѣ уже побѣдила, потому что она необходима и непобѣдима“. И правительство поняло это заявленіе. Оно, несмотря на все противодѣйствіе привилегированныхъ, настаиваетъ на осуществленіи этой реформы.

П. Звѣздичъ.

Вѣна.

Революціонный синдикализмъ во Франціи *).

Всеобщій союзъ труда (La Confédération Générale du Travail), или въ повседневной жизни, *конфедерація*, въ настоящее время стоитъ на первомъ планѣ современной дѣйствительности. Со времени своего послѣдняго конгресса въ Буржѣ она проявила себя, какъ грозная соціальная сила, враждебная установленному общественному порядку. Власть имущіе объявили ей войну, и съ каждымъ днемъ начатая борьба дѣлается все жесточе и упорнѣе. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ *конфедерація труда* была изгнана администраціей изъ Парижской биржи труда, гдѣ она помѣщалась съ самаго начала своего существованія. Ударъ былъ направленъ удачно: онъ нанесъ громадный ущербъ молодому движенію, но не убилъ его **). Съ своей стороны, синдикованные рабочіе

*) Печатая работу, принадлежащую перу виднаго теоретика французскаго рабочаго движенія, редактора журнала „Le Mouvement Socialiste", редакція руководствуется желаніемъ познакомить русскаго читателя, во-первыхъ, съ фактической стороной профессіональнаго движенія во Франціи, во-вторыхъ, съ той теоретической концепціей, которая лежитъ въ основѣ французскаго революціоннаго синдикализма. Не раздѣляя взглядовъ автора на роль соціалистическихъ партій въ демократическихъ государствахъ и признавая неправильнымъ его противопоставленіе между классовой борьбой и политической борьбой, редакція тѣмъ не менѣе считаетъ нужнымъ дать мѣсто этимъ взглядамъ именно потому, что они служатъ теоретической базой „анархическаго" французскаго синдикализма.

Ред.

**) *Конфедерація* наняла уже громадное помѣщеніе, куда изъ зданія Парижской биржи переселятся всѣ федераціи. Она ведетъ пропаганду въ пользу того, чтобы всѣ синдикаты покинули биржи, выстроивъ для себя собственныя зданія.

начали горячую кампанію для организаціи протестовъ, и волненію, вызванному ею, не предвидится конца. Кто будетъ побѣдителемъ и выйдетъ окрѣпшимъ изъ этой борьбы, покажетъ будущее.

Но *всеобщая конфедерація труда* интересна не только какъ „вопросъ на очереди". Она претендуетъ на роль руководителя рабочаго класса. Опираясь на ежедневный опытъ, она думаетъ дать реальное представленіе о классовой борьбѣ и точное понятіе объ истинной рабочей тактикѣ. Такимъ образомъ ея многочисленныя распри съ властями имѣютъ значеніе лишь постольку, поскольку онѣ являются послѣдовательными фазисами борьбы за абсолютную автономію рабочаго класса и за соціалистическій идеалъ. Эти конкретныя иллюстраціи классовой борьбы *конфедерація* предлагаетъ на размышленіе интернаціональному рабочему движенію. Пропаганда ея принесла уже значительные результаты: многія рабочія организаціи внѣ Франціи усвоили ея точку зрѣнія и пошли по указанному ею пути. Мало того, новая тактика и оригинальныя концепціи организованнаго пролетаріата оказываютъ также замѣтное вліяніе и на измѣненіе общепринятыхъ соціалистическихъ идей.

Изъ этихъ нѣсколькихъ строкъ видно, какой выдающійся интересъ представляетъ *конфедерація* для всякаго, кому дорого сознательное рабочее движеніе. Попытаемся же, насколько это возможно въ краткомъ очеркѣ, дать о ней и ея дѣятельности ясное представленіе.

I.

Всеобщая конфедерація труда была основана въ 1895 г. на рабочемъ конгрессѣ въ Лиможѣ. Цѣлью ея было сгруппировать въ одинъ союзъ всѣ федераціи синдикатовъ *) и биржи труда **), и, такимъ образомъ реализировать единство рабочаго класса. Но съ первыхъ же ша-

*) Группировка синдикатовъ по профессіямъ. Напр.: федерація механиковъ, федерація типографовъ, и пр.

**) Географическая группировка синдикатовъ, независимо отъ профессій. Напр.: Парижская биржа труда, Тулузская. и пр.

говъ своей дѣятельности, она наткнулась на почти непреодолимыя препятствія; они состояли въ разрозненности французскаго пролетаріата, примыкающаго къ различнымъ политическимъ партіямъ. Да и сама *конфедерація* *), возникшая по иниціативѣ бланкистовъ — одной изъ многихъ соціалистическихъ фракцій, — нѣкоторое время оставалась вѣрной ея традиціямъ. Словомъ, раньше, чѣмъ осуществить намѣченную цѣль, ей пришлось пережить длинный періодъ безполезной борьбы и безплодныхъ попытокъ, которыя невозможно понять, не припомнивъ сначала, хотя бы въ краткихъ чертахъ, исторію рабочаго движенія того времени.

При зарожденіи своемъ *конфедерація* имѣла двухъ соперницъ въ лицѣ двухъ другихъ центральныхъ организацій, вражда которыхъ заполняла до того времени поле дѣятельности сознательнаго пролетаріата. Это были: *національная федерація рабочихъ синдикатовъ*, основанная въ 1886 г. и примыкающая къ „Французской Рабочей Партіи“ Гэда и *федерація биржъ труда*, созданная въ 1892 г. и отличающаяся антипарламентскими тенденціями. Въ этой средѣ внутреннихъ раздоровъ *конфедерація*, въ свою очередь, не могла не сдѣлаться новымъ элементомъ раскола.

Первая изъ двухъ названныхъ выше враждебныхъ организацій была очень слаба, и *конфедераціи* не пришлось много бороться съ нею. Она гибла уже подъ усиленными

---

*) Она возникла по слѣдующему поводу: На интернаціональномъ Брюссельскомъ конгрессѣ было рѣшено устроить въ каждомъ государствѣ *національный секретаріатъ труда*. Въ это время французская соціалистическая партія дѣлилась на нѣсколько враждебныхъ фракцій. Каждая изъ нихъ старалась монополизировать рабочее движеніе. Поссибилисты (фракція альманистовъ) совмѣстно съ анархистами пользовались для этого однимъ центральнымъ организмомъ — *федераціей биржъ труда*; гэдисты другимъ—*національной федераціей синдикатовъ*. Осуществить рѣшеніе Брюссельскаго конгресса при подобныхъ условіяхъ было немыслимо. Бланкисты потратили много силъ, чтобы фактически осуществить и заставить функціонировать французскій секретаріатъ. Онъ продолжалъ существовать только на бумагѣ. Тогда-то и рѣшено было создать обширную центральную организацію, куда входили бы всѣ рабочіе союзы, безъ исключенія. Она получила названіе *Всеобщаго союза труда*, чтобы само названіе говорило о цѣли.

ударами своей соперницы, *федераціи биржъ труда*. „Французская Рабочая Партія“ выдвигала на первый планъ „завоеваніе государственной власти“ („la conquête des pouvoirs publics.“) и считала синдикаты простымъ средствомъ для вербовки рабочихъ массъ для этой цѣли. Вотъ почему на конгрессахъ „національной федераціи рабочихъ синдикатовъ“ въ Монпелье (1887), Бордо (1888), Калэ (1890), Марсель (1892), Нантѣ (1894) и Труа (Troyes) (1895) присутствовали только члены этой фракціи. Всѣ рабочіе элементы, входящіе въ составъ другихъ фракцій—брусистовъ, альманистовъ, независимыхъ, и пр., и пр.—мало-по-малу ушли изъ *федераціи синдикатовъ*. Послѣдняя, включая въ свой составъ все менѣе и менѣе членовъ, медленно шла къ смерти.

Рядомъ съ нею, развивались новыя рабочія организаціи, вскорѣ получившія громадное соціальное значеніе. Это были биржи труда, или мѣстные союзы синдикатовъ. Становясь на почву, лишенную какихъ бы то ни было партійныхъ интересовъ, они сдѣлались притягательнымъ центромъ для всѣхъ мѣстныхъ организацій. Элементы, выброшенные изъ гэдистской федераціи, уходили въ биржи труда, способствуя ихъ усиленному росту. Широкое развитіе этихъ ассоціацій обратило на себя вниманіе правительства. Послѣднее нашло своевременнымъ и полезнымъ,—для обезпеченія общественнаго спокойствія,—дать имъ помѣщенія и субсидіи для усовершенствованія профессіональныхъ курсовъ, кассъ взаимопощи, справочныхъ отдѣловъ и пр. Для ассимиляціи ихъ съ коммерческими биржами, имъ было дано названіе биржъ труда, въ виду ихъ первоначальной роли: помѣщенія должны были служить мѣстомъ спроса и предложенія рабочихъ рукъ. Но по мѣрѣ своего развитія, биржи труда вышли изъ узкихъ рамокъ, столь любезныхъ правительству, и стали играть выдающуюся соціальную роль, оказывая все болѣе и болѣе сильное вліяніе на рабочія организаціи. Чтобы объединить биржи труда и установить между ними прочную и непрерывную связь, Сентъ-Этьенскій конгрессъ (1892 г.) создалъ *федерацію биржъ труда*. Задача новаго организма состояла главнымъ образомъ въ защитѣ независимости синдикатовъ отъ натиска политическихъ соціалисти-

ческихъ партій, съ одной стороны, и общественныхъ властей, съ другой. А цѣль—въ объединеніи пролетаріата на родной ему экономической почвѣ не только для защиты корпоративныхъ интересовъ,—но также для революціонной борьбы за соціалистическій идеалъ. Эта идея вдохновляла всѣ конгрессы *федераціи биржъ*, бывшіе до 1895 г. (Тулузскій въ 1893, Ліонскій—1894 г., Нимскій—1895 г.).

Понятно, что *федерація биржъ*, становясь на почву, совершенно иную, чѣмъ *федерація синдикатовъ*, съ самаго начала своего существованія сдѣлалась предметомъ нападокъ со стороны послѣдней. Борьба между этими двумя центральными организаціями навѣрное затянулась бы до безконечности, если бы громкое событіе, закрытіе Парижской биржи труда, правительствомъ—не дало ей иного направленія. Преслѣдованіе правительства заставило рабочія организаціи созвать обширный конгрессъ, въ которомъ приняли участіе всѣ синдикаты безъ исключенія. Этотъ конгрессъ, своего рода военный совѣтъ рабочаго класса, имѣлъ мѣсто въ Парижѣ въ 1893 г. На немъ, между прочимъ, по предложенію *федераціи биржъ*, было принято рѣшеніе возобновлять подобные съѣзды ежегодно. Постановленіе это имѣло исключительно важное значеніе: оно упразднило закулисную борьбу, полную интригъ, и заставило двѣ враждующихъ лагеря открыть свои карты. Польза отъ свободной дискуссіи сразу обнаружилась. Слѣдующій же конгрессъ, въ Нантѣ, въ 1894 г. рѣшилъ судьбу борющихся организацій. *Федерація синдикатовъ*, оставшись въ меньшинствѣ по вопросу о всеобщей стачкѣ, покинула залъ собранія. Все вліяніе, безраздѣльно, перешло въ руки побѣдительницы, *федераціи биржъ*. *Федерація синдикатовъ* влачила еще нѣкоторое время безцвѣтное и жалкое существованіе и затѣмъ вовсе исчезла. Она умерла оттого, что будучи простымъ орудіемъ въ рукахъ одной изъ политическихъ фракцій, имѣющей свою собственную тактику и свою программу, она не могла понять новые запросы рабочаго класса, не могла усвоить его способовъ борьбы, не отрицая самое себя. Она умерла потому, что организованный пролетаріатъ опередилъ свою центральную организацію, роль которой, напротивъ, заключается въ томъ, чтобы быть въ его авангардѣ.

Было время, когда *федерація синдикатовъ* занимала это почетное мѣсто. Не нужно забывать, что именно соціалистическая партія, въ особенности же фрэкція гэдистовъ вырвала въ 1880 г. синдикаты изъ развращающей среды узко-корпоративныхъ интересовъ*). Какъ извѣстно, первая стадія французскаго рабочаго движенія отличалась именно этимъ характеромъ. Благодаря соціалистической пропагандѣ, синдикаты перешли во второй фазисъ, союзъ съ соціалистической партіей, которая вдохнула въ нихъ свой идеалъ. Но въ свою очередь этотъ второй фазисъ уступаетъ теперь мѣсто третьему: синдикаты, пріобрѣтя концепцію революціонной цѣли, отдѣляются отъ политическихъ фракцій, чтобы автономно, своими собственными силами, вести классовую борьбу. На порогѣ этого третьяго періода мы стоимъ теперь; описать его эволюцію, значитъ разсказать исторію *всеобщей конфедераціи труда*.

Началась она борьбой съ *федераціей биржъ труда*, которую интересно напомнить потому, что въ ней отразилось развитіе самосознанія рабочаго класса. Ею также отмѣчается тотъ путь, который прошелъ организованный пролетаріатъ, пока не выработалъ тѣхъ центральныхъ организмовъ, которые объединили его и которые ведутъ рабочій классъ къ завоеванію соціалистическаго строя революціоннымъ способомъ. Дѣйствительно, вначалѣ ни *федерація биржъ*, ни *конфедерація* не знали хорошенько, въ чемъ заключаются свойственныя имъ роли. Каждая изъ нихъ дѣйствовала въ одной и той же средѣ, аналогичнымъ путемъ и имѣя въ виду ту же цѣль; затѣмъ, подъ вліяніемъ борьбы, выяснилось положеніе каждой изъ нихъ въ рабочемъ движеніи. Борьба прекратилась и послѣднее вошло въ новый фазисъ, фазисъ революціоннаго синдикализма.

---

*) Синдикаты соціалистическаго направленія объединились въ *Національную федерацію рабочихъ синдикатовъ*, а умѣренные и правительственные составили отдѣльный союзъ, не имѣющій, впрочемъ, вліянія, названный „*Союзомъ рабочихъ синдикальныхъ камеръ*“. (Union des Chambres Syndicales Ouvriéres).

II.

Конфедерація въ своихъ основныхъ статутахъ, вотированныхъ въ Лиможѣ въ 1895 г., выражала одновременно намѣреніе быть независимой по отношенію къ различнымъ политическимъ партіямъ и указывала на свой чисто соціалистическій характеръ. Статья первая гласитъ, что „элементы, входящіе въ составъ *конфедераціи*, должны находиться внѣ всякихъ политическихъ школъ", а вторая подчеркиваетъ, что *конфедерація* ставитъ себѣ единственной задачей соединять на экономической почвѣ и связывать тѣсными узами солидарности „рабочихъ, борющихся за свое *полное освобожденіе*". Можно сказать, что эти двѣ характерныя черты отстанутся навсегда главнымъ признакомъ *конфедераціи* и что, развиваясь, она еще болѣе оттѣнитъ ихъ. Она установитъ между организаціей классовой и организаціей партійной различіе, которое сдѣлается особенностью французскаго синдикализма и которое, хотя и поражаетъ съ перваго взгляда, объясняется историческимъ развитіемъ рабочаго движенія во Франціи.

Почему *конфедерація*, подражая въ этомъ отношеніи *федераціи биржъ*, объявляетъ себя въ одно и то же время учрежденіемъ соціалистическимъ и независимымъ отъ всѣхъ политическихъ соціалистическихъ направленій? Первая причина лежитъ въ расколѣ соціалистической партіи. Каждая изъ ея фракцій старалась привлечь на свою сторону рабочее движеніе и этимъ самымъ вносила въ экономическую среду вражду школъ, которая ослабляла уже дѣятельность партій на политической аренѣ. Именно для того, чтобы реализовать единство рабочаго класса, вдали отъ многочисленныхъ взаимно раздирающихъ другъ друга соціалистическихъ партій, профессіональныя рабочія организаціи требовали своей полной независимости. Вторая причина, связанная съ первой, заключается въ недовѣріи, которое вражда школъ развила въ рабочемъ классѣ къ догматамъ и формуламъ. Каждая изъ этихъ маленькихъ партій — гэдисты, альманисты, брусисты, независимые и прочіе—считали себя носителями соціалистической истины

и хотѣли навязать ее рабочей массѣ. Послѣдняя, не понимая абстрактныхъ формулъ, возненавидѣла ихъ; съ этихъ поръ она возложила всѣ свои надежды на уроки жизни, на опытъ и борьбу. Конкретныя дѣйствія пролетаріата провозглашаются теперь, какъ дѣйствительная и великая школа, гдѣ рабочій классъ долженъ учиться быть революціоннымъ.

Статья третья устава перечисляетъ тѣ организаціи, которыя должны были войти въ ея составъ. Она разсчитывала на объединеніе всѣхъ профессіональныхъ союзовъ и ихъ федерацій. Она думала также присоединить къ себѣ и *федерацію биржъ*. Но на первыхъ же шагахъ пришлось умѣрить свои желанія: только изолированные синдикаты, да нѣкоторыя изъ федерацій синдикатовъ (союзы организацій по профессіямъ) примкнули къ ней, биржи же труда остались вѣрными *федераціи биржъ*. Такимъ образомъ *всеобщая конфедерація труда* силою вещей принуждена была сократить свою роль до центральной организаніи федерацій синдикатовъ. Впрочемъ, она не теряла надежды на болѣе блестящее будущее и употребляла всѣ силы, чтобы привлечь на свою сторону *федерацію биржъ*. Послѣдняя въ то время являлась первенствующимъ учрежденіемъ въ рабочемъ мірѣ и не была расположена принять покровительство слабаго, новорожденнаго организма. Она почти съ презрѣніемъ отвергла предложенія *конфедераціи* и заняла по отношенію къ ней враждебную позицію.

Впрочемъ, въ этотъ моментъ она имѣла основаніе поступить такъ. Тогда никто не могъ предвидѣть роли которую новый организмъ возьметъ на себя въ общемъ движеніи рабочаго класса. *Федераціи биржъ* казалось, что она способна отвѣтить на всѣ запросы пролетаріата, и новая организація представлялась ей, какъ ненужная и опасная соперница. Кромѣ объединенія биржъ труда и экономическаго воспитанія массъ, что естественно входило въ ея роль, какъ спеціально созданной для этой цѣли организаціи, *федерація биржъ* взяла на себя также и общеклассовую пропаганду, для которой не существовало еще отдѣльнаго органа. Какъ разъ въ это время, въ 1895 г., на конгрессѣ въ Нимѣ, она рѣшила начать

свои изслѣдованія вопросовъ, имѣющихъ общій интересъ. Изслѣдованія эти впослѣдствіи сдѣлали знаменитыми рабочіе конгрессы. Для начала, она рѣшила изслѣдовать три пункта, сильно занимавшіе въ то время организованный пролетаріатъ: конторы для найма, ущербъ, приносимый тюремной работой свободному труду и причины непримѣненія закона 2-го ноября 1892 г., — о работѣ женщинъ и дѣтей.

Словомъ, *федерація биржъ* процвѣтала и начала даже выполнять тѣ функціи, которыя гораздо позже перешли въ руки *конфедераціи*. Въ противоложность первой, послѣдняя влачила довольно жалкое существованіе. Она функціонировала съ большимъ трудомъ, не могла наладить дѣла, не умѣла привести въ порядокъ свою организацію, наконецъ, внутренніе раздоры разнородныхъ элементовъ, которые мало-по-малу вошли въ ея составъ, — бланкисты, альманисты, независимые и т. д. — волновали ее и мѣшали нормальному ходу жизни. Этимъ объясняется, почему на своемъ второмъ конгрессѣ въ Турѣ, въ 1896 г., *конфедерація* нашла нужнымъ измѣнить свой уставъ, въ надеждѣ на то, что новый способъ группировки дастъ плодотворные результаты. Между прочимъ она рѣшила не принимать изолированные синдикаты, но составляться исключительно изъ федерацій синдикатовъ и биржъ труда. Такимъ образомъ она подчеркнула еще разъ свое желаніе быть связью между центральными организаціями. Кромѣ того, она старалась заинтересовать дѣятельный элементъ рабочей среды, обсуждая два очередныхъ вопроса: всеобщую стачку и созданіе корпоративной газеты.

Эти попытки улучшенія не привели ни къ чему, и *конфедерація* по-прежнему дремала. *Федерація биржъ* по прежнему оставалась сердцемъ и главою синдикальнаго движенія. По отношенію къ *конфедераціи* она приняла остроумную тактику, позволившую ей постоянно давать тонъ и даже тащить свою соперницу на буксирѣ. Она постоянно устраивала свои конгрессы въ томъ же городѣ, гдѣ собирались конгрессы *конфедераціи* и наканунѣ послѣднихъ. Такимъ образомъ своими рѣшеніями она оказывала давленіе на рѣшенія конфедеративныхъ конгрессовъ. Эта тактика привела къ тому, что на конгрессѣ въ Тулузѣ,

въ 1897 г. *Федерація биржъ* навязала *конфедсраціи* свой планъ объединенія. Онъ состоялъ въ томъ, что къ послѣдней, какъ центральной организаціи федерацій синдикатовъ, должны примкнуть: 1) *федерація биржъ* и 2) отдѣльные синдикаты, необъединенные въ федераціи, а также и тѣ синдикаты, федераціи которыхъ не входятъ въ составъ *конфедераціи*. Образованная, такимъ образомъ, организація сохраняла названіе *всеобщей конфедераціи труда*. Каждая изъ центральныхъ организацій, входящихъ въ ея составъ, оставалась вполнѣ автономною, какъ въ моральномъ, такъ и въ административномъ отношеніи. Для общихъ нуждъ былъ созданъ *конфедеративный комитетъ* изъ делегатовъ составныхъ организацій. Функціи комитета были строго опредѣлены.

Можно было надѣяться, что единство рабочаго класса было, наконецъ, реализовано во Франціи. Но на дѣлѣ, къ сожалѣнію, ничего подобнаго не случилось. Черезъ годъ то, что сдѣлалъ конгрессъ въ Тулузѣ, было уничтожено Реннскимъ конгрессомъ. Здѣсь, по своему обыкновенію, *федерація биржъ* устроила свой конгрессъ наканунѣ конгресса *конфедераціи*. Самое большое мѣсто на немъ занимали разногласія, происшедшія въ объединенномъ организмѣ между двумя центральными учрежденіями. Реннскій конгрессъ рѣшилъ возвратиться къ прежнему режиму. *Всеобщая конфедерація труда* распалась на свои составныя части: *федерація биржъ* получила обратно свою свободу, а *конфедерація* возвратилась къ прежней скромной роли, союза федерацій синдикатовъ.

Синдикальное движеніе во Франціи не созрѣло еще для единой организаціи. Французскій пролетаріатъ, который получилъ свободу ассоціацій только въ 1884 г., не былъ еще достаточно подготовленъ для общей группировки. Индивидуализмъ, столь характерный для французскаго темперамента, не умѣлъ сразу приспособиться къ коллективной дѣятельности. Кромѣ того медленное экономическое развитіе Франціи не сообщало рабочимъ массамъ той встряски, которая является результатомъ индустріальной лихорадки и которая такъ могущественно вліяетъ на организацію пролетаріата. Понадобилось еще нѣсколько

лѣтъ борьбы, чтобы синдикальное движеніе урегулировало свое развитіе и объединилось.

Но, несмотря на это, путь, который оно позже изберетъ, уже тогда ясно сознавался представителями единственнаго рабочаго учрежденія, имѣвшаго реальное значеніе, *федераціи биржъ*.

Объ этомъ свидѣтельствуетъ докладъ, прочитанный на пятомъ конгрессѣ *федераціи биржъ*, бывшемъ въ Турѣ въ 1896 г. на тему: „Роль биржъ труда въ будущемъ строѣ". Заглавіе можетъ показаться страннымъ, но содержаніе его многозначительно. Докладъ указываетъ на задачу, которая выпадетъ на долю ассоціацій производителей, въ обществѣ, построенномъ на коммунистическомъ производствѣ. Эти ассоціаціи, по мнѣнію докладчика, являются ячейками, изъ которыхъ сложится новый организмъ: въ ихъ рукахъ сосредоточится мало-по-малу все, что имѣетъ отношеніе къ производству и потребленію, онѣ будутъ центромъ жизни экономической и соціальной. Государственные органы-паразиты будутъ вытѣснены полезными учрежденіями, созданными рабочимъ движеніемъ внѣ традиціонныхъ политическихъ формъ. А пока ассоціаціи производителей должны развиваться въ этомъ направленіи, приготовлять себя къ выполненію трудной задачи преобразованія способа производства и стараться, по мѣрѣ возможности, образовывать теперь же государство въ государствѣ.

Сдѣланные биржами успѣхи, которые выдвинули ихъ въ авангардъ рабочаго движенія, объясняются не только тѣмъ, что во главѣ *федераціи биржъ* стоялъ такой человѣкъ, какъ Пеллутье, но и самымъ характеромъ этихъ учрежденій. Изъ всѣхъ связей, которыя соединяютъ людей между собой, связи по мѣстностямъ являются самыми сильными. Одно и то же мѣстожительство, порождаетъ въ людяхъ общность стремленій и интересовъ. Рабочіе одного и того же города, но принадлежащіе къ различнымъ профессіямъ, имѣютъ гораздо болѣе точекъ соприкосновенія, чѣмъ рабочіе одинаковыхъ профессій, но разбросанные по разнымъ городамъ. Сходство въ образѣ жизни, семейныя связи, товарищескія отношенія, созданныя еще съ дѣтства, участіе въ одномъ и томъ же мѣст-

номъ учрежденіи благотворительномъ, самообразовательномъ или увеселительномъ, придаютъ имъ общій характеръ, создающій живую связь. Такимъ образомъ мѣстные союзы синдикатовъ, биржи труда, нашли въ самой мѣстной жизни поддержку для своего существованія. Онѣ являлись центромъ рабочей жизни города, вокругъ котораго, какъ вокругъ жизненнаго очага, сплачивались различныя синдикальныя организаціи.

Если же къ естественнымъ условіямъ успѣха прибавить искусственныя, именно субсидіи, о которыхъ мы упомянули выше, то ростъ синдикальнаго движенія станетъ еще понятнѣе. Субсидіи и зданія, даваемыя биржамъ муниципалитетами, сыграли видную роль во французскомъ профессіональномъ движеніи; онѣ дали возможность создать многія изъ тѣхъ функцій, которыя составляютъ теперь гордость синдикалистовъ. Впрочемъ, какъ мы увидимъ ниже, даръ этотъ не всегда приноситъ счастье.

Федерація биржъ ставила себѣ цѣлью снабжать рабочія организаціи всевозможными учрежденіями, имѣющими исключительно практическій интересъ. Всѣ эти учрежденія должны были служить фундаментомъ новаго общества, построеннаго по экономическому плану. Пеллутье, неоспоримый знатокъ рабочаго движенія, дѣлитъ услуги, которыя биржи труда могутъ оказать классу производителей на четыре категоріи: 1) *взаимопомощь*, заключающая въ себѣ помощь безработнымъ, подорожную кассу, помощь больнымъ и пострадавшимъ на работѣ и т. д.; 2) *образовательныя учрежденія*: библіотеки, соціальные музеи, профессіональные курсы, курсы общеобразовательные etc ; 3) *пропаганда:* созданіе синдикатовъ земледѣльческихъ, индустріальныхъ и морскихъ, экономическія изслѣдованія и статистика; 4) *организація „сопротивленія“*: (le service de „resistance“): организація стачекъ, стачечныхъ кассъ, всевозможныхъ агитацій и пр. *). Но этого недостаточно; чтобы быть сильнымъ и выполнить свою историческую миссію, рабочее движеніе должно быть единымъ во всѣхъ своихъ проявленіяхъ. Вотъ почему *федерація*

*) Pelloutier: Histoire des Bourses du Travail p. 85.

биржъ старалась объединить и урегулировать всѣ индивидуальныя усилія. Въ этомъ отношеніи интересно пробѣжать отчеты рабочихъ конгрессовъ. Повсюду мы видимъ одно и то же: желаніе обособиться отъ буржуазнаго міра, организовавъ свой міръ труда.

На VI конгрессѣ, въ Тулузѣ, въ 1897 г., вниманіе всѣхъ было поглощено вопросомъ объ образованіи viaticum'a, т. е. подорожней помощи синдикальнымъ рабочимъ, которая позволила бы имъ переѣзжать изъ города въ городъ въ поискахъ работы. Если биржи труда сумѣютъ урегулировать рынокъ рабочихъ рукъ, посылая рабочихъ туда, гдѣ въ нихъ есть нужда, и облегчая имъ поѣздку, онѣ сдѣлаются настоятельною необходимостью для рабочаго класса. Съ этимъ вопросомъ тѣсно связанъ вопросъ о безработицѣ. Конгрессъ, конечно, тотчасъ же замѣтилъ это и соединилъ два вопроса въ одинъ. Было рѣшено, что *федерація биржъ* ежегодно будетъ составлять таблицы наличнаго состава членовъ каждаго примыкающаго къ ней синдиката, средней продолжительности безработицы и средняго числа безработныхъ въ каждомъ изъ этихъ синдикатовъ.

Задача была задана, послѣдующіе конгрессы будутъ стараться разрѣшить ее. VII конгрессъ, въ Реннѣ, въ 1898 г., представилъ полный проектъ организаціи viaticum'a. Но биржи не могли произнести своего рѣшенія, не изучивъ сначала самого проэкта, и послѣдній былъ отправленъ въ заинтересованныя организаціи. По вопросу о безработицѣ конгрессъ пошелъ дальше: онъ постановилъ, что *федеративный комитетъ* *) составитъ таблицу положенія рабочаго рынка въ главныхъ промышленныхъ раіонахъ, гдѣ существуютъ биржи труда. Собранныя, такимъ образомъ, свѣдѣнія позволятъ ему направлять рабочихъ, ищущихъ работы, туда, гдѣ они могутъ найти ее, и удерживать ихъ отъ безполезныхъ поѣздокъ.

Рѣшеніе это приведено было въ исполненіе VIII конгрессомъ *федераціи биржъ*, имѣвшимъ мѣсто въ Парижѣ, въ 1900 г. Онъ выработалъ для этой цѣли проектъ новаго учрежденія: *Національнаго справочнаго и статисти-*

*) Комитетъ, стоящій во главѣ *федераціи биржъ*.

ческаго бюро. Мы ниже еще разъ возвратимся къ этому важному органу, который вначалѣ функціонировалъ довольно регулярно, но затѣмъ его постигли различныя превратности судьбы, впрочемъ въ высшей степени поучительныя.

Конгрессъ занялся также вопросомъ о профессіональномъ образованіи. Опытъ показалъ, что въ рукахъ рабочихъ организацій оно даетъ самые счастливые результаты. Поэтому было высказано пожеланіе, чтобы биржи развились и сдѣлались бы способными взять на себя все профессіональное образованіе, которое не можетъ удовлетворительно вестись государствомъ, вдали отъ мастерскихъ. Но претензія биржъ труда по отношенію къ образованію пошла еще дальше. Конгрессъ выразилъ новое желаніе: биржи должны стараться стать способными обезпечить и первоначальное образованіе для дѣтей синдикованныхъ рабочихъ, чтобы вырвать ихъ изъ сферы вліянія какъ государства, такъ и церкви. Важность этого пожеланія не ускользнетъ ни отъ кого, если вспомнить о той борьбѣ, которую въ послѣдніе годы вели церковь и государство изъ-за монополіи просвѣщенія. Передъ этими двумя могущественными соперниками поднялся третій, который полагаетъ обойтись и безъ того и безъ другого, удовлетворяя лично своимъ нуждамъ; эта третья сила — сознательный пролетаріатъ. Онъ требуетъ для синдикатовъ права организовать по своему усмотрѣнію образованіе дѣтей рабочихъ. Мотивы, вызвавшіе это постановленіе, не менѣе интересны, чѣмъ само постановленіе. Прежде всего—это классовые мотивы. Организуя собственными силами образованіе своихъ сыновей, пролетаріатъ хочетъ отнять у государства одно изъ главныхъ его орудій: онъ хочетъ передать рабочимъ организаціямъ одинъ изъ самыхъ важныхъ буржуазныхъ институтовъ. Онъ имѣетъ цѣлью не только расширить функціи рабочихъ организацій, но также оградить молодежь отъ вліянія буржуазной идеологіи. На ряду съ этимъ существуютъ еще мотивы техническаго характера. Офиціальное образованіе, абстрактное и далекое отъ жизни, ведется безъ всякой заботы о техникѣ производства, ни о мастерской. Молодые рабочіе, которые должны будутъ играть въ жизни труд-

ную роль производителя не получаютъ для этого въ школѣ ни малѣйшей подготовки. Однѣ рабочія организаціи, благодаря знанію условій труда, благодаря зрѣлости сознанія классовыхъ отношеній, могутъ прекратить расколъ между школой и мастерской и преобразовать первую въ преддверіе второй.

Конгрессъ вотировалъ, кромѣ того, устройство при каждой биржѣ „музея труда", гдѣ находились бы образчики произведеній, спеціальныхъ для каждой данной мѣстности, съ обозначеніемъ числа рабочихъ, участвующихъ въ изготовленіи ихъ, условій труда etc.

Наконецъ, онъ принялъ важное рѣшеніе относительно синдикованныхъ рабочихъ, отправляющихъ воинскую повинность. Дѣло Дрейфуса показало, что такое военный духъ, господствующій въ арміи и тѣмъ подготовило почву для антимилитаристской пропаганды. *Федерація* не замедлила воспользоваться случаемъ. Она взяла на себя заботу о томъ, чтобы не оставлять бывшаго члена синдиката въ казарменной средѣ одинокимъ безъ матеріальной и моральной дружеской поддержки. Сношеніе съ солдатами являлось, съ одной стороны, актомъ солидарности, а съ другой,—служило средствомъ напомнить ему, что онъ прежде всего рабочій. Конгрессъ, соглашаясь съ представленнымъ ему предложеніемъ, вотировалъ слѣдующую резолюцію: „Для подтвержденія чувства солидарности между рабочими и чтобы избавить молодыхъ солдатъ отъ мукъ одиночества и отъ деморализующаго вліянія военной среды, конгрессъ постановляетъ: дать возможность молодымъ рабочимъ, которымъ предстоитъ казарменная жизнь, войти въ сношеніе съ секретарями биржъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ будутъ находиться ихъ гарнизоны. Если же непосредственная связь между биржами и молодыми солдатами была бы затруднительна, конгрессъ стоитъ за дружескія сношенія; послѣднія могли бы имѣть мѣсто на квартирахъ пропагандистовъ". Это рѣшеніе увеличило роль биржъ труда еще одной функціей, которую французскіе синдикалисты считаютъ наиболѣе важной. Результаты получились самые счастливые, несмотря на преслѣдованіе властей. Во многихъ мѣстахъ уже биржи являются нрав-

ственной поддержкой для рабочихъ-солдатъ, угнетенныхъ казармой *).

Но если отъ практическихъ вопросовъ перейдемъ къ теоретическимъ, то и тутъ мы замѣтимъ громадный прогрессъ. И въ этомъ отношеніи парижскій конгрессъ былъ, безспорно, самымъ интереснымъ изъ всѣхъ конгрессовъ *федераціи*. Его дебаты и резолюціи дышатъ полнымъ единствомъ теоріи и практики.

Конгрессъ начался заявленіемъ о томъ, что *федерація* должна быть болѣе чѣмъ когда-либо независимой отъ политическихъ партій. Это новое подтвержденіе стараго принципа было вызвано новыми фактами. Въ декабрѣ 1899 г. различныя соціалистическія фракціи пробовали объединиться; онѣ обсуждали также и вопросъ о присоединеніи къ единой партіи рабочихъ синдикатовъ. Различныя мнѣнія, высказанныя по поводу автономіи послѣднихъ, сильно взволновали рабочія организаціи. Кромѣ того, ко времени конгресса, разразилось „дѣло“ Мильерана, которое показало еще разъ, что вражда фракцій не только не стихла, а, напротивъ, приняла еще болѣе острый характеръ. Вотъ почему резолюція, вотированная конгрессомъ, выражена сильно и точно: „Принимая во вниманіе, что вступленіе *федераціи биржъ* въ область политики было бы предметомъ разлада и отвратило бы синдикальныя организаціи отъ единственной цѣли, которую онѣ должны преслѣдовать: эмансипацію рабочихъ самими же рабочими, конгрессъ постановляетъ, что ни въ какомъ случаѣ *федерація биржъ труда* не должна вступать въ какую бы то ни было политическую группу“.

Но то, что придало *парижскому конгрессу* дѣйствительно выдающееся значеніе,—это полное одобреніе, которое онъ высказалъ комитету *федераціи биржъ* за его оппозицію политикѣ соціальнаго мира министерства Вальдекъ-Руссо—Милльеранъ. Крупный фактъ внутренней политики Фран-

*) Многіе синдикаты, кромѣ того, просто оказываютъ денежную помощь своимъ членамъ солдатамъ. Организаціи, занимающіяся субсидированіемъ рабочихъ, отправляющихъ воинскую повинность, довольно распространены въ синдикальныхъ группахъ подъ названіемъ „Солдатское су“. Ихъ кассы составляются изъ ежемѣсячнаго вычета изъ членскихъ взносовъ или изъ добавочныхъ взносовъ.

ціи послѣднихъ годовъ, безспорно, состоялъ въ участіи соціалиста въ министерствѣ. Онъ произвелъ громадное впечатлѣніе и на рабочій классъ. Было много пролетаріевъ и соціалистовъ, искренно вѣрившихъ, что, принимая портфель министра торговли и индустріи въ министерствѣ Вальдекъ-Руссо, *Мильеранъ* могъ бы быть полезнымъ рабочему классу въ особенности проведеніемъ въ жизнь наиболѣе необходимыхъ реформъ. На самомъ же дѣлѣ опытъ показалъ, насколько это предположеніе было утопично и опасно. „Реформизмъ", который родился изъ совмѣстной дѣятельности Мильерана и Вальдекъ-Руссо, былъ безъ сомнѣнія демократическимъ реформизмомъ и вслѣдствіе этого консервативнымъ. Демократія, какъ это замѣтилъ Марксъ, хочетъ примирить классы и сгладить антагонизмъ. Она старается замѣстить соціальнымъ миромъ борьбу классовъ. Политика Вальдекъ-Руссо—Мильерана доказала это на практикѣ. Но она принесла также неисчислимую пользу тѣмъ, что разрушила демократическую иллюзію въ рабочихъ массахъ. Она помогла установить разницу между образомъ дѣйствій демократіи и рабочаго класса. До сихъ поръ царила полная неясность: думали, что всякая реформа, имѣющая признакъ улучшенія судьбы производителя, полезна независимо отъ ея природы. Теперь замѣтили, что реформа реформѣ рознь: однѣ могутъ быть консервативными, другія революціонными. Опытъ Мильерана позволилъ установить это различіе и отвергнуть первыя, чтобы требовать вторыя.

Министерство Вальдекъ-Руссо сразу же обнаружило свою тенденцію, какъ министерство политики соціальнаго мира. Въ самомъ же началѣ его, имъ или его друзьями были изготовлены два законопроекта. Первый намѣревался расширить юридическую правоспособность синдикатовъ. По закону 1884 г. они имѣли право защищать только свои профессіональные интересы. Новый проектъ предполагалъ дать имъ также право совершать коммерческіе акты. Кромѣ того, онъ хотѣлъ сдѣлать изъ синдикальныхъ организацій юридическое лицо, способное переслѣдовать судомъ. Съ перваго взгляда кажется что все это составляетъ драгоцѣнную выгоду для

рабочихъ союзовъ. Но *федеративный комитетъ* судилъ иначе. Онъ указалъ на опасность этихъ обманчивыхъ даровъ. Коммерческое право, которое даетъ имъ возможность, какъ купцамъ и фабрикантамъ, составлять коммерческіе акты капиталистическихъ предпріятій, было объявлено *Федераціей*, какъ средство, долженствующее привести къ смерти рабочія группы. Въ самомъ дѣлѣ, если бы предпріятія, затѣянныя синдикатами, преуспѣвали, они вскорѣ потеряли бы свой характеръ и заботились бы только о прибыли. Духъ борьбы исчезъ бы передъ духомъ наживы. Если бы, напротивъ, предпріятія не удались, то это было бы не только моральное, но и матеріальное разореніе. Въ томъ и другомъ случаѣ синдикаты погибли бы. Что же касается до пріобрѣтенія правъ юридическихъ лицъ синдикатами, то для *федеративнаго комитета* реформа эта представляла не меньшую опасность. Если по закону 1884 г. синдикаты не имѣли права преслѣдовать кого бы то ни было по суду, они, въ свою очередь, были неотвѣтственны передъ судомъ: гражданскій судъ не могъ взыскать съ нихъ потери и убытки. Такимъ образомъ хозяинъ, жертва стачки или бойкота, не могъ привлечь ихъ къ отвѣтственности. *федеративный комитетъ* пригласилъ поэтому биржи труда протестовать противъ всякой попытки убить духъ борьбы въ рабочихъ организаціяхъ.

Второй законопроектъ, предложенный бывшимъ министромъ Гюіессомъ и поддержанный правительствомъ, относился къ организаціи пенсіонной кассы для рабочихъ. Онъ покоился на трехъ финансовыхъ базисахъ: рабочій, государство и хозяинъ—каждый участвуетъ третью взноса. *федеративный комитетъ* заклеймилъ филантропическія начинанія правительства, назвавъ ихъ ложью. Прежде всего участіе рабочаго во взносѣ должно дѣлаться на счетъ заработной платы, отчего она естественно уменьшится; затѣмъ, взносъ хозяевъ будетъ пополняться изъ того же источника, такъ какъ они не пожелаютъ уменьшить прибыль со своего предпріятія. *федеративный комитетъ*, совѣтуя биржамъ труда отвергнуть лживый подарокъ пенсіонныхъ кассъ, въ то же время приглашаетъ ихъ „удвоить энергію, чтобы добиться увеличенія платы и умень-

шенія рабочаго дня, средствъ гораздо болѣе дѣйствительныхъ для обезпеченія жизни рабочихъ".

Разладъ между государствомъ и рабочимъ движеніемъ принималъ, такимъ образомъ, новую форму. Раньше рабочій классъ возставалъ противъ государства—преслѣдователя, теперь онъ борется съ государствомъ-благодѣтелемъ. Приношенія, которыя оно дѣлаетъ рабочему классу, какъ только чувствуетъ въ немъ силу, совершенно основательно казались послѣднему подозрительнымъ и корыстнымъ даромъ. Характерная черта французскаго синдикализма состоитъ именно въ томъ, что онъ сумѣлъ разоблачить филантропическія формы государственнаго гнета. Въ докладѣ, который Пеллутье представилъ парижскому конгрессу, онъ такъ резюмировалъ чувства синдикалистовъ: „Громогласно и единогласно биржи заявили, что онѣ предпочитаютъ попеченію государства,—тѣмъ болѣе подозрительному, что дары его всегда отмѣнимы,—свободу, которую онѣ сами завоевываютъ и которая уже преобразовала ихъ изъ миніатюрныхъ безформенныхъ группъ въ активные элементы соціальной жизни" *).

Самымъ жгучимъ, самымъ спорнымъ вопросомъ, который волновалъ слѣдующій конгрессъ, въ Ниссѣ въ 1901 г., былъ вопросъ о матеріальной независимости биржъ. Биржи дѣлались подозрительными многимъ дѣятелямъ изъ рабочей среды вслѣдствіе того, что онѣ получали субсидіи. Выдача послѣдней зависѣла отъ спокойнаго и мирнаго поведенія биржъ, чѣмъ, разумѣется, была стѣснена ихъ свобода дѣйствій. Нѣсколько биржъ, выказавъ свою независимость по отношенію къ муниципалитетамъ, которые ихъ субсидировали, были тотчасъ же лишены этихъ субсидій. Словомъ, многіе находили, что, чтобы быть дѣйствительно сильными, биржи должны сами находить средства къ жизни.

Мы должны остановиться на этомъ вопросѣ, такъ какъ въ развитіи синдикализма онъ занималъ огромное мѣсто. Если *федерація биржъ* имѣла ясное представленіе о томъ, въ чемъ должно заключаться синдикальное автономное

*) Этому уясненію сознанія пролетаріата много способствовали избіенія стачечниковъ въ Шалонѣ и Мартиникѣ въ самую блестящую пору „соціалистическаго" министерства.

движеніе,—въ расширеніи своихъ функцій въ ущербъ буржуазнымъ учрежденіямъ,—она не всегда согласовала теорію съ практикой. Подъ тѣмъ предлогомъ, что рабочіе синдикаты не вездѣ были достаточно сильными чтобы строить на свои средства биржи труда, она совѣтовала систему субсидій *). Въ этомъ обстоятельствѣ была большая непослѣдовательность. Теоретически *федерація биржъ* совершила уже полный разрывъ между рабочимъ и буржуазнымъ мірами, на практикѣ же она устанавливала самую опасную связь: она подчиняла организмы, созданные рабочимъ классомъ для своего исключительнаго употребленія, капризному благорасположенію власть имущихъ. Субсидія—вообще помощь произвольная, непостоянная, которую могутъ отнять въ то время, когда это менѣе всего ожидается; кромѣ того онѣ не выдаются безъ задней политической мысли: власти думаютъ этимъ способомъ подчинить себѣ рабочее движеніе, и въ этомъ заключается могучій источникъ развращенія организацій. Разумѣется, *федерація биржъ* отдавала себѣ отчетъ въ опасности субсидій, но, съ другой стороны, она знала, что рабочіе синдикаты недостаточно сильны, чтобы позволить себѣ роскошь независимости. Послѣдняя предполагаетъ, въ самомъ дѣлѣ, довольно высокую степень развитія рабочаго движенія. Можетъ-быть, было бы лучше создавать биржи только въ тѣхъ городахъ, гдѣ синдикаты могли бы собственными силами обезпечить ихъ существованіе, и воздержаться тамъ, гдѣ нужно было бы прибѣгать къ субсидіямъ. Получилось бы, правда, меньшее количество этихъ учрежденій, но за то они были бы высшей пробы. Кромѣ того, пролетаріатъ мало-по-малу

*) Такъ Пеллутье, секретарь *Федераціи*, указывалъ на субсидіи, какъ на единственное средство, позволяющее жить биржамъ труда, въ мемуарѣ, озаглавленномъ: „Способъ созданія и функціонированья биржъ труда". Вначалѣ онъ пишетъ: „Принципіально биржи труда должны разсчитывать, при своихъ расходахъ, только на свои личные рессурсы, т.-е. на членскіе взносы синдикатовъ. Только этимъ путемъ биржи сохранятъ въ своихъ сношеніяхъ съ властями и хозяевами самую большую независимость". Но тутъ же добавляетъ слѣдующую противорѣчивую фразу: „Тѣмъ не менѣе мы вкратцѣ укажемъ на субсидіи, которыя должны требовать и могутъ получить биржи труда". И онъ воздвигаетъ фундаментъ движенія на подобной зыбкой почвѣ.

пріучился бы къ болѣе высокому членскому взносу, требующему личнаго усилія и нѣкотораго самоотверженія. Подобное же воспитаніе, безъ сомнѣнія, принесло бы самые лучшіе результаты.

Но Нисскій конгрессъ продолжалъ въ этомъ отношеніи традиціи *федераціи биржъ*. Онъ подтвердилъ необходимость эмансипироваться отъ благодѣяній властей, но тѣмъ не менѣе поставилъ на очередь вопросъ о субсидіяхъ. Секретарь Ивето, который замѣстилъ въ этой должности Пеллутье, умершаго незадолго до конгресса, писалъ въ своемъ отчетѣ: „Мы сторонники того, чтобы требовать все, что возможно для нашихъ биржъ труда отъ муниципалитетовъ, каковы бы они ни были... Биржи труда, имѣющія счастье зависѣть отъ муниципалитетовъ, симпатизирующихъ имъ, должны пользоваться этимъ обстоятельствомъ не только для себя, но и для тѣхъ биржъ, которыя лишены этого счастья". Правда, непосредственно за этимъ онъ совѣтовалъ создать производительныя кооперації, прибыль съ которыхъ шла бы на содержаніе биржъ. Но средство это показалось совершенно утопичнымъ: производительныя кооперації, настоящія капиталистическія предпріятія, создавались съ большимъ трудомъ; кромѣ того, опытъ почти что осудилъ ихъ на смерть, если онѣ не опираются на потребительныя кооперації. Словомъ, конгрессъ въ Ниссѣ не рѣшилъ вопроса о субсидіяхъ. Онъ вотировалъ временную необходимость ихъ, но пригласилъ *федеративный комитетъ* изыскать практическія средства, для обезпеченія независимости биржъ.

Послѣдній конгрессъ федераціи биржъ былъ въ Алжирѣ, въ 1902 г. Передъ нимъ опять встали два старые вопроса: объединеніе рабочаго класса и независимость биржъ труда. Онъ рѣшилъ первый изъ нихъ утвердительно, и объединеніе рабочаго класса стало фактомъ. Ниже мы увидимъ, на что опиралось это единство. Что же касается субсидіи, то она попрежнему вышла изъ дебатовъ невредимой: увеличеніе членскаго взноса, единственное средство убить ее, пугаетъ французскаго рабочаго. Между тѣмъ новыя событія придали этой проблемѣ новую важность. Министерство Вальдека-Руссо, взволно-

ванное тѣмъ, что его доброжелательныя начинанія не обуздали рабочаго класса, попробовало подчинить его себѣ силой. Собственноручный циркуляръ премьера предписывалъ префектамъ пригласить муниципалитеты получше контролировать фонды, даваемые биржамъ, и требовать отъ нихъ доказательствъ ихъ употребленія.

Въ виду этого можно было думать, что алжирскій конгрессъ приметъ, наконецъ, энергичное рѣшеніе, откажется отъ субсидій и сдѣлаетъ призывъ къ личнымъ усиліямъ синдикальныхъ рабочихъ. Но онъ этого не сдѣлалъ. Конгрессъ опять толковалъ о производительныхъ кооперацiяхъ и опять кончилъ тѣмъ, что поручилъ *федеративному комитету* изыскивать средства для окончательнаго рѣшенія вопроса. Какъ видно изъ этого маленькаго очерка, для французскаго синдикальнаго движенія самымъ труднымъ шагомъ является освобожденіе своихъ организацій отъ поддержки со стороны властей.

Вотъ въ общихъ чертахъ исторія *федерацiи биржъ* до того момента, когда она вошла въ составъ *всеобщей конфедерацiи труда*. Резюмируя дѣятельность ея, можно сказать, что она играла роль замѣчательнаго иниціатора. Начатая ею общеклассовая пропаганда будетъ продолжаться *конфедерацiей*, которая улучшитъ ее, очиститъ отъ дурныхъ сторонъ и приведетъ организованный пролетаріатъ къ выработкѣ концепцій, лежащихъ въ основѣ революціоннаго синдикализма.

III.

Остановимся теперь на *конфедерацiи*. Какимъ образомъ она развивалась? Какіе фазисы эволюціи прошла?

Мы указали на разрывъ, который произошелъ на Ренскомъ конгрессѣ между *федерацiей биржъ* и *конфедерацiей труда*. Этотъ разрывъ пробудилъ къ дѣятельности послѣднюю; она рѣшила во что бы то ни стало восторжествовать, наконецъ, надъ своею соперницей. Новые люди, полные революціоннаго жара и вѣры, взяли въ свои руки управленіе ею. Старанія ихъ направлялись единственно къ тому, чтобы обезпечить за *конфедерацiей* клас-

совую дѣятельность. Результаты тотчасъ же сказались: *конфедерація* сдѣлала поразительно быстрый шагъ впередъ. Уже на своемъ парижскомъ конгрессѣ, въ 1900 г., она доказала свое молодое еще, но несомнѣнное могущество. Разнообразіе дискутируемыхъ вопросовъ показало, насколько эволюціонировало умственное развитіе рабочаго.

Одинъ изъ вопросовъ, поставленныхъ конгрессомъ, состоялъ въ слѣдующемъ: должна-ли *конфедерація* составляться только изъ индустріальныхъ федерацій или въ нее могутъ входить, какъ самостоятельные члены, частныя профессіональныя федераціи? Напримѣръ, должна ли она принимать только обширныя федераціи, составленныя изъ рабочихъ по обработкѣ металловъ вообще, или, напротивъ, есть возможность организовать самостоятельные союзы механиковъ, литейщиковъ и пр., независимые отъ общей металлургической федераціи? Вопросъ былъ рѣшенъ въ смыслѣ полной свободы организацій. Это обстоятельство дало возможность *конфедераціи* соединить въ себѣ всѣ виды союзовъ и стать, такимъ образомъ, истиннымъ центральнымъ организмомъ всѣхъ федеративныхъ организацій французскаго пролетаріата.

Парижскій конгрессъ изучалъ также вопросъ о *лабелѣ*—синдикальной маркѣ,—который *федерація биржъ* разрабатывала съ своей стороны. Вообще можно сказать, что программа этого конгресса была почти аналогична той, которая составляла предметъ изученія конгресса *федераціи биржъ* того же года: антимилитаристская пропаганда въ деревнѣ, производительныя и потребительныя кооперацiи и т. д. Самое большое мѣсто занималъ вопросъ о всеобщей стачкѣ. Послѣдняя становилась все болѣе и болѣе популярной. Она представлялась средствомъ борьбы наиболѣе свойственнымъ классу производителей; она казалась настолько же пригодной для непосредственной цѣли, какъ и для окончательнаго захвата средствъ производства. Вслѣдствіе этого она сдѣлалась центромъ синдикалистской пропаганды, ея господствующей идеей.

Но только со времени своего шестого конгресса въ Ліонѣ, въ 1901 г., начинается дѣйствительная нравствен-

ная гегемонія *конфедераціи*. Ліонскій конгрессъ зарегистрировалъ тотъ прогрессъ, который сдѣлало классовое самосознаніе французскихъ организованныхъ рабочихъ за послѣдніе годы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и воспитательную роль *конфедерацій*. Мы знаемъ уже, что практическіе вопросы, поставленные въ то время рабочимъ классомъ, представляли для него глубокую и неоспоримую важность. То было время кабинета Вальдекъ-Руссо-Мильерана, время новой тактики по отношенію къ рабочему движенію: эпоха рабочаго законодательства. Какъ отнесется ко всему этому организованный пролетаріатъ? *Конфедерація*, подобно *федераціи биржъ*, не могла обойти молчаніемъ этихъ крупныхъ вопросовъ. Напротивъ, за долго до конгресса она заняла опредѣленную позицію, и делегаты были подготовлены энергичной кампаніей, которую она вела въ своемъ молодомъ органѣ Le Voixs du peuple. Съ тѣхъ поръ, какъ революціонеры стали во главѣ *конфедераціи*, она не процускала безъ оцѣнки ни одного вопроса, такъ или иначе относящагося къ классу производителей, и вліяніе ея росло съ каждымъ часомъ. По одному поводу, очень близкому по времени къ конгрессу, она могла убѣдиться въ своемъ нравственномъ могуществѣ. Правительство нашло нужнымъ сдѣлать рефферендумъ въ рабочей средѣ по поводу закона о пенсіонныхъ кассахъ, о которомъ мы уже упоминали выше. *Конфедерація*, не теряя ни минуты, отвѣтила на вызовъ громкимъ манифестомъ, гдѣ она указывала опрошеннымъ организаціямъ на обманъ, заключающійся въ правительственномъ проектѣ. Какъ одинъ человѣкъ, съ поразительнымъ единодушіемъ, синдикаты согласились съ мнѣніемъ *конфедераціи* и осудили проектъ *). Съ этого момента французское рабочее движеніе нашло своего руководителя; могущество *конфедераціи* выяснилось и для нея самой и для рабочаго класса.

Итакъ, конгрессъ былъ подготовленъ къ тому, чтобы судить соціальную политику министерства и судить

*) Это не мѣшаетъ парламенту вотировать законъ. Уже большая половина статей благополучно принята имъ. Буржуазія дѣлаетъ счастье рабочаго класса malgrès lui.

ее очень строго. Только очень слабую симпатію встрѣтила она со стороны такъ называемыхъ реформистскихъ элементовъ. Наибольшая же часть делегатовъ была настроена враждебно. Первымъ вопросомъ на очереди былъ вопросъ объ обязательномъ третейскомъ судѣ во время стачекъ. Правительство предполагало сдѣлать стачки невозможными; подчиняя рѣшеніе конфликта третейскому суду съ его длинной процедурой, примирительной тенденціей и пр. Цѣлью, разумѣется, былъ соціальный миръ. Правительство само сознавалось въ этомъ. Дѣло шло о парализованіи рабочей борьбы, о канализированьи ея въ учрежденіи, которое не дало бы ей окрѣпнуть и разгорѣться. Почти единогласно конгрессъ рѣшилъ отвергнуть проектъ, охарактеризовавъ его, какъ реформу, долженствующую убить духъ классовой борьбы и предать безсильный пролетаріатъ въ руки хозяевъ. Вторая правительственная реформа,—незадолго до конгресса созданный *совѣтъ труда* (Conseil du Travail),—не была счастливѣе первой. Безпрестанно озабоченный идеей соціальнаго мира, Мильеранъ открылъ постоянные комитеты, составленные поровну изъ хозяевъ и изъ рабочихъ и имѣющіе цѣлью предупреждать конфликты, приводя обѣ стороны къ полюбовному соглашенію. Конгрессъ осудилъ эту комбинацію также категорически и по тѣмъ же мотивамъ, какъ и третейскій судъ. Въ свою очередь конгрессъ, *конфедераціи* подобно конгрессу *федераціи биржъ*, предостерегалъ рабочія организаціи отъ увлеченія проектомъ о коммерческой правоспособности синдикатовъ, этой ловушки, въ которую правительство старается заманить ихъ.

Покончивъ съ вопросомъ объ отношеніи къ правительству, конгрессъ точно также, какъ конгрессъ *федераціи биржъ*, занялся вопросомъ объ отношеніи рабочихъ организацій къ соціалистическимъ партіямъ. Рѣшеніе его вполнѣ соотвѣтствовало тому, что *конфедерація* высказывала съ самаго своего основанія; конгрессъ напомнилъ, что классовая борьба принадлежитъ рабочимъ организаціямъ и должна вестись ими самостоятельно, безъ вмѣшательства соціалистическихъ фракцій.

Наконецъ, дискусіи конгресса перешли къ вопросу

объ объединеніи рабочаго класса. Мы сказали уже, что конгрессъ *федерацій биржъ*, состоявшійся въ Ниссѣ нѣсколькими днями раньше конгресса *конфедераціи*, выработалъ планъ объединенія. Ліонскому конгрессу оставалось высказаться по поводу основъ этого проекта. Онъ одобрилъ его безъ измѣненія, и объединеніе было декретировано въ принципѣ. Оставалось реализовать его въ дѣйсвительности. Для этого было рѣшено собрать въ слѣдующемъ году экстраординарный конгрессъ въ Монпелье, единственною цѣлью котораго была бы разработка способовъ проведенія въ жизнь объединенія.

Дѣйствительно, въ 1902 г. въ Монпелье совершилось намѣченное сліяніе двухъ центральныхъ организацій. Такъ окончилась война между двумя органами рабочаго движенія. *Федерація* не была побѣждена, но, уступая требованію обстоятельствъ, попросту передала *конфедераціи*, ставшей неоспоримой силой, функціи общеклассовой пропаганды. Вотъ въ краткихъ чертахъ уставъ, на который опирается новая организація: статья первая напоминаетъ традиціонные базисы синдикальнаго французскаго движенія. Она указываетъ, что цѣль, преслѣдуемая новымъ организмомъ, состоитъ въ „группировкѣ живущихъ заработкомъ (salariés) для защиты ихъ интересовъ моральныхъ и матеріальныхъ". Затѣмъ она напоминаетъ, что новый союзъ преслѣдуетъ революціонную цѣль: „исчезновеніе эксплуатируемыхъ и хозяевъ", и что борьба, которую онъ ведетъ для достиженія этого, должна быть „внѣ всякихъ политическихъ школъ". Вторая и третья статьи перечисляютъ организаціи, которыя могутъ примкнуть къ союзу. Это: 1) національная федерація индустрій и ремеслъ (бывшая *конфедерація*), 2) *федерація биржъ труда*, 3) изолированные синдикаты, не соединенные въ федераціи или синдикаты, федераціи которыхъ не примыкаютъ къ объединенному организму. Послѣдній присвоиваетъ себѣ знакомое намъ имя *всеобщей конфедераціи труда*. Статья четвертая отклоняетъ пропорціональное представительство, по причинамъ, которыя мы укажемъ ниже и регламентируетъ составъ центральнаго комитета *конфедераціи*, названнаго *конфедеральнымъ комитетомъ* въ слѣдующихъ словахъ: „Всякая примыкающая ко *всеобщей*

конфедераціи труда организація будетъ представлена однимъ делегатомъ. Собраніе этихъ делегатовъ составитъ *конфедеральный комитетъ*. Статья пятая—самая существенная въ уставѣ; она опредѣляетъ взаимныя отношенія *федераціи биржъ* и *конфедераціи* въ объединенномъ органѣ: „*всеобщая конфедерація труда*“ дѣлится на двѣ автономныя секціи: первая присвоиваетъ названіе *секціи федерацій профессіональныхъ и индустріальныхъ и различныхъ синдикатовъ* (Section des Fedérations de Metier et d'industrie et des syndicats divers), вторая — *секціи федераціи биржъ труда* (Section de la Fedération des Bourses du Travail). Каждая изъ этихъ частей остается вполнѣ независимой. *Федерація биржъ* сохраняетъ свою собственную администрацію и даже ей позволено, послѣ общихъ рабочихъ конгрессовъ, которые должны происходить каждые два года, устраивать спеціальную конференцію для обсужденія своихъ частныхъ дѣлъ.

Какова же взаимная роль этихъ двухъ частей *всеобщей конфедераціи*? Уставъ возложилъ на первую секцію обязанности борьбы и пропаганды; съ этою цѣлью она должна объединять въ одно цѣлое всѣ федераціи и координировать ихъ силы. *Секція федераціи биржъ* получила миссію статистическихъ изысканій, организаціи функцій общихъ всѣмъ биржамъ, экономическое воспитаніе массъ и пр. Наконецъ, *конфедерація* занимается только тѣмъ, что интересуетъ весь рабочій классъ, всѣ федераціи, всѣ биржи, всѣ синдикаты. Она ведетъ обще-классовую пропаганду, воспитываетъ обще-классовое сознаніе, слѣдитъ за общимъ движеніемъ рабочаго класса и старается удержать его на прямомъ пути. Но диктатура эта чисто моральнаго характера. *Конфедерація* не вмѣшивается ни во внутреннее управленіе синдикатовъ, ни въ ихъ дѣятельность. Они сохраняютъ полную свободу; единственная ихъ обязанность заключается въ строгомъ подчиненіи уставу, и только. Въ этихъ рамкахъ, въ рамкахъ устава, автономія ихъ самая полная. Отъ ихъ доброй воли зависитъ принять или отвергнуть предложеніе *конфедераціи*.

Кромѣ своего секретаріата и конфедеральнаго комитета, *конфедерація* избираетъ три комиссіи: 1) комиссія журнала, 2) комиссія стачекъ и 3) комиссія контроля.

Итакъ, послѣ долгихъ обходовъ французское рабочее движеніе сливается, наконецъ, въ одинъ блокъ. Вытекаетъ ли изъ этого, что въ новой организаціи всякія трения исчезаютъ? Далеко нѣтъ. Напротивъ, никогда раньше дискуссіи не были столь оживленными, какъ послѣ конгресса въ Монпелье. Но онѣ не происходятъ болѣе между соперничествующими организаціями, но между представителями разныхъ синдикальныхъ тенденцій. Въ этомъ новомъ фазисѣ рабочаго движенія предметъ споровъ постоянно остается тѣмъ же, хотя и возникаетъ по различнымъ поводамъ: пролетаріатъ вырабатываетъ и усовершенствуетъ методъ, который онъ предполагаетъ утилизировать въ борьбѣ съ эксплоатаціей.

IV.

Конгрессъ въ Буржѣ въ 1904 г. былъ первымъ конгрессомъ объединеннаго рабочаго класса. Можно также сказать, что онъ былъ и самымъ значительнымъ. Болѣе 1,200 синдикатовъ, включающихъ 300,000 рабочихъ *), были представлены 400 делегатами. Но гораздо болѣе, чѣмъ количество членовъ, широкія принципіальныя прения придали ему характеръ великаго событія въ рабочемъ мірѣ. Столкновенія двухъ тенденцій, реформистской и революціонной, возникая по поводу различныхъ очередныхъ

*) Въ настоящее время, если вѣрить официальной статистикѣ *конфедерація* включаетъ въ себя 350,000 членовъ изъ 780,000 синдикованныхъ рабочихъ Франціи. Это составляетъ почти половину всего организованнаго пролетаріата. Что же дѣлаетъ другая половина? Прежде всего сюда входитъ фиктивное число членовъ: синдикаты имѣютъ обыкновеніе давать цыфру не числа членовъ, дѣлающихъ членскій взносъ, а число записавшихся рабочихъ. А, какъ извѣстно, послѣдніе часто приходятъ въ синдикатъ въ минуту несчастья: безработицы, пораненія на работѣ, личнаго конфликта съ хозяиномъ, но, какъ только его дѣло улажено, какъ только онъ получилъ необходимую помощь, онъ не возвращается больше въ это гостепріимное учрежденіе. Затѣмъ, въ эту вторую половину входятъ синдикаты, не примыкающіе къ биржамъ труда: синдикаты, индифферентно относящіеся къ общему движенію, либо католическіе, либо еще „желтые“. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно то, что наиболѣе живые, сознательные и боевые элементы группируются вокругъ *конфедераціи*. Этимъ объясняется ея моральная сила.

вопросовъ, заполняли всѣ засѣданія конгресса. Тріумфъ революціонеровъ окрасилъ принятыя рѣшенія опредѣленнымъ колоритомъ, что способствовало ихъ необыкновенно быстрому распространенію.

Въ чемъ же заключаются двѣ борющіяся тенденціи? Реформизмъ нѣсколькихъ крупныхъ французскихъ синдикальныхъ федерацій очень близко подходитъ къ тредъюніонизму. Онѣ понимаютъ синдикализмъ исключительно какъ средство увеличить заработную плату и уменьшить рабочее время. Спокойствіе и осторожность—вотъ тѣ качества, которыя онѣ проповѣдуютъ. Синдикальное движеніе, по ихъ мнѣнію, должно быть миролюбивымъ и преслѣдовать главнымъ образомъ соглашеніе между хозяевами и рабочими. Владѣть туго набитыми кассами взаимопомощи, доставлять большія матеріальныя выгоды своимъ членамъ, заключать долгосрочные и выгодные договоры о наймѣ, основывать смѣшанныя комиссіи изъ хозяевъ и рабочихъ, входить въ соглашеніе съ государствомъ, участвовать въ его институтахъ, пользоваться его покровительствомъ, просить объ его посредничествѣ въ конфликтахъ,—такова въ общихъ чертахъ цѣль реформистскаго синдикализма. Онъ былъ наилучшей и единственной поддержкой политики соціальнаго мира министерста Вальдека-Руссо-Мильерана.

Революціонный синдикализмъ занимаетъ діаметрально противоположную позицію. Онъ проводитъ въ жизнь классовую борьбу въ ея чистомъ видѣ. Онъ видитъ въ синдикатахъ главное орудіе освобожденія пролетаріата. По его мнѣнію, синдикатъ лучше другихъ организацій выставляетъ на видъ антагонизмъ интересовъ и идеологій, которые раздѣляютъ классы. Увеличеніе заработной платы и уменьшеніе рабочаго дня являются для него второстепенною частью задачи. Его миссія состоитъ въ организаціи рабочаго класса для болѣе обширной и всеобъемлющей борьбы противъ капиталистическаго міра вообще. Онъ не проповѣдуетъ мира; онъ организуетъ войну. Его девизъ—формула Интернаціонала: „Эмансипація рабочихъ можетъ быть дѣломъ только самихъ рабочихъ".

Въ глазахъ революціонныхъ синдикалистовъ, синди-

катъ призванъ играть эту роль, потому что онъ является единственной организаціей свойственной исключительно рабочему классу, созданной имъ самимъ для своихъ нуждъ и цѣлей. Всякій классъ на пути къ эмансипаціи создаетъ свои собственные органы. Буржуазія группировалась вначалѣ въ коммунахъ и затѣмъ, позже, въ парламентѣ, орудіи ея классовой дѣятельности. Въ свою очередь и въ противоположность административному и парламентскому государству, рабочій классъ образовывалъ, по мѣрѣ своего развитія, органы, приспособленные къ его классовой борьбѣ: синдикаты, федераціи синдикатовъ, биржи труда. Прогрессъ этого государства въ государствѣ ознаменовывается расширеніемъ его функцій и его учрежденій въ ущербъ функцій и учрежденій буржуазнаго міра. Такимъ образомъ, рабочая организація, отнимая отъ буржуазнаго государства все, что есть въ немъ полезнаго, будетъ расти до тѣхъ поръ, пока, сдѣлавшись достаточно сильной, она не вытѣснитъ окончательно старыя формы, замѣстивъ ихъ новыми, которыя она несетъ въ себѣ. По мѣрѣ того, какъ политическій строй дезорганизуется, экономическій все болѣе совершенствуется и организуется. Итакъ, рабочую борьбу, какъ ее понимаютъ французскіе революціонные синдикалисты, можно свести къ слѣдующему общему правилу: *присвоить синдикатамъ, являющимся органомъ рабочаго движенія, всѣ функціи, касающіяся рабочаго міра, отобравъ ихъ у государства.*

Борьба революціоннаго и реформистскаго синдикализма прежде всего сказалась на Буржкомъ конгрессѣ по поводу вопроса о пропорціональномъ представительствѣ. Революціонеры требуютъ, чтобы во всѣхъ случаяхъ, когда нужно вотировать, каждый синдикатъ, независимо отъ количества членовъ, пользовался однимъ голосомъ; реформисты, напротивъ, желаютъ, чтобы голоса были распредѣлены пропорціонально числу членовъ въ каждомъ синдикатѣ. Революціонная тактика была принята двумя третями голосовъ на Буржскомъ конгрессѣ (825 синдикатовъ за нее и 379 противъ). Дебаты по этому вопросу бросаютъ яркій свѣтъ на концепцію революціоннаго синдикализма, а вотирвка показываетъ, насколь-

ко концепція эта усвоена организованнымъ пролетаріатомъ. Революціонная концепція покоится на томъ принципѣ, что въ рабочемъ мірѣ, въ противоположность тому, что происходитъ въ политическомъ, принимается во вниманіе не число, а сознательность, качество, а не количество. Этотъ принципъ, столь выгодно отличающій рабочій міръ отъ политическаго, примѣнялся до сихъ, поръ какъ во внѣшнихъ сношеніяхъ между организаціями, такъ и внутри организацій. Не численная сила должна брать верхъ, но степень сознательности.

Остановимся еще немного на этой разницѣ между демократіей и рабочимъ движеніемъ, такъ какъ она красною нитью проходитъ повсюду. Какъ функціонируетъ демократическій строй? Демократія разсматриваетъ гражданина, какъ нѣчто *абстрактное*, приписывая ему идеальную цѣнность, идеальное значеніе; такимъ образомъ въ ея глазахъ всѣ граждане абстрактно равны между собою. Чтобы узнать волю народа, которая позже выразится въ законѣ, демократія отбираетъ голоса гражданъ, не останавливаясь на цѣнности ихъ. Большинство голосовъ и составляетъ искомую величину. Демократія, такимъ образомъ, покоится на фикціи: тождествѣ всѣхъ гражданъ данной страны. Она не имѣетъ дѣла съ реальнымъ человѣкомъ, но съ абстрактной политической величиной.

Но происходитъ ли то же самое на экономической почвѣ? Заимствуетъ ли рабочій классъ свои методы организаціи у политической демократіи? Ни въ какомъ случаѣ,—отвѣчаютъ французскіе синдикалисты. На этой почвѣ, родной рабочему классу и единственной, на которой организуется будущій, новый общественный строй, одинъ лишь *конкретный* человѣкъ, *производитель* играетъ роль. Здѣсь не можетъ быть абстрактнаго типа производителя, подобнаго абстрактному демократическому гражданину. Существуютъ только рабочіе, различные по сознанію своихъ правъ, имѣющіе неравныя боевыя способности, неодинаково понимающіе рабочее дѣло. Борьба создала естественную іерархію въ нѣдрахъ рабочаго класса: самые дѣятельные, самые боевые элементы, тѣ, которыхъ привыкли называть „сознательное меньшинство“, идутъ впереди и показываютъ другимъ путь, по которо-

му нужно итти. Такимъ образомъ, въ рабочемъ движеніи происходитъ естественный подборъ, который выдѣляетъ изъ массы всѣхъ тѣхъ, кто обладаетъ высшими качествами по интеллигентности, преданности дѣлу и дѣятельности.

Эта группировка лучшихъ элементовъ образуетъ синдикатъ, и синдикатъ, такимъ образомъ, силою вещей, является органомъ представительнымъ и управляющимъ. Этимъ объясняется то, что̀ французскіе синдикалисты называютъ новымъ политическимъ принципомъ: *управленіе рабочаго класса посредствомъ ассоціацій изъ селекціонированныхъ рабочихъ*. Газета la Voix du Peuple (Голосъ Народа) такъ провозглашаетъ его въ своемъ программномъ номерѣ: „Рабочіе синдикаты все болѣе и болѣе проникаются сознаніемъ той первенствующей роли, которую имъ приходится играть въ соціальныхъ сношеніяхъ. Они знаютъ, что, кромѣ защиты куска насущнаго хлѣба, они должны еще подготовить будущее общество. Они знаютъ, что въ нѣдрахъ корпоративнаго организма вырабатывается завтрашній міръ. Они знаютъ, что нормальное общество, хорошо уравновѣшенное, гдѣ всѣ индивидуальности будутъ мирно развиваться, не представляется иначе, какъ обществомъ, въ основѣ котораго лежатъ корпоративныя ассоціаціи. Эта широкая концепція оживила синдикаты и расширила сферу ихъ дѣятельности. Поэтому-то они пріучаются становиться на опредѣленную позицію по поводу всѣхъ вопросовъ, относиться съ интересомъ ко всякой значительной агитаціи, и вскорѣ съ ихъ стороны не будетъ бахвальствомъ заявить, что въ нихъ заключается все соціальное движеніе“.

Эта первенствующая роль синдиката зависитъ отъ самой природы ихъ. Синдикальный организмъ адекватенъ самой жизни рабочаго класса: онъ созданъ ею для нея самой. Защита правъ рабочихъ—его дѣйствительное назначеніе. Когда синдикатъ борется за интересы своихъ членовъ, онъ борется, въ то же время, и за интересы всего рабочаго класса. Одинъ изъ главныхъ синдикалистовъ,—рабочій Пуже,—такъ говоритъ объ этомъ въ своей брошюрѣ. „Les bases du Syndicalisme“ (Основы синдикализма): „Синдикальные рабочіе, чтобы манифести-

ровать свою волю не ждутъ одобренія всей корпораціи: они думаютъ и дѣйствуютъ отъ ея имени,—какъ если бы ихъ блокъ дѣйствительно состоялъ изъ всѣхъ рабочихъ одной профессіи. Посредствомъ логическихъ выводовъ они убѣдились, что думаютъ и дѣйствуютъ, какъ если бы они были весь рабочій классъ. Впрочемъ, насколько синдикалисты имѣютъ основаніе считать себя за людей синтезирующихъ надежды и волю всѣхъ, показало то, что всякій разъ, когда того требуютъ обстоятельства (въ случаѣ конфликта съ хозяиномъ, напримѣръ), не-синдикованные рабочіе записываются въ синдикаты, добровольно группируются и борются въ рядахъ товарищей, которые терпѣливо и энергично подготовили сраженіе. Не-синдикованные не должны поэтому обижаться на подобную моральную опеку, которую „сознательные“ присвоили себѣ. Синдикалисты не стѣсняютъ ничьей доброй воли, и если кто страдаетъ отъ того, что его считаютъ за quantité négligeable, ему остается одно: избавить себя отъ этого подчиненнаго положенія, выйдя изъ своей изолированности, стряхнувъ свою инерцію, и поступить въ синдикатъ. Кромѣ того отсталые элементы совершенно не въ правѣ дѣлать упреки, такъ какъ они пользуются результатами, завоеванными товарищами сознательными и дѣйствующими; они извлекаютъ пользу, не терпѣвъ отъ борьбы“.

Интимныя связи, спаивающія органы рабочаго класса съ самимъ рабочимъ классомъ, производятъ еще и другія послѣдствія. Между руководящими группами пролетарскаго движенія и пролетарской массой не можетъ быть той оппозиціи, которая существуетъ между политическими органами демократіи и массою избирателей. Въ демократіи пропасть, которая отдѣляетъ правящихъ отъ управляемыхъ, образуется благодаря искусственному характеру политическаго государства, рожденнаго изъ дѣленія общества на классы и имѣющаго исключительною цѣлью поддержать господство буржуазнаго класса. Марксъ указалъ, что государство образовалось надъ гражданскимъ обществомъ и создало свои организмы внѣ его. Это-то положеніе государства по отношенію къ обществу дѣлаетъ столь труднымъ для простого гражда-

нина пониманіе политики. Вопросы, которые ставятся избирателю, не взяты изъ области реальной, повседневной жизни; онъ не подготовленъ рѣшать чуждыя ему проблемы общей политики. Да и занимается онъ ими случайно, разъ въ четыре года, когда нужно вотировать. При такихъ условіяхъ вполнѣ понятенъ успѣхъ профессіональнаго политика, который, благодаря своей извѣстности, навязываетъ себя въ представители массамъ, некомпетентнымъ и безсильнымъ контролировать его.

Напротивъ, органы экономическаго общества находятся внутри его самого, составляютъ съ нимъ одно тѣло и, естественно, являются созданіями его. Синдикаты не возвышаются надъ рабочимъ классомъ, но являются частью, органическою частью этого класса. Между передовыми рабочими, составляющими синдикатъ, и рабочею массою существуетъ не разрывъ, а, напротивъ, постоянная связь въ жизни и мастерской. Вопросы, которые синдикатъ старается разрѣшить, почти всегда вопросы мастерской, профессіональные вопросы, и онъ можетъ достичь авторитета только въ томъ случаѣ, если отстаиваетъ умѣло и энергично рабочіе интересы. Производитель ничѣмъ не напоминаетъ гражданина: онъ не делегируетъ своей власти людямъ чуждымъ его средѣ, находящимся внѣ его класса, чтобы тѣ рѣшали проблемы, недоступныя его уму. Онъ внѣдренъ въ свою среду, живетъ въ рамкахъ вполнѣ соотвѣтствующихъ ей, онъ способенъ отдать себѣ отчетъ въ вопросахъ, близко касающихся его жизни, и можетъ легко контролировать управляющіе органы, такъ какъ ихъ компетенція вполнѣ доступна его пониманію. Этимъ объясняется секретъ той верховной власти синдикатовъ, которые, хотя и составляются обыкновенно изъ небольшого числа рабочихъ, являются настоящими диктаторами рабочихъ массъ.

Дебаты, которымъ предшествовали долгіе мѣсяцы полемики, приняли на конгрессѣ исключительные размѣры. Реформистскую тезу защищалъ секретарь федераціи типографовъ, Кеферъ (Keufer). Мы обращаемъ вниманіе на эту деталь потому, что личность этого прапогандиста реформизма иллюстрируетъ консервативный характеръ его

предложенія. Кеферъ—одинъ изъ представителей позитивизма; извѣстно, до какой степени доктрина Огюста Конта консервативна въ соціальномъ отношеніи. Кромѣ того, Кеферъ тѣсно связалъ свое имя съ правительственными рабочими учрежденіями, созданными Мильераномъ и министерствомъ торговли. Эти личныя причины сыграли роль конкретнаго примѣра, освѣтившаго теоретическія разсужденія. Вотировка дала многозначительные результаты: изъ 1208 синдикатовъ—825 вотировали противъ предложенія и всего 379—за. Такимъ образомъ важный тактическій вопросъ былъ разрѣшенъ въ революціонномъ смыслѣ, и *конфедерація*, сыгравшая такую неоцѣнимую роль въ рабочемъ движеніи послѣднихъ годовъ, осталась въ рукахъ передовыхъ элементовъ.

Второй важный вопросъ, рѣшеніе котораго укрѣпило вліяніе революціоннаго синдикализма, былъ вопросъ о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ. Болѣе полстолѣтія восьмичасовой рабочій день выставляется во главѣ рабочихъ требованій. Стало-быть, вопросъ самъ по себѣ былъ уже рѣшенъ и дискуссіи не подлежалъ; нужно было найти пути къ его реализаціи. Французскіе рабочіе были поражены парламентскимъ безсиліемъ. Болѣе десяти лѣтъ уже проекты законовъ, касающіеся восьми часовъ, спокойно лежали подъ сукномъ и дѣятельность соціалистическихъ депутатовъ, по временамъ очень блестящая, не могла вырвать ихъ оттуда. Передъ этой безплодностью политическихъ партій синдикалисты поняли, что только одно *могучее движеніе массъ* способно принести желаемые результаты. На буржскомъ конгрессѣ рабочіе борцы предложили употребить для этого давно испытанное средство *прямого воздѣйствія* (l'action directe), и предложеніе было одобрено делегатами.

Здѣсь еще разъ по поводу практическаго вопроса выяснилась общая концепція синдикальной дѣятельности. Долженъ ли рабочій классъ разсчитывать исключительно на свои классовыя организаціи, построенныя на родной ему, экономической почвѣ, какъ для достиженія немедленныхъ реформъ, такъ и для реализаціи соціальной революціи? Или онъ можетъ поручить свою судьбу дѣятельности политическихъ партій? Проблема поставлена была особенно

рѣзко; она толкала на жестокую схватку теорію дѣйствій, свойственныхъ исключительно рабочему классу, и теорію дѣйствій, свойственныхъ политическимъ партіямъ. „Французская рабочая партія“ Гэда въ теченіе долгаго времени вела агитацію въ пользу восьмичасового дня. Эта агитація приняла форму ежегоднаго угрожающаго предупрежденія, дѣлаемаго ею властямъ. Приблизительно съ 1890 по 1895 гг., каждаго перваго мая делегаты „Французской рабочей партіи“ торжественно шли либо въ муниципалитетъ, либо къ префекту, либо къ депутату, чтобы напомнить имъ главное требованье рабочей программы. Власти не придавали никакого значенія этимъ хожденіямъ, и манифестаціи эти вскорѣ вовсе прекратились. Несмотря на неудачу такого образа дѣйствій, какъ Гэдъ, такъ и члены всѣхъ соціалистическихъ партій сохранили вѣру въ легальныя, парламентскія средства борьбы. Этой концепціи конгрессисты въ Буржѣ противопоставили свою: непосредственное воздѣйствіе самихъ рабочихъ массъ. Они формулировали „непосредственное воздѣйствіе“, какъ дѣйствіе присущее исключительно рабочимъ и которое состоитъ въ энергичномъ давленіи посредствомъ манифестаціи на предпринимателей и власти, для достиженія желаемыхъ реформъ.

Провозглашая, что единственно посредствомъ массового движенія рабочій можетъ вырвать у буржуазіи удовлетвореніе своихъ требованій, конгрессъ опирался на исторію рабочаго законодательства. Делегаты знали, что, исторически, самыя коренныя реформы были отвоеваны массовымъ возстаніемъ. Въ „*Капиталѣ*“ Марксъ напоминаетъ исторію законодательства о десятичасовомъ рабочемъ днѣ въ Англіи и указываетъ, по этому поводу, на то, какую роль играетъ непосредственное воздѣйствіе народныхъ массъ. Въ одной изъ недавнихъ статей въ le Peuple, Вандервельдъ констатировалъ въ свою очередь его дѣйствительную силу для Бельгіи. „Вся исторія пролетарскаго движенія, пишетъ онъ, указываетъ, что рабочіе всегда вырывали у буржуазнаго парламента реформы не иначе, какъ посредствомъ самостоятельной борьбы, а не черезъ посредничество третьихъ лицъ. Безъ кампаніи типографовъ Брюсселя и гэнтскихъ ткачей еще и теперь

въ Бельгіи требовали бы отмѣны закона объ ассоціаціяхъ. Бельгійскій цензовый режимъ жилъ бы и до сихъ поръ, безъ стачекъ 1886, 1887, 1889, 1891 и 1893 гг., такъ какъ нужно было приниматься пять разъ за этотъ источенный червями камень, чтобы свалить его".

Но рядомъ съ этимъ историческимъ опытомъ французскіе синдикалисты имѣли и свой собственный. Они на себѣ испытали, какъ неоцѣнимо на практикѣ „непосредственное воздѣйствіе". За нѣсколько мѣсяцевъ передъ конгрессомъ въ Буржѣ, въ началѣ 1904 г., по иниціативѣ парижскихъ рабочихъ и рабочихъ парикмахеровъ была начата громадная агитація противъ частныхъ конторъ для найма. Черезъ нѣсколько дней *конфедерація* обобщила движеніе и распространила его на всю Францію. Впечатлѣніе, произведенное единодушнымъ возмущеніемъ рабочей массы противъ этихъ органовъ безстыдной эксплоатаціи было столь сильно, что министерство поторопилось какъ можно скорѣе представить проектъ упраздненія конторъ для найма и заставило парламентъ вотировать его въ два дня. Между тѣмъ подобные проекты представлялись почти ежегодно въ продолженіе 20-ти лѣтъ въ бюро палаты и не имѣли успѣха! То, что двадцать лѣтъ парламентской дѣятельности не могло сдѣлать, было осуществлено нѣсколькими недѣлями рабочей агитаціи.

Подъ впечатлѣніемъ воспоминаній далекаго и недавняго прошлаго, буржскій конгрессъ вотировалъ слѣдующую резолюцію: „Конгрессъ, принимая во вниманіе, что рабочіе могутъ разсчитывать только на свою собственную дѣятельность для улучшенія условій труда; принимая во вниманіе, что агитація въ пользу восьмичасового дня есть путь къ окончательному осуществленію полной эмансипаціи, конгрессъ поручаетъ *всеобщей конфедераціи труда* организовать интенсивную и все возрастающую агитацію въ томъ направленіи, чтобы съ 1-го мая 1906 г. рабочіе ввели 8-часовой рабочій день явочнымъ порядкомъ". Резолюція эта не означаетъ, что рабочіе завоюютъ 1-го мая 8-ми-часовой день. Она говоритъ только, что они добьются его лишь тогда, когда они будутъ въ достаточной степени организованны, чтобы диктовать

свою волю. Назначеніе опредѣленнаго срока имѣетъ цѣлью установить точку отправленія для агитаціи, предпринятой рабочимъ классомъ. 1-го мая 1906 г. будетъ только первымъ этапомъ массового движенія, которое не остановится, пока не одержитъ побѣды *).

Какія практическія формы приметъ агитація въ пользу 8-ми-часового дня? Митинги, афиши, журналы, брошюры,—все употреблено уже въ дѣло, чтобы сдѣлать ее наиболѣе интенсивной. Но, какъ кажется, синдикаты намѣрены прибѣгнуть въ надлежащій моментъ къ всеобщей стачкѣ. Мы уже указали на то, до какой степени единодушное прекращеніе рабочими всего производства является излюбленной тактикой, проповѣдываемой рабочимъ классомъ. Всеобщая стачка, которая указываетъ, что рабочій классъ достигъ той степени сплоченности и силы, при которой онъ можетъ обойтись безъ внѣшней поддержки и чьего бы то ни было посторонняго вмѣшательства, безспорно является тѣмъ средствомъ, къ которому *конфедерація* не замедлитъ прибѣгнуть для завоеванія восьмичасового дня.

Вопросъ о „непосредственномъ воздѣйствіи", какъ и вопросъ о пропорціональномъ представительствѣ, ставитъ проблему взаимоотношенія рабочихъ организацій и политической демократіи. Политическая демократія знаетъ только посредническую дѣятельность: гражданинъ делегируетъ свою власть своему представителю, который дѣйствуетъ отъ его имени. Представительный режимъ со своими органами: политическими партіями и парламентомъ, въ особенности хорошо характеризуетъ политическій общественный строй. Политическія партіи, служа посредниками между массой избирателей и государственными властями и являясь на политической сценѣ повѣренными той или иной соціальной группы, образуютъ особый слой надъ своими избирателями. Онѣ составляютъ группы, очень разнообразныя по интересамъ, и кончаютъ тѣмъ, что совершенно отстраняются отъ избирателей; болѣе того, часто въ большей или меньшей сте-

*) Настоящая статья была написана задолго до 1-го мая. Свѣдѣнія о томъ, какъ прошло 1-е мая во Франціи, читатели найдутъ въ другой статьѣ, помѣщенной въ этомъ сборникѣ. (Прим. ред.).

пени онѣ предписываютъ имъ свою собственную волю. Несмотря на это ихъ дѣятельность второстепенна: онѣ получаютъ толчокъ извнѣ и являются попросту передаточными органами. Въ противоположность политической демократіи, рабочая организація уничтожаетъ всякихъ посредниковъ между государствомъ и пролетаріатомъ: она предполагаетъ постоянное и личное вмѣшательство рабочихъ массъ. Она замѣняетъ посредническую дѣятельность партій „непосредственнымъ воздѣйствіемъ".

Значитъ ли это, что французскій синдикализмъ отрицаетъ и отталкиваетъ содѣйствіе соціалистической партіи? Ничуть. Но онъ оспариваетъ у нея претензію быть руководительницей классовой борьбы. Онъ считаетъ, что роль партій состоитъ въ объявленіи народной воли съ трибуны. Но, чтобы онѣ могли быть дѣйствительными выразителями народныхъ требованій, необходимо, чтобы рабочій классъ предварительно формулировалъ ихъ. — „Пусть соціалистическія партіи, говоритъ „Le Voix du Peuple" въ майскомъ номерѣ 1905 г., вдохновляются нашими конгрессами, нашими требованіями и переносятъ ихъ въ среду, гдѣ онѣ дѣйствуютъ, представляя ихъ законодательствующей буржуазіи, какъ субстанцію рабочей воли. Не говоря о томъ, что подобное поведеніе было бы ловкимъ, члены партій дѣйствовали бы не какъ простые представители избирательныхъ округовъ, но какъ сознательные выразители рабочаго класса. Нужно только, чтобы они дѣлали это безъ его уполномочія, но по своей собственной дѣятельной и смѣлой иниціативѣ говорить отъ его имени *). Другой синдикалистъ идетъ еще дальше въ томъ же направленіи. „Я считаю парламенты, формулируетъ онъ свою концепцію, за регистраторовъ рабочей воли; вся ихъ задача заключается въ санкціонированьи порядка вещей, реализованнаго предварительно чисто рабочей дѣятельностью" *). Можно сказать, что концепція эта начинаетъ уже привлекать адептовъ изъ депутатовъ. Два изъ нихъ, Вальянъ и Семба — оба бывшіе бланкисты,—не разъ уже заявляли себя въ парламентѣ, какъ простые служители рабочей воли. И если

*) Comptes rendus du Congrés de Bourges, p. 118.

взаимоотношеніе *конфедераціи* и соціалистической партіи шатко, вина въ этомъ лежитъ на непониманіи членами послѣдней ея дѣйствительной роли во французскомъ парламентѣ.

Кромѣ этихъ вопросовъ Буржскій конгрессъ рѣшилъ еще одинъ вопросъ принципіальнаго характера,—вопросъ *о лабелѣ* или синдикальной маркѣ. Дѣло въ томъ, что всѣ производители всѣхъ странъ требуютъ, чтобы синдикальная марка выставлялась на всѣхъ продуктахъ, изготовленныхъ организованными рабочими. Американскіе рабочіе давно уже приводятъ это требованіе въ исполненіе. Такимъ образомъ конгрессу опять не приходилось спорить о принципѣ, но о практическомъ примѣненіи его. Опять два діаметрально противоположныхъ тезиса было выставлено конгрессистами. Съ одной стороны, корпоративный тезисъ, представленный федераціей типографовъ, которая требовала столько *лабелей*, сколько корпорацій; съ другой—синдикальный, въ собственномъ смыслѣ слова, предложенный *конфедераціей*. По ея мнѣнію, *лабель* долженъ быть одинъ для всѣхъ профессій, онъ долженъ выдаваться *конфедераціей*, какъ центральнымъ учрежденіемъ, и называться *кондеферальнымъ лабелемъ*. Въ сущности вопросъ велся о широтѣ полномочій *конфедераціи* или еще о централизаціи полной и неуклонной всѣхъ рабочихъ силъ. Реформисты хотѣли уменьшить эти полномочія, хотѣли дать большую свободу синдикатамъ поступать по своему усмотрѣнію, не сообразуясь съ рабочимъ движеніемъ вообще. Но конгрессъ не согласился съ мнѣніемъ этой части делегатовъ и объявилъ, что *конфедерація* должна все болѣе и болѣе сосредоточивать въ своихъ рукахъ управленіе интересами общими всему пролетаріату.

IV.

Согласно уставу за Буржскимъ конгрессомъ слѣдовала конференція *секціи биржъ труда*. На этотъ разъ конференція секціи биржъ труда не внесла ничего новаго; она воспроизвела въ сокращенномъ видѣ пренія буржскаго конгресса о двухъ методахъ. Пренія не могли не привести

къ тому же тріумфу революціоннаго синдикализма. Мы не остановились бы на работахъ конференціи, если бы она не занималась многими практическими задачами выдающагося интереса. Пренія ясно показали, съ какими трудностями встрѣчается французское рабочее движеніе, когда оно пытается осуществить на практикѣ функціонированье организмовъ, отлично понятыхъ имъ. И констатированье этого факта даетъ достаточное понятіе о томъ, сколько силы воли и энергіи долженъ проявить пролетаріатъ для осуществленія дорогого ему идеала.

Былъ моментъ, когда биржи почувствовали необходимость организовать подорожную помощь для безработныхъ. Многочисленныя трудности не замедлили сказаться. Болѣе богатыя биржи тотчасъ же стали осаждаться многочисленными рабочими, ищущими заработка, что ложилось невыносимою тяжестью на ихъ кассы; контроля невозможно было установить, и часто одинъ и тотъ же рабочій получалъ помощь отъ различныхъ биржъ; словомъ, были неудобства, злоупотребленія и пр. Чтобы избѣжать ихъ, *федерація биржъ* предприняла организацію viaticum'а общаго для всѣхъ биржъ. Хорошо разработанный и тщательно изученный проектъ организаціи былъ представленъ и одобренъ. Но отъ проекта до реализаціи его было далеко, нужно было прежде всего думать объ обезпеченіи ея функціонированья. Денежный вопросъ выплылъ наружу. Вопросъ очень трудный для рабочихъ. Докладъ, представленный конференціей, предлагалъ обратиться къ властямъ за субсидіей. Но опасности ея были такъ свѣжи въ памяти, что это предложеніе отклика не нашло. И конференція указала на увеличеніе членскаго взноса, какъ на единственное средство выйти изъ затрудненія. Въ этомъ ея безспорная заслуга. Когда французскій рабочій перестанетъ, наконецъ, требовать подачекъ у своего врага, только тогда онъ станетъ дѣйствительно грозной силой. Заявивъ, что viaticum долженъ быть чисто рабочимъ учрежденіемъ, конференція сдѣлала по пути эмансипаціи безспорно крупный шагъ впередъ. Но и дорожная помощь можетъ быть дѣйствительно полезной только въ томъ случаѣ,, если тщательный статистическій учетъ рабочаго рынка позволитъ направлять

безработныхъ именно туда, гдѣ въ нихъ нуждаются. Такимъ образомъ, viaticum тѣсно связанъ съ другой организаціей, съ *національнымъ статистическимъ и справочнымъ бюро* (Office national de Statistique et de Placement.) Мы указывали уже на созданіе этого бюро.

Основатель его, Пеллутье, попробовалъ было сначала обезпечить его функціонированье исключительно на средства биржъ труда. Но какъ только дѣятельность бюро развилась, оказалось, что средствъ не хватаетъ. Было два выхода изъ этого положенія: увеличить членскій взносъ или обратиться за субсидіей къ властямъ. О первомъ не стоило и думать, такъ мало подготовленъ былъ рабочій принести денежную жертву. Пришлось остановиться на субсидіи. Правительство тѣмъ охотнѣе отвѣтило на просьбу *федераціи биржъ*, что въ то время Парижъ былъ наполненъ безработными, оставшимися безъ дѣла послѣ окончанія работъ для всемірной выставки. Оно увидѣло въ бюро средство очистить столицу и поторопилось выдачей денегъ. Этимъ оканчивается періодъ дѣйствительно полезной дѣятельности бюро. Нѣсколько времени спустя, секретарь *федераціи биржъ* умеръ, и бюро ослабѣло. Кромѣ того, какъ только правительство перестало нуждаться въ его услугахъ, оно перестало интересоваться имъ, а въ послѣднее время, когда рабочее движеніе приняло антигосударственное направленіе, правительство обнаруживаетъ даже враждебное къ нему отношеніе.

Вотъ то положеніе, которымъ пришлось заняться конференціи. Потому ли, что вопросъ о субсидіи для организаціи бюро показался ей иного характера, чѣмъ субсидированье viaticum'a, или ей жаль было разстаться съ уже выхлопотанной помощью, только она не нашла нужнымъ оттолкнуть ее даже принципіально. Выраженное же пожеланіе, чтобы бюро стало на собственныя ноги, конечно, значенія не имѣетъ. Здѣсь еще разъ проявилась искалѣченность французскаго движенія, столь блестящаго по самосознанію, но неспособнаго къ самому слабому практическому усилію.

Внѣшнія событія ускорили ходъ осуществленія биржами труда независимаго положеніе. Послѣ буржскаго

конгресса синдикально революціонная дѣятельность, предпринятая *конфедераціей*, велась съ необыкновеннымъ воодушевленіемъ. Власти предержащія испугались; въ особенности пропаганда въ пользу восьмичасового дня и агитація по поводу 1-го мая наполнила ихъ тревогою*). Не теряя минуты, онѣ объявили войну организованному пролетаріату, а ихъ первымъ оружіемъ, конечно, были субсидіи. Въ нѣкоторыхъ городахъ онѣ были отобраны, въ другихъ администрація стала пользоваться ими для изгнанія опасныхъ элементовъ. Борьба достигла своей остроты въ Парижѣ. Парижская биржа получаетъ ежегодно болѣе 100.000 фр субсидіи для обезпеченія своего функціонированія. Но за это дающіе претендуютъ на право слѣдить за синдикатами и мѣшаютъ имъ заниматься другими дѣлами, кромѣ чисто корпоративныхъ. На другой день послѣ конгресса *конфедераціи и секціи биржъ* организовали агитацію противъ милитаризма. Немедленно онѣ были изгнаны изъ биржи труда вмѣстѣ со своимъ органомъ La Voix du Peuple Это событіе произвело грамадное впечатлѣніе на массы. Оно сдѣлало болѣе для автономнаго движенія, чѣмъ годы пропаганды. Послѣдняя связь между приверженцами государственнаго покровительства и синдикалистами окончательно порвалась. Рабочему классу предстоитъ теперь для организаціи своихъ институтовъ разсчитывать только на свои собственныя силы.

Теперь повсюду среди организованныхъ рабочихъ одерживаетъ перевѣсъ тотъ взглядъ, что субсидіи являются залогомъ рабства и повсюду—въ профессіональныхъ журналахъ, на всѣхъ позднѣйшихъ конгрессахъ—слышится одинъ и тотъ же горячій призывъ къ независимости и личнымъ усиліямъ. Послушаемъ, что говоритъ органъ

---

*) Вотъ какъ одинъ публицистъ изъ „le Musée Sociale“ г. де Сэйлакъ (de Seilhac) резюмируетъ отношеніе буржуазіи къ теперешнему движенію въ своей статьѣ въ „La Revue Politique et Parlementaire“ отъ 10-го ноября 1905 г.: „Правительству придется дѣйствовать противъ агитаціи будущаго 1-го мая, можетъ-быть, противъ народныхъ бунтовъ, и оно заранѣе старается изгнать изъ биржъ труда вожаковъ болѣе смѣлыхъ и разъединить бунтующіе элементы, сплоченные въ союзъ въ зданіяхъ, принадлежащихъ минуципалитетамъ“.

одной изъ самыхъ большихъ федерацій,—*федеративный союзъ металлургистовъ**). Онъ какъ бы резюмируетъ всѣ прокламаціи, обращенныя со всѣхъ сторонъ къ рабочимъ группамъ: „Стиснутыя, задыхающіяся между мизерными муниципальными субсидіями, биржи труда парализованы вліяніемъ, которое оказываетъ на нихъ субсидированіе; послѣднее заставляетъ ихъ не дѣлать никакихъ жертвъ, безъ которыхъ, между тѣмъ, онѣ не могутъ жить и развиваться. Такимъ-то образомъ мы сами помогали тушить въ биржахъ рабочее достоинство, которое должно бы быть ихъ силой и развить тотъ эгоизмъ и инерцію, противъ которой онѣ въ настоящее время борются...

Враги наши сумѣли понять, что эта инерція, это отсутствіе достоинства, этотъ эгоизмъ—служили для насъ цѣлями, въ которыя они сумѣли насъ заковать и которыя будутъ сломлены только годами усилій *). И статья кончается слѣдующими энергичными словами: „Очень долго насъ заставляли вѣрить, что наша эмансипація требуетъ только одного моральнаго усилія. Факты доказали намъ, что, если нравственное усиліе всегда будетъ имѣть первенствующее значеніе, неосновательно предполагать, что денежныя жертвы безполезны, въ особенности если страдаютъ наше достоинство и наша дѣятельность... Мы не можемъ, не теряя нашего достоинства, продолжать ошибки прошлаго. Безспорнымъ доказательствомъ слабости было бы, если бы рабочіе, къ какому бы направленію они ни принадлежали, явили печальную картину людей, которые, считая себя морально эмансипированными, заявляли бы, что логично принимать субсидіи, унижающія ихъ достоинство и ослабляющія ихъ дѣятельность".

Можно надѣяться, что это поворотъ къ полной независимости рабочихъ учрежденій. До сихъ поръ существовало то коробящее раздвоеніе слова и дѣла, которое обыкновенно вредитъ послѣднему. Можно смѣло сказать, что, какъ только французскіе синдикаты эмансипируются отъ подачекъ государства, они пріобрѣтутъ свой настоящій смыслъ: орудій соціальнаго преобразованія.

---

*) L'ouvrier Métallurgiste, octobre 1905.

V.

Заключенія, къ которымъ пришли французскіе синдикалисты, могутъ поразить тѣхъ, кто привыкъ думать, что классовая борьба должна вестись соціалистическими политическими партіями. До сихъ поръ думали, что дѣятельность соціалистическихъ партій должна поглотить всѣ виды борьбы или, по меньшей мѣрѣ, давать тонъ въ соціальной войнѣ. И вдругъ французскіе синдикалисты устанавливаютъ разницу между классомъ и партіей, во-первыхъ, а затѣмъ, между партійнымъ и классовымъ организмомъ.

Эта концепція объясняется французской средой. Эволюція демократіи привела во Франціи къ расколу между чисто рабочими организаціями и соціалистической партіей или, выражаясь языкомъ Маркса, къ разрыву между политическимъ и экономическимъ строемъ. Полная реализація политическаго строя, выраженнаго во французской демократіи, дала возможность обособиться организаціи экономическаго строя. Демократическая среда разложила на составныя части первоначальное рабочее движеніе, которое смѣшивало въ одно нераздѣльное цѣлое классовой и партійный организмы. Произошелъ переходъ отъ первоначальной однородности ко все возрастающей разнородности. Въ законченномъ демократическомъ строѣ, гдѣ всѣ партіи могутъ надѣяться на завоеваніе государственной власти, соціалистическая партія проявила себя, какъ органъ политическаго строя, наравнѣ со всѣми другими партіями. Напротивъ, синдикальное движеніе представилось французскимъ синдикалистамъ, какъ дѣйствительный органъ экономическаго строя, того строя, который объединенные производители хотятъ воздвигнуть на развалинахъ политическаго государства. До полнаго развитія демократіи, политическая соціалистическая партія и рабочія организаціи шли вмѣстѣ на общую борьбу, для завоеванія демократическихъ свободъ; но разъ цѣль достигнута, самъ собою происходитъ разрывъ между союзниками, и, опередивъ реализованный политическій строй, синдикаты являются агентами будущаго экономическаго строя, главными орудіями классовой борьбы.

Эта концепція, по мнѣнію французскихъ синдикалистовъ, является результатомъ чистаго опыта, и въ ихъ глазахъ справедливость ея становится еще очевиднѣе, если всмотрѣться поближе и отдать себѣ отчетъ въ параллельной эволюціи трехъ слѣдующихъ факторовъ: синдикальнаго движенія, политической партіи и демократическаго режима. И дѣйствительно, достаточно внимательнаго взгляда, чтобы замѣтить, что три фазиса французскаго синдикальнаго движенія,—о чемъ мы уже напоминали въ началѣ этого очерка,—соотвѣтствуютъ тремъ періодамъ развитія соціалистической партіи и эволюціи демократической среды.

Въ первый періодъ, раньше зарожденія соціалистической партіи, въ 1879 г., рабочее движеніе замыкается въ узкій корпоратизмъ и о борьбѣ классовъ имѣетъ самое неясное представленіе. Кровавыя репрессіи Коммуны, въ 1871 году, парализовали на долгіе годы революціонныя усилія пролетаріата. Лишенный своихъ наиболѣе сознательныхъ и энергичныхъ бойцовъ,—одни пали въ битвѣ отъ пуль версальской реакціи, другіе отправлены въ изгнаніе или тюрьмы,—рабочій классъ чувствуетъ страхъ передъ соціальной борьбой и думаетъ улучшить свою судьбу легальнымъ способомъ, т.-е. ожидаетъ благъ земныхъ отъ государства или, лучше сказать, отъ политическаго строя. Правительство до того грозно, что никакое рабочее соціалистическое движеніе невозможно. Но съ 1879 г. происходитъ поворотъ: тюрьмы раскрываются, изгнаніе кончается, и соціалистическая пропаганда можетъ опять возобновиться. Этимъ начинается второй періодъ синдикальнаго движенія, въ который, воспитанное соціалистической партіей, оно переходитъ отъ корпоратизма къ соціализму. Созданная Марсельскимъ конгрессомъ 1879 г., соціалистическая партія ставитъ себѣ цѣлью организацію рабочаго возмущенія противъ капиталистическаго міра; она находится въ непримиримой оппозиціи къ современному строю и группируетъ безъ различія всѣхъ, кто объявилъ ему войну. Ея усилія направляются на рабочія организаціи, въ которыхъ она будитъ соціалистическій идеалъ. Она служитъ для нихъ покровителемъ и направляетъ ихъ первые шаги по революціонному

пути. Но благодаря самой своей природѣ, какъ политической партіи, соціалистическая партія мало-по-малу, отъ одного успѣха на выборахъ къ другому, кончила тѣмъ, что перестала чуждаться государства, а, напротивъ, начала принимать участіе въ муниципальной и парламентской жизни. Съ этихъ поръ она измѣняетъ своему пути, или, вѣрнѣе, начинаетъ слѣдовать по настоящему пути всѣхъ партій: она идетъ къ завоеванію государственной власти и становится нормальнымъ органомъ политическаго общества. Она чувствуетъ себя безсильной вести противъ капиталистическаго строя безпрестанную оппозицію, которую требуетъ борьба классовъ. Здѣсь для соціалистической партіи начинается третій періодъ съ блестящимъ парламентскимъ и законодательнымъ успѣхомъ. Тогда синдикальное движеніе отдѣляется отъ нея не только потому, что она раздѣлена, но также и отъ того, что ея парламентская и избирательная дѣятельность приковываетъ ее къ буржуазной почвѣ. Нормальная игра политической жизни все болѣе и болѣе заставляетъ соціалистическую партію слиться съ демократической лѣвой; она должна теперь поддерживать радикальное правительство противъ крайнихъ партій. Гэдъ и его друзья въ 1896 г. поддерживали систематически министерство Буржуа. Въ министерство Вальдекъ-Руссо-Мильерана эволюція эта привела къ тому, что даже революціонные депутаты, противники правительства, были обязаны защищать его отъ реакціи. Она достигла своего апогея въ министерство Комба, когда революціонныя группы парламента до такой степени слились съ правительствомъ, что не чувствовали себя въ правѣ взять отвѣтственность за его паденіе: онѣ вотировали за него даже по поводу преслѣдованія парижской биржи труда.

Рабочія организаціи вывели изъ этого опыта заключеніе, что демократія, возвысившись до извѣстной стадіи развитія, обрекаетъ соціалистическую партію на обособленное отъ рабочаго класса существованіе; она дѣлается активнымъ агентомъ политическаго общества и не можетъ претендовать на веденіе классовой борьбы, происходящей на совершенно иной аренѣ. Роль эта переходитъ къ органамъ экономическаго общества, которые поддер-

живаютъ постоянную рознь между рабочимъ и капиталистическимъ мірами и не могутъ сдѣлаться частью административнаго или экономическаго устройства существующаго общества. Неосвѣдомленные люди ставили французскимъ синдикалистамъ на видъ, что во Франціи они стоятъ передъ лицомъ несовершенныхъ соціалистическихъ партій, разъединенныхъ между собою и не имѣющихъ никакого соприкосновенія съ массами. Синдикалисты отвѣтили, что, несмотря на нѣкоторые недостатки партіи, въ несовершенствѣ ея большую роль играетъ естественная невозможность дѣйствовать иначе. Они доказали, что въ общемъ соціалистическая партія во Франціи дала все, что зависѣло отъ нея, и что врядъ ли она могла бы сдѣлать большее. Всюду замѣчается тотъ фактъ, что партія, развивающаяся на демократической сценѣ, обязана смѣшивать свою дѣятельность съ дѣятельностью демократическихъ партій и поддерживать ихъ, если онѣ у власти. Демократія—великая школа компромиссовъ, а парламентъ—политическая амальгама. Опытъ показалъ, что политическая партія, которая постоянно находилась бы въ непримиримой оппозиціи, не принимая участія ни въ законодательствѣ, ни въ прогрессѣ демократической эволюціи,—невозможна. Альманистская фракція предполагала организовать политическую партію по слѣдующей формулѣ: выборы считались лишь средствомъ для веденія интенсивной пропаганды, а участіе въ парламентѣ должно было служить единственной цѣли: внести революціонный идеалъ въ самое сердце буржуазнаго режима. Но практика оказалась иной, чѣмъ теорія. Какъ только соціалистическіе депутаты увеличились въ числѣ, они естественно сдѣлались политически отвѣтственными и вмѣстѣ съ тѣмъ отказались отъ политической непримиримости. Зависитъ ли это явленіе отъ того, что партія во Франціи состоитъ изъ генеральнаго штаба безъ войскъ? Поступила ли бы партія, имѣющая за собою рабочія массы, иначе, чѣмъ Гэдъ, когда онъ вотировалъ за министерство Буржуа, или Вальянъ—за министерство Комба, часто въ ущербъ рабочимъ интересамъ? Думается, что нѣтъ. Рабочая масса навѣрно поняла бы политическую необходимость поддержать эти два министерства, паденіемъ котораго

воспользовались бы правыя партіи для своихъ реакціонныхъ цѣлей. Рабочій классъ вывелъ изъ этого другое заключеніе. Онъ не обвинилъ ни Гэда, ни Вальяна въ измѣнѣ,—онъ понялъ, что на политической аренѣ соціалисты не могутъ дѣйствовать иначе.

Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ понялъ также, что классовая борьба должна быть перенесена на иную почву и вестись посредствомъ другого оружія: на экономическую почву и посредствомъ особыхъ рабочихъ организацій, посредствомъ синдикатовъ, биржъ труда и пр. Онъ понялъ разницу, существующую между *гражданиномъ* и *производителемъ*. Какъ гражданинъ, пролетарій можетъ вести политическую борьбу вмѣстѣ со всею демократіей. Онъ совершенно свободенъ войти въ любую политическую организацію. И на этой почвѣ соціалистическая партія является его естественнымъ органомъ. Но роль гражданина для него—вещь второстепенная; въ качествѣ производителя онъ эксплоатируется и, какъ производитель, онъ желаетъ преобразовать міръ. Для него, такимъ образомъ, ассоціаціи производителей стоятъ на первомъ планѣ. Имъ спеціально принадлежитъ классовая борьба. Если на политической почвѣ рабочій - гражданинъ смѣшивается съ гражданами другихъ классовъ, на экономической почвѣ онъ стоитъ особнякомъ, въ непримиримой враждѣ къ классамъ-паразитамъ. На этой почвѣ ему нѣтъ иного выхода, какъ уйти въ свои синдикаты, свои биржи труда, какъ въ крѣпости ничего не заимствовать у своего врага, создавать свои классовые институты, вырабатывать свою классовую идеологію,—выковывать свое оружіе, съ помощью котораго онъ могъ бы возстать противъ буржуазнаго міра, въ его цѣломъ.

Такимъ образомъ синдикальное движеніе во Франціи не есть движеніе *противупарламентское*, какимъ его хотѣли представить, но *внѣпарламентское*. Цѣль его заключается въ томъ, чтобы не просить ни у кого помощи и самостоятельно итти по пути къ своему идеалу. Но во Франціи цѣль эта еще не достигнута. Вотъ почему синдикалисты воспользовались бы услугами партіи, если бы она удовлетворилась скромною ролью докладчика рабочихъ требованій. До сихъ поръ она поступала совершенно на-

оборотъ: соціалистическая партія хотѣла навязать организованному пролетаріату свою собственную конценцію классовой политики. Между тѣмъ политика эта часто шла въ разрѣзъ съ политикою, выработанною рабочимъ движеніемъ. И это было неизбѣжно. *Соціалистическая партія въ сущности крайняя демократическая партія.* Она отличается отъ послѣдней не по своей природѣ, а по долѣ демократизма, который она несетъ въ себѣ. А демократія не только не отвѣчаетъ требованіямъ производителя, но прямо противоположна имъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ заключается политика демократіи? Прежде всего—въ расширеніи власти государства на всѣ проявленія соціальной жизни, и между прочимъ на производство. Рабочіе одинаково враждебно относятся къ государству-предпринимателю, какъ и къ частному предпринимателю; поэтому различныя государственныя монополіи и такъ называемыя націонализаціи съ этой точки зрѣнія нисколько не интересуютъ пролетаріатъ. Демократія хочетъ вмѣшательства государства во взаимоотношеніе труда и капитала для обезпеченія соціальнаго мира. Рабочіе, какъ мы уже въ этомъ убѣдились, находятъ подобное вмѣшательство попраніемъ своей независимости. Между прочимъ всѣ оттѣнки парламентскаго соціализма, отъ Мильерана до Гэда и Вальяна, придерживаются именно этой политики. Что это доказываетъ? Не больше, не меньше, что они не отдаютъ себѣ отчета въ истинной классовой борьбѣ, что они демократы, а не соціалисты въ рабочемъ смыслѣ этого слова. Клемансо не разъ съ удивленіемъ спрашивалъ въ своихъ статьяхъ, гдѣ же разница между соціалистами и радикалами? И Жоресъ въ недавнемъ избирательномъ собраніи, нападая на радикаловъ,—на Клемансо въ особенности,—ничего не нашелъ сказать лучшаго въ отвѣтъ послѣднему, какъ то, что Клемансо и радикалы эвалюціонировали и что программа послѣднихъ дѣйствительно теперь аналогична программѣ-минимумъ соціалистовъ. Соціалисты идутъ во главѣ эволюціи, такъ какъ у нихъ есть конечный идеалъ, будущій строй, въ ожиданіи котораго они принуждены проводить въ жизнь реформы, признанныя необходимыми и радикалами. Такимъ образомъ, по признанію самаго

виднаго представителя парламентскаго соціализма, соціалистическая партія есть попросту наиболѣе передовая изъ всѣхъ демократическихъ партій. Великая заслуга рабочаго движенія въ томъ, именно, и заключается, что оно сумѣло понять и оцѣнить этотъ фактъ.

Hubert Lagardelle.